

ХХІ

НОВЫЙ ВЕК

4' 2003

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

● **Израиль и Россия.**
Возможен ли союз
двух стран в борьбе
с террором?

● **Что значит
избранность
евреев?**

● **Из Политбюро
в лидеры
перестройки.**

**К 80-летию
А. Н. ЯКОВЛЕВА**

● **Балет и ГУЛАГ.**
Из жизни семьи
МЕССЕРЕР

Уроки Хануки

Мы празднуем Хануку не только как чудо, случившееся в Храме, после того, как греко-сирийские войска наводнили наши святые места. Мы также празднуем триумф евреев, которые предпочли верность Торе и Иерусалиму, а не греческому влиянию. Если это так, то это является главным уроком противоборства ассимилировавшегося первосвященника Минелауса с бесконечно преданным иудаизму Иудой Маккавеем. Но должны ли мы полностью отказаться от философских произведений, драмы, искусства и музыки, которые все берут начало в Древней Греции, и сосредоточиться только на Торе?

Давайте еще раз рассмотрим те части Торы, которые читаются во время празднования, глазами моего учителя – рабби Йосифа Соловейчика, – и сравним их с интерпретацией талмудических сказаний великими Маймонидами. Мы увидим, что подход совершенно разный. Рабби Соловейчик видел ненависть братьев Йосифа к нему, как отвержение взгляда на мир, который он выражал в своих снах. Все братья – пастухи, так же как их родители и праотцы, представляют неизменяющуюся традицию. Они пасут стада, как и их предки, пользуются молоком и мясом для пищи, шерстью и шкурами для одежды и жилища. И жизнь пастуха – это созерцательная жизнь, позволяющая человеку размышлять о Господе и Его Торе.

Йосиф, однако, чувствует, что судьба требует, чтобы он отдалился от пастушества и даже от земли Ханаанской, ради более цивилизованного Египта. Пшеничные снопы из сна Йосифа представляют победу земледельца над существующим положением вещей (пастушеством), и созидательное движение вперед (11 этапов необходимы для превращения пшеницы в хлеб). Йосиф чувствует, что мир, даже Вселенная, влечет к себе, а геополитическое превосходство Египта призывает к изменениям в Израиле, если семья Авраама должно преобладать. Яков разрывается между позициями Йосифа и его братьев. Патриарх понимает, что мечты Йосифа о снопах пшеницы (Берешит, 37:7) и о Солнце, Луне и звездах (37:7) в какой-то степени отражают его собственные сны о лестнице, ведущей в небо (28:12). Но это не может изменить тот факт, что Йосиф вступил на опасный, революционный путь. Яков упрекает своего любимого сына за стремление возвыситься над родными матерью и отцом. Но, несмотря на сон Йосифа, мы читаем, как «его отец размышлял над этим» (Берешит, 37:11). Яков предпочитает традиционные пути, но понимает также, что, во имя искупления, необходимо принять идеи Йосифа. Вопрос в том, в какой форме и до какого предела принять эти идеи.

Противоречия между братьями только более четко выявляются, благодаря процветанию Йосифа в Египте. Он становится правой рукой фараона, носит египетские одежды, ему дают египетское имя и он говорит по-египетски (Берешит, 41:42). С чисто внешней стороны, Йосиф предстает перед миром как достойный представитель египетской культуры.

Тем не менее, его моральные ценности остаются ценностями его семьи, об этом свидетельствует его отказ от жены Потифара, он никогда не произносит Имя Всевышнего всуе. И когда при дворе фараона к нему присоединяются его отец и братья, то престарелый Яков сначала посылает Иуду с определенными указаниям в Гашен (наши Мудрецы объясняют это, как указание создать там традиционную школу по изучению Торы, где семья может продолжать заниматься пастушеством, и создать традиционную, хотя и изолированную общину).

В конце главы, когда Яков-Израиль дает последнее благословение своим детям, он не отвергает Йосифа и его образ жизни. Иуда получает посох вождя и право быть религиозным руководителем, что приведет к «объединению народов» во время мессианского периода; но Йосиф получает двойное благословение перворожденного: 2 надела в Стране (Эфраим и Менаше), и является представителем красоты, роста и славы нашего народа. Фактически, Йосиф и Иуда – оба влияют на изменение традиционных ценностей, что является идеалом, к которому стремится наш народ!

Аналогичный урок преподносится и в истории Хануки. Талмуд описывает борьбу между братьями, которая не только предшествует победе Маккавеев, но которая характерна для династии Хасмонеев. В свете утраты национального суверенитета, который был вызван этой конфронтацией, Талмуд учит: «Проклят тот, кто разводит свиней и учит своего ребенка греческой мудрости» (В.Т. Вава Ката 82b). Можно подумать, что это запрещает все что-либо связанное со светской культурой. Однако Маймонид – один из самых великих толкователей еврейского закона – не воспринимал это как запрет на изучение философии и наук или математики.

На основе толкования Талмуда, он определяет греческую мудрость как «закодированный язык», возмож но связанный со шпионажем и/или мистикой. Постольку поскольку они подтверждают и усиливают нашу приверженность Торе, Маймонид указывает, что мы не только можем изучать их, но и обязаны.

Таким образом, создается пространство внутри традиционного еврейского мышления для науки, философии и светской культуры: «В шатре Сима есть место и для Яфета (Египта)».

В бессмертных словах рабби Авраама Исаака Ха-Коена Кука: «Старое должно возобновляться, а новое должно быть освящено».

Шаббат Шалом и счастливой Хануки.

Рабби Шломо РИСКИН, декан Института Свет Торы, главный раввин Эфрата.

Н О В Ы Й В Е К

еврейский

русско-

журнал

№4 ' 2003

НОВЫЙ ВЕК

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ
ЖУРНАЛ

Слово главного редактора

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Иосиф БЕГУН
ЛИТ. РЕДАКТОР
Валентин КОБЯКОВ
ОТВ. СЕКРЕТАРЬ, РЕДАКТОР
Алла ЮДИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Эдуард МАРКОВ
Валентин ОСКОЦКИЙ
Семен РЕЗНИК
Лев УТЕВСКИЙ
Михаил ХЕЙФЕЦ
Алек ЭПШТЕЙН

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА
Дмитрий и Юлия ДОЗОРЕЦ

КОРРЕКТУРА
Галина ФАДЕЕВА

РЕДАКЦИЯ:

Тел.: +7 (095) 210-4019 (Россия);
+972 (02) 563-6492;
+972 (05) 422-1382 (Израиль).

E-mail: novvek@novvek.com

Веб-сайт: www.novvek.com

По вопросам подписки на журнал обращайтесь по телефонам редакции.
Телефон для жителей США и Канады:
+101 (216) 382-1894.

Журнал выходит
4 раза в год

Заканчивается 2003 год, и люди с тревогой и надеждой всматриваются в будущее. Тревога, увы, преобладает, начало нового века не вселяет больших надежд. Как известно, природа не терпит пустоты, и ныне место советской «империи зла» оккупировано исламистами, развязавшими глобальный террор против «неверных». 11 сентября 2001 года они показали свои намерения и возможности. В тот день мир пошел в эру «конфликта цивилизаций», когда фронт войны между сторонами проходит не по географическим границам, но по линиям, отделяющим тоталитарную диктатуру и средневековый религиозный фундаментализм от демократии и ценностей прав человека.

Современные потомки Чингисхана используют невиданное ранее оружие – «живые бомбы», терроризируя мир «неверных» во всех частях света. К сожалению, приходится отметить, что страны «Запада», обладающие огромным суммарным экономическим и технологическим потенциалом, не объединены в борьбе с террором. Политика многих стран Европы, не проявляющих готовность к солидарной борьбе со смертельным врагом, идущая на уступки давлению исламистов, очень уж напоминает поведение «михайских миротворцев», которые привели Европу ко Второй мировой войне.

История учит, что евреи всегда были главным врагом для сил зла, и это верно и в пылнейшей «схватке цивилизаций». Войны джихада используют ангисемитизм как идеологическое оружие в дополнение к «живым бомбам», насаждают патологическую ненависть к евреям по всему миру. На Ближнем Востоке они превратили Израиль в полигон террора, избрав для своих атак молодежные дискотеки, супермаркеты, городские автобусы. На ясно выраженное желание Израиля жить в мире с палестинцами, его готовность заплатить за это высокую цену, Арафат ответил новой волной террора. И мир вновь в лице ООН и иных «миротворцев» осуждает Израиль за его усилия по защите своих граждан. Еврейское государство вынуждено вести трудную борьбу за свое существование.

Как раз под занавес уходящего года прошли парламентские выборы в России, результаты которых вызывают тревогу за ее будущее как открытой страны и общества либеральной демократии.

В Новый Год принято веселиться и поднимать тосты за счастье и успехи. И это замечательный обычай – людям свойственно надеяться на лучшее будущее. Ведь «жизнь прекрасна», несмотря ни на что. Вопреки всем гитлерам, сталиным, арафатам и им подобным. Еврейская история – красноречивое свидетельство этого. Как раз в эти дни в редакцию пришел пакет со стихами. В бесхитростных строках их автор, ветеран войны Эли Вейдер, выражает неизбывное еврейское утверждение жизни: *«Мой честный народ, ты охвачен кольцом, / Исход в столкновении сложен, / Но ты, чтоб сберечь перед миром лицо, / Излишне порой осторожен. / Но помни: ты избран, великий народ, / Особенный дан тебе разум. / Будь сильным и гордым, и к цели - вперед! / Ведь путь твой был свыше указан».*

Иосиф БЕГУН

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗРАИЛЬ – РОССИЯ

<i>Особенности взаимоотношений в меняющемся мире</i>	
Круглый стол экспертов	5
<i>Сергей Маркедонов. Возможен ли союз России и Израиля?</i>	27

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

<i>Два мнения об избранности евреев</i>	
<i>Вилен Фишлон. Быть избранным народом – обязанность евреев перед Б-гом</i>	33
<i>Мордехай Каплан. Национальность и «избранность» евреев. Новое время</i>	41

ИЗРАИЛЬ

Арабо-израильский конфликт

<i>Ави Бекер. ООН, палестинские беженцы и международный терроризм</i>	48
---	----

Израиль – диаспора

<i>Изи Либлер. К новому назначению Н. Щаранского</i>	69
--	----

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

<i>К 80-летию А. Яковлева</i>	
<i>Из Политбюро в лидеры перестройки. О юбиляре говорят Валентин Оскоцкий, Даниил Гранин, Виталий Гинзбург, Нина Катерли, Марк Розовский и Михаил Жванецкий</i>	72

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

<i>Азарий Мессерер. Исторические гастролы</i>	90
<i>Балет и ГУЛАГ. Из истории семьи Мессерер</i>	102
<i>Елена Биргауз. Три эпохи из жизни политолога Г. Мирского</i>	114

ТОРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Юджин Корн. Чудо Хануки – победа этнических ценностей</i>	143
<i>Липпман Бодофф. Разрушение Вавилонской башни – акт против тирании</i>	149
<i>Белла Карп. Тора и арабо-израильский конфликт (полемика)</i>	154

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

<i>Дина Ратнер. Бабочка на асфальте (повесть)</i>	165
<i>Марк Мордухович (Сонин). На пределе разгневанных сил... (стихи)</i>	231

КНИЖНАЯ ПОЛКА

<i>Александр Любинский. Л. Кацис. «Осип Мандельштам: мускус иудейства»</i>	234
<i>Михаил Копелиович. Н. Улановская и М. Улановская. «История одной семьи»</i>	238

ИЗРАИЛЬ – РОССИЯ

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Круглый стол экспертов

*Участники: Евгений Сатановский, Алек Эпштейн,
Зеэв Ханин, Роман Бронфман, Зеэв Гейзель.*

3 ноября 2003 г. состоялась встреча президента России В. Путина с премьер-министром Израиля А. Шароном. Экспертная сеть kretl.org, связанная с Фондом эффективной политики, обратилась к ведущим израильским и российским экспертам с просьбой проанализировать специфику и особенности взаимоотношений между Россией и Израилем, оценить перспективы сотрудничества между двумя странами в контексте современной мировой геополитики. Эксперты ответили на четыре вопроса:

1. Оценки внутривнутриполитического положения в Израиле и позиции А. Шарона: состояние и перспективы.

2. Оценки нынешнего состояния американо-израильских отношений. Какова ожидаемая повестка израильской стороны на встрече Путин – Шарон? Что эта повестка означает для России в контексте Организации Исламская Конференция (ОИК), Чечни, отношений с мусульманским миром в целом и пр.?

3. Какой должна быть позиция России в связи с активизацией нападков США и Израиля на Сирию?

4. Антисемитизм в России: как визит А. Шарона может помочь нам избавиться от постоянных претензий со стороны еврейских организаций; как улучшить отношения с мировым еврейством?

Так как материал этот, несмотря на его очевидную важность, не был опубликован нигде, кроме Интернета, редакция журнала «Новый век» приняла решение сделать его доступным читателям. Мы благодарим коллектив сотрудников Фонда эффективной политики, подготовивших материал к печати.

Евгений Сатановский: «Ариэль Шарон – сегодня едва ли не единственный «голубь» в израильском истеблишменте среди тех, за кого готов голосовать израильский избиратель»

Евгений Сатановский, президент Российского еврейского конгресса, президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока, считает, что Россия может рассчитывать на полную поддержку и понимание со стороны Израиля в чеченском вопросе.

Внутриполитическое положение Израиля остается сегодня весьма сложным в связи с непрекращающейся террористической войной, идущей практически на всей территории страны. Мировое сообщество и Соединенные Штаты по-прежнему лелеют надежды на возможность переговоров с администрацией Палестины, хотя Ясир Арафат достаточно жестко дал понять, что не потерпит никакого правительства в Палестинской автономии, за исключением того, которое будет полностью контролироваться им. Мы говорим об этом в контексте Израиля, ибо вопрос отношений с палестинцами – главный ключевой вопрос политической ситуации в Израиле.

Ариэль Шарон является в глазах подавляющего большинства израильских избирателей, более 80%, легитимным лидером. Более того, он единственный легитимный лидер Израиля, который подтвердил свою позицию результатами выборов. Шарон на сегодняшний день жестко контролирует и внутрипартийную ситуацию, и правительство. Более того, правительство контролируется им в достаточно авторитарном стиле, за исключением вопросов не ключевых. Фактически министры правительства проводят не свою личную политику, что стало практикой работы предыдущих израильских кабинетов, периодически приводившей страну к состоянию анархии, а политику Ариэля Шарона как премьер-министра и по вопросам обороны, и по вопросам экономики. Здесь позиции Шарона очень прочны.

С точки зрения соотношения сил левого и правого лагеря, абсолютный перевес у правой части политического спектра. Интифада «Аль-Акса» доказала израильтянам, что политика левого лагеря была ошибочной, а сотни погибших и тысячи раненых с израильской стороны – цена, которую заплатил Израиль за процесс Осло. На сегодняшний день Ариэль Шарон является едва ли не единственным «голубем» в израильском истеблишменте среди тех людей, за которых готов голосовать израильский избиратель. Это резко противоречит его видению на Западе и в России, где Шарон традиционно считается «ястребом». Но переговоры с палестинцами, переговоры, а не немедленное уничтожение Ясира Арафата, его депортацию, или вытеснение палестинского населения за территории, населенные израильтянами, либо какие-нибудь другие силовые меры, может себе позволить только Ариэль Шарон, обладая достаточным запасом голосов. Те кажущиеся жесткими условия, которые он ставит Арафату и палестинскому руководству – немедленного прекращения террора, выполнения взятых на себя обязательств – аб-

солютный минимум, который сегодня любой израильский политик, стремящийся остаться у власти, может на себя взять.

Фактически система власти в Израиле сегодня однопартийная, так же, как она, но с противоположным знаком, была однопартийной в начальный период существования государства в 1950–60-х годах. С противоположным, ибо, если 50–60-е годы Израиль находился под властью левого блока, Партии Труда, сегодня – Израиль под властью «Ликуда». «Ликуд», как часто шутят израильские политики, превратился в израильскую КПСС, что видно и по результатам выборов. Возможность избирателя голосовать напрямую за израильского премьер-министра в середине 90-х годов привела к маргинализации израильской политической арены. Масса мелких партий, возникших на этом фоне, фактически разрушила традиционную систему двух блоков и нескольких крупных партий, существующих в Израиле. На сегодняшний день существующая система: главная партия – «Ликуд», два-три крупных объединения – Партия Труда, партия Шас, партия Шинуй, – идущих на следующем уровне, и несколько средних партий на уровне нижеследующем.

Это устойчивая позиция, которая позволяет правым партиям, обладая парламентским большинством, минимум одну-две каденции удерживать власть в своих руках, в первую очередь, под контролем блока «Ликуд». С другой стороны, в Израиле наступил период «гласности» в ее местном варианте, с открытием сезона «охоты на священных коров». В Израиле идет приватизация со всеми свойственными ей проблемами, ибо социалистическая, в основе своей, экономика Израиля стремительно превращается в экономику капиталистическую. Жители России могут по собственному опыту приватизации сделать выводы о тех коллизиях, которые происходят в любой стране в это время...

Израильские профсоюзы, левый истеблишмент и, в первую очередь, руководство Партии Труда, ведут себя деструктивно с национальной точки зрения, как в ходе приватизации, так и проводя отдельные переговоры с палестинским руководством. Ряд политиков крайнего толка левого лагеря, не пользующихся поддержкой избирателей, но пытающихся за спиной израильского правительства добиться тех или иных, постфактум легитимизированных европейским сообществом или Соединенными Штатами, успехов, пытаются на этих переговорах построить фундамент своей будущей карьеры. Однако все это является лишь некими частными подробностями на фоне общего состояния устойчивой власти правого лагеря, в целом, и Ариэля Шарона, в частности.

Перспективы Шарона во многом определяются фактором времени. Ариэль Шарон человек весьма пожилой, и вопрос смены власти является для него в настоящее время, если и не таким же ключевым, как для первого российского президента к концу XX века, то, тем не менее, достаточно серьезным. Именно поэтому ряд явлений в израильской политической жизни, явлений новых, позволяют говорить о возникновении некоторого аналога российской «семьи», своего рода «микросемьи» по-израильски. У самого Шарона также есть дети и проблема отношений его политических наследников с его детьми в будущем, равно как и проблемы обустройства материальных аспектов будущего своих близких. До сих пор, у предыдущих поколений израильских политиков, этих проблем не возникало, поскольку страна, как и СССР, в свое время, находилась на той стадии развития, когда проблемы такого рода не могли возникнуть в принципе.

Нынешнее состояние американо-израильских отношений можно охарактеризовать как хорошие отношения устойчивого сотрудничества и партнерства с редкой, вследствие особенностей биографии Шарона, как говорят израильтяне, «химией» – взаимопониманием и человеческой симпатией – в отношениях с американским президентом. Безусловно, основой этого является военно-полити-

ческая активность америкашцев на Ближнем Востоке, роль Израиля как американского тыла в ходе американских действий в регионе, а также уровень угрозы международного терроризма и для Соединенных Штатов, и для Израиля. В то же время нельзя забывать о том, что традиционно Государственный департамент Соединенных Штатов Америки занимал не произраильские, а скорее проарабские позиции. Значительная часть чиновников, включая государственного секретаря, до сих пор ориентируется на наличие в мире более 20-ти арабских и приблизительно 30-ти исламских государств против одного Израиля. В этой ситуации интересы представительного регионального стратегического сотрудничества и партнерства США в отсутствие на карте мира Советского Союза – бывшего главного геополитического противника Соединенных Штатов – приводит к тому, что Израиль может в ближайшем будущем оказаться в роли страны, которую америкашцы «сдадут» арабскому миру. «Сдадут» в обмен на лояльность арабов по отношению к оккупации Афганистана и Ирака. Ситуация эта не является для израильтян сюрпризом, и предотвратить такое развитие событий может не столько пресловутое «еврейское лобби», сколько нежелание арабского мира даже ценой уступок Израиля, под давлением америкашцев, мириться с присутствием США и их армии на арабской земле.

Важность визита Ариэля Шарона в Москву для России естественным образом вытекает из той роли, которую Россия играет на Ближнем и Среднем Востоке, а для Израиля – из той уникальной роли, которую играет Россия во внутривосточной предвыборной борьбе в Израиле. Известно, что любое, сколь бы то ни было важное назначение, любое проявление политических амбиций в Израиле в значительной мере зависит от позиции «русской» или русскоязычной общины, ориентирующейся на российские средства массовой информации, в первую очередь, электронные: телевизионные каналы НТВ, ОРТ, РТР. Показательной в этой связи является сегодняшняя атака на российские средства массовой информации, вещающие на Израиль, собственно израильского телевизионного бизнеса, инспирируемая, в частности, известным диамантером, российско-израильским олигархом Львом Леваевым, владельцем израильского русскоязычного канала. Если в Израиле будет законодательно закреплено правило, запрещающее иностранным каналам финансовую подпитку своей работы израильской рекламой, это будет означать не только открытый протекционизм самого дурного толка, но и то, что де-факто российское вещание на Израиль будет сведено к минимуму, если не до нуля. Как следствие, рычаги воздействия на русскоязычное израильское население уйдут из рук России как государства. Сегодня у России есть этот уникальный механизм, действующий в единственном государстве дальнего зарубежья.

Для Шарона визит в Москву важен, в том числе и потому, что в жестком силовом противостоянии на Ближнем Востоке, в условиях отсутствия борьбы двух сверхдержав, политическое и возможное военное противостояние государства Израиль с Ираном как минимум должно быть проговорено не только в Вашингтоне, но и в Москве. Повестка встречи с израильской стороны может включать также вопросы, связанные с собственно российско-израильскими отношениями, в частности, экономическими. Хотелось бы надеяться, что переговоры коснутся сферы военно-технического сотрудничества, что будут затронуты гуманитарные вопросы, а также проблемы совместной работы на Ближнем Востоке и урегулирования кризиса в отношениях с Ираном и Сирией. Что означает эта повестка для России? В контексте начавшегося диалога с Организацией Исламская Конференция, Россия может стать объектом давления со стороны исламского мира и лидеров исламских государств, недоброжелательных к Израилю, с тем, чтобы активизировать какой-то антиизраильский контекст российской политики. Проводником такого рода давле-

ния, с точки зрения исламистов, может быть как ВПК, заинтересованный в продвижении своей продукции на мировые рынки вооружений, так и ряд ответственных лиц Министерства иностранных дел России, как и чиновники Государственного департамента США, «звязанных» на арабские и исламские государства.

Актуальной «темой дня» является сирийская проблема. Позиция России в связи с активизацией нападков Соединенных Штатов Америки и Израиля на Сирию представляется логичной. Для Российской Федерации бессмысленно бороться с Соединенными Штатами или Израилем, объявляя им войну или блокаду по поводу возможного сирийско-израильского или сирийско-американского конфликта. Россия имела по наследству от Советского Союза серьезные интересы в Сирии, но в какой мере защита этих интересов любой ценой соответствует задаче момента и возможностям России, представляется сомнительным. Вряд ли можно ожидать возвращения государственного долга Сирии России, в том числе за поставленное оружие и военную технику. Уровень нашего сотрудничества со времен Хафеза аль-Асада, безусловно, упал, ибо его сын Башар аль-Асад не имеет в своем багаже той биографии, которая связывала его отца с Москвой. В конечном счете, он учился на Западе, и его курс – это в первую очередь курс на вестернизацию Сирии, а не на сохранение сирийско-российских связей. Россия для Сирии – в первую очередь, страна, которая может послужить балансом США в дни конфликта. Но, когда сирийские проблемы будут разрешены, весьма наивно полагать, что Россия извлечет из этого какие-либо дивиденды, или будет пользоваться хотя бы минимальной благодарностью сирийского руководства.

В связи с этим, России логично занять позицию, близкую к позиции Китая по иракскому кризису, выразив озабоченность возможностью сирийско-американского или сирийско-израильского конфликта. Такие аргументы, выдвигаемые США для его оправдания, как присутствие на сирийской территории значительной части саддамовской элиты, в том числе спецслужб и армии, и, тем более, перемещение на сирийскую территорию якобы существующего иракского оружия массового поражения, вряд ли имеют какое-нибудь отношение к действительности, а предположения о том, что в Сирию были переведены основные финансовые авуары Ирака, если и верны, не входят в компетенцию Соединенных Штатов Америки и вряд ли могут являться предметом конфликта с Сирией. Что касается наших собственных отношений с Сирией, мы можем использовать наш опыт и сохраняющиеся каналы связи для того, чтобы попытаться выстроить новую систему диалога Сирии с Израилем, с тем, в частности, чтобы разрешить кризис в отношениях, связанный с поддержкой Сирией террористических группировок, которые действуют против Израиля с территории Ливана. Россия с советских времен поддерживала Сирию в ее антиизраильской активности на ливанской территории. Но в новых условиях, когда Россия сама является объектом атак международного терроризма, вряд ли имеет смысл придерживаться традиций, восходящих ко временам ленинского «самоопределения вплоть до отделения», и революционной практики местных группировок, которые когда-то поддерживал Советский Союз.

Обсуждение ситуации с антисемитизмом в России и его инспирирование лидерами исламского мира, после выступления малазийского премьер-министра на сессии ОИК, в присутствии российского президента, несомненно, может стать одной из тем в ходе визита Шарона. Отношения России с мировыми еврейскими организациями на сегодняшний день прочные, устойчивые, теплые и не связаны с российскими отношениями с исламским миром. На сегодняшний день Россия может поддерживать отношения с исламским миром вне зависимости от уровня отношений с миром еврейским. Главной проблемой в российско-исламских отношениях служит не сотрудничество с Израилем, а поддержка мировой «умой» чеченских сепаратистов. Про-

блема Чечни дополняется проблемой инфильтрации на российскую территорию на протяжении ряда лет агрессивных исламистских организаций, поддерживающих терроризм и укрепляющихся в России по схеме: благотворительный фонд – система исламского образования – мечеть. Организации эти вытесняют традиционное российское исламское духовенство и это – настоящая проблема.

В то же время, к приезду Ариэля Шарона на территории страны зафиксирован на протяжении последних дней ряд инцидентов, связанных с физическими нападениями на евреев. Касается это, в первую очередь, ортодоксальных евреев, в частности, в Москве и Перми. Следует особенно остановиться на этих двух инцидентах, которые могут быть весьма опасно истолкованы. В Москве инцидент окончился гибелью человека, представителя одной из субэтнических еврейских групп, выходцев с Кавказа. В Перми нападение на кантора местной синагоги, американского еврея, Мордехая Соломона, привело к тому, что он был искалечен. Мы не можем пока говорить с уверенностью о том, что это инциденты связаны именно с антисемитизмом, а не с бытовым хулиганством и высочайшим уровнем ксенофобии на территории России. Мы не можем судить также, являются ли эти инциденты следствием организованного «отслеживания» евреев, посещающих религиозные заведения, либо случайной их встречи с местными криминальными элементами либо группами скинхедов. Но то, что высокий уровень бытовой ксенофобии, высокий уровень напряженности в обществе провоцируется, в первую очередь, неонацистскими группировками и скинхедами, в течение длительного времени действовавшими практически без сопротивления властей, вряд ли позволяет сегодня говорить об отсутствии антисемитизма в России. Факты нападений и физической гибели людей вряд ли помогут укрепить в этом мнении Ариэля Шарона. Единственное, что возможно в этой сфере – это жесткая политика российских правоохранительных органов, российских законодателей для того, чтобы остановить дальнейшее распространение экстремизма в России.

В вопросах, связанных с проблемой Чечни, мы можем рассчитывать на полное сочувствие израильтян, в целом, и израильского премьер-министра, в частности. Мы можем рассчитывать также на поддержку мирового еврейского сообщества, в том числе в кулуарах Вашингтона и в совместном давлении на европейское сообщество. Это естественным образом вытекает из того, что события в Палестине и Чечне одинаково трактуются европейскими политиками, и тот же прессинг европолитики, который испытывает на себе Россия по вопросу Чечни, испытывает Израиль по вопросу Палестины. При этом нужна значительно более глубокая координация действий российских и израильских спецслужб, политиков, министерств иностранных дел для того, чтобы использовать эту ситуацию к обоюдной выгоде. Сегодня же Ариэль Шарон поддерживает нас, как поддерживал и до того момента, как был избран премьер-министром Израиля. Не следует забывать, что именно Шарон был единственным политиком Запада, который полностью поддержал позицию России в отношении Югославии, в ходе балканского кризиса. Шарон всегда поддерживал российскую позицию непримиримой борьбы с терроризмом, в том числе и в Чечне. В то же время позиция России по отношению к происходящему в Палестине не вызывает сомнений – это позиция двойных стандартов, которая до сих пор не позволила России отказаться от поддержки Ясира Арафата, но до сих пор дает возможность лишь весьма уклончиво осуждать терроризм в общих словах. На сегодняшний день полноценного, масштабного сотрудничества российских силовых структур с израильскими в деле предотвращения эскалации терроризма в Палестине не происходит. Тем не менее, потенциал этого сотрудничества велик.

Чечня для России является тем фронтом мирового джихада, которым в израильском случае является Палестина. На этом поле Россия и Израиль союзники,

однако, в практическом преломлении российской внешней политики заметить это весьма трудно. В какой мере российская политика в отношении палестино-израильского противостояния может быть сбалансированной и взвешенной? И в какой мере Россия не будет той самой «собакой, которой вертит хвост», говоря об отношениях ее с исламским миром? Зачастую позиция России в ООН, в отношении взаимодействия с Израилем по линии МИДа, в вопросах ближневосточного урегулирования, является не столько конструктивной собственно российской политикой, а политикой постсоветской. Да и зависит эта политика не от реальных возможностей, не говоря уже об интересах Российской Федерации на Ближнем Востоке и за его пределами, а от того, какие обязательства у тех или других российских чиновников и дипломатов, в том числе личные, существуют перед теми или другими международными организациями или партнерами в «странах пребывания». Впрочем, сегодня российская политика перестала быть закостенелой, идеологически заданной на десятилетия и это, безусловно, плюс. Взвешенность ее, долгосрочность, стратегическая продуманность все же еще предмет будущего, хотелось бы надеяться, не слишком далекого.

Алек Эпштейн: «Дипломатические структуры Израиля должны кардинально пересмотреть свое отношение к России»

Алек Эпштейн, доктор философии, преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля, научный сотрудник Иерусалимского института «Шалем» считает, что оказывать Сирии какую бы то ни было поддержку сегодня – абсолютная бессмыслица, вредящая интересам Российской Федерации.

Как это ни парадоксально, политическая ситуация в сегодняшнем Израиле выглядит (в системе координат этой страны) на редкость стабильной. За последние более чем двадцать лет Ариэль Шарон является первым израильским государственным деятелем, который был переизбран на пост премьер-министра два раза подряд. После Менахема Бегина, достигшего этого успеха в 1981 году, однако впоследствии вынужденного досрочно уйти в отставку, этого не удавалось никому. Причем нужно сказать, что А. Шарон выиграл и первые (в 2001 г.), и вторые (в январе 2003 г.) выборы с огромным отрывом от конкурентов. В 2001 г. на прямых выборах он одержал победу над тогдашним главой правительства Э. Баракком с двадцатипятипроцентным отрывом: 62.5% против 37.5%. Перед последней электоральной кампанией прямые выборы главы правительства были отменены, и состоялись выборы в парламент по партийным спискам. Возглавляемая А. Шароном партия «Ликуд» получила вдвое больше голосов, чем ближайший конкурент – партия Труда: 38 мандатов против 19 (всего в израильском парламенте – 120 депутатов). Мало того, что он выиграл выборы два раза подряд, он выиграл их «нокаутом».

Это первый и важнейший фактор, обеспечивающий стабильность, потому что сегодня никакой реальной альтернативы Ариэлю Шарону в Израиле нет. К тому же, нет сильного лидера у оппозиции, и это – второй фактор. Шимон Перес, которому в этом году исполнилось восемьдесят лет, уже пять раз участвовал в борьбе за пост премьер-министра и только один раз сумел ее частично выиграть: в 1984 году в ситуации парламентского равновесия между двумя ведущими партиями страны он стал премьер-министром по ротации, на два года (второй раз он был премьером около полугода после убийства И. Рабина). Однако очевидно, что это не тот человек,

который сегодня может выиграть выборы у А. Шарона. Шимон Перес – это человек временный, изначально выбранный председателем Партии Труда на один год. Вскоре оппозицию ждут внутренние «разборки» и разногласия по вопросу, кто будет возглавлять Партию Труда в будущем. У оппозиционного леворадикального блока Мерец после формальной отставки его лидера Йоси Сариды, в ночь после провальных для него парламентских выборов, так же нет избранного председателя. И эта неопределенность в стане оппозиции укрепляет положение Ариэля Шарона.

Следует отметить и тот факт, что сегодня А. Шарон не подвергается сколько-нибудь серьезному внешнему давлению. После серии террористических актов, которую провели палестинские террористические организации, ни Дорожная карта, ни какой-либо другой план реально на повестке дня не стоит. Руки Ариэля Шарона ничем не скованы. После подписания договоренностей в Осло, существовал определенный график, по которому к какому-то числу какого-то месяца нужно было провести то или иное отступление, ту или иную передислокацию израильских армейских подразделений. Сегодня на внешнеполитической арене для Израиля нет, каких бы то ни было, сковывающих его обязательств. По крайней мере, на арабском направлении, и это, конечно, обеспечивает А. Шарону еще большую свободу маневра.

В-четвертых, важно отметить тот факт, что Ариэль Шарон сформировал очень правильную, на мой взгляд, коалицию, в которую входят наиболее «ответственные» партии, представленные в парламенте – все популистские движения, как во главе с лидером профсоюзов Амиром Перецем, так и религиозное движение ШАС, остались за бортом правительства. Поэтому на внутривластной арене, мне кажется, положение Ариэля Шарона стабильно, насколько оно может быть стабильно в Израиле.

Не менее стабильны сегодня и отношения Израиля с США. Такого взаимопонимания уже не было много лет. Здесь нужно сделать одну оговорку: Израиль традиционно воспринимается как очень проамериканская страна, но это, в принципе, не совсем так. Переориентация внешней политики Израиля на США произошла только, собственно, при президенте Линдоне Джонсоне в середине 1960-х годов. До этого Израиль имел явную профранцузскую ориентацию, как бы трудно ни было в это поверить в контексте сегодняшних отношений между этими государствами. Впрочем, изначально вполне могла сложиться и просоветская ориентация: целый ряд израильских лидеров, в том числе и все руководство второй по влиянию лево-социалистической партии МАПАМ, стремились именно к этому. Поэтому надо сказать, что отношения с США, хоть и являются важной детерминантой, все-таки ультимативно израильскую внешнюю политику не определяют. Сегодня, действительно, наиболее поддерживающей Израиль на внешней арене страной являются Соединенные Штаты. Это отчетливо видно на всех голосованиях в ООН.

А. Шарон многократно встречался с Дж. Бушем-младшим. Больше, чем любой руководитель Израиля когда-либо встречался с руководителями США в прошлом. Есть достаточно высокая степень взаимопонимания между политическими и государственными деятелями этих стран. Поэтому в целом я думаю, что четкая проамериканская внешнеполитическая ориентация Израиля сохранится.

Что касается отношений Израиля и России, мне кажется, что сегодня обе стороны переоценивают влияние и возможности друг друга. В России переоценивают влияние Израиля на внешнюю политику США. Может быть, есть какие-то ожидания, что Израиль может повлиять на американскую администрацию в благоприятном для России отношении, вплоть до вступления во Всемирную торговую организацию, однако возможности Израиля в этой связи очень и очень ограничены. Израиль может пролоббировать какие-то экономические уступки в пользу Иордании, что делалось израильскими руководителями в прошлом, но на российском направлении возможности Израиля, мне кажется, почти нулевые.

Достаточно сказать, что ни принятие, ни, тем более, последующая отмена знаменитой в недавнем прошлом поправки сенатора Г. Джексона, ограничившей американскую торговлю с Советским Союзом именно из-за введенных советскими властями ограничений на еврейскую эмиграцию, не была инициирована израильскими руководителями.

Мне кажется, аналогичным образом израильские руководители переоценивают возможности России как сдерживающего фактора, например, на иранском направлении. В каждый свой визит в Россию израильские руководители поднимают вопрос утечки ядерных технологий Ирану. Мне кажется, что надежды, которые питает израильское руководство в отношении руководства российского, являются чрезмерными. И это взаимная «чрезмерность ожиданий», мне кажется, сковывает возможности для более конструктивного обсуждения тех вопросов, которые реально могут быть сдвинуты с мертвой точки.

На мой взгляд, израильская политика в отношении России является непродуманной, бессистемной и зачастую вырабатывается людьми, не разбирающимися в российских социально-политических реалиях. Израиль назначает послами в Россию абсолютно далеких от России людей, не разбирающихся в российской политике, не владеющих русским языком. И это большая беда Израиля, недооценка роли России, ядерной державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, крупнейшей страны в мире, важнейшего участника практически всех геополитических процессов международного значения. Израильские руководители относятся к России как к заведомо «полувраждебной» стране: что-то вроде «в Кремле все равно все против нас, так не все ли равно, кто у нас будет послом в Москве». Мне кажется, это огромная проблема израильской внешней политики. В окружении Ариэля Шарона нет сегодня людей, хоть в какой-то мере разбирающихся в политике на российском направлении. Это верно как относительно структур дипломатических, так и относительно иных израильских структур, работающих в России.

Люди, которые вырабатывают в Израиле политику в отношении Российской Федерации, к сожалению, в большинстве своем имеют очень и очень смутное представление о процессах, которые происходят в сегодняшней России, живут, как правило, мифами и представлениями прошлых десятилетий, и это, мне кажется, сильно бьет по израильским и, вероятно, по российским интересам тоже.

Я живу и работаю в Израиле уже немало лет, и не могу понять, почему эта ситуация не может быть как-то изменена. Чаще всего в этой ситуации виноваты корпоративные интересы таких структур, как МИД Израиля. И уж совсем нонсенс, когда атташе по пропаганде посольства Израиля в Москве не владеет русским языком. Как человек может представлять интересы своей страны в любой другой стране, если он не владеет языком страны, где он работает? При этом атташе работает ассистент, который изучал английский и португальский. Даже между собой израильтянин и русский беседуют в Москве на неродном для обоих английском языке. Можно только догадываться, какого качества материал попадает в прессу, пройдя тройной языковой фильтр. Я почти уверен, что результат усилий этого дипломата равен нулю.

Не везло Израилю и с министрами иностранных дел. Не было на этом посту человека, который бы отдавал себе отчет в важности России на международной арене. За последние десять лет сменилось семь министров иностранных дел. Ими были – только за последние десять лет – дважды Шимон Перес, Эхуд Барак, дважды Давид Леви, Ариэль Шарон, Шломо Бен-Ами, Биньямин Нетаниягу и Сильван Шалом, и ни один из них не воспринимал отношения с Российской Федерацией, как приоритетные для своего ведомства.

Послами в России назначались то литературовед, хоть и профессор, Ализа Шенхар, то отставной генерал Хаим Бар-Лев, то дипломат, которого надо было куда-то

пристроить после отъезда из Австрии, Натан Мерон; никто из них не говорил и не читал по-русски. К великому сожалению, у премьер-министра Израиля или министра иностранных дел нет и советника по вопросам отношений с Россией, или любой другой страной бывшего СССР. Это очень вредит, на мой взгляд, израильским интересам, как политическим, так и экономическим.

Те же экономические контакты происходят сегодня исключительно по инициативе тех или иных бизнесменов, практически без какой бы то ни было поддержки со стороны посольства. Дипломатические структуры Израиля не реализуют никаких сколько-нибудь значимых договоров с Россией. Все сотрудничество происходит исключительно на энтузиазме русскоязычной общины, живущей в Израиле. И, к сожалению, израильские государственные учреждения, в том числе и на самом высоком уровне, практически никак в этом не задействованы, и мне кажется, это очень большая ошибка израильского руководства.

Мне кажется, что «активизация нападков на Сирию» – сказано слишком сильно. Израиль совершил, действительно, впервые с 1983 года, один точечный налет на базу боевиков «Исламского джихада» в глубине сирийской территории, и я бы не стал делать из этого далеко идущие выводы. Сирия является государством, очевидно поддерживающим террор. И через Ливан, и сама по себе Сирия активно участвует в торговле наркотиками. И мне кажется, что чем быстрее Россия осознает, что во многом уже и происходит, что партнерство с Сирией идет во вред национальным интересам Российской Федерации, а никак не на пользу, тем лучше. Сирия является одним из самых враждебных цивилизованному человечеству режиму. В Сирии нашли приют самые одиозные террористические организации, и в этой связи Сирия выпадает своим радикализмом даже из общего ряда арабо-мусульманского мира. Если мы посмотрим на такие страны, как Египет, Иордания, Турция, Марокко, очевидно, что они ведут куда более сдержанную политику. Поэтому мне кажется, что отношения России с Сирией не принесут никакой пользы Российской Федерации, и оказывать Сирии какую бы то ни было поддержку, с моей точки зрения, является абсолютной бессмыслицей, более того, вредящей интересам Российской Федерации.

Что касается отношения Соединенных Штатов к Сирии, то действительно в Соединенных Штатах есть эксперты-политологи, в том числе и приближенные к нынешней администрации, которые считают, что Сирия должна стать следующей целью американской атаки после победы в Ираке. Учитывая все те сложности, с которыми столкнулись американцы в Ираке, мне очень трудно представить, что этот план будет претворен в жизнь, по крайней мере, в эту президентскую каденцию Дж. Буша-младшего.

Мне кажется, что антисемитизм в России сегодня очень слаб: да, в прошлом интернационалистическая Коммунистическая партия предоставила второе место в своем списке ярому антисемиту Николаю Кондратенко, и это очень грустно, но в целом ситуация по отношению к евреям в России сегодня более благоприятная, чем когда-либо в прошлом за всю историю России. Путешествуя по миру, видишь, что по уровню антисемитизма Россия далеко «отстает», например, от «цивилизованной и высококультурной» Франции. Я многократно и подолгу бывал в России в последние годы, мне кажется, что антисемитизм в России является, к счастью, во многом пережитком прошлого, мы сегодня не живем в ситуации 1948–1953 годов. И факт состоит в том, что российская пресса в большинстве своем отрицательно отнеслась ко второму тому книги Солженицына «Двести лет вместе», а не подняла на щит это, во многом – антисемитское произведение великого писателя, и это, по-моему, достаточно хороший индикатор. В Москве работает пять синагог, десятки еврейских организаций, несколько издательств, выходят сотни еврейских книг, журналов и газет. Мне кажется, что сегодня, по крайней мере, в больших городах

России и Украины, кстати, тоже, где я неоднократно бывал, нет препятствий к развитию еврейской национальной культуры. И дай Бог, чтобы все оставалось так, как оно есть. Мне кажется, что претензии, предъявляемые в этой связи России, во многом носят спекулятивный характер.

Ариэль Шарон не представляет международные еврейские организации, они с ним, вероятно, считаются в большей или в меньшей степени, но у них есть свои лидеры, которые проводят свою политику. Так же, как российские еврейские организации, например, Российский еврейский конгресс, возглавляемый Евгением Сатановским, тоже ведет свою политику, которая наверняка принимает во внимание те или иные мнения Ариэля Шарона, но при этом не определяется Ариэлем Шароном. Подобным же образом независимы и еврейские организации в США и Западной Европе. Поэтому в этой связи возможности А. Шарона достаточно ограничены.

Аналогию ситуаций можно провести весьма условно. Россия – огромная страна, в которой живет 150 миллионов человек, из них менее 1% живет в Чечне. Соотношение территории и населения Израиля и Западного берега Иордана совершенно другое. На Западном берегу и в Газе живет сегодня где-то 3,5 миллиона человек, тогда как в самом Израиле живет 6,5 миллионов. Площадь Государства Израиль в пределах «зеленой черты» – 20 с небольшим тысяч квадратных километров, площадь Западного берега и сектора Газы – это примерно 7 тысяч квадратных километров. В то же время совершенно несравнимо соотношение Чечни и Российской Федерации.

Общность ситуации состоит в том, что мощная чеченская диаспора проживает в центральных городах России, Умар Джабраилов так даже баллотировался в президенты России, так же и в Израиле – 20% населения страны составляют арабские граждане той же национальности, что и жители Западного берега и Газы, с которыми Израиль ведет войну. Поэтому действительно есть в этой ситуации много общего, есть вместе с тем и различия.

Чечня – это очень больно вопрос, потому что происходящее там является, на мой взгляд, вопиющим нарушением элементарных норм ведения войны против гражданского населения. И за антитеррористическую операцию выдается фактически полномасштабная война, которая ведется, в том числе, и против собственных граждан. Все эти зачистки – это то, с чем, по-моему, едва ли можно и нужно мириться. Но это не Израилю решать, Израиль, мне кажется, к Чечне не имеет практически никакого отношения, если, конечно, не считать того фактора, что в Чечне воюют на стороне ваххабитов, в том числе, и боевики исламских организаций, которым вынужден противостоять Израиль.

Между двумя странами может быть взаимный обмен опытом борьбы с террором, хотя ни российский, ни израильский опыт успешным назвать нельзя. Израиль не в состоянии справиться с этим террором, и Россия не в состоянии, к великому сожалению, справиться с этим террором. Силовые структуры в обеих странах не в состоянии обеспечить безопасное существование гражданского населения, как основных групп населения, евреев или русских, так и арабов или чеченцев, не задействованных в террористической деятельности. Это способствует тому, что, к великому сожалению, круговорот насилия все увеличивается и увеличивается как в Израиле, так и в России.

Мне кажется, что здесь крайне важно как для Израиля, так и для России отделить проблему борьбы с террором от судеб гражданского населения. Во всяком случае, мне лично крайне обидно и горько, что сотни тысяч арабов, не задействованных в террористической деятельности, каждый раз становятся жертвами израильских коммандантских часов, блокад территорий и других мер, которые принимаются как бы для предотвращения террористической деятельности. Так же обидно, что жертвами является гражданское население в Чечне, и это происходит уже долгие годы, и, к великому сожалению, конца этому не видно.

Чеченская проблема сформировала более сбалансированный подход российского руководства к израильско-палестинскому конфликту. Жаль, что это достигнуто ценой бедствий гражданского населения как в Российской Федерации, в Чечне, так и в Израиле, на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Я очень хотел бы надеяться, хотя, видимо, эта надежда не реализуется в обозримой перспективе, что ситуация и в Чечне, и на Западном берегу изменится кардинальным образом.

Зеэв Ханин: «Интерес Израиля сводится к стабилизации обстановки, с условием, чтобы не пришлось восстанавливать контроль Израиля над палестинскими территориями»

Зеэв Ханин, преподаватель отделения политических наук Университета Бар-Илан, эксперт Иерусалимского центра общественно-политических отношений, считает, что переговорный процесс с палестинцами желаемого результата не дал, и теперь, судя по всему, правительство идет на то, чтобы, выражаясь словами Путина, «замочить противника в сортире», – разумеется, постепенно, сочетая средства военного и политического давления.

Внутриполитическая ситуация в Израиле сегодня определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, это проблемы в сфере общественной безопасности. Здесь надо сказать, что в обществе существует больший или меньший консенсус. Несмотря на то, что одна из двух крупнейших партий страны – Партия Труда («Авода») – находится в оппозиции к правительственной коалиции во главе с «Ликудом», реально оппозиция не имеет сколько-нибудь сформулированную позицию по этому вопросу. Как и принято в Израиле, звучит очень много критики в адрес правительства. Иначе в Израиле не бывает, потому что у нас из 7 млн. населения как минимум 6 млн. 900 тысяч президентов и премьер-министров. Понятно, что в этой ситуации настоящий премьер-министр все делает не то и не так. Тем не менее, «Авода», как и большинство других оппозиционных организаций, не формулирует позитивную программу, которая была бы альтернативной программе правительства. (Заметим, что новое «Женевское соглашение» было инициативой маргинальных кругов левого лагеря и вызвало осуждение не только среди сторонников правого лагеря, но и среди большинства сторонников Партии Труда, как «прямое содействие врагу во время войны».) Хотя значительную часть населения Израиля не устраивает нынешнее положение в сфере безопасности, но большинству общества и политическим элитам понятно, что реальной альтернативы программе, которую проводит правительство Ариэля Шарона, пока нет. Идет постепенное наращивание давления на Палестинскую автономию и делегитимация палестинского руководства, не только экстремистского, но и так называемого умеренного, тех, кто сейчас официально руководят квазигосударственными, партийными и неформальными структурами под контролем Я. Арафата. По большинству мнений, делегитимация этой структуры в глазах мировой общественности должна идти путем постоянной идентификации их с силами, которые поддерживают террор, способствуют террору, финансируют террор, силами, которые вовлечены в террор сами. С другой стороны, полностью ликвидировать «Палестинскую автономию» нынешнее политическое руководство Израиля не считает правильным по той простой причине, что не очень понятно, что можно будет сделать на второй день после того, как это образование перестанет существовать. Нынешнее правоцентристское правительство, как и левоцентристские силы, которые груп-

пируются вокруг Партии Труда, исходят, по большому счету, из того, что восстановление прямого гражданского контроля Израиля на Западном берегу и в секторе Газа, в стратегической перспективе не в интересах страны. Десятилетие основные внешнеполитические усилия Израиля были направлены на то, чтобы найти на той стороне партнера, с которым можно будет о чем-то договариваться. Партнера, слову и делу которого можно было бы доверять, чтобы подписанный им документ с «неверными» был для него не клочком бумаги, который тут же можно нарушить, как только изменится ситуация. Можно говорить о поиске структур, которые, исходя из своих персональных или групповых интересов, заинтересованы в диалоге и стабилизации ситуации. Таков был стратегический выбор, и, по большому счету, он остается таковым и на сегодняшний день. Судя по опросам, большинство общества эту стратегию поддерживает. В результате, правительство сегодня не имеет в лице оппозиции серьезной альтернативной программы. Можно сказать, что во внутривластном плане правительство достаточно крепко стоит и пользуется поддержкой центра, а центр в Израиле, это традиционно процентов 50–60 населения. Второй, не менее серьезный фактор, влияющий на внутривластную ситуацию, – экономика. Здесь есть некоторые достижения, но есть и существенные поражения. Министерство финансов во главе с Нетаньягу, взялось за проведение быстрых экономических реформ в монетаристском духе и стиле «шоковой терапии». То, что сработало в свое время в Южной Корее, сработало в Ирландии, то, что пытался делать Гайдар в России в начале 90-х годов, с большим трудом реализуется сегодня в Израиле. Пока не очень понятно, чем кончится противостояние Министерства финансов, проводящего эту реформу, с социально-профсоюзным лобби, которые резко критикуют эти реформы, активно противостоят приватизации, сокращению социальных пособий и других выплат из госказны, и капитализации израильской экономики в американском стиле. Нынешнее правительство покусились на главные столпы традиционной кибуцо-профсоюзно-монополично-социалистической экономики и системы власти. Что-то на этом пути правительству удастся, а какие-то вещи провалились. Например, провалилась муниципальная реформа. Внешне она выглядела как объединение местных советов, а на самом деле речь шла о сломе очень серьезного механизма, который контролировался влиятельными государственными и квазигосударственными элитами. Однако глубокие структурные изменения в израильском обществе уже идут. Судя по всему, израильский «народный социализм» доживает последние годы. Уже первые усилия правительства не пропали даром. Экономический спад сменился стабилизацией и даже некоторым экономическим подъемом. Правда, не таким, какой был бы нужен, но реформы начинают приносить первые плоды. Ясно, что во многом решение проблемы связано и с тем, удастся ли убедить потенциальных инвесторов, а главное, самих израильтян в том, что здесь будет тихо и спокойно, что, рано или чуть позже, вернется ситуация середины 90-х годов. Тогда израильские руководители не успевали встречать иностранные делегации, Тель-Авивская биржа росла, как на дрожжах, а Израиль был экономически привлекательным для иностранных и внутренних инвесторов. Израиль привлекателен и сегодня, однако проблема заключается в том, чтобы обеспечить, наконец, внешнеполитическую стабильность. Не внутривластную, с этим в Израиле более или менее порядок, а именно внешнеполитическую. Для этого нужно либо договориться с палестинцами, либо совсем уничтожить инфраструктуру террора. Поскольку первый вариант уже попробовали, и это не дало желаемого результата, то сейчас, судя по всему, правительство идет на то, чтобы, выражаясь словами Путина, «замочить противника в сортире». Уничтожению подлежат все группы, заинтересованные в продолжении террористической активности. (Своеобразно в

этой ситуации ведет себя биржа: всего несколько месяцев она реагировала повышением ставок даже на намеки переговоров с палестинцами. Сейчас ставки подсакивают после каждого удара по террористическим организациям, по «ХАМАСу», «Исламскому джихаду» и другим.) В целом, несмотря на то, что уже в течение трех лет Армия обороны Израиля и общество вынуждены вести войну с террористическими структурами, экономика этот удар выдержала. Эксперты рассчитывают, что в следующем году начнется экономический рост. В этом случае останется констатировать, что правительство выиграло и второй раунд. Правда, пока это не так уж очевидно. Третий момент – завоевание мирового общественного мнения, что связано с уже рассмотренными проблемами. Мне кажется, что существенный перелом в отношении к палестино-израильскому конфликту произошел после 11 сентября. Миру стало ясно, что в продолжающемся конфликте виноват не только и не столько Израиль. Львиная доля вины находится на тех организациях, которые старательно торпедируют то, что осталось от мирного процесса. Можно уверенно сказать, что «процесс Осло» уже закончился, но пока никакие альтернативные варианты, начиная с дорожной карты, не работают. Американцы заинтересованы, чтобы на Ближнем Востоке был наведен определенный порядок. Интерес Израиля сводится к стабилизации обстановки, с условием, чтобы не пришлось восстанавливать гражданский контроль Израиля над арабскими палестинским населением в полном объеме, и брать на себя ответственность за здравоохранение, образование, трудоустройство, социальное обеспечение палестинцев. Подавляющая часть израильского общества не намерена возвращаться к системе военного управления, как не намерена интегрировать большую часть территорий Иудеи, Самарии и Газы со всем их арабским населением в состав Израиля. Очевидно, что Израиль не может дать этим людям израильского гражданства, в этом случае Израиль перестал бы быть еврейским государством. В этой связи возрастает роль России, особенно в том случае, если бы Россия готова была поддержать Израиль. Пока же израильское руководство оценивает позицию России неоднозначно, считая ее потенциально дружественной. Россия никак не определится в оценке террористических действий палестинских экстремистов, однако хотела бы однозначной поддержки своей позиции в борьбе с чеченскими боевиками. Ставить на одну доску чеченских и арабских палестинских террористов внешнеполитическое ведомство России пока отказывается. В Израиле понимают, что не все российские ведомства, которые вовлечены в формулирование внешней политики, имеют одно и то же мнение в отношении международного терроризма. Есть заметная разница между позицией президентской администрации, позицией Министерства иностранных дел и Министерства обороны. Естественно, израильские руководители ожидают, что позиция России будет сформулирована более определенно. И, может быть, в силу вполне очевидных обстоятельств, более произраильски. Одним из вопросов, который могут обсуждать лидеры двух стран во время визита Шарона в Москву должен, на мой взгляд, стать вопрос укрепления или восстановления доверия и стратегического партнерства. Это главное. Когда в 1999 году Ариэль Шарон приезжал в Россию в качестве министра иностранных дел, тот визит был организован в большей степени в интересах завоевания русскоязычных избирателей накануне выборов. Однако нынешний визит в Москву с внутренними интересами почти не связан, хотя на последних выборах избиратели – выходцы из Советского Союза – дали «Ликуду», по оценкам, почти четверть всех мест, которые он получил в Кнессете. Цель визита – скорее, попытка использовать российское влияние для формирования более благоприятного для Израиля международного – особенно в Европе – понимания ближневосточного конфликта, найти пути взаимопонимания по поводу иранского ядерного проекта, вызывающего опасения у политического ру-

ководства Израиля. И, наконец, возможно, будут, наконец, расставлены правильные акценты, и четко сформулированы позиции сторон по поводу палестинской и чеченской проблем. Тогда и Шарон сможет от имени руководства Израиля более определенно высказаться по поводу чеченской проблемы как проблемы противостояния России с мировым исламским террором в его чеченском варианте. В то же время политическое руководство России сможет более определенно высказаться о роли Израиля в противостоянии мировому исламскому террору в его палестинском варианте. Все это, разумеется, только предположения о возможных сюжетах переговоров. Понятно, что будет предпринята попытка согласовать в процессе переговоров и другие предметы, о сути которых мы можем только догадываться. Среди них – интересы России на Ближнем Востоке в контексте интересов Израиля и, возможно, США. Среди этих моментов – отношения, например, России и Сирии. Я не думаю, что у России в Сирии есть существенные интересы. Считается, что Россия через Белоруссию или по каким-то другим каналам продает Сирии оружие. Вызывает сомнение, что эта сделка так уж значима для политического имиджа России, и что России стоит в этой ситуации становиться на сторону Сирии. Сирия сегодня – это «плохой парень», и давление на нее, судя по всему, будет увеличиваться. И в этой связи становиться однозначно на сторону Сирии не стоит, наверно, даже если принимать во внимание отношения Советского Союза с этой страной. Если мы будем говорить о сугубо прагматических интересах, то сегодня не в интересах России быть той силой, которая однозначно встанет на защиту сирийских интересов. Думаю, что некоторая осторожность со стороны России будет воспринята более позитивно, чем, скажем, однозначно просирийская, а следовательно, антиамериканская и антиизраильская позиция. Я думаю, что для России на Ближнем Востоке была бы выигрышна взвешенная, сбалансированная и осторожная позиция невмешательства, с жестким осуждением терроризма. С мягкими определениями по поводу суверенитета всех стран и пожеланием того, чтобы суверенная страна не оказывала поддержку террористическим структурам. Такая позиция России стала бы тем товаром, который хорошо бы продался сегодня, в пост-сентябрьском мире. Насколько мне известно, еврейские организации России не считают, что уровень антисемитизма в России пересек порог безопасности. В России уровень антисемитизма не выше, чем в большинстве европейских стран. Я думаю, что нынешнее политическое руководство России настроено вполне позитивно в отношении организованной еврейской жизни в стране, и, разумеется, не является источником «официального антисемитизма» в стиле советских времен. Требовать сегодня большего вряд ли возможно. Другое дело, что растет то, что мы называем исламским антисемитизмом, то есть опять-таки возрождается антисемитизм советских времен, который маскируется под антисионизм, антиизраилизм. Крупным минусом в этом смысле было присутствие Путина на сессии ОИК, во время которой лидером Малайзии было сделано самое антисемитское заявление за последние десятилетия. То, что Путин не посчитал необходимым немедленно отмежеваться от сказанного, может сыграть свою негативную роль. Свою роль играет и нынешняя кампания против российских олигархов, многие из которых являются евреями. Понятно, что речь идет о столкновениях интересов нынешней правящей группы России с различными фракциями экономической элиты страны, о внутреннем конфликте в истеблишменте, о противоречиях между новыми и старыми элитами, но со стороны это может восприниматься как антисемитский акт. И мне кажется, что официальной российской пропаганде не удалось убедить еврейские организации, что это не так. В остальном антисемитизма в России ничуть не больше, чем в любой европейской стране, как, например, во Франции, неожиданно заработавшей имидж антисемитского государства. Сегод-

ня ее руководители начали активно работать с международными еврейскими организациями. Вплоть до того, что, скажем, посол Франции в Израиле по окончании своей каденции был назначен специальным послом по работе с международными еврейскими организациями. Я знаю, что при администрации Путина есть структура, которую они называют «Соотечественники». У нее большой потенциал, но серьезно работать с большими еврейскими организациями они пока не могут. Как, дружа с евреями, не разругаться с исламским миром? Во-первых, и в исламском мире, кроме экстремистов, есть вполне прагматичные силы, которые прекрасно понимают, что есть что, и могут правильно расставить соответствующие акценты. А с теми, которым ничего нельзя объяснить, вряд ли стоит заигрывать. Если для России интересы исламского мира во всех его проявлениях более важны, чем необходимость быть частью западного сообщества, это одно дело. Если же российская элита видит себя, скорее, частью западного мира, тогда следует отдавать себе отчет, что конфликт с какой-то частью исламского мира неизбежен. Закрывать на это глаза и считать, что мы имеем дело с точечными проблемами, как, скажем, исламский террор в крупных городах страны, или что чеченская проблема существует сама по себе, а отношения с исламским миром сами по себе, наверное, это было бы неправильно. Позиция Израиля по поводу чеченской кампании была неоднозначной в первую чеченскую кампанию. Чеченский кризис рассматривался, как внутреннее дело России, но тогда часть израильтян считали, что в Чечне идет попрание прав борющегося за свою независимость чеченского народа. Теперь пришло понимание, что силы, которые воюют против федеральных войск в Чечне – только часть мировой террористической организации. Понимание есть. Вопрос заключается в том, насколько громко об этом можно сказать.

Роман Бронфман: «Без всякого сомнения, отношения Москвы с Израилем и отношения Москвы с мусульманским миром – сообщающиеся сосуды»

Роман Бронфман, профессиональный политик, лидер и основатель партии «Демократический выбор», депутат Кнессета, член парламентских комиссий по законодательству и по экономике, считает, что израильское правительство завело свою страну в тупик: экономические показатели падают, растут безработица, инфляция, цены.

К сожалению, состояние нашей страны сегодня можно определить как тупиковое. Правительство Шарона сосредоточило все свои усилия на борьбе с террором, используя военные методы и, к сожалению, практически, исключая возможность политического урегулирования конфликта. На мой взгляд, это ослабляет борьбу с террором и представляет ее в одностороннем виде. Одновременно мы являемся свидетелями стагнации экономики Израиля. Все показатели резко падают. Сокращается потребление, растут безработица, инфляция и цены. Население проигрывает. Как следствие всех этих явлений, начался интенсивный отток капитала за границу, что для Израиля, в последние несколько десятилетий, несвойственно вообще. Кроме того, все более массовый характер приобретает выезд молодежи в страны Европы и Северной Америки. Естественно, что на этом фоне популярность израильского правительства и, в частности, премьер-министра Ариэля Шарона, постепенно падает. И хотя Шарон все еще пользуется относительно широкой поддержкой населения, сегодня только 53% израильтян готовы поддержать Шарона, хотя еще со-

всем недавно рейтинг премьер-министра был значительно выше. Растет недовольство не только экономическим состоянием страны, люди озабочены отсутствием гарантий безопасности рядовых граждан Израиля.

Я бы сказал, что израильско-американские отношения сегодня доведены до предела. С одной стороны, это тесное политическое сотрудничество и взаимопомощь. С другой стороны, это ощущение – во всяком случае, среди израильской интеллигенции – полной потери независимости. Фактически, Израиль постепенно превращается в американскую колонию на Ближнем Востоке, а иногда даже в субподрядчика американских интересов на Ближнем Востоке. Это особенно наглядно видно в последнюю неделю, по нашему совершенно бесполезному налету и бомбардировке сирийского объекта возле Дамаска.

Что же касается визита нашего премьера в Москву, то здесь можно поговорить несколько более подробно. Я не думаю, что этот визит можно рассматривать, как некую попытку сбалансировать проамериканский курс израильского правительства. Всем давно понятно, что израильское руководство ориентируется в первую очередь на президента Буша, не принимая во внимание даже интересы четверки. Ни ООН, ни Европейский Союз, ни Россия, как частное государство, не могут влиять на эти решения, принимаемые израильским правительством. Однако предстоящий визит, как мне кажется, призван обеспечить Ариэлю Шарону ощущение международной поддержки, потому что такой визит, как мне кажется, пройдет в России «на ура». Этого не могла бы сегодня гарантировать ни одна из европейских столиц. Вполне можно предположить, что такой визит в любую западноевропейскую столицу сопровождался бы грандиозными демонстрациями протеста против продолжающейся израильской оккупации палестинских территорий. Поэтому Шарон едет в Москву, рассчитывая на теплый, добросердечный прием Кремля.

Что же касается содержания переговоров Ариэля Шарона и Владимира Путина, то израильская оппозиция просто не может знать повестку дня этих встреч. Можно предположить, что так или иначе будут затрагиваться какие-то общие вопросы борьбы с международным терроризмом. Может быть, будут подняты вопросы противостояния России и Израиля мусульманскому фундаментализму. Вне всякого сомнения, Израиль поднимет вопрос об утечке ядерных технологий в Иран. Эта возможность действительно представляет стратегическую опасность для мира в целом. На обочине, скорее всего, останется вопрос урегулирования израильско-палестинского конфликта. Эту тему Шарону поднимать явно невыгодно. Я не уверен, намерен ли поднимать эту тему и президент Путин, но по моим личным наблюдениям, эта тема вряд ли будет обсуждаться.

Без всякого сомнения, отношения Москвы с Израилем и отношения Москвы с мусульманским миром – это сообщающиеся сосуды. Чем теснее отношения Москвы с Израилем, тем прохладнее отношения с мусульманским миром. И естественно, что из Москвы российские интересы просматриваются лучше, чем из Тель-Авива. Думаю, что намечающиеся в российско-израильских отношениях сдвиги могут быть хороши для Москвы, но вряд ли они будут особенно полезны для Израиля. Очень ужстораживает невмешательство России в попытки урегулировать конфликт между Израилем и палестинским народом. С моей точки зрения, это медвежья услуга Израилю со стороны России. Даже отдавая дань текущему моменту, вряд ли можно ожидать плодотворного сотрудничества в будущем, не обозначив четкой стратегической линии на перспективу.

Даже если сегодня Кремль поддержит израильское правительство, видя в нем некий форпост борьбы с исламским террором, абсолютно понятно, что пока Израиль оккупирует палестинские территории, спокойствия на Ближнем Востоке не будет. Террор будет постоянно питаться этой оккупацией, имея в любой момент

повод для возобновления необъявленной войны против мирного населения. Попытки Москвы не замечать эту ситуацию, нежелание увидеть корень проблемы, мне кажется, – медвежья услуга израильскому народу в недалеком будущем. Для российского же народа эта «услуга» может сказаться уже в настоящем.

Мне кажется, для России важнее, чем для любого другого государства, спокойствие и стабильность на Ближнем Востоке по многим причинам. Прежде всего, Ближний Восток – это мягкое «подбрюшье» России. Это юг, который всегда нес немало проблем. Для России источником таких проблем нередко становились автономные республики с мусульманским большинством. России просто невозможно не ориентироваться на проблемы мусульманского мира, которые, в конечном счете, и концентрируются в арабо-израильский конфликт.

Если рассматривать это все через призму международных отношений, то, вне всякого сомнения, попытка бомбардировать суверенное Сирийское государство израильскими ВВС была совершенно неудачной. Россия же по этому вопросу всего лишь выпустила дипломатическую ноту по этому поводу, но не более того. Недавно российскому руководству представилась удивительная возможность активизировать свое участие в урегулировании ближневосточного конфликта, – принять участие в подписании так называемого Женевского соглашения, текст которого подготовила израильская оппозиция вместе с Варшавским обществом палестинской автономии. Текст Женевского соглашения был передан МИД России, и министр иностранных дел господин Иванов ознакомлен с ним. Скажет ли теперь Россия свое веское слово? Мы предлагаем признать палестинцам право еврейского народа на свое государство в Палестине, то есть в Израиле: частично-фактический отказ палестинского народа от возвращения на израильские территории. С другой стороны – предлагаем Израилю вернуться к границам 67 года и вернуть 100% территорий палестинскому народу. Уверен, что, если бы правительство России адаптировало соглашение в Женеве, и стало бы, как ООН, одним из его проводников и гарантов, я думаю, ее позиция в мусульманском мире значительно улучшилась бы. Вряд ли можно опасаться, что возврат палестинских земель может привести к началу нового передела мира или к пересмотру сложившихся после Второй мировой войны границ. Дело в том, что Израиль не просто присоединил к себе чужие территории. Сделав это, он лишил гражданских прав население этих территорий. Я представляю все возможные аргументы других стран, потерявших свои территории, и могущих пожелать вернуть их. Но жителям, например, Калининградской области предоставлены все те же гражданские права, какими обладают другие жители РФ. В отличие от этого, оккупировав Палестину, Израиль не предоставил палестинцам никаких прав, и это коренное отличие между израильской оккупацией и всеми другими переделами территорий в мире.

Сегодня нет того классического антисемитизма, с которым мы были знакомы в прошлом веке. Сегодня больше овладевают массами антиизраильские настроения, чем антисемитизм. Я недавно был в Москве и наблюдал намного более серьезные антикавказские настроения, чем антиеврейские, среди населения. И поэтому мне кажется, что есть дисбаланс между очень серьезными антимусульманскими и антикавказскими настроениями российского населения, чем антисемитскими. Если бы была закончена оккупация, израильский народ счел бы возможным прийти к соглашению о разделении Израиля на два государства, я говорю об израильском и палестинском народах, я считаю, что все антиизраильские настроения в мире были бы заменены произраильским настроением. Достаточно вспомнить соглашение в Осло от 1993 года, когда впервые Израиль почувствовал себя на международной арене вне изоляции. Мы тогда впервые почувствовали почти полную поддержку, хотя только начали урегулирование.

Я никого не обвиняю в антикавказских настроениях, я только констатирую факт, отмеченный мною во время пребывания в Москве, но, вне всякого сомнения, то, что происходит сегодня в Чечне, те террористические акты, которые чеченские террористы проводят, и, в частности, в Москве, точно так же, как те взрывы, которые проводятся палестинцами-самоубийцами в Израиле, достойны осуждения. И нужно искать пути решения этих вопросов, нужно вести переговоры.

Зеэв Гейзель: «Большой эксклюзивный друг Израиля хочет большой эксклюзивной любви, поэтому Израилю необычайно важно найти другую, понимающую израильские потребности силу»

Зеэв Гейзель, математик, публицист, общественный и политический деятель Израиля, считает, что основная задача Шарона – не взывать к морали, а постараться представить Путину баланс: что именно Россия может приобрести от сближения с Израилем, против возможных потерь в арабском мире.

С точки зрения внутривластной ситуации, положение Шарона как премьер-министра лучше, чем у кого-либо из его предшественников. Он опирается на коалицию в 78 (из 120) членов Кнессета, в т. ч. 40 депутатов (т.е. большинство коалиции) – от фракции его собственной партии «Ликуд», а остальные составляющие коалиции («Шинуй», «Ихуд Леуми» и МАФДАЛ) кровно заинтересованы в ее сохранении. У него нет соперников внутри «Ликуда» – даже Нетаньягу ему проиграл, так что спор сегодня ведется только о том, кто будет его наследником: Мофаз, Ольмерт, Ливнат?

Это – «технические подробности». Но есть и другие основания для шароновского оптимизма: у него фактически нет оппозиции ни слева, ни справа. Слева – поскольку в стратегических вопросах он сдвинулся настолько влево, что практически не оставил социал-демократам (партия «Авода») никакого пятка, с которого можно было бы его атаковать (за исключением истерически левых – Бейлина, Мицна, Бурга и пр., которые не имеют внутри страны заметного влияния). Справа – поскольку правый лагерь воспринимает его как «своего» и надеется, что Шарон не пойдет на такие шаги, как, например, ликвидация израильских населенных пунктов в Иудее и Самарии. Другая причина молчания справа – это горький опыт «сваливания» своих же премьеров: Шамира в 92 г. и Нетаньягу в 99 г.

Дело не только в арифметическом равновесии: Шарон всем своим видом и своим поведением внушает среднему израильтянину, что он «знает, как надо». Согласно всем опросам, он пользуется поддержкой устойчивого большинства населения. Итак: ему ничто не угрожает? Не совсем. Есть как минимум три серьезных источника опасности:

А) Экономическое положение: мировой экономический кризис больно ударил по Израилю. И хотя экономисты утверждают, что критическая точка пройдена, до расцвета весьма далеко. Болезненная экономическая реформа, проводимая сегодня министром финансов, наталкивается на яростное сопротивление со стороны руководства профсоюзов. Пока что правительству удастся их победить, но трудно предсказать, что будет дальше.

Б) Если Шарон все-таки пойдет на резкие шаги влево, – сопротивление правой оппозиции, в том числе и со стороны его родной партии, не просто возрастет, а вскипит до предельной точки. Уже сегодня больше половины парламентариев от «Ликуда» открыто критикуют – разумеется, справа – политическую линию правительства.

В) Два полицейских расследования, связанных, в основном, с именем Гильяда Шарона, сына премьера: если расследование приведет к передаче дела в суд, – труд-

по представить себе, чтобы Шарон-отец остался на своем посту, даже если формально он не будет обвиняемым. Известный израильский обозреватель Йоав Ицхак – главный специалист по юридическим скандалам в верхнем эшелоне власти – утверждает, что это произойдет в течение ближайшего года.

Позиции Израиля сегодня очень сильны в Пентагоне, и слабы – в Госдепартаменте. Это – традиционная ситуация. Исключения бывали, но малочисленные. Если сравнивать оба ведомства, – Президент Буш явно проявляет куда больше понимания Израиля, чем два его предшественника, один из которых – его собственный отец. Кроме объективных причин (общая ситуация в мире, борьба с террором, образ «Ликуда» как израильского варианта республиканцев), налицо и та «химия», которая появилась в отношении между Бушем и Шароном. Однако эта «химия» имеет и обратную сторону.

Буш – сторонник простых и ясных формулировок. С его стороны «химия» объясняется просто – он получил от Шарона то, что хотел: простую и ясную программу, которую в Израиле многие воспринимают как катастрофическую. Программа эта предусматривает создание палестинского государства с непрерывной территорией и, как следствие, возвращение к границам, близким к так называемой «Зеленой черте». Следствием может стать разрушение израильских городов и поселков в Иудее, Самарии и Газе, а затем – выселение почти четверти миллиона израильтян из своих домов (с разрушением экономической и пр. инфраструктур). Но на расстоянии в 10 часов лета (от Иерусалима до Вашингтона) эти цифры уже не выглядят столь трагически, и Буш может считать себя вправе давить на Израиль – в обмен на политическую поддержку. Иными словами – большой эксклюзивный друг хочет большой эксклюзивной любви.

Поэтому Израилю необычайно важно найти другого если не союзника, то, по крайней мере, иную, понимающую израильские потребности силу. В настоящий момент таких сил – четыре, а именно, так называемый квартет: США, Россия, ООН и Евросоюз. ООН, треть членов которого – мусульманские страны, не представляет стратегического интереса. Для Израиля было бы весьма полезно, если бы Россия хотя бы вернулась к своей взвешенной позиции 1996–97 гг.

Судя по приватным и полуприватным заявлениям Путина, и не только его, российскому руководству не нужны длинные лекции, чтобы понять израильские проблемы и израильскую позицию. Однако, свои проблемы ближе, и сегодня правительство России, похоже, исходит из предположения, что чеченский конфликт, как и балканский, – локален, и что с мусульманским миром можно договориться. Можно даже усилить российские позиции в странах ислама в свете арабо-американских противоречий после иракской войны и пр., и уж во всяком случае – не накалять с ним отношения ради маленького ближневосточного государства, даже если «там, на четверть бывший наш народ» (а может быть, именно поэтому).

Задача Шарона – разумеется – не взывать к морали, а постараться представить Путину баланс: что именно Россия может приобрести от сближения с Израилем – против возможных потерь в арабском мире. Опыт показывает, что такие визиты не могут изменить что-либо коренным образом. Как правило, на них либо формально «договаривается» то, в чем чиновники уже достигли взаимопонимания, либо, наоборот, они являются результатом кризиса в двухсторонних или многосторонних отношениях, и на встречах «кидаются» новые идеи. Надеюсь, что речь идет о первом сценарии.

Если говорить о израильско-сирийских отношениях, то мне, прежде всего, непонятно слово «нападки». Одна из наиболее воинствующих террористических группировок «а-Джихад а-Ислами» не просто «представлена в Сирии». Речь идет о тотальной поддержке террористов сирийским правительством: от размещения тренировочных баз на территории Сирии до финансирования террористов. Пос-

ледний теракт в Хайфе, унесший жизни 20 людей – как евреев, так и арабов, – дело рук «а-Джихад а-Ислами». Прекращение поддержки террористов со стороны сирийского правительства спасет жизнь многим и многим людям. Если же Асад-младший полагает, что поддержка террора соответствует национальным интересам Сирии, – он должен за это платить.

Что же касается позиции России: если не ошибаюсь, Сирия осталась должна России около 12 миллиардов долларов. Заплатить этот долг она, разумеется, не в состоянии (разве что, если прекратит вооружаться и вооружать своих «подопечных»), и никакие российские заигрывания тут не помогут. Я знаю «из первых рук», что российская сторона уже пыталась «продать» этот сирийский долг... Израилю, примерно год назад, но дальше намерений дело не пошло.

Когда-то платой за советское вооружение служили сирийские двери для советского проникновения на Ближний Восток. Сегодня же значение Сирии даже внутри арабского мира упало до критической отметки, и платить сирийцам нечем – не только в прямом, но и в переносном смысле. Если же, тем не менее, кто-то предпочтет погоню за призраком Асада-отца (не путать с отцом Гамлета), – он не должен удивляться, если не встретит взаимопонимания на других направлениях.

Боюсь Вас разочаровать, но я не знаю, что такое «мировое еврейство». Включать ли в это понятие, например, ультралевых и, как правило, воинственно антиизраильских профессоров, носящих фамилии Хомски, Блюмштейн, Коген, Айзенцвайг и пр.? В чем состоят эти «постоянные претензии со стороны еврейских организаций» – я также не знаю.

Об антисемитизме: насколько я могу судить по Интернету и некоторым публикациям, «антисемитизм в России» действительно существует. Практически те же люди, что возводили еще 20 лет назад все проблемы СССР к «предателям коммунизма» – Бунду, Троцкому и антисоветчикам-сионистам, сегодня вычисляют процент евреев среди большевиков и эсеров. Я слышал, что в евреи «записали» даже Керенского, за которым – несколько поколений православных священников.

Однако антисемитизм, на мой взгляд, – явление вовсе не русское, а всемирное, имеющее глубинные культурные и религиозные корни. Я не думаю, что немцы, поляки или даже французы имеют какое-то моральное право занимать по этому вопросу величественную позу безгрешных моралистов, тыча обвиняющим перстом на восток. Насколько я знаю, та же Франция уверенно обгоняет Россию по числу антисемитских выходок. Я не забываю ни изобретения «Протоколов сионских мудрецов», ни процесса врачей, ни «борьбы с космополитизмом», ни запретов на прием в университеты, ни, наконец, криков или шипения – «жид», что слышал в изобилии с детства. Но в Израиле я достаточно наговорился с выходцами из других стран, чтобы скептически воспринимать добровольных моих защитников из «цивилизованного мира». Это правда, что в России родилось слово «погром» – но в других странах просто решили не изобретать нового понятия для столь мелкой забавы. Погромщики воровали из разбитых домов перины и самовары – а в демократической Швейцарии присвоили деньги со счетов погибших в Катастрофе! Да, в России был позорный процесс Бейлиса, но ведь «простые русские крестьяне» (уж простите мне этот устоявшийся штамп!) решили, что нельзя брать греха на душу осуждением невиновного. И так далее...

И последнее в этом вопросе: ОИК и иже с ним. Если нельзя бороться с антисемитизмом, «не особенно разругавшись с исламским миром» – это говорит нечто однозначное в первую очередь о самом исламском мире. Но – уточните: о ком речь? В мусульманской Турции, например, антисемитизма нет.

С кем же «не надо ругаться»? С Саудовской Аравией, чья официальная пропаганда распространяет «Протоколы сионских мудрецов»? С Сирией, где министр

обороны М. Тлаас получил степень доктора за «доказательства истинности кровавого навета»? С рабовладельческим Суданом? С Джамахерокадафией? С Малайзией, чей премьер-министр наконец-то нашел виновников отсталости своей страны (это уже почти по советскому анекдоту: «Вы знаете, кем был по национальности Фантомас?» – «Да неужели?»)

Или вот такая замечательно продвинутая и миролюбивая страна, как Египет, с территории которой по подземным галереям переправляется гигантское количество оружия для террористов, где первый канал телевидения демонстрирует печально известный сериал «Всадник», где коллегия адвокатов подает иск на... мировое еврейство, ограбившее их предков в Древнем Египте (к слову сказать, чье коренное население было вырезано как раз предками этих адвокатов), причем, все это – при наличии дипломатических отношений с Израилем.

С Египтом, разумеется, ругаться нельзя – обидится. Обидится и «Посольство Государства Палестина» в Москве, интернетовский сайт которого радостно рапортует о каждом взорванном в Израиле автобусе. А еще больше обидится, если что, чуткий к человеческому достоинству канал «Ал-Джезира», кстати, аккредитованный в Израиле. Страшно подумать, каких друзей Россия может потерять!

Я не наивен. Я знаю: интересы мировой политики диктуются не моралью, а интересами. Я сам был свидетелем того, как в 99-м году, во время бомбардировки Белграда, разрывалось израильское общественное мнение: симпатии-то у многих были на стороне потомков сербских партизан, однако ругаться из-за них с Америкой? – увольте. Но я надеюсь, что те, кто дорожат дружбой с нефтяной шейхократией, хотя бы не обманывают самих себя и знают, с кем имеют дело. А имеют они дело с силой, которая уверена не только в своей правоте, но и в целигитимности самого существования остального мира – в том числе и тех «неверных», кто пытаются сегодня с ними заигрывать. Это верно, что исламонацистскому фундаментализму сегодня удобнее атаковать в первую очередь евреев – но верить, что он на этом остановится, что гигантская пропагандистская, дипломатическая, наконец, военная машина создается только для уничтожения Израиля, а не для захвата ВСЕГО мира – еще более наивно!

Разумеется, чеченская проблема весьма подобна арафатовщине. Но при чем здесь эти полумифические «мировые еврейские организации», когда три года назад Кнессет (израильский парламент) принял большинством голосов РЕЗОЛЮЦИЮ, ПОДДЕРЖИВАЮЩУЮ РОССИЮ В БОРЬБЕ С ЧЕЧЕНСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ? Я не знаю, надеялись ли авторы резолюции на ответный жест со стороны России. Если да – результат известен (а точнее, его отсутствие).

Израиль, и не только Шарон, может помочь многим и во многом. К сожалению, не от хорошей жизни: скопился у нас немалый опыт общения с мусульманскими фанатиками. Но и Россия, чей предшественник СССР изобрел, создал и вооружил Арафата, могла бы сегодня внести свою лепту в борьбу не только со своими местными бандитами, но и с мировым террором.

Возможен ли союз России и Израиля?

Целью настоящей работы является сравнительный анализ общих «вызовов» российской и израильской государственности (Чечня, Палестина, «мягкая» дипломатическая изоляция, в которой оказались Россия и Израиль после крушения биполярного ялтинско-потсдамского мира в 1991 г.) и попытка обоснования тезиса о необходимости и продуктивности российско-израильского военно-политического союза.

При всей внешней непохожести и Россию, и Израиль можно считать основными элементами ялтинско-потсдамской системы международного мироустройства. Советский Союз, преемницей которого выступает Россия, олицетворял собой один из полюсов биполярного мира. Рождение Израиля стало следствием победы сил антигитлеровской коалиции, а вся его история до 1991 г. была, по сути, своеобразной образной историей одного из бастионов, призванных сдерживать наступление «империи зла» на Ближнем Востоке. Победа США и их союзников в «холодной войне» вызвали у стран Западной демократии эйфорию и предчувствие «конца истории» по сценарию Фрэнсиса Фукуямы. В этой связи Россию и Израиль (по совершенно различным причинам) перестали считать важными факторами на международной арене. Россия, отказавшись от гегемонизма и коммунистической идеологии, перестала быть «одной шестой частью суши» и «империей зла», а потому силой, с которой необходимо считаться. Израиль же перестал играть роль антикоммунистического бастиона на Ближнем Востоке, а потому было решено инициировать «смену вех» на этом театре «холодной войны» и начать курс на принуждение Израиля к переговорному процессу с противниками еврейского государства. При этом национальные интересы последнего интересовали заокеанских партнеров в самую последнюю очередь. Мирный процесс на Ближнем Востоке по мысли его конструкторов должен был стать одним из основных разделов «окончания истории». Таким образом, Россия оказалась без союзников в ситуации, весьма напоминающей международное положение Российской империи после пресловутой Крымской войны 1853–1855 годов. Израиль же оказался в окружении таких союзников, которые готовы принести его в жертву «мирному процессу» на Ближнем Востоке.

И в случае с Россией, и в случае с Израилем, США и их союзники действовали в рамках «коммунистическо-антикоммунистического дискурса». Рассматривая коммунизм в качестве единственного «вызова» ценностям западной демократии, атлантические державы не смогли вовремя и, самое главное, адекватно оценить такие угрозы защищаемым этим ценностям, как традиционализм и исламский фундаментализм. Между тем исламско-традиционалистский вызов (его последствия, его трактовки и методы борьбы с ним) объединил Россию и Израиль. От поиска адекватного ответа на этот «вызов» без преувеличения зависит будущее России и Израиля как суверенных, целостных и демократических государств. Очевидно, что в современном мире в эпоху глобализации ни одно государство не в состоянии справиться с исламско-традиционалистским «вызовом». Попытки же США пересмотреть после трагедии 11 сентября 2001 г. свои внешнеполитические приоритеты снова привели к воспроизведению известной формулы «двойных стан-

дартов» и сепарации террористов. Администрация Буша-младшего готова вести войну с талибами, но в то же время активно сдерживает Индию от акций возмездия против кашмирских сепаратистов и стоящего за их спиной Пакистана и поощряет Израиль решать все свои проблемы на территории Палестины исключительно политическими методами. В отношении же с Россией США продолжают хорошо проверенное по эпохе перестройки «новое мышление» – политику уступок по всем направлениям в обмен на туманные обещания решить вопрос об участии России в НАТО или ВТО.

На сегодняшний день полноценное партнерство России и США невозможно в силу того, что последние видят в первой поверженного колосса и не готовы к равноправному сотрудничеству и рассмотрению Москвы в качестве стратегического союзника. «Но после 11 сентября американцы уже не те, они готовы к сотрудничеству с Россией», – заявляют сторонники второго издания «нового мышления». Во-первых, давно пора отказаться от общих рассуждений об «американской политике». Политика политике рознь. Есть политика администрации Клинтона, а есть политика республиканской администрации. Сегодня в Белом доме готовы признать право России самостоятельно разрешать чеченские проблемы. Но эту позицию разделяет отнюдь не весь американский политический и интеллектуальный истеблишмент. В интервью «Известиям» патриарх американской советологии Збигнев Бжезинский заявил: «Первые российские заявления по Чечне (после 11 сентября 2001г. – С.М.) создавали впечатление, что российское правительство хотело бы получить выгоду от начавшейся войны с террористами, чтобы заклеить чеченцев как ярых террористов. Было ощущение, что Москва не намерена делать различия между умеренными деятелями и экстремистами в чеченском движении сопротивления» (см. «Збигнев Бжезинский: с СССР мы бы не договорились о борьбе с терроризмом» (Известия, 2 ноября 2001 г.)).

Подобный подход со стороны США, в свою очередь, формирует у российских дипломатов и военных не вполне адекватную реакцию.

Примаковские утопии по обустройству оси Москва – Дели – Пекин не получили в российской политологии должной критической оценки. Между тем нереальность подобной конструкции великого востоковеда должна быть понятна любому студенту Института стран Азии и Африки. Дели и Пекин имеют пограничные споры, выливавшиеся в 1962 г. в вооруженное противоборство. Пекин – стратегический союзник заклятого врага Индии Пакистана. А этот факт разве не повод усомниться в миролюбии нашего восточного соседа? Или патронируемые Пакистаном талибы обнаружили общие с Россией интересы? Неразрешенные территориальные споры есть и между Россией и Китаем. Активная китайская миграция на слабо заселенные пространства Сибири и Дальнего Востока и высокие демографические способности китайцев, похоже, не вызывают опасений в российском дипломатическом истеблишменте, где до сих пор господствуют представления громыковской школы о борьбе двух сверхдержав как квинтэссенции мировой политики. В таком случае, почему бы ни дружить с КНР против США?

Часть российской элиты (в основном ее маргинальная часть) готова к сближению с так называемыми странами-изгоями. Опять же с одной единственной целью – насолить Штатам. Но получается как в известной русской пословице: «Насло маме ноги отморожу». Что, кроме двухнедельной поездки на бронепоезде, парализовавшей и без того не блестящее движение по российским железным дорогам, может дать нашей стране Ким Чен Ир?

Мысль об Израиле как потенциальном стратегическом союзнике время от времени появляется в российской прессе и высказываниях политологов. Но мнения о российско-израильском сближении не выстроены в какую-то логически строй-

ную систему. Главный вопрос, вокруг которого ведутся разговоры о потенциальном союзе (или невозможности такового), сводится к доказательству (либо опровержению) тезиса о схожести арабо-израильского конфликта и российской политики в Чечне. По мнению обозревателя ОРТ Михаила Леонтьева, «механизм этих конфликтов совершенно одинаковый. Различие в одном: по удачному стечению обстоятельств Россия сама определяет пути и методы решения чеченской проблемы, Израиль же не настолько суверенен, и его действия сильно ограничены так называемой мировой общественностью, а конкретно – США. Поэтому фактически ближневосточный конфликт неразрешим – Тель-Авив не имеет права на эффективное силовое воздействие, потому что ему никто не даст это сделать». Иное мнение высказывает Алексей Малашенко, эксперт Карнеги-фонда, доктор политических наук: «Реального сходства между этими конфликтами я не вижу. Действительно, по каким-то формальным признакам в них можно найти что-то общее, но все это будет притянута за уши. Чечня и Палестина – качественно разные проблемы. Единственно, они похожи в инструментальном плане: и там, и там используется ислам, действуют мусульманские радикалы. Однако корни, причины, перспективы, цели, задачи – абсолютно разные».

Думается, подобные мнения, равно как и иные компаративистские упражнения российских аналитиков, обходят стороной фундаментальный вопрос, действительно сближающий Израиль и Россию. И этот вопрос – проблема перехода от войны к миру на «территориях» и в мятежной Чечне. И Россия, и Израиль обречены вести «войну до победного конца» с общим противником, выступающим под зеленым знаменем воинствующего ислама. Конечно, если они хотят сохранить себя как сильные суверенные государства...

Постмодернисты всего мира даже не подозревают, какой благодатной почвой для их построений являются Чечня и Палестина. Практически ни одна закономерность, ни одно общепринятое определение здесь не работает.

Возьмем, для примера, наиболее простые и не требующие развернутого обоснования понятия – «мир» и «война». В традиционном понимании – это вещи противоположные. Мир – это безопасность, стабильность, спокойствие. Война же, напротив, выступает синонимом насилия, гибели и разрушения. События в Чечне и на Ближнем Востоке перевернули с ног на голову традиционную антитезу.

Два «мирных» периода в Чечне (1991–1994 гг. и 1996–1999 гг.) – это складывание криминально – этнократического режима на территории одного из субъектов РФ, массовые ограбления и убийства, прекращение вследствие разбойных нападений регулярного железнодорожного сообщения, вытеснение нечеченского населения. Причем этнической дискриминации подверглись не только русские. Зато в соседних с «мятежной республикой» территориях «годы мира» совпали с резким всплеском криминальной напряженности (убийства и похищения людей, угон скота, техники и пр.). По сути дела, геополитическая ситуация в сопредельных с Чечней регионах вернулась к началу XIX в. Те же набеги абреков, только с мобильными телефонами и стингерами. Отдельного разговора заслуживает «второе издание рабовладельчества» в мятежной республике. Социально-экономическая «эффективность» рабства была продемонстрирована как раз в «мирные годы». В 1996–1999 гг. руками рабов возводилась стратегически важная для мятежной республики дорога в Грузию.

Схожую ситуацию мы наблюдаем и на Ближнем Востоке. Участие Израиля в миротворческом процессе, все компромиссы, на которые он пошел, не дали никаких гарантий безопасности ни еврейскому государству, ни его гражданам. Создание Палестинской автономии не прекратило интифаду. Уход из Южного Ливана (эдакий ближневосточный Хасавюрт) также не способствовал долгожданному

миру в регионе. Конечная цель всех миротворческих манипуляций на Ближнем Востоке, что бы ни говорили о промежуточных целях, – создание палестинского государства. Смеем предположить, что данное «достижение мира» не принесет ни стабильности, ни безопасности. Экономически несостоятельное государство, чья элита из всех видов государственной и общественной деятельности предпочитает терроризм, превратится в новый очаг нестабильности на Ближнем Востоке. Уход ненавистного Израиля и победа над сионистами не закончат кровавую историю Палестины. Следом за «окончательным решением оккупационного вопроса» последует углубление внутриэлитного раскола между палестинскими лидерами. Поскольку же их взаимоотношения строились и строятся вовсе не в соответствии с заповедями Жан-Жака Руссо и отцов-основателей американской демократии, то мы станем свидетелями большого передела власти и сфер влияния в Палестине, перед которыми Ливан покажется детской забавой. Такое предложение нам, россиянам, хорошо знакомо: «Давайте бросим Чечню, отгородимся, уйдем». Весь фокус в том, что они нас не бросают. После нашей капитуляции в 1996 г. Чечня получила шанс строить свою государственность. Чем все это закончилось – хорошо известно! Внутриэлитные разборки и нападения на сопредельные территории, терроризм, агрессия против Дагестана. Думаю, что Палестину, в случае обретения ею государственности, ждет та же или приблизительно та же судьба. Нападения на соседей, акты терроризма, война всех против всех. Не придется ли тогда задним умом признавать историческую правоту «ястребов» и призывать воинов «Цахала» защитить идеалы демократии и самих «миротворцев» от палестинских агрессоров. Так, может, не мешать им делать это здесь и сейчас, не откладывая на потом успокоение «воинов Аллаха».

Понятия «война» и «мир» применительно к ситуации в Чечне и на Ближнем Востоке требуют серьезных дополнений и уточнений. Говорить об этих категориях как об отвлеченных идеальных типах невозможно. Необходимо четко определить, о каком мире и какой войне идет речь. Слова «мир» и «война» на Кавказе и на земле Ближнего Востока требуют эпитетов. Очевидно, что для России и ее граждан (независимо от этнической и религиозной принадлежности) «ичкерийский мир» во сто крат хуже «российской войны», которая завершится миром, но уже на российских условиях. Для Израиля также существует только один мир – мир, подписанный под диктовку Тель-Авива.

Нашу обреченность на войну до победного конца не понимают в Европе и в США. Даже после трагедии в Нью-Йорке. Израиль, напомним, был единственным государством, которое безоговорочно поддержало Россию во «второй чеченской войне», потому что в Тель-Авиве и Иерусалиме не надо объяснять, что такое исламский экстремизм, заложник, захват автобуса или самолета, взрыв мирного дома. В Вашингтоне и европейских столицах выступают за принуждение наших государств к «миру». Было бы легко объяснять подобную политику неким «заговором». В действительности перед нами образчик догматизма современных демократических государств и их элит. Европейские и американские дипломаты видят в палестинских или чеченских боевиках людей, готовых к компромиссу, желающих вести переговоры, и забывают, что картина мира для мусульманина предполагает существование перманентно борющихся «дар-аль-харт» (мир войны) и «дар-аль-ислам» (мир ислама). И если удалось добиться хоть небольшой победы над «неверными», расширить границы мира ислама, то надо не компромиссы заключать, а продолжать наступление, добивать врага. При таком мировосприятии любая уступка воспринимается как слабость, любой компромисс – как поражение. Мир по-палестински – это исчезновение Израиля с карты мира. Мир по-ичкерийски – это уход России с Кавказа и воплощение идеи Великой Ичкерии от Черного до

Каспийского моря. Принуждать Израиль и Россию к прекращению силовых операций – значит приближать описанные два «мирных сценария».

Увы, осознание фундаментальной близости наших проблем приходит к российской политической элите с трудом. Вместо того чтобы учиться бесценному опыту израильских спецслужб по проведению спецопераций по профилактике терактов, наши дипломаты повторяют как заученную молитву слова о необходимости политического диалога Израиля с палестинцами. Поражение Израиля и создание палестинской государственности аукнется, и не раз, терактами и вспышками сепаратизма и религиозного экстремизма на Северном Кавказе. Расширив «мир ислама» на Ближнем Востоке, воины Аллаха начнут расширять его в Кавказских горах и на Волге. В Косово и Македонии они это делают с успехом уже сегодня.

Израиль и Россия заинтересованы друг в друге по многим причинам. Израилю нужен вменяемый союзник, так как страна победившей политкорректности США фактически «сдала» бывшего союзника. «Сдача» эта началась не вчера. Запретив по сути дела Израилю ответный удар по Ираку во время операции «Буря в пустыне», Штаты начали курс по сдерживанию своего ближневосточного партнера и принуждению его к переговорам и миру на невыгодных для Тель-Авива условиях. И даже после манхэттенского кошмара смена вех в ближневосточной политике США не произошла.

Россия в отличие от США лишена (пока?) догматической политкорректности и «общечеловечности». С учетом чеченского опыта ее взгляд на ближневосточное урегулирование мог бы быть куда более трезвым. Претендующей на роль коспонсора ближневосточного процесса России негоже сидеть на двух стульях. Если мы готовы поддерживать палестинцев, надо быть готовым к тому, что если не сегодня, то завтра продаваемое им оружие выстрелит в нас или в Центральной Азии, или на Кавказе. Поддерживая Израиль, мы должны учитывать и такой важный для нас фактор, как русская еврейская диаспора. Воспитанные в России, по преимуществу хорошо относящиеся к нашей стране, имеющие личные и экономические связи в ней, представители русского еврейства могли бы стать важнейшим фактором российского влияния на Ближнем Востоке.

Помимо проблемы перехода от войны к миру, Израиль и Россия имеют общие точки соприкосновения в странах СНГ и Балтии. Распад СССР сопровождался ростом этнонационалистических настроений в бывших союзных республиках и попытках реализовать сценарий этнически чистого государства по принципу «Латвия для латышей», «Эстония для эстонцев» и пр. Строительство идеологии новых государств нередко сопровождалось поисками «Золотого века» своей истории, в результате чего в пантеоне их национальных героев появились участники формирования Ваффен-СС (латышские легионеры, ветераны дивизии СС «Галичина» на Украине), боровшихся, как известно, не только против советской власти, но и осуществлявших «окончательное решение еврейского вопроса» в Европе. Сегодня нередки случаи, когда официальные лица и общественные деятели стран СНГ и Балтии выступают с заявлениями, в которых антисемитизм тесно переплетен с русофобией. Следовательно, противодействие ксенофобии и этнонационализму на постсоветском пространстве открывает также немало возможностей для сотрудничества России и Израиля.

Переориентация на Израиль потребует многих затрат и в прямом, и в переносном смысле. Необходимо будет отказаться от услуг советской когорты дипломатов, воспитанных на примаковской «Анатомии Ближневосточного конфликта» и ненависти к сионистам. Необходимо будет заставить молчать одиозных антисемитов типа Кондратенко. Распространение и издание «Сионских протоколов»,

«Что нам в них не нравится» и прочих «шедевров» придется также жестко пресекать. Придется позаботиться об образовательно-воспитательных программах, в которых бы содержались прививки от бытового антисемитизма, о сохранении памятников жертвам Холокоста. И список этот можно продолжать. Но не это главное. Надо определяться, что нам важнее – пребывать в плену юдофобских и советских мифов и подыгрывать «братьям-арабам», а потом удивляться появлению арабских наемников в рядах чеченских «повстанцев», либо, преодолевая фобии, защищать интересы собственного государства.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

ДВА МНЕНИЯ ОБ ИЗБРАННОСТИ ЕВРЕЕВ

Вилен ФИШЗОН*

Быть избранным народом – обязанность евреев перед Б-гом

Ни один иудей не объяснит вам и не докажет, что хорошего в том, чтобы придерживаться шести сотен ритуальных запретов тысячелетней давности, и зачем надо быть богоизбранным народом...

Лев Аннинский. Чему могут русские научиться у евреев. – Новый век, №1, 2002

Мы же все помним: Христос пришел почему-то к евреям... Эту загадку религиозной избранности – как не признать.

А. Солженицын. Двести лет вместе. Том II, с. 18

1. Постановка задачи

Проблема «избранности» еврейского народа (ЕН) является ключевой в сознании религиозных евреев; практически и теоретически она досконально разработана мудрецами и учеными, по, тем не менее, нет вопроса более запутанного, искаженного и во вред всем евреям употребляемого, когда речь об «избранности» заходит в среде как бы «неизбранных». Я разослал вариант своей статьи друзьям из прошлого атеистического бытия для обсуждения. Результат оказался тривиальным: все, что заложено в мозги как массовое общественное сознание, становится таким «знанием» (то есть незнанием), которое можно поколебать только упорной самостоятельной работой. Религиозные евреи считают малоэффективным занятием дискуссии с атеистами и представителями других религий; они углубляются в свою

* Вилен ФИШЗОН – окончил физмат НГУ в Новосибирском Академгородке, канд. экон. наук. Живет в Кливленде, США.

миссию, но не занимаются миссионерством; тем временем антисемитские публикации наносят неизмеримый вред всем людям, и еврейство в целом проигрывает информационную войну, о чем неоднократно писалось в прессе. Поэтому я вознамерился изложить суть вопроса, как я его понимаю сердцем.

2. Избранность ЕН – понятие духовное

Каждый народ имеет свою судьбу и предназначение. Каждый народ имеет право на миссию. Но его цели и задачи не должны противоречить нравственному прогрессу человечества. Так, христианские и мусульманские народы, переняв у евреев многие заповеди (основы морали) и молитвы, тем не менее, вносят в свою деятельность элементы непримиримого миссионерства и территориальной экспансии, что всегда напрягало отношения между странами. Исламский фундаментализм в открыто-агрессивной форме объявил нынче мировую войну цивилизации иудеев и христиан, считая их «неверными» по определению. Особенно неприемлемыми являются теории расового превосходства, когда одна нация считает себя вправе поработать или уничтожить другие народы. По крайней мере, для того, чтобы быть «избранным», необходимо четко представлять: КТО и для ЧЕГО тебя избрал.

«Отпусти **Мой** народ, чтобы они служили Мне» (Шмот-Исход, 9: 1), – передал Б-г фараону через Моше. Здесь не может быть других мнений: Б-г избрал для служения Ему. После исхода из Египта, когда у горы Синай Моше записал и прочел законы Б-га, евреи ответили: «Все, что Б-г сказал, мы сделаем и услышим» (Шмот-Исход, 24:7), – это клятва в верности Торе (Учению) на все времена. Ежедневно в утренних благословениях евреи повторяют: «Благословен Ты, Господь, Бог паш, Владыка Вселенной, избравший нас из среды народов и давший нам свою Тору!». Поэтому, когда речь идет об избранности, мы говорим **в целом о ЕН, а не о персоналиях**. Духовный уровень евреев у горы Синай был таков, что Б-г заключил с ними договор, который обязывает **ЕН** нести груз коллективной ответственности, не дающей никаких благ, кроме счастья бескорыстного служения в настоящем и получения доли в будущем мире. Могут сказать, что современные евреи в своем большинстве – светские люди, вносящие свой вклад в копилку цивилизации. Но «заботой о хлебе» человек вершит материальную историю, что не освобождает его от духовных забот своего народа. Главные стороны понятия «**избран для духовного служения**» (ибо Б-гу ничего материального не требуется!) сводятся к следующему:

а) **ЕН должен оправдывать** свое название – Народ Книги, то есть изучать, сохранять и развивать Учение, которое в конечном итоге предназначено для всего человечества. Никто, кроме него, это сделать не сможет и делать никогда не будет;

б) **ЕН должен осуществлять** контакт с Б-гом посредством Молитвы и этим самым сохранять в равновесии энергетический баланс Планеты, для чего необходимо обеспечить определенную «мощность» восходящего и нисходящего потоков энергии. Именно поэтому так важно, чтобы был реализован религиозный потенциал каждой еврейской души;

в) **ЕН должен выполнять** в своей повседневной жизни моральные и этические установки, вытекающие из 613 заповедей; показывать пример социальной справедливости, как ему указано в Торе. Этим ЕН заслужит в будущем (при условии выполнения своей миссии) **признание** всех остальных народов и **духовного звания** народа Священников.

3. Понятие «еврей» не имеет смысла без религии и без Земли Израиля

Без веры в Единого Б-га не было бы евреев. Четыре тысячи лет назад праотец Авраам пришел к великой мысли: если любой самый простой дом имеет своего архитектора и строителя, то как может быть, чтобы такая великолепная Гармония

окружающего мира не имела своего Творца и своей определенной цели? Среди языческих народов, поклонявшихся идолам и природным силам, Авраам был первым пропагандистом высочайших моральных стандартов, исходящих от Всевышнего, Который завещал ему: **из твоего семени** произойдет народ, **знающий Б-га и служащий Ему**. Тогда Авраам совершил обряд обрезания в знак вечной преданности Творцу. Таким образом, не древнее маленькое племя евреев слепило себе одного из божков-покровителей подобно другим народам, а, наоборот, Единый Создатель всего сущего благословил выдающуюся личность – праведника, философа и пророка – на формирование народа, которому будет завещана особая роль в человеческой истории.

От Авраама произошло несколько народов. У него было восемь детей, все они в той или иной мере получили соответствующее воспитание. От старшего, Исмаила, произошли арабские народы, от его шести братьев по матери – некоторые восточные племена, но только единственный сын Сарры, Ицхак, стал духовным преемником отца. У Ицхака было два сына-близнеца: Яков и Исав. От воинственного Исавы, стремящегося к материальной самореализации, произошли западные народы, а Яков продолжил линию отца, и его двенадцать сыновей стали родоначальниками колен, получивших в будущем свой удел в Эрец Исраэль. Земля Израиля была отвоевана у населяющих ее племен, развитие которых шло **вразрез** с замыслами Творца. Это было единственное исходное боевое вторжение евреев в пределы границ, четко очерченных в Торе Всевышним и по Его Высшей Воле. Именно поэтому Земля Израиля является **уделом ЕН** на все времена, как бы ни складывалась его текущая судьба.

4. Божественное происхождение Торы – кредо религиозных евреев

Когда евреи получали Тору, у горы Синай произошло сверхъестественное явление – три миллиона человек слышали Голос, видели Огонь, и народ поручил Моисею говорить от их имени с Всевышним. Моисей спустился с горы Синай с двумя каменными Скрижалями, на которых были начертаны знаменитые десять Заповедей. Остальной текст Торы (Пятикнижие) Моисей записывал в течение сорока лет путешествия по пустыне. Евреи не отпишутся к числу легковверных и доверчивых, но они приняли Тору и с тех пор не меняли в ней ни одной буквы, по строгим законам переписывая первоисточник и передавая его из поколения в поколение. Тора – уникальный документ, описывающий предысторию мира как процесс Творения Единого Б-га с четким указанием последовательности глобальных событий; в ней дается характеристика предшествующих поколений человечества, родословные основных персонажей истории и модели их взаимоотношений; в ней указаны принципы летоисчисления и календарь. Сказания, легенды и мифы древних языческих народов, несомненно, представляют интерес для сравнительного анализа, но в отличие от них Тора – закодированный текст на языке иврит, имеющий несколько уровней информационного проникновения.

5. Как можно говорить о народе, когда евреи были рассеяны по миру?

Впреки всем историческим закономерностям и, несмотря на свою горькую судьбу в изгнании (потеря государственности, рассеяние, смешение языков, наветы, преследования, физическое уничтожение), еврейский народ существует уже 3500 лет, сохранил свой древний язык иврит, религиозное самосознание, духовную культуру, философию, не прерывал своего присутствия на Святой Земле и через две тысячи лет воссоздал государство Израиль. Как это могло произойти?

Согласно еврейскому учению, Б-г, создав мир и человека, продолжает непрерывно поддерживать свое Творение (мы бы сейчас сказали – энергетически под-

питывать) через сложную систему духовных каналов. Город Иерусалим – самое энергетическое место на земле, а Храмовая Гора в Иерусалиме – место, где сильнее всего может проявляться Божественное присутствие. Здесь царем Давидом был заложен, а его сыном царем Соломоном возведен Храм (832 г. до н.э.), в котором представители избранного колена еврейского народа – коэны и левиты – могли быть соответственно первосвященниками и служителями. Когда первый Храм был разрушен (422 г. до н.э.) и большая часть народа была угнана в Вавилонский плен, был создан уникальный механизм, воспроизводящий Храмовую службу, – **молитва**. С тех пор тысячи евреев, разбросанные по разным странам и континентам, три раза в день (после пробуждения, днем и перед сном) произносят слова Любви и Верности, осуществляя как бы «обратную связь» с Всевышним. По самому глубокому убеждению евреев, **без этой связи, без этого контакта мир не будет существовать, поэтому евреи обязаны, как бы иронично или пренебрежительно ни относились к этому другие народы, они обязаны, служа Единому, служить всему Человечеству**.

Один еврей, молящийся или изучающий Тору, – единица народа; кворум из десяти совершеннолетних мужчин для совершения молитвы (мишьян) – модель Храма; еврейская община с синагогой и свитком Торы – модель народа.

6. Так было, но что же будет дальше?

По последним данным статистики, около 80% американских евреев – атеисты или малорелигиозные граждане, причисляющие себя к реформистам (39%) и к консерваторам (33%). Реформистов, скорее всего, следует рассматривать как направление, которое, наподобие христианской секте евреев в начале новой эры, может со временем отойти от еврейства по принципиальным соображениям (отказ от обрезания, соблюдения субботы, кашрута и других традиций, рост числа смешанных браков, ассимиляция). Правда, оптимизм прибавляется за счет роста доли ортодоксальных евреев, в среде которых 6,4 ребенка на семью и всего 3% смешанных браков, и за счет тшувы – возвращения светских евреев к своим корням. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание, когда возникает вопрос: **что же делать евреям** (к ним принадлежу и я), судьба которых сложилась так, что они воспитаны вне религии и вне истории своего народа. Надо помнить, что еврейская душа имеет особую грань, которая обязательно вспыхнет, когда интеллект только прикоснется к информации о тысячах ученых и мудрецов, обладавших уникальными способностями для непосредственной передачи из поколения в поколение знаний, заключенных в Письменной и Устной Торе. Одна из главных заповедей Торы известна нам с пионерского возраста: учиться, учиться и учиться. У евреев приоритеты выстраиваются так: **знание, добрые дела, вера**. Слава Б-гу, сейчас уже нигде не сажают в тюрьмы и не расстреливают за изучение языка иврит и чтение Торы.

Уникальным свойством еврейства как нации является то, что евреем становится тот, кто принимает добровольно иудаизм, всем сердцем соединяясь духом с еврейским народом и его традициями. Потомки прозелитов становятся полноценными евреями. Прозелитами были все прапастери еврейского народа, библейская Руф (прабабушка царя Давида), многие мудрецы и цадики. У евреев запрещена агитация (и тем более принуждение) к принятию гикюра – очень сложной и долговременной процедуре перехода в иудаизм, хотя в нееврейском мире всегда появлялись личности, которые **изменяли свою национальность путем духовной работы**. Но первоочередной задачей еврейства остается забота о душах евреев, которые **по факту своего рождения** должны быть более всего склонны к выполнению своей задачи в этом мире.

7. Идеальный образ религиозного еврея

Еврейского мальчика начинают обучать ивриту и Торе с трех лет, и эти занятия пронизывают всю жизнь мужчины до самого смертного часа. Традиции почитания учености и святости сложились издавна. Когда рабби Акива (величайший мудрец Израиля, 1-2 в.п.э., к слову, из семьи прозелитов) в возрасте сорока лет, будучи малограмотным пастухом, влюбился в знатную девушку, она, увидев в нем способности, заявила о согласии на брак при условии, что муж будет упорно учиться. Сорок лет изучал рабби Акива Тору, Талмуд, Каббалу и только после этого еще сорок лет учил других, воспитав тысячи мудрецов и учителей народа. А когда римляне присудили его к смерти за то, что он нарушал запрет изучать Тору и обучать Торе других, он умер с молитвой «Шма» на устах: «Слушай, Израиль: Г-сподь – Б-г наш, Г-сподь один!»

Любовь к Б-гу – главный стержень жизни для верующих евреев. Как это проявляется в обычной жизни? Возьмем для примера любую религиозную еврейскую семью, в которой муж (или даже жена и муж) работают в светских учреждениях. Во-первых, у них, как правило (пусть оно будет вечным), много детей, которым надо дать хорошее еврейское образование; во-вторых, им необходимо соблюдать строгие условия кошерности пищи (таков Закон, при нарушении которого наносится ущерб еврейской душе), а это и дороже, и труднее с точки зрения обычного человека; в-третьих, им желательно жить в еврейском районе города, чтобы иметь возможность в субботу и на праздники ходить пешком в синагогу, участвовать в жизни общины. Не говоря уже о женщине, поговорим о заботах мужчины. Утром перед работой он должен вставать раньше, чтобы успеть одеть тфилин и прочесть молитву, на работе дневная молитва – во время перерыва, в обществе он должен быть образцом порядочности, ибо «звание» обязывает, после туалета – благословение, перед приемом пищи и напитков – благословение, после еды – благодарение, перед входом в квартиру и выходом из нее – благословение мезузы, после работы надо уделить внимание жене, детям, почитать Тору или пойти на занятия в школу для женатых, вечером перед сном читается молитва, целый день он ходит в скромной, но праздничной одежде, с покрытой головой, в шляпе или кипе, – все это признаки **ежесекундного присутствия Б-га** в его душе и повседневности. Таковы норма и счастье его жизни, которые просто немыслимы для тех людей, которые прежде, чем укутить яблоко, не остановятся на несколько секунд, чтобы возблагодарить за чудо творения.

8. Сколько должно быть «полноценных» евреев?

Таких людей не так много, как хотелось бы, но сколько их должно все же быть? Я приведу свои условные соображения. Из египетского рабства вышла одна пятая часть всего еврейского населения, оставшаяся часть – привыкшие к рабству и ассимилировавшиеся. У горы Синай стояло три миллиона, из которых 600 тысяч были мужчины старше 13 лет, то есть та часть народа, которая была способна входить в контакт с Б-гом. В еврейской теории это число рассматривается как «крона» основных ветвей дерева, «корни» которого – наши праотцы. Все веточки идут от этих ветвей. Если предположить, что двадцать процентов современных евреев являются глубоко религиозными, то от пятнадцати миллионов это составит 3 млн., из них условно 20 процентов, то есть 600 тысяч составляют религиозную «крону», основу современного народа. Основные соотношения остаются такими же, как и три с половиной тысячи лет назад. Но такая «точность» ставит перед еврейским народом очевидную проблему: «крона» не должна быть меньше установленной Б-гом величины. На чаше весов каждая капля может оказаться решающей в вопросе – быть мировой Гармонией или мировым Катаклизмом. В этих условиях очень мно-

гое зависит от «резерва» – того большинства «нормальных» евреев, земные дела которых не выходят за рамки материальных забот и развлечений. Мы вспоминаем о своем еврействе, когда поднимает голову антисемитизм, когда происходят теракты в Израиле, когда наступают дни еврейских праздников (слава Б-гу, сейчас другие времена), когда посылаем благотворительный чек на скромную сумму и, может быть, когда приходит глубокая старость вместе с вопросом: для чего, собственно, жил? Я не сужу сейчас о «правильном» образе жизни. В природе все развивается по своим законам, и каждое явление имеет свою причину и свой смысл. Но «резерв» для того и существует, чтобы подстраховывать основной источник жизни. Для этого мы должны в себе, в своих семьях, в своем общественном окружении

культивировать

а) **любовь и благодарность** к тем людям, которые посвятили себя основной еврейской работе;

б) **стремление к знаниям** о традициях своего народа и его необыкновенной судьбе;

в) **стремление к благотворительности и добрым делам.**

9. Какие привилегии причитаются за избранность?

Все евреи в течение ежегодного цикла прочитывают за неделю одну главу Торы (всего 54 главы), студенты ешив и их учителя с беспримерной самоотдачей пропихают в бездонные глубины Талмуда, в которых – философия и логика, мораль и этика, основы государственного устройства и юриспруденции, законы межличностных отношений, гигиены и быта, законы собственности, ведения сельского хозяйства, торговли и бизнеса, сведения об устройстве мироздания, духовных мирах, установление **ответственности** евреев перед Б-гом за доверенные им духовные ценности. Все эти знания предназначены всему человечеству, но три тысячи лет назад их можно было передать только подготовленному народу, выразившему желание и способность для особого служения – сохранения Мудрости и Истины. Надо напомнить, что мудрецы знали Письменную Тору наизусть, а Устную Тору штудировали коллективно на семинарах в течение тысячи лет, пока она не была записана (по особому решению раввинов) в виде книг Талмуда в первые три столетия уже нашей эры. Это – беспримерный интеллектуальный подвиг народа.

Чего же евреи ожидают в будущем? – Пришествия Машиаха. Что Мессия должен совершить? – Принести мир, перековать мечи на орала. Когда это может произойти? – Может быть, завтра, но не позже, чем через 236 лет, или до прошествия 6000 лет с момента сотворения мира (сейчас идет 5764 год). Кем будут тогда евреи? – Они не станут господами, но при **условии** выполнения своих обязательств они будут, как пишет Тора, **народом священников**, то есть из их среды выдвигнутся великие праведники; они должны быть *не лучше, не богаче* других народов, а *выше* их в смысле близости к Б-гу (Дварим-Второзаконие 28:1). Когда будет исполнена миссия евреев? – Когда в эпоху Машиаха **все народы** скажут: «Как мудр и разумен этот великий народ! Ибо кто есть великий народ? Тот, к которому Б-жество так же близко, как наш Б-г, когда мы ни воззвали к нему? И кто есть великий народ? Тот, у которого установления и социальные законы справедливы...» (Дварим-Второзаконие, 4:5-8). Но этого сначала надо дождаться, а пока приходится терпеть антисемитизм, христианское и мусульманское миссионерство, арабскую интифаду и, самое главное, – грех евреев, нарушающих заповедь любви к ближнему, а также опасный уровень их безбожия и вождельной обыкновенности, граничащей со страхом быть избранным. Истинно религиозные евреи несут свою вахту с радостью при любой социальной погоде, при любых катаклизмах. Это – **фанатизм высшего класса, основанный на полном принятии веры своих выдающихся предков.**

10. По какому же праву судят евреев за их избранность?

Таким образом, не все евреи в одинаковой мере несут на себе груз избранности, а значительная часть не только не понимает своей исторической миссии, но и не хочет слышать о ней, считая, что вся трагическая судьба еврейства проистекает от этой религиозной доктрины. Они хотят жить легко, пользуясь всеми благами цивилизации, демократического общества и относительной свободы нравов. Религиозная же часть еврейства живет по законам предков, хотя многое изменилось в этом мире. Тем не менее, обе части составляют народ, судьба которого в любом случае неразделима. Это доказывает история, в которой много кровавых страниц ненависти ко всем евреям. Почему? Может быть, потому, что избранность всегда подразумевает наличие цели, ради которой она существует, и эта цель как-то не устраивает все человечество? Те народы, которые тоже декларировали свою избранность, приводили мир в состояние войны и разбоя, – это соответствует «логике вещей». А вот евреи верят в странное будущее человечества, что-то колдуют над своими недоступными книгами и даже в чудовищном рассеянии упорно не желают смешиваться с другими народами, перенимать чужие верования, – это подозрительно и даже отвратительно. Еврейская мечта возвратиться на свою историческую родину, на свой клочок Святой Земли у Средиземного моря, где когда-то возникло древнее Еврейское Царство и где святые христиан и мусульман стали появляться лишь в новой эре, породила политическое движение сионизм – его сразу же объявили шовинизмом. Две тысячи лет после изгнания евреи ждали и молились: «В следующем году – в Иерусалиме!». И услышал их Б-г, неисповедимые пути которого привели к резолюции ООН 1947 года. С тех пор, за пятьдесят пять лет в мертвых песках выросло процветающее государство. Беспокойство вновь охватило политиков: не поработят ли евреи соседние страны и народы? Ведь история свидетельствует, что государства, когда-либо приобретавшие могущество, всегда стремились превратиться в империи, метрополии, халифаты. Так неужели евреи будут приятным исключением, не захотят мирового господства? Вот и «загорается на воре шапка» – приходится объявлять Израиль оккупантом и даже выдвигать идею уничтожения этого нестандартного племени. Но факты свидетельствуют, и это записано в Библии: **погибает тот, кто стремится уничтожить евреев.**

Лучше всех идеологию «окончательного решения еврейского вопроса» выразил один из таких обреченных – Гитлер – в своей «Майн Кампф»: «Я свободен от бремени души, от разрушающих страданий, создаваемых за счет фальшивого понятия, именуемого совестью. Евреи наделены двумя человеческими пороками: обрезанием своего тела и совестью своей души. И то и другое – сугубо еврейские изобретения. Борьба за власть над миром идет только между двумя лагерями, евреями и немцами». Это борьба между двумя братьями – Яковом и Исавом, **борьба между духовностью и материальным самоутверждением, между Верой и животнo-неосознанным страхом перед Всевышним.**

11. И все же: что продолжают думать люди про избранность евреев?

Приведу некоторые ответы моих друзей:

Еврейка-атеистка: «Никто евреев не избирал. Они сами это придумали. А если признать, что избрал, то только на несчастье и презрение»;

Интеллигентная верующая русская: «Б-г не мог избрать какой-то один народ. Это в принципе нехорошо. Все созданное Творцом настолько умно продумано, что, выделив один какой-то народ, Он бы навсегда навлек на него неприязнь со стороны других. Все народы равны»;

Еврей, недавно вступивший на путь тшувы (возвращения): «Еврейский народ поистине велик своими «эверестами» человеческой цивилизации. Можно ограни-

читься несколькими именами: Моисей, Иисус из Назарета, Колумб, Маркс, Фрейд, Эйнштейн... Если народ способен порождать таких гениев, то, значит, Б-г избрал его для определенной миссии».

Все эти отклики говорят о многом – проблемы остаются! *Первая* из них – безбожие, то есть вера в то, что над могущественным человеком нет Высшей силы. С этой точки зрения, чтобы избавиться от непонятного «презрения», евреи должны ассимилироваться и исчезнуть в общей массе прочих национальных культур, ибо в противном случае всегда будет иметь место юдофобия. *Вторая* проблема – вера в то, что неприязнь к евреям обусловлена не их духовной избранностью, а, например, тем, что они «не признали еврея Иисуса Христа». В этом случае евреи должны креститься и исчезнуть. *Третья* проблема – самая опасная из-за своей внешней непротиворечивости: справедливая, но слепая гордость достижениями своих соплеменников ведет к **забвению первопричины**: Б-г не мог сказать – вы будете самыми умными, богатыми, смелыми и хитрыми, но Б-г сказал – вы должны служить Мне преданно и быть праведными, справедливыми и добродетельными, и только из этого могут проистекать положительные следствия. Упование на себя – дорога к вырождению. Все успехи и победы еврейского народа, как и его трагедии, – от Всевышнего. Такова традиция, хотя кому-то трудно с ней примириться.

Есть такой страшный документ, как приговор военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 18 июля 1952 года руководителям Еврейского Антифашистского Комитета (ЕАК). Диву даешься, как убийцы могут хладнокровно возводить свою мораль до абсолютной безнравственности. **Читаем**: «Руководители ЕАК... пропагандировали национальную ограниченность и обособленность евреев, лживый тезис об исключительности еврейского народа как народа, проявившего якобы исключительный героизм в борьбе с фашизмом и имеющего якобы исключительные заслуги в труде и науке... Идеализируя далекое прошлое, они воспевали в националистическом духе библейские образы, пропагандировали идею внеклассового «братского» единения евреев всего мира только по признаку «одной крови»... Расширив самовольно функции ЕАК, руководители его занимались устройством евреев-переселенцев, направляемых в Биробиджан, устройством евреев, возвращающихся из эвакуации, трудоустройством евреев в бывших оккупированных районах Украины и Крыма»...

Приговор: поименованных *расстрелять, конфисковав у них все имущество*. Ничего не забыли, сволочи, но не учли одного: и раввинами были евреи, и героями, и учеными, и тружениками, и другими «якобы исключительными» свойствами они обладали, но это было лишь очевидным следствием главного – они являлись представителями народа, призванного быть избранным в духовном смысле. А это свойство расстрелять невозможно!

Национальность и «избранность» евреев. Новое время*

Концепция избранности в истории еврейской цивилизации

Среди принципиальных факторов, которые в прошлом обеспечивали выживание евреев, невзирая на систематические преследования и угнетение, первое место, без сомнения, принадлежит убеждению в том, что они являются особым объектом Божественного провидения. *Такое значение национальной идеи эквивалентно традиционной убежденности в богоизбранности Израиля.* Для реалистической оценки доктрины богоизбранности Израиля следует раскрыть в этой доктрине те аспекты, которые представляют наиболее фундаментальные основания для самого существования иудаизма. Их нетрудно отыскать, поскольку в нашем национальном самовосхвалении дань некоему идеалу превосходства существовала всегда. Говорят, что лицемерие – это дань, которую порок платит добродетели. Но даже в самом лицемерии скрыт некий этический вывод, так что надо быть справедливым к тому, что во всякой претензии на превосходство – обоснованной или необоснованной – отдается дань уважения тем чертам добродетели, которые, по мнению посетителя этой претензии, придают ему высшие качества.

Каждый древний народ имел своих богов, и многие древние народы смотрели на самих себя как на избранных ими. Но никто не станет отрицать, что евреи достигли успеха в придании этой идее особого значения, которое уникально расширило духовные пределы человеческой жизни. Именно в интерпретации иудаизма идея Бога стала столь грандиозной, что она заменила подобные идеи других народов и сделала возможным идею богоизбранной нации. Идеал национальности был манией евреев, которые интуитивно чувствовали его привлекательность. Мания превратилась в убеждение, что они являются единственной нацией, и это убеждение, в свою очередь, привело их к выводу: Бог, которому они преданы, является единственным истинным Богом. Древние, возможно, не могли вообразить, что их преданность божеству проистекает целиком от них самих. Фактически они проделали процедуру выбора своих богов, но, не умея понять смысл этого процесса, они решили, что это боги выбрали их. При таком методе мышления евреи приписали своему Богу акт выбора, обязавший их быть верными Ему.

То значение моральной и духовной важности национальности, которое придает ей еврейский ум, ускользает от тех, кто используют процесс абстрактного мышления, разработанный греками. Поскольку национальная идея никогда не достигала в еврейском уме той абстрактной и обобщенной формы, которая могла

---

* Большая часть материала представляет собой перевод из книги «Иудаизм как цивилизация», главного труда М. Каплана, опубликованного в 30-х годах, т. е. до создания Государства Израиль. М. Каплан, крупнейший американский еврейский мыслитель XX века, выдвинул концепцию иудаизма как развивающейся цивилизации, в основе которой духовное наследие Торы, но которая для своего выживания должна видоизменяться вместе с изменением исторических условий существования еврейства.

бы сделать ее пригодной для передачи, она нашла свое выражение как образ жизни, а не как способ словесного выражения. Таким образом, вера в то, что Бог избрал Израиль в качестве Своего народа, не осталась инертной идеей, а послужила основой целой цивилизации, в которой жили евреи. Эта цивилизация описывалась Торой – символом этой цивилизации. Нет ничего удивительного в том, что, когда бы еврей ни читал Тору – свиток Закона, который представлял его национальную цивилизацию, – он превозносил Бога в благословениях. «Благословен Ты, о, Господь, Бог наш, Царь вселенной, Который избрал нас среди других народов и дал нам Тору». Концепция богоизбранности, которая выделяет национальность Израиля среди национальностей других народов, является принципиально иным основанием для мышления и мироощущения по сравнению, допустим, с идеей божественного избрания в кальвинизме. Индивидуум не благодарит Бога за то, что ему выпало быть среди тех, кого Бог избрал для божественной милости; он благодарит Бога за то, что в силу принадлежности к национальной цивилизации индивидууму дана возможность почувствовать выбор Бога. Сегодня Тора может символизировать для евреев только исторически сложившуюся цивилизацию, а национальность, если ей по-прежнему придается духовная ценность, должна найти свое выражение в идеалах демократии.

Доктрина еврейской богоизбранности определяет, что:

1. *Как формальный договор Тора символизирует истину, которая гласит, что нация становится таковой не вследствие наличия общих предков или физического родства, но вследствие согласия тех, кто создает ее, чтобы жить вместе и сделать свое общее прошлое источником вдохновения для общего будущего. Общая воля, выраженная в таком согласии, образует духовные узы, которые объединяют членов нации.*

2. *Нация – не боевая единица, а культурная группа, объединенная не инстинктом, сплывающим волчью стаю для нападения и защиты, но сознанием необходимости развивать те отличительные особенности человека и его потенциальные возможности, которые только и может воспитать коллективная жизнь. Тора содержит базисные элементы человеческой культуры, представленные кодексом законов, она предписывает этическое и религиозное поведение, разрабатывает философию жизни, истории и национальной политики.*

3. *Тора как процесс представляет собой средство общения между теми, кто обладает жизненно значимым знанием, и теми, кто такого знания лишен, будь то родитель и ребенок, мастер и ученик. Тора, таким образом, представляет функцию образования, которой все остальные функции социальной организации – государственные или административные – должны быть подчинены. Процесс передачи такого знания имеет высший приоритет среди всех обязанностей еврейской жизни.*

Разделение человеческого рода на нации проистекает из законов природы, от которых нельзя уклониться. Но, не поставленный под контроль моральных норм, национализм, несомненно, должен быстро привести общество к безумию и, базируясь на диких импульсах жадности и тщеславия, неизбежно обратит в руины все, что встретится на его пути. *Перед лицом этой опасности еврей должен активно протестовать против сознательного искажения творческой энергии национализма. Пестуя еврейскую национальную идею наряду с национальной идеей той страны, гражданином которой он является, еврей показывает на собственном примере, что право нации на жизнь должно идти бок о бок с обязанностью не мешать жизни других наций.*

Очевидно, что еврей может использовать преимущества богоизбранности, только если он идентифицирует самого себя со всем Израилем. Но, понятие «Израиль» не означает только поколения его современников, это национальное бытие, происхождение которого уходит в далекое прошлое, и будущее которого беско-

нечно. Сущность индивидуума, который пережил прошлое своего народа и живет в преддверии его будущего, бесконечно больше и полнее человеческого опыта той личности, чей кругозор ограничен только настоящим. Именно такое понимание сущности индивидуума национализм приносит в ментальность и в поведение еврея. Вот почему групповая память евреев является долгой и групповое воображение простирается далеко.

Евреи должны быть готовыми к восприятию национальной идеи в виде духовного призвания не только для своего, но и для любого другого народа. Возрождая в своем бытии и в своей истории моральную и духовную силу, порожденную национальной идеей, еврейский народ может идти по пути, который может быть примером наилучшего использования социальных сил в интересах человечества и человечности.

Избранность в эпоху эмансипации

До эмансипации евреи воспринимались остальным миром как нация в изгнании. Это означало, что и сами они рассматривали свое пребывание за пределами Палестины как преходящее, сохраняли чувство единства, несмотря на свое рассеяние. Это же относилось к каждой местной общине, которая имела такой же статус, какой имеет бывшая колония по отношению к своей метрополии.

Эта целостная концепция восприятия евреев как богоизбранного народа в современную эпоху носит, безусловно, спорный характер. В новую эпоху перед лицом серьезных изменений окружающих условий, которые происходят в настоящее время, приходится искать ответ на вопрос: что отныне должно определять статус евреев как нации перед лицом остального мира? Термину «нация» в отношении евреев как коллективной организации не всегда придается современный смысл, он скорее соответствует понятию «церковь» в смысле коллективной организации или общества трансцендентного характера, получившего право на существование вследствие поддерживающего его вмешательства сверхъестественных сил. Стремясь сформулировать свое понимание статуса еврейского народа как естественной или исторической общественной группы, мы испытываем определенные трудности, если будем оставаться в рамках традиционной идеологии, основанной на концепции богоизбранности еврейской нации, которая далеко не соответствует потребностям нового времени. Между традиционной концепцией Израиля и тем, чего следует добиваться в настоящее время, существует огромная пропасть. Тенденция рассматривать эту пропасть как несущественную или даже пренебрежимую, по крайней мере, не облегчает процесса переосмысления своего положения для еврея, если он собирается снова повернуться лицом к своему народу. Такой подход будет препятствовать органическому синтезу элементов прошлого, которые представляют собой ценность, и того, что может быть приемлемым из настоящего.

Традиционная концепция богоизбранности Израиля служила сохранению еврейского народа потому, что в течение долгого времени она являлась эффективным ответом на вызов со стороны христианского мира. В то время было принято считать библейскую интерпретацию происхождения Израиля само собой разумеющейся. Полагалось, что история еврейского народа является этапом священной истории, этапом, который имел важное значение для всего человечества. Для христиан еврейство представляло собой нацию, которую создал и воспитал Бог и которая сохраняла статус нации, несмотря на изгнание. До тех пор пока господствовала такая интерпретация истории, в которой евреи своим коллективным потенциалом играли важную роль в схеме спасения человечества, по существу, не

имело значения, по каким специфическим характеристикам осуществляется идентификация еврейства. Важно было, что евреи обладали статусом как четко отделенная от других группа.

В наше время не представляется уже возможным поддерживать коллективную жизнь еврейства, не приводя ее тем или иным способом в соответствие с политической и гражданской структурой современного общественного порядка, из которого удалены все мистические элементы. Этот порядок базируется на гуманистических и рационалистических принципах управления. Традиционалистская концепция Израиля как народа, статус которого выходит за пределы естественных законов окружающей социальной действительности, уже не могла служить евреям в организации их бытия в условиях политических и социальных реалий нашего времени. Сегодняшняя ситуация требует такой концепции еврейского народа, которая принимала бы во внимание гуманистическое мировоззрение современного мира и его политические и гражданские устои.

Разделение человеческого рода на нации, которое не казалось удивительным для других народов древнего мира, обозначилось для евреев на самом раннем этапе их развития как феномен, требующий объяснения. Рассуждения на эту тему почти так же стары, как и сама еврейская традиция, которая рассматривает возникновение наций как превентивную меру, к которой прибегнул Бог; чтобы поставить под контроль поднимающуюся волну человеческого высокомерия и самодостаточности. Неразделенное человечество могло бы поверить в свою способность безнаказанно нарушать законы Бога. Такую идею развивали пророки в связи с заключением, что подобное разделение является положительным инструментом, служащим для реализации Царства Божьего. Осознание этого привело евреев к концепции национализма, который ставится во главе перечня духовных ценностей, предназначенных к восстановлению из текущего хаоса целей и идеалов.

Идея национализма, основанная на концепции, что национальность является синонимом государственности, делает ее неприемлемой для народа, который должен обладать всеми категориями нации, хотя он не представлен в этой концепции государством. Такое предположение означает признание национальности скорее культурной, чем политической категорией. Право еврея на гражданство базируется на его готовности нести все тяготы, соответствующие нормам гражданской жизни. Провозгласив право на свою собственную национальность, он не стремится к освобождению от обязанностей гражданина. Но он должен свободно культивировать свое групповое самосознание, основанное на исторической принадлежности к еврейской цивилизации. Такое самосознание предполагает право на жизнь в соответствии с указаниями совести, а также на религиозную свободу, и большинство не имеет права монополизировать его жизнь таким образом, чтобы в ней не оставалось места для этого. Религиозная свобода не означает всего лишь свободы придерживаться какой-либо концепции Бога, но означает главным образом свободу оставаться лояльным к какой-либо исторической культуре. Представление, что верность государству исключает идентификацию с более чем одной нацией, должно, следовательно, быть отвергнуто.

Национальность как динамический фактор в жизни человечества может быть прослежена, начиная с самых ранних этапов истории. В древние времена такое групповое самосознание всегда принимало религиозную форму. Лояльность к нации и ее целям выражалась в виде лояльности к национальным богам. В новое время неотъемлемым атрибутом нации стало считаться требование гражданской лояльности ее членов, и в современном мире патриотизм играет роль, аналогичную той, которую в древнем мире играла религия. Сегодня он, несомненно, явля-

ется более важным жизненным фактором, чем любая из исторических религий, и, без сомнения, может быть назван религией большей части человечества.

Едва ли необходимо доказывать, что национализм может быть использован (и не раз использовался!) на службе зла. Евреи были его самыми несчастными жертвами еще со времен становления национальных монархий и оставались таковыми вплоть до наших дней, включая годы нацистских преследований. Национализм породил безумства, свергнувшие европейские народы в последнюю войну. Все это привело многих к заключению, что национализм в большей степени является пережитком варварства, чем продуктом развития цивилизации, что он концентрирует вулканическую энергию, которая может в любой момент извергнуться и опустошить землю. То же может быть сказано в отношении религии. Нет таких пизостей, которые не использовали бы религию как знамя для их прикрытия. Но даже наиболее воинствующие противники религии должны согласиться с тем, что если ее и используют таким образом, то это не обязательно говорит об органическом, внутренне присущем ей зле. Несомненно, это вытекает из человеческой испорченности, способной извратить лучшие порывы человеческой души.

Не следует забывать, что в национализме, так же как и в религии, мы имеем дело с тенденциями, которые коренятся в самой человеческой природе и во внешних обстоятельствах, формирующих ее, и поэтому ничего нельзя достигнуть проповедями их подавления. *Но устранить шовинизм из национализма так же возможно, как было возможно устранить человеческие жертвоприношения и фаллический культ из религии.* Национализм обременен наследием прошлого, узаконившим ошибки, совершенные нациями по отношению друг к другу, узурпацию и подавление слабых сильными. Это наследие будет продолжать преследовать человечество, хотя многие предубеждения, касающиеся национальных прерогатив, ныне отброшены.

Мы не можем пренебречь радикальным различием между тем, что понятие национальности означало для евреев в прошлом, и тем, что оно должно означать в будущем. В прошлом евреи ожидали возвращения в страну Израиля благодаря некоему сверхъестественному событию, связанному с пришествием Мессии, который будет опознан по его способности творить чудеса. Средствами приближения такого чуда должны были служить раскаяние, молитвы и посты. Теперь возвращение в Палестину рассматривается как проект в области колонизации, индустриализации и воспитания, и в этом смысле зависит от согласия нееврейских народов, чьи интересы затрагиваются осуществлением этого проекта. Другое отличие состоит в отношении евреев к своей жизни в диаспоре. Если в прошлом они всегда рассматривали свое рассеяние среди других наций как форму Божьего наказания и как изгнание, от которого они будут полностью избавлены только тогда, когда это будет угодно Богу, то теперь рвение, с которым евреи стали добиваться избирательных прав, исключает такой взгляд на вещи. Они рассматривают свое изгнание как постоянное — не Божье наказание, а стечение исторических обстоятельств, которое часто воспринимается как не имеющее альтернативы.

Возвращение евреев к статусу национальности потребует интернационального мышления в большей мере, чем это потребовалось при лишении их этого статуса. Как интернациональная нация они ограничены в своей способности быстрого примирения обоих полюсов противоречий, которые являются неотъемлемой частью современной жизни: противоречия между лояльностью к нации и лояльностью к человечеству. Одновременно с борьбой за восстановление и реорганизацию своей собственной национальности и содействием развитию национальной идеи народов, с которыми они объединены гражданством, евреи должны способствовать всем формам интернационального мышления. Такое содействие должно, сле-

довательно, образовать целостную фазу их религиозного и общественного идеализма.

Национальность как культурная концепция

Национальная идея евреев представляет форму совместной жизни, в которой основным скрепляющим элементом является культура или цивилизация, когда последовательно сменяющиеся поколения объединяются друг с другом благодаря культурному наследию. Средой, имеющей наибольшее значение в передаче национальной культуры, является семья. Тот факт, что каждая базовая культура носит специфический характер, не означает тенденции к отделению, хотя не может не включать реакцию на враждебность со стороны других групп. Законы о браке, которые придают семье статус и постоянство, которые не возникли сами по себе, они являются продуктом национальной жизни. Поскольку нация получает свою жизнь главным образом от семейной ячейки, которую она использует как средство передачи культурной компоненты своего жизненного процесса, национализм представляется не политической, а культурной концепцией. Его фундаментальным предназначением являются гуманизация и цивилизация. Можно было бы избежать многих недоразумений и ложных последствий такого мощного инструмента человеческого развития, как национальная идея, если бы это фундаментальное назначение было более широко признано.

Никакое поколение не может начать процесс своего человеческого развития «с чистого листа». Оно должно развиваться посредством социального наследства, которое передается ему от его предков. Индивидуум получает свою культуру в наследство, подобно тому, как он получает от своих родителей цвет глаз. Пока эти цивилизации будут оставаться живыми, будут жить национальные группы, которые их культивируют. Когда группа достигает определенной степени коллективного сознания, когда она обладает *волей к цивилизации*, она приобретает право на существование, которое никто не может поставить под вопрос в той же мере, в какой никто не может поставить под вопрос право человеческого существа на жизнь, раз уж оно пришло в этот мир.

Евреи сегодня сами охотно подчиняются необходимости включения своих детей в культурную материю страны, где они живут. Вопрос состоит в том, должно ли большинство чинить препятствия евреям или другому меньшинству привносить в цивилизацию большинства опыт своей собственной исторической цивилизации? Если демократическое государство допускает свободу совести и право на организацию ассоциаций, оно должно разделять эту обязанность и право с этническими группами, меньшинствами, национальностями или церквями, которые желают принимать участие в воспитании ребенка. *Должен ли национализм большинства проявлять большую нетерпимость, чем средневековые проповедники?* Главное заключение, которое следует из культурной концепции национализма, состоит в том, что те, кто принадлежат к данной цивилизации, имеют неотъемлемое право передавать эту цивилизацию своим детям.

Жить в двух цивилизациях, которые приводят к различным типам ценностей, не просто необходимость, в которую современные нации вовлекаются историческими силами помимо своего желания, – это и средство избежать опасности вмешательства государства в религию. Признание двойственной культурной лояльности гражданина современного государства является реальным противовесом тенденциям шовинизма. Концепция иудаизма как особой цивилизации определяется двумя руководящими идеями, позволяющими реконструировать иудаизм

в соответствии с духовными нуждами и социальными условиями сегодняшнего дня:

1. Только в еврейском национальном доме иудаизм может достичь тех условий, которые необходимы для того, чтобы он стал современной, творческой и духовной цивилизацией.

2. Пока современные нации определяют свои моральные и духовные ценности на базе таких исторических цивилизаций, как христианство и ислам, евреи должны культивировать свою собственную историческую цивилизацию как средство сохранения своей духовной жизни. Такая цивилизация закономерно определяется двумя аспектами – возрождением *Страны Израиля* и сохранением диаспоры в целях организации своей национальной жизни. В той же степени, в какой евреи являются неотъемлемыми элементами структуры своей исторической цивилизации, они должны быть лояльны тем странам, гражданами которых они являются.

Статус евреев, который вытекает из этой программы, заключается в том, что они являются интернациональным народом, имеющим свой дом в Палестине.

ИЗРАИЛЬ

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ

Ави БЕКЕР

ООН, палестинские беженцы и международный терроризм

Двадцатое столетие может быть не без оснований названо эпохой великого переселения народов. Для многих из них вынужденное бегство и массовая эмиграция стали тяжелейшими событиями в их истории, однако большинство беженцев, вынужденных переселенцев и мигрантов так или иначе прошли процесс натурализации и социально-экономической и культурной интеграции в новых странах. Из 135 миллионов беженцев, находившихся в этом статусе со времен второй мировой войны, почти все обрели гражданство; палестинские арабы являются одним из немногих трагических исключений. Арабские политики на протяжении десятилетий используют отчаянную ситуацию, в которой оказались их палестинские соплеменники, для того, чтобы ослабить международные позиции Израиля и в перспективе стереть его с политической карты мира. Сделав палестинских беженцев заложниками своих планов, они не пытаются решить их реальные проблемы. Кампания за «право на возвращение», по сути, препятствует разрешению арабо-израильского конфликта путем создания палестинского государства, которое могло бы мирно сосуществовать с Государством Израиль.

Сегодня об этом редко говорится с трибун международных организаций и в средствах массовой информации, однако факт остается фактом: число евреев, покинувших в середине XX века страны, где они жили в течение многих поколений, превышает число палестинских беженцев. Большинство из них эмигрировали, спасаясь от антисемитизма и этнических чисток. Евреи стали «забытыми беженцами», т. к. со временем они осели в других странах (в основном в Израиле), и политики не были заинтересованы в том, чтобы эксплуатировать эту ситуацию.

В декабре 1949 года ООН учредила для помощи арабам, бежавшим из Палестины, и их последующего трудоустройства специальное Управление (United Nations Relief and Works Agency for Palestinian Refugees in the Near East, UNWRA), которое изначально было задумано как временное. В наши дни, более полувека спустя, его персонал насчитывает двадцать тысяч человек, а его годовой бюджет составляет 311 миллионов долларов. Постепенно лагеря беженцев, существующие под эгидой этого Управления, превратились в военные бастионы, где тренируют террористов, учат детей ненависти и превозносят как героев самоубийц, взрывающих автобусы с пассажирами, рестораны и кафе с посетителями, торговые центры с персоналом и покупателями.

I

Арабо-израильский конфликт включает в себя две проблемы беженцев: еврейскую и арабскую. Однако если в связи с переговорным процессом палестинские арабы постоянно находятся в центре международного внимания, и весьма проблематичный вопрос об их праве на возвращение постоянно муссируется, то вопрос о еврейских беженцах не ставится вообще. История их угнетения и изгнания из арабских стран перед войной 1948 года и после нее забыта, и с ней никогда не связывают актуальных политических проблем. Государство Израиль, маленькая страна с засушливым климатом, практически лишенная природных ресурсов, абсорбировало около шестисот из девятистот тысяч евреев, которым пришлось покинуть места своего проживания в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов. Остальные триста тысяч человек нашли прибежище во Франции, Канаде, Бразилии, Италии, США и других странах. Эти люди были вынуждены бросить свои дома, школы, синагоги, больницы, предприятия, разорвать деловые связи, не получив компенсации, хоть сколько-нибудь сравнимой с этими потерями. Однако в настоящее время их социальный и экономический статус практически ничем не отличается от статуса коренных жителей.

В отношении палестинских арабов, живущих в арабских странах и в районах, находящихся под арабским контролем (включая тех, кто осел на Западном Берегу и в секторе Газа, до 1967 года находившихся, соответственно, под контролем Иордании и Египта), наблюдается противоположная картина. Им намеренно не дают выбраться из нищеты, и в настоящее время они не имеют гражданства. Отказ арабских государств абсорбировать их является частью общей стратегии: арабские политики стремятся дискредитировать Израиль в глазах мирового сообщества, для того чтобы, в конце концов, уничтожить его.

«Забытый исход» евреев из арабских стран имеет непосредственное отношение к арабо-израильскому конфликту. Он доказывает, что на арабских лидерах лежит ответственность за антисемитизм, насаждаемый в их странах как до, так и после создания Государства Израиль. Бегство евреев из арабских стран находится в прямой связи с отказом арабских государств признать за Израилем право на существование. Сравнение судьбы еврейских беженцев с судьбой палестинских арабов показывает, насколько цинично арабские государства пользуются трагическим положением последних для осуществления своей стратегии. Начало этой политики было положено более полувека назад, и она остается неизменной и по сей день.

Во время переговоров в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года президент США Билл Клинтон признал, что при обсуждении проблемы палестинских беженцев автоматически встает вопрос о евреях, бежавших в Израиль из других стран Ближнего Востока. В октябре 1977 года, за двадцать три года до этих переговоров, тогдашний президент США Джимми Картер сказал: «У палестинцев есть своя правда. ...Однако существует и проблема еврейских беженцев. ...У них – та же правда...» В 2000 году президент Клинтон, говоря о равных правах палестинских беженцев и евреев, изгнанных из ближневосточных стран, пошел еще дальше, признав за последни-

ми право на компенсацию: «...Этот фонд должен выплатить компенсации израильтянам, которых война, разразившаяся после создания Государства Израиль, превратила в беженцев. В Израиле огромное количество евреев, которые были вынуждены бежать туда из арабских стран, где они жили»¹.

Резолюция Совета Безопасности ООН №242, принятая в 1967 году как основа для разрешения арабо-израильского конфликта, призывает «решить проблему беженцев». Она не делает различий между арабскими беженцами и бывшими еврейскими беженцами из арабских стран. Этот принцип нашел подтверждение в соглашениях, заключенных в Кемп-Дэвиде в 1979 году и в израильско-египетском мирном договоре. Тот факт, что Израиль принял евреев, вынужденных эмигрировать из арабских государств, не уменьшает ответственности последних за их исход. Резкий контраст между судьбами арабских и еврейских беженцев лишь подчеркивает тяжесть этой ответственности, так как, наблюдая его, невозможно не понять, что арабские страны – с одобрения мирового сообщества – создали механизм, увековечивающий бедственное положение палестинских арабов. Официальный документ ООП от 2000 года подтверждает существование целенаправленной арабской стратегии, предусматривающей их содержание в лагерях. «Чтобы проблема беженцев не утратила остроту, и чтобы не дать Израилю уклониться от ответственности за их трагедию, арабские страны – за исключением Иордании – до настоящего времени стремились к тому, чтобы статус палестинских беженцев не менялся, и чтобы их национальное самосознание определялось этим статусом»².

Мирное соглашение, основанное на отступлении Израиля к новым границам, должно учитывать интересы как евреев – выходцев из мусульманских стран, так и палестинских арабов, и решение политических и гуманитарных проблем последних должно быть одним из его основных компонентов.

Таблица 1. Еврейское население арабских стран

Регион	Население
Аден (1949 г.)	8 000
Алжир (1948 г.)	140 000
Египет (1948 г.)	85 000
Ирак (1948 г.)	135 000
Ливан (1948 г.)	5 000
Ливия (1948 г.)	38 000
Марокко (1948 г.)	300 000
Сирия (1947 г.)	30 000
Тунис (1948 г.)	105 000
Йемен (1949 г.)	55 000

Несколько сот евреев жили в Бахрейне и в Судане.

¹ Список примечаний см. в конце статьи.

II

В момент создания Государства Израиль в арабских странах жили девятьсот тысяч евреев. Государство Израиль абсорбировало более 620 тысяч из них. Политика арабских стран в отношении палестинских беженцев была иной. В своей известной речи от 24 июня 2002 года президент США Джорж Буш сказал: «В ходе ближневосточного конфликта палестинцами в течение десятилетий манипулировали как пешками. Их сделали заложниками в игре под названием «мирный процесс», который, по-видимому, никогда не будет завершен окончательно, а пока условия их жизни ухудшаются с каждым годом».

Недавно в «Нью-Йорк Таймс» был опубликован материал, в котором говорится о том, что палестинская проблема играет в политической и общественной жизни арабского мира роль «предохранительного клапана», через который сбрасываются напряженность и гнев, постоянно назревающие в обществах, подчиненных тоталитарным режимам. «Во многих арабских странах, где у власти находятся тоталитарные режимы, палестинский вопрос является единственным, по которому разрешены открытые дебаты. До войны с Ираком... большинство арабских правительств разрешали демонстрации только в поддержку палестинцев»³.

Дело палестинских арабов всегда служило одним из источников легитимации для правительств многих арабских государств, где нарушаются демократические принципы. Кроме того, со времен Войны за независимость арабы использовали проблему беженцев как средство для достижения дипломатическим путем позиций, которых им не удалось завоевать на поле боя и обусловить при заключении соглашений о прекращении огня.

Именно эти факторы объясняют причину бедственного положения палестинских беженцев. Арабские государства, где оказались палестинские беженцы, не давали им разрешения на постоянное жительство и не создавали никаких условий для восстановления их экономического и социального статуса. Более того: они ввели для палестинцев запрет на многие профессии и лишили их основных гражданских прав.

Управление по делам палестинских беженцев, созданное ООН в 1949 году, в отличие от существующего обособленно Ведомства Верховного комиссара ООН по делам беженцев, блокирует реализацию всех предлагаемых реабилитационных программ для палестинских арабов. Созданные Управлением по делам палестинских беженцев «временные» лагеря служат циничному плану усугубления остроты проблемы, якобы свидетельствуя о жестокости и равнодушии сионистского государства. Выступив в 1959 году с инициативой о переселении беженцев из лагерей, Генеральный секретарь ООН Даг Хаммершельд столкнулся с яростной оппозицией арабских стран, из-за чего вынужден был отказаться от этого намерения. К 2003 году «временное» Управление превратилось в организацию с персоналом двадцать тысяч человек, 98% которых – палестинские арабы, и с годовым бюджетом более трехсот миллионов долларов.

Арабские страны в большой степени ответственны как за еврейскую, так и за арабскую проблемы беженцев. В отличие от палестинских арабов, покинувших свои дома, спасаясь от разрушительной войны, евреи изгонялись систематически и в мирное время: официальная политика правящих режимов арабских стран, которая включала в себя антиеврейские декреты, погромы, убийства и антисемитские подстрекательства, фактически не оставляла им никакого иного выхода, кроме как покинуть места своего проживания. Палестинские арабы покинули свою землю в ходе войны, продолжавшейся полтора года, которая началась с вторжения в Израиль нескольких арабских армий, предпринятого с целью сорвать выполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о разделе

Палестины. Одной из главных причин исхода более чем полумиллиона палестинских арабов были угрозы и страхи, распространяемые и нагнетаемые арабскими лидерами, призывавшими палестинцев бежать. Одному из них, иракскому премьер-министру Нури Саиду, принадлежат следующие слова: «Мы сокрушим страну и разрушим каждое место, где евреи будут искать убежища. Арабы должны увести своих жен и детей в безопасные области, где они смогут жить до окончания боев».

В марте 1976 года недавний премьер-министр Палестинской администрации Махмуд Аббас (известный как Абу Мазен) писал в «Фаластин-аль-савра», официальном журнале ООП, издававшемся в Бейруте: «Арабские армии вошли в Палестину, чтобы защитить палестинцев от сионистской тирании. Вместо этого они бросили их на произвол судьбы, заставили эмигрировать, окружили их политической и идеологической блокадой и поселили в тюрьмах, похожих на гетто, в которых жили евреи в Восточной Европе»⁴.

Сотни тысяч арабов, не послушавших Нури Саида и других арабских лидеров, остались в Израиле, и большинство из них не пожалело об этом.

Таблица 2. Палестинские арабы и другие беженцы⁵

	Управление по делам палестинских беженцев (было создано специально для этой категории вынужденных переселенцев)	Ведомство Верховного комиссара ООН по делам беженцев (существует для помощи всем остальным беженцам на земном шаре)
Численность беженцев, проблемами которых занимается организация	3 миллиона 900 тысяч человек	19 миллионов 900 тысяч человек
Бюджет	315 миллионов долларов	881 миллион долларов
Эти цифры показывают, что в Управлении по делам палестинских беженцев на одного человека приходится почти вдвое больше денег, чем в Ведомстве Верховного комиссара		
Численность государств, в которых работают представители организации	5	120
Численность офисов организации	5	277
Численность персонала	23 тысячи человек	5 тысяч человек
Определение беженца	Каждый, кто лишился места жительства и средств к существованию в результате арабо-израильской войны 1948 года	Лицо, находящееся за пределами страны своего обычного проживания из обостренного страха перед преследованием
Международная Конвенция о правах беженцев, заключенная в 1951 году, относится ко всем беженцам, кроме палестинских арабов		

Считаются ли беженцами потомки беженцев, родившиеся в изгнании?	Да	Нет
Официально сформулированные задачи организации	Обеспечение работы гуманитарных служб до возвращения беженцев в дома, где они жили до 1948 года	Защита беженцев и решение их проблем
Рассматривается ли возвращение на родину как неотъемлемое право?	Да. Другие варианты фактически не рассматриваются. Цель – сохранить в отношении палестинских арабов «временную ситуацию» до получения ими разрешения на возвращение	Нет. Неотъемлемым правом считается нахождение убежища. Если возвращение на родину невозможно, рассматриваются возможности поселения в стране, предоставившей убежище, или в иной стране. Цель – помочь беженцам вернуться к нормальной жизни
Предоставление услуг в сфере образования и здравоохранения	Да. Управление содержит школы и клиники	Только в определенных случаях. Представители Ведомства обращаются с просьбами о помощи к стране, предоставившей беженцам убежище

III

В настоящее время участники ближневосточного конфликта обсуждают новую основу мирного урегулирования – так называемую «Дорожную карту», в результате реализации которой должно быть создано палестинское государство. Израильское правительство (с некоторыми оговорками) одобрило этот документ. Однако этот план имеет лишь поверхностное отношение к проблеме беженцев, «согласованное, справедливое и реалистичное решение» которой откладывается до последнего – третьего – этапа урегулирования. Что понимать под эпитетами «справедливое и реалистичное»? Кого считать беженцами? Должны ли мы вновь оставить нерешенным взрывоопасный вопрос о праве на возвращение, чтобы он дестабилизировал каждую стадию мирного процесса? Не является ли «право на возвращение» нескольких миллионов палестинских арабов в Израиль формулой, изобретенной с целью исключить саму возможность разрешения палестино-израильского конфликта в форме сосуществования двух государств, чтобы впоследствии уничтожить еврейское государство политическим путем?

Путь к справедливому реалистичному решению проблемы беженцев должен начинаться с признания того факта, что на Ближнем Востоке она включает в себя

интересы двух сторон, каждая из которых имеет право на компенсацию. Чтобы такое решение стало возможным, необходимо понять, что в регионе произошло переселение народов, и повернуть историю вспять нельзя. Наряду с отступлением Израиля необходима смена приоритетов у арабской стороны. Это значит, что должна быть разработана конкретная программа реабилитации и переселения беженцев, которая станет одной из основ, а не следствием мирного процесса.

Анализируя роль ООН в сознательном затягивании решения проблемы беженцев, необходимо учитывать, что в целом ее позиция в отношении арабо-израильского конфликта чрезвычайно пристрастна. Антиизраильская направленность столь многих резолюций ООН давно уже не позволяет говорить об объективности и беспристрастности этой международной организации. Чтобы политические споры и переговоры по проблеме палестинских беженцев стали конструктивными, ООН должна вести их на абсолютно новой основе⁶.

Со времен своих первых посреднических попыток разрешения арабо-израильского конфликта ООН постоянно возвращалась к проблеме беженцев. Одним из первых международных посредников, который привлек внимание к ней мирового сообщества, был Фольке Бернадотт, назначенный ООН с целью поисков путей арабо-израильского урегулирования в 1948 году. Все решения ООН, относящиеся к беженцам из стран Ближнего Востока, были связаны с резолюцией №194 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1948 года. В соответствии с этой резолюцией, основанной на отчете посредника ООН, была учреждена Комиссия по примирению в Палестине, перед которой ставились три задачи: достижение обязывающего мирного договора между Израилем и арабскими странами; разработка системы постоянного международного правления в Иерусалиме; содействие принятию мер по возвращению палестинских беженцев. ООН способствовала заключению в 1949 году соглашений о прекращении огня. Однако в последующие годы ООН отказалась от объективной посреднической позиции. Создается впечатление, что, учредив Комиссию по примирению в Палестине, ООН предала забвению опыт своих посредников и уроки, извлеченные ими из проходивших на острове Родос и в других местах переговоров о перемирии. Текст резолюции №194 свидетельствует о девальвации концепции урегулирования конфликта путем переговоров, так как в ней говорится о переговорах через посредников, а не о прямых дипломатических контактах. Резолюция предписывала «учредить структуру, которая позволит Комиссии удовлетвориться результатами непрямых контактов между сторонами, так как такие контакты облегчат обмен мнениями». Комиссия по примирению в Палестине руководствовалась этим подходом. Ее члены писали в своем отчете, что у нее нет намерения «собрать представителей двух сторон ни за столом переговоров, ни даже под одной крышей». В этих условиях попытки Комиссии выполнить порученную ей задачу решения проблемы арабских беженцев были обречены на провал.

Хотя резолюция №194 едва ли могла способствовать успеху переговоров, она определила проблемы, решение которых обуславливало разрешение ближневосточного конфликта. В числе прочего, она предлагала практическую формулу решения проблемы беженцев, указывая на необходимость их переселения и реабилитации. О беженцах говорится сразу после руководящих указаний по экономическому развитию региона, которые Комиссия была уполномочена выработать и согласовать с заинтересованными сторонами. Параграф 11 резолюции гласит: «Генеральная Ассамблея... постановляет, что беженцам, желающим вернуться в свои дома и жить в мире со своими соседями, необходимо как можно быстрее разрешить осуществить свои намерения; тем, кто предпочтет не возвращаться, должна быть выплачена компенса-

ция за их собственность и за причиненный ей ущерб; согласно международному праву, это должно быть сделано правительствами или властями, несущими ответственность за данную ситуацию; предписывает Комиссии по примирению способствовать созданию условий для репатриации, переселения, экономической и социальной реабилитации беженцев и выплаты компенсаций, а также поддерживать тесную связь с учрежденным ООН Управлением по делам палестинских беженцев и через него с другими соответствующими органами и агентствами ООН».

Управление по делам палестинских беженцев было учреждено для выполнения этих решений. Его основной задачей было обеспечить трудоустройство беженцев в проектах, которые должны были облегчить их реабилитацию. В следующем году, 14 декабря 1950 года Генеральная Ассамблея приняла Резолюцию №394 о репатриации или переселении и компенсации, которая рекомендовала учредить бюро для определения размеров компенсаций беженцам и их выплаты. В этом документе подчеркнута возможность их переселения и выражена озабоченность Генеральной Ассамблеи «тем, что решение вопросов о репатриации, переселении и экономической и социальной реабилитации беженцев, а также выплате им компенсаций, ни в малейшей степени не продвинулось».

IV

Позиция Израиля в отношении палестинских беженцев была и остается практически неизменной: Израиль рассматривает этот вопрос как одну из принципиальных задач, без решения которых арабо-израильский конфликт не может быть урегулирован. На заседаниях различных структур ООН, посвященных работе Управления по делам палестинских беженцев, Израиль ежегодно отвергал предложения о неограниченной никакими условиями репатриации палестинских арабов. При обсуждении компенсаций беженцам Израиль неизменно поднимал вопрос о правах еврейских беженцев из арабских стран, которые были вынуждены покинуть свои дома и бежать в только что созданное еврейское государство⁷. Что касается арабских руководителей, то они сначала отвергли резолюцию №194, но затем приняли ее параграф 11 и с тех пор постоянно интерпретировали его как признание безусловного права на возвращение. Цитируя слова из этого параграфа о том, что власти должны разрешить беженцам вернуться домой, они неизменно отказываются участвовать в каком бы то ни было плане их экономической интеграции в своих странах.

Поворот в отношении ООН к проблеме беженцев произошел в 1952 году. После неудачных попыток Комиссии по перемирию достичь всеобъемлющего урегулирования, Генеральная Ассамблея – под влиянием арабских политиков – решила отделить вопрос о беженцах от остальных компонентов арабо-израильского конфликта. С тех пор политический аспект этой проблемы постоянно акцентируется, и подчеркивается, что она должна решаться в соответствии с правом беженцев на возвращение в Палестину и в Государство Израиль⁸. В резолюции №194 от 1948 года о переселении беженцев говорилось лишь как об одном из возможных решений, но, начиная с 1952 года, представители ООН больше не упоминали об альтернативных путях облегчения положения вынужденных переселенцев. В 1949 году арабские лидеры отвергли предложение Совета Безопасности ООН подготовить экономически обоснованные предложения по расселению и трудоустройству беженцев в различных регионах Ближнего Востока. Спустя десять лет, в июне 1959 года, они категорически отказались рассматривать представленный Генеральным секретарем ООН Дагом Хаммершельдом долгосрочный план по реабилитации вынужденных переселенцев и их интеграции в местах их фактического проживания.

Сам факт создания Управления по делам палестинских беженцев представляется весьма показательным. Это – единственная организация, которая занимается

проблемами беженцев только из одного региона. ООН не учредила другого постоянного агентства для какой-либо категории беженцев, несмотря на то, что со времен второй мировой войны в мире зарегистрировано 135 миллионов беженцев, большинство которых покинули свои дома в результате гражданских войн и войн между государствами. Все беженцы, кроме палестинских арабов, находятся под эгидой Ведомства Верховного комиссара ООН по делам беженцев, которое открыло свои центры гуманитарной и политической помощи в 1959 году⁹.

17 ноября 1959 года Абба Эвен, тогдашний посол Израиля в ООН, поднял этот вопрос на Генеральной ассамблее ООН, предъявив прямое обвинение арабским государствам в сознательном уходе от решения проблемы палестинских беженцев: «Затягивание решения проблемы беженцев – противоестественное явление, не имеющее прецедента. Со времени окончания второй мировой войны правительства стран, находящихся в разных частях света, были вынуждены заниматься проблемами беженцев и вынужденных переселенцев, общее число которых превысило сорок миллионов человек. Ни в одном случае, исключая палестинских арабов, составляющих менее 2% этого числа, международное сообщество не брало на себя постоянной ответственности за судьбу беженцев и не предоставляло им столь масштабной помощи. Во всех других случаях, так или иначе, происходила интеграция беженцев в общественные и экономические структуры принявших их стран. Страны, предоставившие беженцам убежище, как правило, стремились облегчить их интеграцию, – кроме арабских государств, на территории которых находятся в настоящее время палестинские арабы. Только в этом единственном случае решение проблемы беженцев путем интеграции было отвергнуто. Этот парадокс представляется еще более удивительным, если подумать о том, что между арабскими беженцами и обществами стран, где они сейчас находятся, существует общность языка, религии, национальных и культурных ценностей, во всяком случае, не менее тесное, чем между беженцами, осевшими в любой другой стране, и обществом этой страны. Нельзя не прийти к выводу, что интеграция арабских беженцев в жизнь арабского мира – это объективно осуществимый процесс, который не реализуется по политическим соображениям».

В июне 1957 года председатель Подкомиссии по делам Ближнего Востока, входящей в состав Комиссии Сената США по иностранным делам, в конце своего весьма содержательного обзора констатировал: «Невозможно отрицать, что арабские государства в течение десяти лет использовали палестинских беженцев как политических заложников в своей борьбе с Израилем. Арабские делегаты в ООН без конца говорят о страданиях своих братьев в лагерях беженцев, но ничего не делается для того, чтобы оказать им эффективную помощь, так как иначе будет потерян рычаг давления на Израиль».

На протяжении 1950-х годов Управление по делам палестинских беженцев снова и снова предлагало планы переселения и реабилитации вынужденных переселенцев. Подобно плану 1952 года, они были отклонены правительствами арабских стран и Лигой арабских государств. К 1959 году Управление было вынуждено сообщить, что арабские государства бойкотировали его реабилитационный фонд, созданный в 1952 году для обеспечения палестинских арабов жильем и работой. Фонд должен был предоставить для этих целей двести пятьдесят миллионов долларов, но через три года было инвестировано только семь миллионов, и еще двадцать восемь миллионов лежали в кассе фонда невостребованными.

Ряд политически независимых исследователей, отличавшихся беспристрастным профессиональным подходом, с самого начала предложили программы интеграции и абсорбции большинства арабских беженцев в государствах, где они тогда находились. В конце 1950 года группа европейских исследователей, занимавшихся миграционными процессами, пришла к выводу, что единственное логическое

решение проблемы заключается в том, чтобы разделить беженцев на группы и расселить их по арабским странам¹⁰. В 1957 году на международной конференции по проблемам беженцев в Женеве д-р Алпен Росс, советник по делам беженцев во Всемирном совете христианских церквей, сказал: «Если бы не политический аспект, проблема арабских беженцев была бы самой легкой из проблем, решаемых путем интеграции... У арабских беженцев те же вера, язык, раса и социальная организация, что и у коренных жителей арабских стран»¹¹.

Однако ООН проигнорировала мнение экспертов. Присоединившись к арабской позиции, она построила бюрократического монстра для решения гуманитарных проблем. Управление по делам палестинских беженцев сформировало громоздкий аппарат с огромным числом служащих и значительным бюджетом. Если раньше его главной задачей была гуманитарная помощь беженцам, то теперь его деятельность была фактически направлена на усугубление их проблем и на создание условий, при которых они не могли бы покинуть лагерь.

V

Со временем стало ясно, что ООН несет косвенную ответственность за рост террора, т.к. лагеря беженцев превратились в его рассадник, – они даже служили для тренировок террористических групп ООП. В 1980-х годах Управление уже зависело от палестинских арабов в большей степени, чем они зависели от него. В июне 1989 года, когда израильская армия вошла в Ливан, обнаружилось, что лагеря Управления ООН по делам палестинских беженцев в Южном Ливане находятся под контролем террористических организаций. Израильским спецслужбам это было известно и раньше, однако разговоры об этом приобрели иной масштаб, когда в одном лагере за другим обнаруживались хорошо организованные террористические ячейки, кормившиеся от щедрот ООН.

Интересно, что посол Ливана в ООН Эдвард Гонра еще осенью 1976 года в письме Генеральному секретарю ООН Курту Вальдхейму предостерегал в отношении возможного развития ситуации именно в этом направлении. По просьбе посла, К. Вальдхейм передал его письмо представителям всех государств – членов ООН. Посол подробно описал «постоянное вмешательство палестинцев во внутренние дела Ливана и их посягательства на суверенитет страны». ООП нарушала многочисленные соглашения, заключенные с ней для ограничения ее присутствия и военной деятельности в Ливане. Как сообщал Э. Гонра в своем письме, «палестинцы действовали как отдельное государство, находящееся на территории Ливана, грубо нарушая законы страны и оскорбляя гостеприимство ее народа... ООП постоянно увеличивала приток оружия в Ливан... Она превратила большинство лагерей беженцев, если не все, в военные бастионы, расположенные вокруг наших главных городов, в сердце наших коммерческих и промышленных центров, рядом с областями с большим гражданским населением».

Ливанский посол приложил к этому письму копию письма заместителя премьер-министра Ливана саммиту неприсоединившихся стран в Коломбо (Шри Ланка). Это письмо содержало жалобу на палестинских арабов, которые нарушили соглашение с ливанским правительством от 1969 года, доставив в лагерь тяжелое оружие и захватив находившиеся в них офисы Управления ООН по делам палестинских беженцев¹².

О том, что лагерь Южного Ливана контролирует уже не ООН, а ООП, знали все, кто в них бывал. ООП контролировала весь аппарат Управления, насчитывающий около двадцати тысяч служащих, за исключением нескольких десятков членов «интернациональной бригады»¹³. Еще 18 июня 1979 года «Нью-Йорк Таймс» сообщала, что террористы ООП контролируют три лагеря беженцев, созданных ООН в Южном Ливане. Позволив ООП захватить эти лагеря, ООН, по сути, вложила ей в

руки эффективнейший инструмент для вербовки, боевой подготовки и политического воспитания террористов. Лагерь беженцев, над которыми развевались флаги ООН, превратились в военные базы ООП.

Только в 1982 году, после того, как израильская армия вошла в Ливан, руководство Управления согласилось признать, насколько оно способствовало террору, осуществляемому ООП. В октябре 1982 года Управление по делам палестинских беженцев выпустило отчет, где была подробно описана деятельность находящегося под его контролем «образовательного» лагеря в Сиблиуне вблизи Бейрута, который в действительности являлся тренировочной базой террористов. Согласно этому отчету, в течение двух лет, предшествовавших его написанию, в лагере командовала ООП. Действуя вразрез с официальной политикой Агентства, она превратила его в военный объект с оружейными складами; жители лагеря проходили в нем военную подготовку, обучаясь пользоваться оружием и взрывчатыми веществами¹⁴.

VI

22 ноября 1967 года Совет безопасности ООН единогласно принял резолюцию №242, в которой формулировались задачи и сфера ответственности посредника Гушара Ярринга. В резолюции были сформулированы условия и принципы, которые, как можно было надеяться, приведут к соглашению. Резолюция №242 и резолюция Совета безопасности №338, принятая 22 октября 1973 года, после окончания Войны Судного дня, стали поворотными вехами арабо-израильского переговорного процесса. Фактически, резолюция №338 повторяла резолюцию №242, добавляя к ней призыв к «немедленному началу переговоров между заинтересованными сторонами». Чрезвычайно важно отметить, что резолюция №242, в которой изложены принципы мирного соглашения по таким вопросам, как суверенитет, территориальная целостность, свобода судоходства и т.д., не внесла определенности в вопрос о беженцах. Сторонам лишь предлагалось выработать условия «справедливого урегулирования проблемы беженцев» путем переговоров. В резолюции не говорится о том, кого считать беженцами, арабов или евреев, и в ней не сформулирован путь к урегулированию этой проблемы.

До 1967 года палестинские арабы не возражали против определения их ситуации как проблемы беженцев. Их позиция существенно изменилась после появления ООП на арабской и международной сцене и после Шестидневной войны. В течение многих лет после 1967 года палестинцы отказывались признать резолюции №242 и №338 и другие решения Совета безопасности, так как палестинская проблема определялась в них как проблема беженцев, а не как вопрос самоопределения и легитимных национальных прав. ФАТХ, военное крыло ООП, категорически отвергал резолюцию №242, заявляя, что «она игнорирует национальные права палестинского народа, и в ней даже не упоминается о его существовании»¹⁵.

Дебаты в ООН показывают, что стороны спорят не только о причинах проблемы беженцев и связанных с ней обстоятельствах, но и об их числе. Исследование Моше Эфрат, опубликованное в 1993 году, показывает, что арабские данные и данные ООН часто не соответствуют истине. На июнь 1990 года общее число палестинских беженцев во всех странах, где они находятся, исключая Израиль, составляло около миллиона двухсот тысяч человек, а на территориях Западного берега и в Восточном Иерусалиме их было еще пятьсот сорок тысяч человек. Это намного меньше, чем два миллиона четыреста тысяч беженцев, о которых сообщает Управление ООН. М. Эфрат отмечает, что в целом, за исключением сектора Газа, происходит постепенная интеграция палестинских арабов, доля которых в составе населения принявших их стран весьма мала¹⁶.

Безусловно, позиция ООН и деятельность его Управления в значительной степени способствовали усугублению проблемы палестинских беженцев. В публикации американского Общества международного права профессор Луис Холборн утверждает, что Управление ООН не только искусственно завышает число беженцев, но и создает условия для закрепления их статуса. Беженцы не хотят отказываться от его помощи, даже если они получают возможность трудоустройства, которая их удовлетворяет, вплоть до случаев фальшивой регистрации и сокрытия смерти члена семьи¹⁷. В 1995 году в годовом отчете Управления говорилось о трех миллионах двухстах тысячах беженцев, а в 2002 году сообщилось о почти четырех миллионах зарегистрированных палестинских беженцев, из них 1 миллион 263 тысячи человек проживали в 59 лагерях, созданных под эгидой Управления ООН. Необходимо отметить, что многие из этих лагерей находятся вблизи городов и состоят из капитальных зданий, а не из палаток.

Таблица 3. Места проживания палестинских беженцев, 2000 год

	Беженцы, зарегистрированные ООН	% от общего числа	Живущие в лагерях	% от общего числа
Иордания	1 570 192	42%	280 191	23%
Западный берег	583 009	16%	157 676	13%
Газа	824 622	22%	451 186	37%
Ливан	376 472	10%	210 715	18%
Сирия	383 199	10%	111 712	9%
Всего	3 737 494	100%	1 211 480	100%

Источник: Управление ООН по делам палестинских беженцев

VII

Многосторонняя рабочая группа по проблеме беженцев была учреждена Мадридской конференцией в октябре 1991 года и собралась в Москве в январе 1992 года. В группе были представлены тридцать восемь делегаций, включая наблюдателей из Европейского сообщества и ООН. Однако арабские государства сделали все возможное для того, чтобы дискуссии в рабочей группе ни по духу, ни по букве не отличались от бесплодных политических дебатов, проводимых по этому вопросу на Генеральной Ассамблее ООН¹⁸.

В соглашениях Осло и в Декларации о принципах палестино-израильского урегулирования от 13 сентября 1993 года о проблеме палестинских беженцев говорилось как о вопросе, который должен обсуждаться сторонами позднее, и по которому решение должно быть принято на переговорах об окончательном урегулировании. Промежуточное соглашение между Израилем и палестинцами по Западному берегу и Газе от 28 сентября 1995 года (так называемое «Осло-2») могло привести к значительным переменам, так как оно весьма существенно расширило полномочия Палестинской администрации, распространяя их на большинство палестинских арабов, включая беженцев, живущих на Западном берегу и в окрестностях Иерусалима. В соответствии с этим соглашением, по крайней мере, треть всех беженцев, зарегистрированных Управлением ООН, оказывались под властью Палестинской администрации.

В период продвижения переговорного процесса по модели Осло было опубликовано несколько отчетов, ставивших под сомнение точку зрения ООН и эффективность работы Управления по делам палестинских беженцев. Отчеты Европейского Союза и норвежского Профсоюзного центра социологических исследований показали, что возможность выработки перспективных решений проблемы беженцев в большой степени зависит от того, улучшат ли принявшие их арабские страны условия их жизни. В отчете Евросоюза говорилось о том, что в характере помощи палестинским беженцам, находящимся на Западном берегу, необходимо произвести «глубокие изменения» в отношении их интеграции. Этот отчет вызвал протест палестинцев и возражения директора Управления. Д-р Элиас Санбар, глава палестинской делегации, аккредитованной при Европейском союзе, отметил, что Евросоюз «не рассмотрел ни возможность возвращения, ни возможность компенсации», добавив далее, «мы – народ, а не географически рассредоточенная субэтническая группа»¹⁹.

Соглашения Осло не оказали даже формального влияния на созданную под эгидой Управления ООН образовательную систему в лагерях беженцев. На школьных географических картах не значится Государство Израиль, и израильские города имеют арабские названия; в учебниках не упоминается о мире, но зато прославляется джихад – беспощадная война против Израиля; составленная Управлением школьная программа побуждает всеми средствами бороться за право на возвращение. Ярко выраженная политическая позиция Управления отражается в высказываниях его администрации. Директор Управления Питер Хансен отказывается обсуждать вопросы переселения и реабилитации беженцев. В 1999 году он сказал: «Палестинские беженцы не откажутся от права на возвращение. Оно является основой их национального сознания».

В апреле 2002 года палестинский террорист-самоубийца совершил в отеле «Парк» в Нетании во время пасхального седера террористический акт, в котором погибли 29 человек. Израиль ответил вводом войск в лагерь беженцев в Дженине. ФАТХ, военное крыло ООП, назвал этот лагерь «столицей террористов-самоубийц, местом сосредоточения борцов, которых ничто не может сломить и остановить на пути к их цели». Во время боев

в лагере, продолжавшихся несколько дней, погибли двадцать три израильских солдата и пятьдесят два палестинских араба. Не ознакомившись с этими фактами, П. Хансен присоединился к палестинской пропаганде, обвинив Израиль в убийстве сотен, а возможно и тысяч палестинцев. В десятках интервью, относящихся к событиям в Дженине, П. Хансен говорил СМИ: «Это настоящий ад... Назвать это резней – не преувеличение. Раньше я избегал этого слова, но после того, что я увидел, я не могу подобрать никакого другого. Жители лагеря в Дженине пережили гуманитарную катастрофу»²⁰. Когда было проведено расследование, стало ясно, что никакой резни в Дженине не было. Бои происходили в малой части лагеря, где почти все дома были окружены, и палестинские арабы стреляли в израильских солдат из окон, зачастую используя женщин и детей в качестве человеческого щита.

После проверки фактов многие международные средства массовой информации, организации по борьбе за права человека и даже Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан признали, что в лагере происходила не «резня», а яростные бои между сотнями вооруженных палестинцев и израильской армией. В своем отчете от 30 июля 2002 года К. Аннан писал: «Согласно данным палестинских и израильских

наблюдателей, в лагере в Дженине к апрелю 2002 года находилось не менее двухсот вооруженных боевиков «Бригады мучеников Эль-Акса», «Танзима», «Исламского джихада» и «Хамаса», которым этот лагерь служил оперативной базой. Не подлежит сомнению, что израильская армия столкнулась с ожесточенным сопротивлением палестинцев, и что, так же как и в других местах, вооруженные палестинцы применяли в лагере методы, запрещенные международным законодательством». П. Хансену следовало бы извиниться за свои клеветнические обвинения в адрес израильской армии. Однако он не сделал этого до сих пор.

После апреля 2002 года мировое сообщество получило и другую информацию о лагерях Управления. Официальный представитель Министерства иностранных дел Израиля заявил: «В лагерях беженцев изготавливаются бомбы, они являются центрами вербовки, и из них посылаются террористы-самоубийцы». Невозможно поверить, что все это было неизвестно чиновникам ООН.

VIII

В своем отчете, поданном в феврале 1957 года Генеральной ассамблее ООН, тогдашний директор Управления, отмечая, что в положении беженцев с 1949 года не произошло существенных изменений, писал: «Это нельзя объяснить исключительно экономическими факторами. Причины следует искать в политической и эмоциональной сферах. Управление может дать возможность сотням беженцев заработать себе на жизнь, каждый год внедряя небольшие сельскохозяйственные проекты, предоставляя им ссуды и субсидии для создания малых предприятий и так далее. Однако эти усилия сводятся на нет тем обстоятельством, что беженцы в целом настаивают на выполнении резолюции №194, т.е. на репатриации или компенсациях».

В январе 1996 года, когда на Западном берегу и в секторе Газа происходили выборы в Палестинский национальный совет, вопрос о беженцах был краеугольным камнем кампании. Многие депутаты обещали посвятить основные усилия борьбе за возвращение сотен тысяч палестинских беженцев, и некоторые из них именно благодаря этому победили на выборах. В ретроспективе понятно, что это были пустые обещания.

Управление ООН по делам палестинских беженцев в большой степени несет ответственность за коррупцию в руководстве палестинских арабов, которое, используя беженцев в своих политических и финансовых интересах, никогда не пыталось решить их реальные проблемы. Разумеется, среди сотрудников ООН есть и люди, искренне стремящиеся улучшить ситуацию, но даже качественно выполняемая ими гуманитарная работа не может оправдать вредных последствий деятельности Управления. Полномочия Управления в том виде, в каком они определены на сегодняшний день, выгодны боевикам в лагерях беженцев. Лагеря превращены в военные бастионы, население которых меньше всего стремится к «добрососедским отношениям со своими соседями», как это предусматривалось резолюцией ООН №194.

Глубокая связь между лагерями беженцев и террором была принципиально признана Советом безопасности ООН в 1998 году, когда в дискуссии об африканских беженцах он декларировал «недопустимость использования лагерей беженцев в военных целях». Эта декларация последовала за заявлением Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о том, что «лагеря беженцев должны быть свободны от военного присутствия в любой форме, и в них не должны храниться оружие и военная техника». Этот принцип никогда не применялся к лагерям Управления

ООН по делам палестинских беженцев, в которых тренируют террористов и изготавливают бомбы и боеприпасы, используемые для совершения террористических актов против мирного населения.

Вопрос о беженцах является составной частью постоянного политического конфликта между Израилем и палестинцами. Призыв к реализации «права на возвращение» отражает нежелание ООП найти реальный путь мирного урегулирования. Эксперт по международному праву профессор Рут Лапидот писала, что формулировки резолюции №194 не подразумевают права на возвращение буквально и даже оговаривают его только для тех палестинцев, которые хотят мирного сосуществования с Израилем²¹. В последние месяцы в американских СМИ и в Конгрессе звучал прямой вопрос: «Что, собственно говоря, ООН делает в лагерях беженцев на наши деньги?» Если принять во внимание, что годовой бюджет Управления превышает 300 миллионов долларов, более четверти из которых поступает от американских налогоплательщиков, становится ясно, что сам факт его постановки влечет за собой серьезные экономические и политические последствия.

В настоящее время Управление ООН по делам палестинских беженцев должно кардинально изменить параметры своей деятельности. Несколько раз ООП продемонстрировала, что ее интерпретация резолюций ООН меняется в зависимости от политических обстоятельств. В 1988 году Палестинский Национальный совет заявил, что «проблема палестинских беженцев [может быть решена] в соответствии с резолюциями ООН»²². Нельзя бесконечно откладывать решение вопроса о праве на возвращение, так как связанная с ним неопределенность изначально обрекает на крах все выдвигаемые мирные инициативы. Международное сообщество слишком долго позволяло арабским политикам действовать в соответствии с их циничным планом, отвергая любую возможность расселения и реабилитации палестинских беженцев и усугубляя, таким образом, их бедственное положение. Эту извращенную логику необходимо исправить. Расселение беженцев в арабских странах должно предшествовать политическому урегулированию. Процесс реабилитации беженцев должен рассматриваться как один из главных факторов, обуславливающих доверие между сторонами. Фундаментальная реорганизация Управления ООН и создание нового механизма для осуществления конкретных шагов по расселению и реабилитации беженцев должны быть необходимым условием возобновления мирных переговоров. Только эти меры послужат доказательством того, что процесс создания палестинского государства не станет прелюдией к полной реализации «права на возвращение», которая приведет к уничтожению Государства Израиль политическим путем. Только коренные изменения в подходе к проблеме беженцев будут означать, что арабская сторона больше не собирается использовать ее в качестве средства военного и политического давления.

Хочется надеяться, что ООН сможет радикально изменить расстановку сил в треугольнике «Управление – палестинские беженцы – руководство палестинских арабов» и начнет переговоры о мирном урегулировании на основе более адекватного понимания политической обстановки в регионе.

*Перевод с иврита Нелли Хеймец,
подготовка текста к печати – Алек Эпштейн*

Примечания

¹ [Abcnews.go.com/transcript](http://abcnews.go.com/transcript): Israeli TV interviews Clinton, July 27, 2000.

² «The Palestinian Refugee» // «Factfiles», PLO, Ramallah, 2000, p. 22.

³ New York Times, June 3, 2003.

⁴ The Wall Street Journal Online, June 5, 2003.

⁵ Данные взяты с сайтов www.un.org/unrwa и www.unhcr.ch.

⁶ Avi Beker, «The United Nations and Israel – From Recognition to Reprehension» (Lexington, MA, Lexington Books, 1988).

⁷ «Israel and the United Nations: Report by Study Group set up by the Hebrew University of Jerusalem» (New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1954), p. 94; David P. Forsythe, «United Nations Peacemaking: The Conciliation Commission for Palestine» (Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 1972).

⁸ «The Refugee Issue, background paper, State of Israel Government Press Office», October 1994.

⁹ Beker, «The United Nations and Israel – From Recognition to Reprehension», pp. 50–51; Avi Beker, «Perpetuating the Tragedy: The United Nations and the Palestinian Refugees», in: Malka Hillel Shulowitz (ed.), «The Forgotten Million: The Modern Jewish Exodus from Arab Lands» (London: Kassel, 1999), pp. 142–152.

¹⁰ F.T. Withkamp, «The Refugee Problem in the Middle East» // «Bulletin of the Research Group for European Migration Problems», Vol. 5, January–March 1957, pp. 4–47.

¹¹ Walter Eitan, «The First Ten Years: The Diplomatic History of Israel» (London, Weidenfeld & Nicolson, 1958), p. 51.

¹² Письмо ливанского посла в ООН Эдварда Гонра Генеральному секретарю Курту Вальдхайму, 17 октября 1976 года; General Assembly Official Records, A/31/179.

¹³ «Как ООН помогает марксистской партизанской группе», Report of the UN Assessment Project Study (Washington, DC. Heritage Foundation, April 1982), p. 6.

¹⁴ «ООН использовала лагеря ООН для обучения партизан» // International Herald Tribune, 28 October 1982.

¹⁵ Walter Laqueur, «The Israel–Arab Reader» (3rd edition, Toronto: Benton, 1969), p. 372.

¹⁶ Moshe Efrat, «Palestinian Refugees: The Dynamics of Economic Integration in Host Countries», Israeli International Institute for Applied Economic Policy Review (Tel-Aviv, 1993).

¹⁷ Louise W. Holborn, «The Palestine Arab Refugee Problem», in: John Norton Moore (ed.), «The Arab-Israeli Conflict», (Princeton: Princeton University Press, 1977), pp. 158–159.

¹⁸ Shamay Cahana, «Differing and Converging Views on Solving the Palestinian Refugee Problem» (Hebrew University of Jerusalem: Leonard Davis Institute, 1996), p. 8.

¹⁹ Cahana, «Differing and Converging Views on Solving the Palestinian Refugee Problem», pp. 20–22.

²⁰ П. Хансена цитировали по всему миру. См., например, «The Guardian», 21.04.2002; «Politiken» (Copenhagen), 19.04.2002; «Jyulaads Posten» (Denmark), 19.04.2002.

²¹ Ruth Lapidot, «The Right of Return in International Law, with Special Reference to the Palestinian Refugees» // Israel Yearbook of Human Rights, vol. 16 (Tel-Aviv University, 1986), p. 12.

²² Шломо Газит, «Проблема палестинских беженцев» (Яффо, Центр стратегических исследований Тель-Авивского университета, 1994) [на иврите].

Д-р Ави БЕКЕР – генеральный секретарь Всемирного еврейского конгресса и глава Исследовательского института этой организации. Его диссертация в сфере международных отношений была защищена в Нью-Йоркском университете. Был членом израильской делегации в ООН. Он – автор и редактор нескольких книг и многих статей по международной безопасности и еврейским проблемам, среди них: «ООН и Израиль», «Еврейская культура и еврейское национальное самосознание в СССР» и «Еврейские общины мира». Настоящая статья была опубликована Всемирным еврейским конгрессом весной 2003 г. Ее полный текст впервые печатается на русском языке.

Женевская инициатива. Йоси Бейлин vs Джон Локк

«Женевская инициатива», о которой идет речь в данной статье, представляет собой попытку выработать некую основу для окончательного решения израильско-палестинского конфликта. Идея этой инициативы принадлежит Йоси Бейлину, который на прошедших в январе 2003 года выборах в Кнессет не попал в число депутатов и, как политик, оказался как бы не у дел. Не удовлетворившись ролью пассивного наблюдателя, Йоси Бейлин вступил в контакт с одним из приближенных Арафата Ясиром Абед Рабо. В результате состоявшихся дискуссий они приняли решение провести ряд неофициальных встреч между представителями Израиля и палестинцев с целью выработки соответствующего документа. Со стороны Израиля эту инициативу поддержали некоторые члены Кнессета, в том числе депутаты от партии Авода Амрам Мицна и Авраам Бург, а также депутат от леволиберальной партии Мерец Хаим Орон. Встречи проводились в офисах министерства иностранных дел Швейцарии в Женеве (откуда и пошло название этой инициативы), расходы на проведение встреч взял на себя Европейский союз. Факт проведения этих встреч был обнародован тогда, когда был выработан соответствующий документ и была намечена официальная церемония его подписания израильскими и палестинскими представителями.

Суть выработанного документа (который формально называется «Черновиком постоянного соглашения») сводится к тому, что Израиль отходит практически к границам 1967 года, за исключением нескольких небольших участков, прилегающих с востока к Зеленой черте, вместо которых Израиль передаст палестинцам эквивалентную площадь территории собственно Израиля в других районах. Все поселения, за исключением тех, которые находятся в вышеупомянутых участках, будут ликвидированы. Иерусалим будет разделен, и восточный Иерусалим будет провозглашен столицей государства Палестина. В старом городе Иерусалима под суверенитетом Израиля останется только Стена плача. Некоторому числу палестинских беженцев будет разрешено вернуться собственно в Израиль.

Европейский союз выделил средства на изготовление и распространение по почте свыше 1,5 миллионов экземпляров документа, а также на его рекламу в масс-медиа. Официальное подписание документа должно состояться в декабре 2003 года в Женеве.

Примечание переводчика

Задолго до Йоси Бейлина жил человек по имени Джордж Логан. Это был пенсильванский квакер из Джермантауна, врач и фермер, бывший одно время членом законодательного собрания штата, которого бывший в то время вице-президентом Томас Джефферсон отправил в 1798 году в частную дипломатическую миссию во Францию. В этот период США и Франция вели необъявленную войну на море. Она началась тогда, когда французские каперы напали на безоружные американские торговые суда в открытом море, а французские дипломаты потребовали извинений за, как они утверждали, воинственную риторику американцев.

В то время американским президентом был Джон Адамс, представлявший Федералистскую партию. В 1797 году Адамс, стремясь избежать войны с Францией, отправил туда трех специальных уполномоченных, чтобы попытаться заключить договор о «дружбе, торговле и мире», подобном «Договору Джея», который был заключен между США и Британией в 1794 году (Джон Джей – Верховный судья и Чрезвычайный посол США в Англии, руководивший американской делегацией на переговорах – Прим. перев.). В Париже американские посланники получили короткую аудиенцию у министра иностранных дел Франции Шарля-Мориса Талейрана, после чего провели несколько недель в бесплодном ожидании. В конце концов, к ним заявили три агента Талейрана – известные в истории как господа X, Y и Z – и потребовали большую сумму денег в качестве платы за начало переговоров.

Новость о деле XYZ привела американцев в ярость: «Миллионы на оборону и ни цента для дани!» – таков был популярный клич. Собственная партия Адамса начала оказывать на него сильное давление, требуя объявить войну. Проявив осторожность, он отказался. Вместо этого он вооружил торговых моряков США, начал сбор пожертвований на развитие военно-морского флота и не стал препятствовать некоторым проявлениям враждебности, в то же время оставляя открытыми дипломатические опции. И тут в дело вмешались сначала Джефферсон, а затем и Логан.

Хотя Джефферсон занимал пост вице-президента, он был лидером демократическо-республиканской партии и в этом качестве был соперником президента. По своим политическим пристрастиям он был дружески настроен к Франции, где десятью годами раньше был послом Соединенных Штатов. Он надеялся с помощью Логана преуспеть там, где потерпели неудачу предыдущие американские посланники.

Успех миссии Логана по сей день остается для историков спорным вопросом. Логан, что вполне естественно, заявлял, что это был полный триумф. После возвращения в США он встретился с Джорджем Вашингтоном, бывшим президентом, который в таких словах описывал их встречу:

«Господин посол Логан, прибывший в Филадельфию примерно в то же время, что и я, сообщил мне весьма лестные отзывы об отношении французской Директории к нашей стране. Он обедал с одним, ужинал с другим и, короче говоря, был так хорошо знаком со всеми ...как рука со своей перчаткой; и он немало времени и сил тратит на пропаганду этой доктрины во всех частях Соединенных Штатов, пользуясь услугами прессы, которая находится в руках той партии (то есть демократическо-республиканской). Он говорит о том, что намерение Франции поддерживать хорошие отношения с Соединенными Штатами настолько сильно, что только наша неправильная политика и нежелание достичь мира будут причиной того, что наша страна не сможет уладить проблему на почетных и выгодных условиях».

Все это привело федералистский Конгресс в ярость, и в 1799 году он принял так называемый закон Логана. Закон этот запрещает не наделенным соответствующими полномочиями частным лицам вести переговоры «с любым иностранным правительством или любым его представителем или агентом, с намерением повлиять на шаги или политику любого иностранного правительства... в связи с любым спором или противоречием с Соединенными Штатами».

Между тем, ситуация коренным образом изменилась. В течение двух лет военно-морской флот США захватил около 100 французских судов. Талейран дал понять, что Франция готова рассмотреть дипломатические решения; у его страны и так было полно других забот. Адамс тоже стремился к мирному решению, правда, не за счет американской чести. Против желания его собственной партии он назначил новых посланников, которым удалось в 1800 году договориться о перемирии. Но он заплатил за свою умеренность высокую цену, внеся раскол в свою партию и проиграв на выборах 1800 года Томасу Джефферсону.

Что касается Логана, то он в том году был избран в Сенат США, где продолжал попира́ть закон Логана, ведя частные переговоры с Великобританией. Его так никогда и не привлекли к суду, и он умер в 1821 году счастливым человеком.

Ладно. Давайте поговорим теперь о Джоне Локке (John Locke, 1632-1704, английский философ, основатель эмпиризма и политического либерализма. – Прим. перев.).

Закон Логана – это обычный рядовой закон, не являющийся частью Конституции США. Но, тем не менее, он является в равной мере фундаментальным, чем и объясняется, что он остается законом Соединенных Штатов в течение 204 лет. Без этого закона конституционное, республиканское и демократическое правительство не может функционировать должным образом. На самом деле, не у каждой демократии есть необходимость иметь закон, подобный закону Логана. Но любую демократию, которая не воспринимает закон Логана как норму, ожидает неопределенное будущее.

Почему?

В недавнем интервью «Джерузалем Пост» бывший руководитель партии Труда Амрам Мицна защищал свое участие в так называемой Женевской инициативе, сказав: «*Это естественное право* каждого израильского гражданина попытаться вывести свою страну из политического тупика» (курсив мой). Сомнительно, что Мицна на самом деле понимает, что означает термин «естественное право». Но он затронул исключительно правильную тему.

Идея «естественного права» в контексте правительства современной страны имеет специфическое философское происхождение: она пришла к нам, главным образом, от великих теоретиков договора XVII и XVIII веков – Томаса Хоббса, Жан-Жака Руссо и Джона Локка. Естественное право – это право, данное нам природой, и, прежде всего, право на самосохранение. Оно может осуществляться свободно и абсолютно в государстве природы, в до-политическом государстве, в котором, как пишет Локк, «нет решающей власти, к которой можно было бы апеллировать». А естественное право управляется естественным законом, который «учит человечество, что никто не должен наносить вред чьему-либо здоровью, жизни или имуществу».

Согласно Локку, человек никогда не отступает от своих естественных прав; действительно, вся цель правительства заключается в обеспечении сохранения этих прав в соответствии с требованиями естественного закона. Но чтобы такое правительство могло функционировать, люди не могут обладать «исполнительной властью закона природы». Возможность для каждого человека быть судьей в своем деле есть прямой рецепт самоуправства, анархии и гражданской войны. Общие законы и общие институты являются, поэтому, «надлежащим средством против неудобств государства природы».

Чтобы эти законы и институты могли быть реализованы на практике, должен быть заключен общественный договор, согласно которому каждый человек передает власть, которой он обладает в государстве природы, «в руки общественности». Если до этого он имел право «делать все, что, по его мнению, необходимо для защиты себя и других», в гражданском обществе это право передается гражданской власти – и исключения делаются лишь в крайних случаях.

Заключение общественного договора – дело сугубо добровольное; но после этого

человек «постоянно и обязательно должен быть и оставаться неизменным субъектом этого договора и не может снова вернуться к свободе государства природы». Но это не означает, что человек теряет свою свободу. Это означает, что он обязан мириться с «волей и решениями большинства».

«И таким образом, – пишет Локк в самом весомом предложении, когда-либо написанном политическим философом, – исключив все частные суждения каждого своего отдельного члена, община становится третейским судьей, руководствующимся установленными постоянными правилами, индифферентными и одинаковыми для всех участников, и действующим через людей, наделенных общиной властью исполнять эти правила, принимать решения по поводу всех противоречий, которые могут возникнуть между членами этого общества и могут касаться любого вопроса права, а также наказывать любого члена общины, совершившего нарушения против общества, такими наказаниями, которые установлены законом».

Обратите внимание на язык в этом предложении: «*Все, каждый, одинаковый для всех, любой*» – Локк категоричен в своих суждениях. Так как для того, чтобы была свобода, должен существовать закон, и закон должен применяться одинаково в каждом случае. Все, что не соответствует этому, есть вид тирании, независимо от того, для кого сделано исключение – для правителя или для гражданина.

Но что можно сказать о несправедливых законах, или об осознанном несогласии? В отличие от Хоббса, Локк прославился тем, что признает существование права на революцию. Но это право не может быть реализовано одним или несколькими гражданами; это было бы «постоянным основанием для существования беспорядка». Революция оправдана лишь после «длинного перечня злоупотреблений властью, увиливаний от ответа и трюков» правителя, и даже в этом случае только тогда, когда проявленная несправедливость «так велика, что большинство чувствует, что оно сыто по горло и считает, что есть необходимость исправить положение». Все это, кстати говоря, применимо, главным образом, к королям и автократам; в демократических странах регулярные выборы сами по себе могут являться революцией.

А теперь давайте перейдем к Йоси Бейлину и к его Женевской инициативе.

Конечно, инициатива эта не является незаконной; Израиль – не Америка, и закон Логана не является законом этой страны. Могут также возразить, что все это Женевское мероприятие является всего лишь мозговым штурмом высокого профиля.

Но совершенно ясно, что надежды Бейлина, связанные с Женевой, являются более амбициозными и означают, что это больше походит на попытку подменить собой демократически избранное правительство и подорвать его политику. Если это так, то представляется весьма странным, что человек, который громче всех говорит о необходимости сохранить Израиль как еврейское и демократическое государство, может быть настолько индифферентным по отношению к базовым принципам демократической процедуры.

И, тем не менее, Бейлин настаивает на том, что его инициатива является демократической. Почему? Потому что он намеревается поставить свою инициативу на голосование на проводимом частным образом всенародном референдуме. А также потому, что, в конечном итоге, это будет обязанностью избранного правительства – принять или отвергнуть его планы.

Но разве это не является, как пишет Локк, «постоянным основанием для существования беспорядка»? Если Бейлин хочет использовать офисы швейцарского министерства иностранных дел для того, чтобы направить Израиль по новому курсу, почему движению поселенцев не поискать для себя зарубежного спонсора,

чтобы сделать то же самое? Предположительно человек, подобный Бейлину, который надеется вернуться когда-нибудь в высшие эшелоны власти, не должен стремиться к созданию прецедента, когда правительство вынуждено соперничать с пропагандирующими свои взгляды частными группами, определяя национальную политику в ответ на их конкретные действия. Это не просто отход от Локка. Это отрицание Золотого Правила. (Золотое Правило – наиболее универсальное этическое правило взаимности, свойственное почти всем религиям; например, известная формула Гилеля: «Не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтобы делали тебе» – Прим. перев.)

Теперь по поводу этого аргумента Мицны – «естественного права». В свете положений Локка Мицна вправе прибегнуть к такому аргументу, но только в том случае, если он согласен также признать и логически вытекающий из этого второй аргумент: что политика Ариэля Шарона радикально несправедлива, и поэтому его правительство фундаментально нелегитимно. Мицна может настаивать на своем естественном праве только в том случае, если он убежден, что его гражданские права были попораны. Так ли это? Возможно. Но если это так, то Мицна поднял знамя революции.

О да, я знаю, что Мицна, на самом деле, не имел этого в виду. «Естественное право» – это, так сказать, его формула речи. И Женевская инициатива – это основанное на добрых намерениях усилие группы добрых людей, пытающихся найти свет в конце пресловутого туннеля. На самом деле, все это не имеет никакого смысла.

Все это вздор. Женевская инициатива – это вопиющая политическая глупость, атака не только на избранное правительство, но и на всю концепцию власти большинства. Если Израиль хочет быть демократией, такой же прочной и устойчивой, как американская, он должен принять свой закон Логана и немедленно применить его.

«Джерузалем Пост», 24 октября 2003 г.

Перевод с английского Эдуарда Маркова

Изи ЛИБЛЕР*

К новому назначению Н. Щаранского

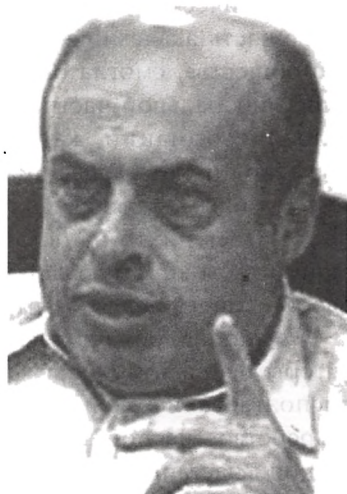
В качестве министра по делам диаспоры Щаранскому предстоит восстановить центральную роль Израиля для еврейского народа.

Результаты недавних выборов стали, несомненно, источником горького разочарования для сторонников «русской» партии «Израэль ба-Алия», создателем и многолетним руководителем которой был Натан Щаранский. Но многие горячо приветствуют назначение Натана Щаранского министром по связям с диаспорой. Поистине, неудача одной политической партии может оказаться источником выигрыша для большей части общества.

В нынешнее время еврейский народ стоит лицом к лицу с двумя судьбоносными проблемами. Одна из них – более чем 50-летняя борьба государства Израиль за окончательное признание его в качестве полноправного члена семьи наций и за свое физическое выживание. Вторая – духовное и культурное выживание евреев в диаспоре.

Такие старейшие еврейские организации, как Еврейское агентство и Всемирная сионистская организация, а также другие международные организации, как, например, Всемирный еврейский конгресс, не смогли на должном уровне решить эту центральную проблему отношений между Израилем и диаспорой. Но, возможно, самым главным виновником этой неудачи были сменявшие друг друга правительства Израиля, чье потрясающее пренебрежение к этой сфере почти взывало к катастрофе. Израиль фактически способствовал созданию ситуации, при которой – в отличие от прошлого, когда мы могли рассчитывать на поддержку диаспоры в трудные, как, впрочем, и в добрые времена – сегодня нельзя быть уверенным ни в чем.

Круто изменить направление этого процесса не под силу одному человеку. Но если кто-то и может существенно повлиять на него – это Щаранский. Его характеризует сплав необходимых качеств: его собственной истории, харизмы, знаний, цельности и уважения к еврейским ценностям, которые позволяют считать его идеальным лидером для создания того, что, мы надеемся, может оказаться новой главой в отношениях Израиля и диаспоры. Задача эта грандиозна, и для начала следует сфокусировать израильское правительство на укреплении каждой тенденции, которая ведет к укреплению идентификации евреев диаспоры.

Натан Щаранский.

* Изи ЛИБЛЕР – старший вице-президент Всемирного еврейского конгресса.

Щаранский должен принять во внимание негативное влияние смены поколений, происшедших за последнее десятилетие. Сегодня для многих молодых евреев Холокост и борьба за создание еврейского государства превратились в некие туманные воспоминания, имеющие отношение к поколениям их отцов и дедов. И, несмотря на возрождение антисемитизма, ассимиляция и смешанные браки продолжают оказывать свое тревожное демографическое влияние.

На самом деле, слом расовых, этнических и религиозных барьеров привел к тому, что возражения против смешанных браков в большинстве либеральных обществ рассматриваются сейчас как проявление расизма. В таких условиях, в отсутствие приверженности религиозным установкам даже интенсивное еврейское воспитание не представляет более гарантии против смешанных браков. Евреи диаспоры просто поглощаются обществом страны проживания, как вода губкой.

Жестокой иронией является то, что процесс ассимиляции усиливается самим Израилем благодаря экспорту пост-сионизма, особенно после заключения соглашения Осло.

Фактически сложилось так, что крошечная, исповедующая ненависть к самим себе часть академических кругов, представляющая ничтожную долю израильского общества, смогла оказывать непропорционально большое влияние на поведение либеральной части евреев диаспоры. Используя такие средства распространения информации, как англоязычное интернет-издание газеты «Гаарец», они бомбардируют евреев диаспоры статьями, оспаривающими сами основы сионизма, доходя до утверждений, что еврейское государство было рождено в грехе.

И здесь никто не оснащен лучше, морально или идеологически, чем Щаранский, чтобы впрямую противостоять этим тенденциям и проповедовать справедливость нашего дела новым поколениям евреев.

Ему понадобится тесное сотрудничество с Министерством иностранных дел, чтобы исправить ущерб, нанесенный пропагандистами Осло. Десять лет назад они использовали каналы Министерства иностранных дел, чтобы проинформировать еврейство диаспоры, что его услуги по поддержке Израиля больше не понадобятся; они настаивали на том, что для страны, находящейся на пороге мира, активная поддержка и помощь излишня и даже контр-продуктивна.

Щаранскому потребуется также поддержка министра иностранных дел, которому надлежит повысить профессиональный уровень многих нынешних израильских дипломатов.

В отличие от прошлых времен, когда высокое положение представителей Израиля было хорошо известно всем, в последние годы дипломаты выбирались не в соответствии со способностями, а, по принципу синекур, для своих или в виде механического продвижения по службе.

Некоторые снизили уровень своей активности в роли связующего звена между Израилем и еврейскими общинами. Создалась ситуация, когда считается весьма уважаемым публично критиковать Израиль даже в сфере политики, напрямую связанной с вопросом безопасности – вопросом жизни и смерти в глазах израильтян.

При такой ситуации вряд ли можно считать удивительным то, что диаспора сейчас находится в растерянности, а во многих еврейских общинах их руководство переживает кризис. Это отчетливо отразилось в реакции диаспоры на интифаду.

Иногда еврейские критики даже принимают на себя ведущую роль в нападениях на Израиль, и многие университетские студенты-евреи, испытывая жестокие нападки, унижительную позицию виноватых, и особенно в Европе. И нет нужды говорить, что все меньше и меньше евреев посещают Израиль.

Другим важным вопросом, стоящим на повестке дня перед Щаранским, является антисемитизм, интенсивность которого достигла самого высокого уровня со

времен Катастрофы и усилила негативные тенденции в диаспоре. Изображение злопамеренными средствами масс-медиа израильтян как убийц детей и кровавых тиранов нацистского толка заставило многих евреев дистанцировать себя от Израиля, а некоторые пришли к выводу, что для них выгоднее в общественно-социальном смысле идентифицировать себя с антиссионистской модой.

Некоторые европейские активисты-евреи зашли настолько далеко, что стали настаивать на необходимости делать различие между борьбой против антисемитизма и поддержкой Израиля. Здесь довольно часто можно услышать сентенции вроде «мы не хотим импортировать проблемы Ближнего Востока в наши общины».

Европейцы уже пытаются преуменьшить масштабы палестинского террора и считают Израиль полностью виновной стороной в конфликте. Они обвиняют Израиль и американское еврейство в поощрении и даже подталкивании администрации Буша против Ирака, Организации Объединенных Наций, а теперь и против самой Европы.

При таком сценарии можно смело утверждать, что антисемитизм в Европе будет нарастать.

Щаранский вступит в эту битву, обладая уникальными возможностями. Он, несомненно, сочтет своей миссией переубедить евреев диаспоры в том, что попытки оспаривать законность политики Израиля по обеспечению своей безопасности являются, на самом деле, обновленной версией преследования евреев и антисемитизма в бывшем Советском Союзе, в которой Израиль играет роль заместителя евреев эпохи сталинщины.

Щаранский пользуется авторитетом широко известного борца за права человека. Он находится в тесных дружеских отношениях с еврейскими лидерами во всем мире. Он понимает их ментальность и занимает положение, не сравнимое с положением многих, занимающихся этими проблемами.

И он обладает глубоким пониманием еврейской традиции и религии, что, в отличие от многих других израильтян, связанных с проблемами диаспоры, позволяет ему уверенно общаться с евреями на духовном и культурном уровне.

Перед Щаранским стоит нелегкая задача – повернуть вспять негативную тенденцию и восстановить концепцию объединительного значения Израиля для еврейского народа. Он должен возродить прежнее видение сионизма, оживить алию и создать то, что, мы надеемся, окажется новой главой во взаимоотношениях Израиля и диаспоры, которые являются жизненно необходимыми для будущего нашего народа.

Покойный Яков Герцог – дипломат, советник премьер-министров и старший брат шестого президента Израиля Хаима Герцога – однажды сказал: «Упаси нас Бог сделать так, что будущему историку придется написать, что Израиль нашего времени создал государство и утратил народ».

Миссия Натана Щаранского – сделать так, чтобы это не произошло никогда.

«Джерузале́м Пост», 16 февраля 2003 г.

Перевод Э. Маркова

К 80-ЛЕТИЮ А.Н. ЯКОВЛЕВА

**Из Политбюро в лидеры перестройки.
О юбиляре говорят В. Оскоцкий, Д. Гранин,
В. Гинзбург, Н. Катерли, М. Розовский и
М. Жванецкий**

Валентин ОСКОЦКИЙ*

«Если к правде святой...»

За давностью времени уже не припомню точно, на какой по счету международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра» имел место этот малый, но примечательный эпизод. Однако, судя по тому, что в глазах упрямо возникает зал бывшего Дома печати, впоследствии переданного Совету Федерации, – скорее всего, на второй. Той самой, которую скандально пикетировал Жириновский, цепко держа над головой угрожающий плакат: «Руки прочь от КГБ!» Ворвавшись затем в зал, он пытался сорвать конференцию криком. Не вышло. Получив единодушный отпор, удалился во-

А.Н. Яковлев.

* Валентин Дмитриевич ОСКОЦКИЙ – литературный критик, публицист, секретарь Союза писателей Москвы, главный редактор газеты «Литературные вести», доцент факультета журналистики МГУ.

своися, и заседание с часовым, правда, запозданием пошло своим рабочим чередом.

Среди докладчиков был Александр Николаевич Яковлев. Одним из первых, если не самым первым, привел непривычный, но точный термин, укоренившийся потом в нашей политической и исторической лексике – КГБизация. Раскрывая его емкое содержание, доказательно говорил о сращивании административного, хозяйственного, идеологического аппарата КПСС с репрессивными, карательными управлениями и ведомствами КГБ. О всепроникающей и всеразрушающей системе повального соглядатайства, осведомительства, стукачества, возводившихся в повседневную норму общественной, научной, культурной жизни и в кровавые годы «в основном построенного» сталинского, и в «вегетарианские», как едко окрестила их Анна Ахматова, сначала «оттепельные», потом «застойные» годы «развитого социализма», победившего окончательно и на веки вечные. Об удушающей беспросветной атмосфере всеобщей подозрительности, в которой культивировалось чувство страха перед явными и тайными репрессиями, беспредельной и запредельной властью тоталитарного государства, нещадно перемалывавшего своих подданных если не в «лагерную пыль», то в бесправных, безгласных «колесиков и винтиков» саморазлагающегося режима. Именно: саморазлагающегося. Потому что КГБизация – не просто и не только условие тотального насилия. Она форма и способ существования личностной, групповой или клановой диктатуры. Но одновременно и предвестие, проявление ее неизбежной агонии, неотвратимой, неминуемой в государстве и обществе с шаткими социальными и духовными опорами, зыбкими нравственными скрепами, размытой моралью. Пересказывая конспективно смысл того яковлевского доклада, добавлю, что особую убедительность и притягательную убежденность его обобщающим выводам и заключениям придавал обильный фактический материал, привлеченный для анализа.

– Будут ли вопросы? – ритуально спросил председательствовавший Сергей Григорьянц. И, разглядев в глубине зала взметнувшуюся руку, пригласил к микрофону, стоявшему в проходе.

Вышел, нет, не парнишка, как мне поначалу показалось со сцены, но явно молодой человек, которому перевалило, наверно, за двадцать, но и близко не подошло к тридцати. В потертых джинсах и джинсовке нараспашку. Сказал примерно так:

– У меня не вопрос. Я просто хочу, уважаемый Александр Николаевич, сказать вам спасибо и за ваш доклад, и вообще за все, что вы сделали и делаете для демократии в России. Молодежь это видит, понимает и принимает. Она за вас и с вами...

Сколько воды утекло, а мимолетная, непредвиденно выбившаяся из строгого регламента конференции сцена невольной переключки «отцов» и «детей», в данном случае, точнее, дедов и внуков, единения поколений, их взаимопонимания и доверия оживает всякий раз, когда слышу или читаю, будто такой-сякой перебежчик А.Н. Яковлев далек от народа, что его демократические убеждения, либеральные воззрения чужды и даже враждебны подлинным народным интересам, что их разделяет лишь малая и жалкая кучка отщепенцев. Ох уж эти «прихваторы» общественных настроений и мнений, монополизирующие их на свои убогие лад и вкус, по своим узколобым догматическим меркам, но не иначе, как именем народа!

Подобные спекуляции на «народе» – тоже идеологический реликт советской эпохи. Применительно к А.Н. Яковлеву они возникли не в «перестроечную» и «постперестроечную» пору, а трубно прозвучали еще на гребне «развитого социализма», в начале «застойных» 70-х. Не самозванные народные витии, а якобы писа-

тельская общественность в целом вкупе с широкими читательскими массами отторгали и осуждали тогда знаменитую статью «Против антиисторизма».

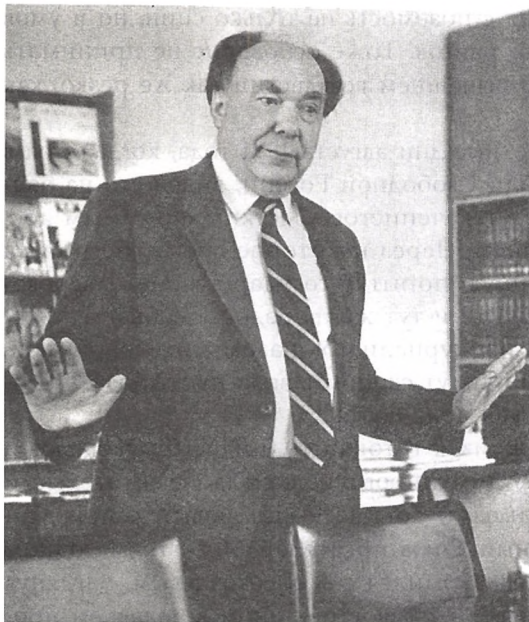
О ней сегодня вспоминают часто и по-разному. Есть что вспомнить и мне.

Даниил Гранин и я читали ее вместе, в четыре глаза. В поезде, увозившем нас в Архангельск на Ломоносовские чтения, которые приурочивались – 1972 год! – к 50-летию образования СССР. «Литературная газета» вышла как раз в день отъезда, и я взял с собой в дорогу непрочитанный номер. Даниил Александрович о напечатанной в нем статье был наслышан, но прочесть ее тоже не успел. Вот и начали поездку с совместного чтения. И вплоть до Вологды говорили в основном о статье. Разговор запомнился потому, что Даниил Гранин, как я после догадался, делал вид, будто хуже меня сведущ в материале, на котором строилась полемика с великодержавным шовинизмом и воинствующим антисемитизмом тогдашних «молодогвардейцев» и уже примыкавших к ним авторов «Нашего современника», и дотошно расспрашивал меня о журнальных публикациях, названных А.Н. Яковлевым. Я, не разгадав подвоха и приняв всё за чистую монету, подробно, увлеченно излагал, что помнил и знал, не сразу сообразив, что, расспрашивая, выпытывая, именитый писатель попросту «прощупывает» простодушного критика, распялет вопросами и репликами, которые бросает небрежно, как полешки в костер. Так он проверял мое отношение, уяснял мою позицию. Дело в том, что и до архангельской поездки мы немного знали друг друга, не однажды пересекались, но не были близки так, как сблизились в последующие годы. По-видимому, Даниилу Александровичу важно было понять, что я собой представляю, чем дышу, как мыслю. Похоже, разобрался: поездка нас сдружила на три с лишним десятка лет. Так что Александр Николаевич Яковлев, сам того не ведая, стал как бы крестным отцом нашей дружбы. Для меня это еще один весомый повод быть ему благодарным по гроб жизни...

На Ломоносовских чтениях в Архангельске мне предстояло сделать доклад – в связи с «юбилейной» датой 50-летия СССР – о национальном многообразии советской литературы. Рассуждая по ходу доклада об историзме и антиисторизме художественной и литературно-критической мысли, я сослался, в частности, и на статью, только что опубликованную в «Литературной газете». По возвращении домой узнал: некоторые московские участники поездки моим докладом недовольны настолько, что посчитали за благо просигнализировать о своем недовольстве и в секретариат Союза писателей, и в отдел культуры ЦК: мало говорил о русской литературе, недооценил ее народность и патриотизм, не назвал ни М. Алексеева, ни П. Проскурина, ни еще каких-то имен. О том, что подлинная причина нареканий – прямое обращение к яковлевской статье, открыто не говорилось. Но прозрачно угадывалось...

Подноготная опалы, выпавшей автору в ближайшие два-три месяца, обросла множеством легенд, вернее, фальсификаций. Особенно в нынешних воспоминаниях некоторых поименно названных и неназванных «героев» статьи – М. Лобанова, О. Михайлова, В. Ганичева, С. Куняева. Иные из мемуариев до Александра Николаевича доходят, но он их, как правило, не читает. А если читает, то, дивясь беззастенчивой лжи и посмеиваясь над ее хитроумными потугами имитировать правду.

В самом деле: послушать этих и других мемуаристов, – они бдительно распознали «антипатриотическую» направленность статьи и по горячим следам публикации дали принципиальный отпор. Вплоть до того, что глаза в глаза высказали «перетрухнувшему» автору, исполнявшему обязанности заведующего цековским агитпропом, все, что думали о его статье и о нем самом. Что и как думали – ясней ясного. Но потаенные думы свои, очертя голову, раскрывать в действительности не

Интервью «Комсомольской правде».

спешили, предпочитали действовать обходным маневром. Закулисье, как бы его ни героизировали, остается закулисьем, лишь до поры до времени скрывающим под дымовыми завесами нечистоплотные игры. Не спорил с А.Н. Яковлевым при встрече с ним Олег Михайлов, любовно описывающий сегодня свою отвагу, а рассуждал уклончиво, оставляя лазейки для обратных ходов и возможных отступлений: дескать, пафос вашей статьи поддерживаю, а с конкретными примерами не согласен. Еще бы: согласиться с примерами – значило бы покаянно признать справедливой критику и в собственный адрес. Но, отводя персонифицированные примеры, копали не под них, а как раз под пафос, который мы назвали бы ныне антифашистским. Осторожно, исподволь прощупывали Сулова и облегченно окрылились, воспряли, прослышав, что он раздосадован своим подчиненным, дерзко нарушившим ведомственную субординацию. Загодя настроив и обработав Шолохова, заручились его поддержкой «русской партии» (выражение Валерия Ганичева) и не негласной, а письменной, направленной на цеховский Олимп. Так втихую наращиваемая арт-подготовка разрядилась залпами тяжелой артиллерии, в которых и «главный идеолог партии», и живой классик советской литературы сыграли роль дальнобойных и убийных орудий...

В ту давнюю пору я не был знаком с А.Н. Яковлевым, оставался сторонним, хотя и заинтересованным, пристрастным наблюдателем быстролетной проработочной кампании по обузданию и удушению вольнодумного смутьяна, рискнувшего во всеуслышание объявить о народившейся идеологии русского фашизма. «Порочные» идеи его «крамольной» статьи – цитатные отсылки к ней заведомо исключались – в меру своих сил «протаскивал» в статьях собственных и в книге «Роман и история». Ее подтекст был въедливо распознан «Нашим современником», который заклеил меня как антипатриота, русофоба, западника, космополита, апологета буржуазной демократии и абстрактного гуманизма, ученика Ричарда Пайпса (благодатный повод для будущего личного знакомства с историком мирового уровня) и единомышленника лорда Керзона. Напрашивался полемический «Наш ответ Керзону», но созревший замысел его на корню подрубили вызовом в бывший яковлевский отдел пропаганды ЦК КПСС, где строго-настрого наказали: никаких полемик. Любопытно: воспитательную беседу со мной вели аппаратчики, работавшие прежде с Александром Николаевичем. Такими же железобетонными были они при нем? Не знаю. Но вспоминается, как спустя годы в одной из встреч с ним всплыла фамилия его бывшего заместителя В. Севрука, сделавшего в ЦК карьеру на погромах Василя Быкова, а сейчас мелькнувшего в Белоруссии в свите советников президента, в просторечии, батки Лукашенко. После присуждения Василю Быкову престижной премии «Триумф» овистал его на телевидении и в печати, а заодно – и бывшего своего патрона по отделу пропаганды.

– Но вы же этого Севрука и пригрели, – не удержался я от укора.

– А вы представляете, как он входил ко мне в кабинет? – рассмеялся Александр Николаевич. – На полусогнутых!..

Эластичная навсегоготовность, податливая сгибаемость не только спин, но и умов – типовая мета чиновников всех мастей и рангов. Тоже основание не принимать чиновничество «как класс» и судить о его нынешнем всевластии так же резко, как судит А.Н. Яковлев...

Не был я еще знаком с ним и в поворотные дни августа 1991 года, когда, стоя в многотысячной толпе на будущей площади Свободной России, видел его на балконе Белого дома. В своей речи он назвал гекачепистов хлестким, но самым достойным их словом – политической шпаной. Через некоторое время, не понеся никакой ответственности за провокационную попытку государственного переворота, отделившись всего лишь легким испугом и тут же на радостях обнаглев, они будут выступать на телевидении. Кто-то из журналистов назовет их подонками. Гневно возмущившись, они демонстративно уйдут скопом в знак протеста. На «подонков» обиделись. А «шпану» приняли как должное?..

Провал гекачепистского путча и услужливая готовность бывшего руководства бывшего СП СССР поддержать путчистов стимулировали сначала стремительный раскол, а затем и полный распад писательского Союза. Возник новый демократически ориентированный полуторатысячный Союз писателей Москвы. На одном из его общих собраний я наконец-то и познакомился с А.Н. Яковлевым. Заглянув к нам на чай в «комнату за сценой», он завел разговор о едином в недавнем прошлом Союзе писателей СССР и о новых Союзах, какие родились на развалинах бывшего министерства по литературным делам.

– Вас, знаю, клеймят как раскольников. Но ведь распад вашего общего Союза и закономерен, и неизбежен. Я всегда недоумевал, как могут жить и творить под одной крышей Александр Твардовский и Анатолий Софронов, Юрий Трифонов и Валентин Пикуль.

Назывались умершие, а думалось о здравствующих. И каждый раз думается тем неотвязнее, чем настойчивей, то ненадолго затухая, то заново разгораясь, раздаются объединительные заклинания: хватит нам распада на несколько Союзов, пора снова сливаться в одном на всех. Что до меня, то увольте: не хочу состоять в едином писательском Союзе и в его, по советскому образцу, подразделении критиков ни с Владимиром Бондаренко, ни с Владимиром Бушиным. По счастью, и они со мной тоже не хотят...

О том, сколь несопоставимы и несовместимы, а стало быть, и несоединимы как жизненные, так и творческие позиции, нравственные ориентиры и критерии бывших членов СП СССР, наглядно свидетельствует их диаметрально противоположное отношение к разнузданной травле А.Н. Яковлева, какую «заединным» фронтом вели и ведут нынешние патриотисты национал-большевистских и национал-социалистских окрасов и влившиеся в их ряды бывшие катебешники, демонстративные и маскирующиеся сталинисты, вчерашние и сегодняшние коммунисты. Тут и последний фанатик политэкономическою теории развитого социализма Ричард Косолапов, и критик-погромщик В. Бушин, набивший руку на пасквильных, один другого хлеще и гнуснее, сочинениях о Булате Окуджаве, Льве Копелеве, Д.С. Лихачеве, Григории Бакланове. О подпольной работе А.Н. Яковлева, печатно названного «послом беды», на западные разведслужбы заявил бывший председатель КГБ, гекачепист В. Крючков. Вослед ему валом хлынули и другие публикации, представляющие А.Н. Яковлева куда там «агентом влияния», который, как разъяснял по другому поводу тот же В. Крючков, может и не знать о себе, что он агент, а натуральным, всамделишным, взаправдашним агентом то ЦРУ, то КГБ, то того и другого вместе.

Это побудило писателей выступить с коллективным письмом-протестом «Без «врагов народа» большевики не обойдутся». Публично называя ложь ложью, кле-

вету клеветой, грязь грязью, авторы письма сочли своим нравственным долгом высказать голос против «пасквилей, оскорбляющих честь и достоинство уважаемого Александра Николаевича Яковлева, солдата-фронтовика, известного ученого, писателя, авторитетного общественного и политического деятеля. Сочинители лживых, оскорбительных «писем в редакцию», не называющие при этом своих фамилий, выливают ушаты грязи, вплоть до обвинений в сотрудничестве с КГБ и ЦРУ на достойного, мужественного человека, которому мы, россияне, обязаны своим нынешним знанием трагической правды о масштабах репрессий тоталитарного режима против собственного народа, о неоплатной цене нашей Победы в Великой Отечественной войне, о «закрытых» протоколах, вскрывающих преступную суть сговора Сталина и Гитлера... В кампании клеветы и травли, направленной не только против А.Н. Яковлева, проявляется памятный всем нам стиль коммунистов... Налицо явные попытки национал-большевистских сил организовать новую охоту на «врагов народа» в духе 1937 года. Этими «врагами народа» уже побывали многие из наших коллег...» Письмо подписали Даниил Гранин, Борис Васильев, Александр Иванов, Татьяна Кузовлева, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Владимир Савельев, Юрий Черниченко и автор настоящей статьи. Кроме петербуржца Д. Гранина, все члены Союза писателей Москвы. И ни одной подписи, представляющей Союз писателей Российской Федерации и его столичный филиал, именуемый ныне московской городской организацией.

Удивительно? Ничуть. Как писателям разных творческих устремлений и политических ориентаций, демократам и противникам демократии придти к взаимному согласию в защите чести и достоинства академика А.Н. Яковлева, если даже общенародное культурное наследие, не подлежащее ни групповым, ни клановым приватизациям, то и дело норовят растащить по отдельным штаб-квартирам патриотистов, сиюминутно подогнать под их амбициозные страсти-мордасти?! Свежий больной пример. Союз писателей Москвы отметил рядом массовых мероприятий 90-летие со дня рождения А. Твардовского, 100-летия со дня рождения Вениамина Каверина и Николая Заболоцкого. Никто из наших, деликатно выражаясь, «оппонентов» не принял в них хотя бы мало-мальского участия...

Как сам Александр Николаевич воспринимает и понимает клевету на себя? На этот вопрос он ответил цитатным эпиграфом из Достоевского, каким предварил в книге «По мощам и елей» свое авторское обращение «К читателю»: «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели». Чем выше, гуманнее, благороднее цель, тем недостойней разменивать ее на камень, как бы ни устрашали они и самый оголтелый собачий лай.

Цель, которая водит не знающим устали пером А.Н. Яковлева, политика, государственного и общественного деятеля, ученого, литератора, – в томах его многих и разных трудов, пронизанных ведущим, сквозным мотивом исторической правды. В них решительный неуклончивый расчет с тоталитарным прошлым. Ясное и четкое требование декоммунизации России, которая, в отличие от побежденной ею Германии, чья денацизация сделала невозможным возврат к фашизму, не нашла в себе сил для самоочищения, высвобождающего ее из-под большевистских химер революции как локомотива истории и насилия как повивальной бабки исторического прогресса. «Большевизму не уйти от ответственности», – убежденно взывает он из книги в книгу. От ответственности за насильственный и противозаконный переворот 1917 года. За человеконенавистническую диктатуру, растоптавшую более 60 миллионов человеческих жизней. За братоубийственную гражданскую войну. За истребление крестьянства, офицерства, дворянства, купечества, духовенства, корневой интеллигенции. За мясорубку ленинско-сталинских репресс-

сий. За геноцид против отдельных народов и наций, разжигание межнациональной розни, а в ее мутных потоках – антисемитский шабаш советских и постсоветских черносотенцев. За урон отечественной культуре, травлю ученых, писателей, врачей, разгромы генетики, кибернетики, прогрессивных направлений в экономике, языкознании, литературном и художественном творчестве. За недопущение и подавление любого инакомыслия. За милитаризацию и обнищание страны. За августовский заговор 1991 года, который «привел к беспорядочному разрушению государства и невыносимым тяготам народа. Большевиству не уйти от ответственности перед народом за то, что, цепляясь за большое сознание обманутых им людей, он и сегодня упорно держится за преступные идеи насилия, классовой борьбы, диктатуры пролетариата, революции, отрицания частной собственности, гражданского общества, семейного воспитания».

Сплошные: за... за... за... Повторяя хрестоматийную поэтическую строку, уместно признать: они звучат, «как колокол на башне вечевой». Но характерно, что в набатное проповедничество своих книг А.Н. Яковлев органично вплетает доверительную интонацию исповедального рассказа о прожитом и пережитом, выношенном и передуманном. О прозрениях и заблуждениях в собственных исканиях правды. О неослабной памяти, поскольку «жизнь – это, прежде всего память», а «память – это и есть высшая награда за жизнь». О неусыпной совести, по велениям которой он «уже на склоне лет... принял посильное участие в продвижении» России к свободе.

Но продвинуться – не значит достичь. Без материально и духовно обеспеченной свободы личности, которая покоится на гуманистическом признании самоценности человеческой жизни, не бывает свободных ни стран, ни народов. Не человек для государства, а государство для человека – истина, выстраданная в бурях и драмах XX века, но не принятая до конца ни им, ни начавшимся XXI веком. К ней, этой истине, вечной и абсолютной в масштабах как отечественной, так и мировой истории, современное общественное сознание пока что пробивается шаг за шагом. Но пробьется, непременно пробьется, если шаг не будет черепашьям.

Как сказано поэтом, «если к правде святой мир дорогу найти не сумеет...» Ищет и находит. И не порывами безумцев, навевающих согражданам золотые сны, а трудом и усилиями первопроходцев, которые прокладывают путь через заторы, расчищают его от завалов. Таких первопроходцев совсем немного, потому что судьба призывает к великой миссии отнюдь не каждого. Александр Николаевич Яковлев из немногих призванных...

Поступки в жизни, лишенной Поступков

Я дружил с Игорем Черноуцаном, а Игорь дружил с Александром Яковлевым. От Игоря я наслушался восхищенных рассказов о его друге. Оба они были ярославцы, оба фронтовики – не штабисты, а солдаты, – оба после войны работали в ЦК. Игорь был человек восторженный, увлекающийся. У него Саша (Сашка) Яковлев предстал мыслителем, философом, правдолюбом, аналитиком. Цековскую публику я не знал, но ясно было, что там таких не бывает, и не может быть потому, как идеология наша в те годы неизлечимо страдала ложью, обманом. И сам Игорь, работая в отделе Культуры ЦК, мучался от постоянных компромиссов, бессилем был защитить таких писателей, как Твардовский, Яшин, Эренбург, Дудинцев, таких режиссеров, как Ромм, Козинцев, Тарковский, словом, тех, кто составил славу советского искусства. Оборонял, как мог от наскоков софронových, кочетовых, грибачевых и прочих автоматчиков, так их величал Хрущев – мои автоматчики. Они были сильнее, они пользовались поддержкой секретарей ЦК, вроде Ильичева, Суслова. Я видел, как он страдал от своего бессилия. В конце концов, это физически и психически стубило его. Он был для меня доказательством того, что аппарат ЦК произвольно отторгал и честность, и принципиальность. До поры – до времени кто-то удерживался, но система была сильнее. Конечно, оттепель действовала, время требовало нового мировоззрения, кое-что удавалось, но отдел пропаганды, где Александр Яковлев был одним из руководителей, пребывал в железном футляре сусловского большевизма, не ведающего сомнений. То, что мне рассказывал Игорь (да и не только он), создавало довольно типичный портрет того времени: человек умный, передовых взглядов, вынужден скрывать их, быть как все, добиваясь своего внутри точно очерченного круга. Мнение поколебалось, когда я впервые встретился с Александром Николаевичем, не помню уж по какому делу, в его кабинете на Старой площади. Этот человек располагал к себе какой-то простотой, натуральностью, из тех, кому не надо заботиться о произведенном впечатлении. Естественный, надежный человек из, уже исчезающего к тому времени, солдатского братства. Конечно, это учреждение не внушало особого доверия, тут все следовало делить на разы.

Но затем появилась знаменитая статья Александра Николаевича в «Литературной газете». Содержание ее достаточно известно, скажу лишь, что действие ее было взрывное – он одернул, и резко, националистов, и это приняли за новую установку ЦК. Однако не тут-то было: на него ополчились со всех сторон, особенно молодцы типа Хватова, Выходцева, действовали они прежде всего заушательскими паническими письмами секретарям ЦК, пугали, передергивали. Все это – достояние опубликованной истории. Меня же поразило другое, то, что тогда рассказал мне Игорь Черноуцан. Оказывается, Александр Николаевич шел, как говорится, на повышение, его собрались выдвинуть то ли заведомом, то ли секретарем по пропаганде. Зачем же он в такой момент подставился, почему не переждал, зачем схва-

* Даниил Александрович ГРАНИН – прозаик, киносценарист, публицист. Последние книги: роман «Прогулки с Петром Великим», сборник публицистики «Тайный знак Петербурга», повесть «По ту сторону».

тился с этой бандой? Затем, чтобы знали его взгляды, объяснил мне Игорь, хотел действовать в открытую: вот что он исповедует, угоден он такой – назначайте, он не собирается хитрить, маскироваться.

Признаюсь, подобная прямота в том, брежневском, аппарате была для меня открытием. Разумеется, его из ЦК аккуратненько изъяли, послали послом в Канаду. Если все так и было (мотивы его поведения), то это, и впрямь, исключительный поступок в той жизни, почти лишенной Поступков.

Линия Яковлева воспринята была как враждебная, я видел до чего он стоял поперек горла партийным ленинградским начальникам, и как они торжествовали свою победу.

В горбачевское время мы встречались все чаще. Националисты продолжали считать Яковлева антипатриотом, клеветали на него, позволяли себе совершенно непристойные выходки. Старались выяснить: нет ли в нем чего-то нерусского, не иноходец ли он какой-нибудь. Иногда терпение его лопалось, он называл эту публику шпаной, вернул в обращение хорошее словцо тридцатых годов. Из членов горбачевского политбюро он, пожалуй, был единственный, с кем считалась творческая интеллигенция. В течение 15 лет он отстаивал существование фонда Дж. Сороса: миллиарды долларов потратил фонд, помогая ученым, художникам, библиотекам страны. Ему многое удалось, как ни странно, несмотря на все препоны, несмотря на то, что со своими предложениями он оставался в меньшинстве. В нем сочетаются прямота и хитрость, хитрость эта – солдатская, умеющего воевать и, если надо, выстоять.

Но, может, стоит вспомнить и то, что ему не удалось. Он рассказывал мне, как он пробовал убеждать Горбачева разделить компартию на две, был момент, когда это назрело, перед массовым выходом коммунистов из рядов КПСС. Могла появиться двухпартийная система, история, видимо, могла пойти по более спокойному разумному варианту. Он трезвый, умный политик, может мудрый, потому что мудрость это не столько знание, сколько понимание. Война, которую он провел на передовой, учеба, дипломатическая работа, научная – все это соединилось в драгоценный жизненный опыт, неоценимый для руководителя страной. Меня привлекает в нем человечность. Качества этого, обычно, не хватает нашим руководителям. Александр Николаевич не обозлился, не разочаровался в людях, хотя имел на то основания. За последние годы, издавая одну за другой книги документов «Россия. XX век. Документы», он узнал столько горького и страшного о российской истории, как, может, никто.

Восемьдесят лет, после столь энергичной жизни, – самая пора отдыхать, наслаждаться покоем и своей славой. Ничего подобного. Можно подумать, что скорость и энергия жизни Александра Николаевича возрастает. Какое счастье, что есть такой пример.

Дорогой Александр Николаевич, до чего хорошо, что Вы были, и прекрасно, что Вы есть с нами!

Санкт-Петербург

Самородок

Признаюсь, вначале я хотел дать этой заметке название «золотой самородок», но все же счел это несколько претенциозным. Дело, конечно, не в названии, а в том, что Александр Николаевич Яковлев – действительно редкое и самобытное явление, фигура очень большого масштаба, навечно вошедшая в историю России и историю мирового коммунизма-большевизма.

Формально я познакомился с Александром Николаевичем, когда был Народным депутатом СССР. Но я не политический деятель, и так бы и не узнал Александра Николаевича поближе, если бы мы не жили рядом в академическом дачном поселке «Ново-Дарьино». Там как-то «сошлись», начали иногда гулять по дорожкам и разговаривать. И это, кстати, уже третий случай в моей жизни – то же раньше произошло у меня в «Ново-Дарьино» с Александром Львовичем Минцем (известным радиофизиком) и с Евгением Константиновичем Завойским (превосходным физиком-экспериментатором). Увы, обоих их уже нет среди нас.

И вот, в первое время, прогуливаемся мы с Александром Николаевичем или просто беседуем, а я все думаю: можно ли ему верить, первому человеку из совсем другого круга людей, совершенно незнакомого мне? Я ведь никогда близко не общался ни с одним видным или даже второстепенным партработником, если не считать нескольких «визитов» на Старую площадь преимущественно в связи с жалобами на то, что за границу не пускают и, в другом случае, в связи с «делом» А.Д. Сахарова (я заведовал Теоротделом им. И.Е. Тамма ФИАН, в котором работал Сахаров вплоть до своей смерти, в частности, в период горьковской ссылки). А тут к тому же на Александра Николаевича со всех сторон «катились бочки». Вот рассказываю о нем одной академической даме, а она в ответ: да как же к нему можно относиться положительно, когда он основной организатор известного позорного процесса против Синявского и Даниеля? Пришлось, заведя разговор на эту тему, выяснять, как же было дело. Оказывается, процесс организовали КГБ и Суслов. Последний попытался навесить это дело и на Александра Николаевича, но ему удалось уклониться, и он никакого участия в процессе не принимал и даже ни разу не посетил заседание «суда», о чем, кстати, жалеет – говорят, было интересно как демонстрация гнусности и глупости.

Конечно, знакомство с Александром Николаевичем не ограничивалось разговорами, я прочел его книги «По мощам и елей», «Крестосев» и, наконец, фундаментальную книгу «Омут памяти». И вот в итоге с моей стороны не может быть и речи о каких-то сомнениях в искренности и правдивости Александра Николаевича. Собственно, было бы даже не вполне корректно об этом здесь упоминать, но я пишу, поскольку речь идет об очень важной проблеме, – о доверии к людям и вместе с тем об их буквальной слепоте в целом ряде обстоятельств. Трудно было бы, да и неуместно здесь пускаться в общие рассуждения. Поясню, о чем идет речь, на собственном примере.

---

* Виталий Лазаревич ГИНЗБУРГ – доктор физико-математических наук, академик АН СССР (1966–1991), академик Российской Академии Наук.

Я вырос в семье старого инженера, еще дореволюционной «штучной» продукции. Не было у нас ни одного знакомого большевика, никто из близких родственников или знакомых не «сидел». Отец был настроен критически к советской власти, называл партиячку «партиячком», но как-то критиковал власти неактивно, а я был типичным школьником, правда, не пионером, но и не сомневающимся в справедливости коммунистических идей и величии Ленина, а затем и Сталина. Даже и понять сейчас не могу, как нормальные люди были способны не видеть всей фальшивости и гнусности чудовищных процессов 1937–38 гг. Но вот не понимали, верили (!?). Я даже умудрился в 1937 г., уже студентом МГУ, в возрасте 21 года вступить в комсомол. И отнюдь не из карьерных соображений, было у меня лишь одно увлечение в жизни – наука, а в аспирантуру физфака МГУ (предел тогдашних мечтаний) брали и беспартийных, и не комсомольцев. Среди окружающих процветали слепая вера, непонимание, чему способствовало, конечно, оболванивание людей, лживая пропаганда, гнусное лицемерие во всех руководящих структурах.

В «Омуте памяти» Александр Николаевич все это ярко и правдиво освещает на своем примере. Особенно сильное впечатление произвело на меня описание доклада Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. Так и видишь, как молча, потрясенные расходились партийные функционеры после доклада. Можно ли при этом удивляться слепоте людей, далеких от партийных кругов? Исключения, которые я знаю, составляют преимущественно люди, у которых репрессировали родителей, и они уже в детстве поняли, что к чему. Да и то поняли далеко не все! Кстати, для тех, кто понимал, было характерно недоверие к непонимавшим. Я сам неоднократно сталкивался с таким отношением – мне давали понять, что не верят в мою искренность. Другими словами, подозревали, что на самом деле многое понимаю, но делаю вид, что не понимаю из трусости или карьерных соображений. В действительности же я до XX съезда на самом деле был, в общем, слеп и глух, несмотря даже на то, что в 1946 г. женился на бывшей заключенной «контрреволюционерке» (статья 58 УПК), освобожденной по амнистии 1945 г. и прописанной под г. Горьким (об этом я подробнее рассказываю в своей статье «Коммунисты – снова главная опасность для России и всего мира»). Мою глупость не нужно все же считать тотальной: в «дело врачей», например, я ни минуты не верил, как и во многое другое, но совершенно не понимал роли Сталина. Но что уж тут говорить о еще более далеких от власти советских гражданах! Тотальное непонимание было характерно, видимо, и для многих, имевших немало источников правдивой информации.

С «архитекторами перестройки» Г. Поповом и А. Собчаком на праздновании 75-летия Февральской революции в Ленинграде.

Особое омерзение (пусть, возможно, и не вполне оправданное?) у меня вызывают иностранные так называемые либералы. У них ведь было несравненно больше сведений, а они поддерживали и защищали Сталина и его банду. Их глупость безгранична. Недавно ряд подобных (давно известных, конечно) фактов напомнили в газете «Поиск». Вот что, например, писал властитель дум Герберт Уэллс после беседы со Сталиным в 30-ые годы: «Я никогда не встречал человека более искренне-

пострашенные расходились партийные функционеры после доклада. Можно ли при этом удивляться слепоте людей, далеких от партийных кругов? Исключения, которые я знаю, составляют преимущественно люди, у которых репрессировали родителей, и они уже в детстве поняли, что к чему. Да и то поняли далеко не все! Кстати, для тех, кто понимал, было характерно недоверие к непонимавшим. Я сам неоднократно сталкивался с таким отношением – мне давали понять, что не верят в мою искренность. Другими

го, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснять его огромную власть в России... Сталин совершенно лишенный хитрости и коварства грузин. Его искренняя ортодоксальность – гарантия безопасности его соратников». И это написано известным писателем о кровавом бандите, вскоре расстрелявшем всех этих «соратников», большинство которых было, вероятно, не лучше его самого. Таким же «глубоким пониманием действительности» отличались Б. Шоу, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер, А. Барбюс и многие другие светицы западной «просвещенной, прогрессивной и либеральной общественности».

Каким гигантом на этом фоне рафинированной интеллигенции и всех этих хлюпиков выглядит выходец из бедной крестьянской семьи, инвалид войны, историк и политик Александр Николаевич Яковлев! Он больше, чем кто-либо другой сделал для разоблачения коммунизма-большевизма, и в этом его огромная заслуга (сошлюсь также на его книги и многочисленные материалы, опубликованные под его редакцией). При этом, к сожалению, здесь далеко не все в прошлом: достойная наследница КПСС, реакционная, растленная, красно-коричневая КПрФ ведь существует и собирает чуть ли не больше всех голосов на пусть и не идеальных, но все же в основном демократических выборах. Таким образом, коммунистическая (по сути дела, конечно, бесконечно далекая от каких-либо светлых коммунистических идеалов прошлого) болезнь и одновременно угроза в России существует и далеко не исчезла. В США и Европе коммунизм-большевизм (если угодно, марксизм) уже, насколько знаю, совсем не в моде. Но коньком бывших «левых», пацифистов и т.п. стала пресловутая политкорректность. Она позволяет нашедшим приют во Франции, Англии, США и других странах выходцам из мусульманского мира буквально «класть ноги на стол» и открыто и безнаказанно поддерживать дикие и преступные претензии исламского фундаментализма. Нужно, видите ли, дожидаться того, чтобы обезумевшие шахида унесли вместе с собой десятки невинных человеческих жизней, прежде чем будут сочтены оправданными жесткие меры против этих фанатиков, семьям которых Саддам Хусейн и ему подобные «лучшие ученики тов. Сталина» платили деньги за их подвиги, угодные Аллаху.

Здесь, конечно, не место развивать эту тему, навеянную событиями текущего момента. То же, что я хочу подчеркнуть еще раз, – это огромную заслугу Александра Николаевича Яковлева в разоблачении сущности тоталитаризма, особенно в его коммунистическо-большевистском варианте. Будущее России будет светлым только в том случае, если демократия в стране укрепитя и окончательно победит, а зловонные красно-коричневые, увядающие заросли большевистского посева и, увы, многочисленные молодые побеги такого же сорта не смогут подняться и будут отброшены на обочину истории новыми поколениями свободных граждан России.

Больше всего можно пожалеть о том, что Александр Николаевич Яковлев по очевидным физическим причинам уже не сможет возглавить движение страны вперед к достойному демократическому и цивилизованному будущему. Вся надежда на то, что найдутся, как они ни редки, другие лидеры его калибра, которые поведут человечество на базе научного мировоззрения по правильному пути прогресса, демократии и гуманизма.

Свидетель

Для того чтобы понять, какую роль в моей личной судьбе сыграл Александр Николаевич Яковлев, мне нужно было прожить много лет, пройти через изнурительный судебный процесс, провести собственное расследование и, наконец, прочесть автобиографический двухтомник А. Яковлева «Омут памяти», который окончательно расставил все по местам. Двухтомник этот я рекомендовала бы в качестве учебника истории для школ и вузов – такой это правдивый и точный документ.

За последние годы было несколько коротких встреч с Александром Николаевичем – на форумах, конференциях, – были разговоры по телефону. И каждый разговор оставлял в душе радость от общения с умным, искренним и бесстрашным человеком. С человеком чести, способным открыто дать беспощадную оценку любому событию, в том числе собственным взглядам и поступкам.

Но вернусь в 1988 год, в начало горбачевской перестройки, в период общей эйфории, надежд, когда стало возможным произносить с трибун то, что раньше говорилось шепотом, с оглядкой, когда поток гласности вынес на поверхность общественной жизни все, что мы до того читали только в самиздате и «тамиздате». Впрочем, вместе с эйфорией пришло и изумление – свобода и гласность выплеснули в нашу жизнь мутную, зловонную волну антисемитизма, нацизма – и это тоже звучало на митингах и печаталось в государственных средствах массовой информации. Почему-то от перестройки мы наивно ожидали только светлого, забыв, что советская власть десятилетиями то явно, то, прикрываясь демагогическими лозунгами, статьей Конституции СССР о равноправии национальностей, внедряла в сознание людей нацистские идеи. И теперь, когда любой, кто нарушал Конституцию и Уголовный кодекс, нагло объявив себя русским патриотом, писал и говорил то, что раз и навсегда было осуждено Нюрнбергским трибуналом, никто из правоохранителей не смел (да и не хотел – идеология, как правило, была той же) привлечь нациста к ответственности. А у нас точно память отшибло: «Откуда это все берется? – восклицали мы, – Куда смотрят партийные органы, начавшие перестройку? Может, им не все известно?» Конечно, в ЦК остались те же люди, но ведь среди них и раньше были люди порядочные. Ведь не кто-нибудь, а нынешний член Политбюро А.Н. Яковлев еще в начале семидесятых опубликовал статью «Об антиисторизме», где дал жесткий отпор антисемитам из «Молодой гвардии» и «Октября».

Мы не знали (или забыли за прошедшие годы), чем закончилась тогда для Александра Николаевича та история со статьей. Только теперь, из его автобиографической книги я узнала, как готовилась статья, как главный редактор опубликовавшей ее «Литературки» Чаковский спросил А.Н. Яковлева: «А ты знаешь, что тебя снимут с работы за эту статью?» И услышал в ответ: «Знаю».

Так оно и вышло. Статья вызвала негодование высших партийных руководителей, Яковлев был в срочном порядке отправлен послом в Канаду, где пробыл практически до перестройки.

---

* Нина Семеновна КАТЕРЛИ – прозаик, публицист, активный участник общественных движений демократической ориентации, правозащитной и антифашистской направленности.

А уже вернувшись в Москву, работая в ЦК, являясь членом Политбюро, опять оказался в центре скандала – и опять по тому же поводу, по поводу пропаганды антисемитизма, а по сути, нацизма в книгах, выпускаемых партийными издательствами.

В 1986 году в Ленинграде вышла книга А. Романенко «О классовой сущности сионизма». Книга эта и ее автор, не побоюсь преувеличений, стали в то время знаменем антисемитов, выступающих на многочисленных митингах пресловутой «Памяти» и других подобных ей организаций. О том, кто и как на самом «верху» относится к этому сочинению, никто из простых граждан не знал и, как выяснилось позже, знать не мог. Однако возмущение среди порядочных людей было серьезное – в редакции газет, партийные и правоохранительные органы шли возмущенные письма, но реакции на них не наблюдалось.

Пребывая в полном неведении о корнях этой книги, о ее вдохновителях и противниках, я в ноябре 1988 года опубликовала в «Ленинградской правде» статью «Дорога к памятникам», где в числе прочего написала, что смешно задаваться вопросом, откуда берут наши доморощенные нацисты литературу для своей пропаганды и агитации. Они берут ее из многочисленных, выпущенных многотысячными тиражами официальных изданий, вроде книги «антисиониста» Романенко, которую я назвала антисемитской и содержащей нацистские идеи.

За публикацией статьи последовал почти двухлетний судебный процесс по иску Романенко, заявившего, что своей статьей я оскорбила не только его, но, главным образом, КПСС, с чьей подачи и создана его книга.

Процесс шел долго – запуганные высказываниями истца о поддержке его труда правящей партией, судьи тянули с принятием любого решения, как могли. Месяцы уходили на то, чтобы назначить экспертов, еще месяцы – на создание экспертного заключения. Наконец летом 1989 года районный суд отклонил иск Романенко, но суд городской тут же отменил это решение и назначил новое слушание, занявшее еще около года. Все это время в ответ на обвинения истца в том, что я клевету на Партию, советскую власть и вообще являюсь агентом сионизма, я и мои сторонники без конца обращались в Ленинградский обком с вопросом, а как, в самом деле, КПСС оценивает книгу Романенко. Обком то безмолвствовал, то вяло отвечал, что не вмешивается в частные дела. Если бы в те дни я знала, **какой сторонник** есть у меня не просто в Ленинградском обкоме, а в Политбюро ЦК! Насколько легче было бы мне отбивать агрессивные атаки истца и его группы поддержки, являвшейся в суд с антисемитскими плакатами. Но я ничего не знала.

Однако время было уже не прежним, КПСС теряла свои позиции. И на каком-то этапе процесса «произошла утечка информации»: один из порядочных работников аппарата ЦК, тайно встретившись со мной неподалеку от Старой площади, сообщил мне, что чуть не за год до начала моего процесса секретариатом ЦК принято решение, осудившее книгу Романенко. Но получить копию этого решения, чтобы представить в суд, я не могу – решение ...засекречено. А принято оно по инициативе Александра Николаевича Яковлева. Мне посоветовали написать письмо Александру Николаевичу лично, отдать в окошко в здании ЦК, Яковлев получит его, прочтет – и что-нибудь мне да посоветует.

Я написала такое письмо, отнесла на Старую площадь, но к Яковлеву оно странным образом не попало, он даже не узнал о нем, поскольку письмо это было кем-то услужливо переправлено прямым ходом ... в Ленинградский обком, где и легло под сукно. Было это, повторяю, в 1989 году.

А в 1990-м мой процесс завершился – Романенко (видимо под давлением своих партийных боссов и вдохновителей) отзывал иск с формулировкой, что сионизм, видимо, непобедим и у него нет больше сил бороться.

С тех пор прошло больше десяти лет. Нацизм в нашей стране чувствует себя все так же вольготно – никто никого за нацистскую, юдофобскую и расистскую пропаганду не наказывает, несмотря на Конституцию, разного рода указы и недавно принятый закон. И точно так же, как почти двадцать лет назад, звучит недоуменное: «Откуда это у нас, в стране, победившей гитлеризм? Почему, ну – почему у нашего народа нет достаточного иммунитета к фашизму?!» И только один человек прямо, без реверансов, осмелился ответить на этот вопрос:

«Я пришел к глубокому убеждению, что октябрьский переворот является контрреволюцией, положившей начало созданию уголовно-террористического государства фашистского типа» (А. Яковлев. «Омут памяти. От Столыпина до Путина»).

Я за эти годы познакомилась с Александром Николаевичем Яковлевым, убедилась в высокой нравственной чистоте этого человека, его искренности, способности к покаянию даже там, где ему и каяться-то не в чем. Прочла я и прекрасную его книгу «Омут памяти».

Теперь я точно знаю, какие кипели страсти за недоступными для меня стенами Кремля в связи с книгой Романенко. Недавно в телефонном разговоре Александр Николаевич рассказал мне, как, прочитав эту книгу, вызывающую у любого нормального, порядочного человека омерзение, он и его единомышленники подготовили и представили в секретариат ЦК, возглавляемый тогда Егором Лигачевым, резкую, злую записку. Было это еще в 1987 году. После проволочек, обсуждений внутри секретариата и всевозможных согласований секретариат принял, наконец, решение, осудившее книгу. Было оно, это решение, достаточно беззубым – от написанного Яковлевым в нем практически не осталось ничего. Но и этого мало: решение было тут же засекречено, знакомиться с ним дозволялось только первым секретарям обкомов, больше никому. Что практически сводило эффект от принятия решения к нулю. Райкомы КПСС, находясь в полном неведении, продолжали пропагандировать книгу Романенко и раздавали ее членам партии бесплатно, издательство готовило второе издание. Автор был уверен в том, что КПСС умеет хранить свои тайны, а эту тайну хранит потому, что, несмотря ни на какие решения, принятые под давлением сионистов, проникших в Политбюро, разделяет его, Романенко, взгляды. Наверное, в этом он был прав, хотя партия в конце концов нехотя от него и отмежевалась. Зато А.Н. Яковлева вскоре просто-напросто исключила из своих рядов. А нацисты присвоили ему звание сиониста и еврея, носящего имя не то Эпштейн, не то Яков Лев.

А он живет, работает, не боясь ничьих угроз и обвинений, не реагируя на несправедливые упреки, на оскорбления из уст бывших соратников. Не гонясь за славой и не ожидая наград. Просто – делает свое дело. Самое, может быть, важное дело сегодня: дает свидетельские показания. Александр Яковлев, как немногие, знает изнутри политическую и идеологическую кухню высшего эшелона советской и постсоветской власти. И, как **никто** в стране, говорит правду, только правду, одну правду. Без демагогии и популизма. Правду о себе самом, обо всех нас, о нашей истории.

Санкт-Петербург

Доктор Дымов

Помните чеховского доктора Дымова из «Попрыгуньи»? Честняга из честняг, он скромно и ответственно делает свое дело, пока супруга его суетится и развлекается.

Александр Николаевич Яковлев напоминает мне этого доктора Дымова – пока мир безумствует и разлагается, он упорно и искренне стоит на своем: человечность и бесчеловечие несовместимы, люди России должны ощутить себя гражданами демократической страны, свобода есть выстраданное миллионами жертв нормальное состояние души...

Будучи на вершинах порочной власти, Александр Николаевич в решающий момент совершил подвиг, став, так сказать, «диссидентом от Политбюро», опорным человеком «перестройки», одним из тех, кто спас нашу страну, наш народ от исторических тупиков и кровавых болот, куда нас завела большевистская идеология. Не будем забывать – он при этом рисковал жизнью. Не в переносном смысле, а в буквальном смысле. Почему он это сделал?.. Ведь его иконостасный портрет я помню на Телеграфе!..

Совесь – вот та могучая сила, которая двигала этим мужиком с мудростью философа, этим фронтовиком, знающим ценность единственной и неповторимой жизни.

Боже мой, как же трудно быть доктором Дымовым в политике!..

С. С. Филатовым. Все меньше романтиков свободы – идеалисты не приживаются во власти.

* Марк Григорьевич РОЗОВСКИЙ – драматург, режиссер, художественный руководитель театра «У Никитских ворот», заслуженный деятель искусств России.

Мы видели, а он знал...

Для меня этот человек – олицетворение нашей жизни. Был коммунистом, был членом КПСС, говорит, как говорят в деревне, совершенно русский, и фронтовик, и ранен, а все равно чужой, а все равно чужой.

Он-то и начал. А кто ж начнет? Диссиденты при всем мужестве вызывали только любопытство, сатирики – смех.

Народ или безмолвствовал, или хохотал, но ничего не делал и не собирался делать, пока сама власть, зная, что жизнь становится все хуже, не решилась...

Мы видели, а власть знала.

Мы видели, а он знал.

Изменить что-то можно только сверху, как начать войну.

Низ гибнет, но участвует.

А начинают сверху.

Поступил приказ жить по-новому.

Хватит нам бегства из страны, тюрем, голода и короткой жизни.

А как народ любит диктатуру! Обожают!

100,1 % поддержки на выборах.

Портреты целует врасплох.

Фотографии диктатора обливают слезами.

– Позвольте мне от имени...

– Мы всем коллективом...

– Наш коллектив...

Александр Николаевич Яковлев коллектив превратил в людей.

С экранов тут же полезло похабство, мат, перегар, потому что заговорили нефильТРованные люди.

И хоть неизвестно, что из двух вызывает большее отвращение, – сама жизнь не виновата.

Это мы сегодня такие.

Это мы сегодня так поем и так говорим.

«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» – при жутком голоде и тюрьмах.

«В это крайне тяжелое для России время» – при полных магазинах и автомобильных пробках.

Это я все о Яковлеве.

Нашему народу нравится видеть солнце наверху.

Вот я здесь мучаюсь, копаю, рою, голодаю, но гляну вверх – там сила и мощь. Да что я, лишь бы вам наверху жилось хорошо.

И соседу правильно угрожаете.

И Америку изводите правильно.

Соседи – это самый страшный народ.

---

* Михаил Михайлович ЖВАНЕЦКИЙ – писатель, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Президент Всемирного клуба одесситов.

А Германию любим, так как побеждали и не завидуем.

Жизнь была ясной, как тетрадь в клеточку, как окошко в клеточку, как огород в клеточку, как земля в клеточку.

Мы здесь копаемся, а вы там решайте.

В стране исчез полностью такой народ, как старики и старухи, как инвалиды.

Их стеснялась бодрая и молодая страна, как-то забывая, что вечная молодость – это ранняя смерть.

Только Политбюро держалось на охране и хороших лекарствах.

А что мы сегодня видим? Что мы видим сегодня?

Мир видим.

Жизнь видим.

Еще не участвуем, но уже видим.

Она уже здесь.

Ею уже многие живут.

Это все Александр Николаевич Яковлев!

Не он один, конечно.

Но Александр Николаевич убедительнее.

Его 80 лет.

Он – вся наша многострадальная жизнь с рядом падений и одним взлетом к вершине.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Азарий МЕССЕРЕР

Исторические гастроли

В этом году в России, Англии и других странах отмечается столетие великого танцовщика и выдающегося педагога Асафа Мессерера, а также 95 лет со дня рождения его столь же знаменитой в балетном мире сестры Суламифь Мессерер. По московскому телевидению показывали документальные фильмы о творчестве Асафа и Суламифи Мессерер. Среди многих поздравлений Суламифь Михайловна получила телеграмму от английской королевы Елизаветы. Два года назад ей торжественно вручили Орден Британской Империи в Букингемском дворце за вклад в развитие британского искусства. Оба они были премьерами Большого и преподавали балет в течение 70 лет. Суламифь Мессерер поделилась воспоминаниями со своим племянником, автором этой статьи.

Фотография, обнаруженная через 60 лет

История этой фотографии поразительна. Я получил ее из Израйля в канун 2000 года и тогда же решил, что это – знак свыше, и в наступающем веке я призван написать о ней, а, следовательно, и о Суламифи, и об Асафе. На фото они юные и красивые, в окружении родственников, которых они увидели тогда впервые. Родственники эти представляли две ветви нашей семьи, пустившей корни в Германии. Впереди сидят братья моего деда – Борис, Лазарь – и их жены. А за ними стоят их дети и племянница Руфь, самая юная, которая чудом и сохранила это фото, сделанное кузеном Суламифи Давидом Мессерером в 1933 году во Франкфурте вскоре после прихода Гитлера к власти. Тогда Давид еще учился в университете на физическом факультете и увлекался фотографией. Давид не только снимал, но и проявлял, и печатал снимки в своей домашней лаборатории. В этот раз

он поставил камеру на штатив, поджег магний и едва успел присоединиться к группе. Он стоит второй в третьем ряду слева.

Тень неминуемой трагедии еще не омрачает лица моих родственников, но спустя несколько лет большинство из них погибнет в фашистских концентрационных лагерях. Двое из них, мой тезка Азарий, талантливый лингвист, и его прелестная сестра Дорита (они стоят во втором ряду, слева) бежали в Париж после погромов «Кристалнахт». Но французские коллаборационисты выдали их гестаповцам буквально за месяц до освобождения Франции, из Парижа их отправили в Освен-

Среди немецких родственников.

цим. Другие погибли раньше, так как по разным причинам остались во Франкфурте, в частности, из-за болезни Доры, старшей дочери Бориса. Спаслись только четверо самых молодых: Алекс, Давид, Ноэми и Руфь. Я благодарен Мите (так в семье все называют Суламифь) за то, что она связала меня с Алексом Мессерером (он на фотографии стоит слева от Асафа); а через него я познакомился с другими нашими израильскими родственниками.

Как же нашла их Суламифь спустя 60 лет? Она ставила балет в Бразилии, в огромном, по статистике, самом большом в мире городе Сан-Пауло. После спектакля к ней подошел весьма пожилой джентльмен, который сказал, что является дядей Фанни Мессерер, жены Алекса, и тут же написал ей их адрес в Хайфе. Алекс и Давид оказались чудесными людьми, оба блестящие инженеры. Алекс воевал в британской армии во время Второй мировой войны, а потом участвовал в войне за независимость Израиля. Не так давно братья побывали во Франкфурте по приглашению бургомистра и видели мемориальную стену, на которой среди тысяч имен евреев, замученных в лагерях смерти, они нашли имена отца, матери, сестер и братьев.

Асаф и Суламифь попали в фашистскую Германию совершенно неожиданно, во время своих первых гастролой на Западе. Гастроли эти можно считать историческими, ибо до них из СССР на Запад никто из артистов балета не выезжал, так что их «полет» в Западную Европу можно было сравнить с полетом на Луну.

Телефонный звонок в Кремль

30 декабря 1932 года они выехали в Прибалтику. Латвия, Эстония, Литва были в ту пору независимыми, но они еще были более или менее доступными, в общем, не Запад. В Москве существовала единственная организация под неудобоваримым названием «Посредрабис», которой разрешали заключать контракты на гастроли артистов в прибалтийских странах. Асафа уже там знали, он гастролировал в этих краях дважды. Один раз – с Викторинной Кригер, известной балериной, попавшей потом в опалу у чиновников Большого театра как раз из-за ее неурочных гастролей в Прибалтике. Второй раз – с молодой солисткой Большого Татьяной Васильевой. И когда тот же импресарио вновь пригласил Асафа, он решил взять с собою сестру, которая уже танцевала многие ведущие партии в Большом. Суламифь рассказывает, что Асаф предложил: «Поехали?!» Но легко сказать – поехали. Срочно нужны были загранпаспорта, разрешение на выезд, особенно ей, выезжавшей впервые. «Вот если бы Енукидзе помог», – мечтательно упомянул Асаф имя тогдашнего секретаря ЦИК, наиболее близкого к театральным кругам из кремлевского руководства. «Если хочешь, дам тебе его номер телефона. Хорошо бы добраться до него...» Застенчивый как ребенок, он испытывал настоящие муки, когда нужно было пробиться к начальству. Телефон как назло не работал. Не обремененная робостью брата, Суламифь спустилась к соседу этажом ниже и набрала прямой номер Енукидзе. Главное, не перепутать его имя-отчество. «Авель Сафронович, – четко выговорила она. Дальше все пошло легче. – Говорит такая-то, пригласили за рубеж на гастроли, что делать, не посоветуете ли?» Руководство обожало «советовать». «Ну, что ж, – благословил Енукидзе, – поезжайте. Вот вам телефон секретаря, он скажет, куда пойти получить паспорта». И действительно в два счета им выдали заграндокументы, причем даже без ограничения срока пребывания по «ту сторону». Никаких анкет, собеседований, инструктажа – всей этой унижительной суеты более поздней советской эпохи. Иным из больших чиновников можно было тогда запросто позвонить по общегородской телефонной сети, а не «по вертушке».

Через два года разговор с Енукидзе мог стать причиной ареста. Этот бывший с юношеских лет друг Сталина, весельчак и балагур, как о нем все в Большом говорили, ибо он нередко приглашал на праздники в Кремль балетных, был смешан с грязью в прессе, а еще через некоторое время расстрелян как очередной враг народа. Но 1932 год был годом затишья перед бурей, страхи несколько отступили, поговаривали даже, что после трагической смерти жены, Надежды Аллилуевой, Сталин стал гораздо мягче.

Асаф и Суламифь ехали в Ригу, как в рай. Его кущи обступили их уже в поезде. В Москве свирепствовал голод, а здесь официантки в белых фартуках разносили подносы с едой. Мита впервые за долгие годы наелась курицы и белого хлеба в охотку. В Риге их встречала балерина Тангиева. Был канун Нового года. Тангиева пригласила отпраздновать новогоднюю ночь в ресторане. Мите пришлось ринуться в рижские бутики, подыскивать нарядный туалет: нужно было платье черное, длинное. Это был ее первый зарубежный «шоппинг».

Рождественский бал в рижском ресторане запал ей в память неземными яствами, о которых она до того лишь слышала, но никогда не пробовала. Что самое вкусное в мире? Говорят, шампанское с ананасами! Этого-то она и отведала там впервые в жизни. Рижская же, весьма изощренная публика в свою очередь «отведала» нашего балета, причем, во всем его блеске. Программу составлял Асаф. Они открывали концерт классическим па-де-де из «Дон Кихота». Расчет был на то, чтобы сразу ослепить публику невиданной по тем временам техникой. Асаф парил в

воздухе в своих двойных турах, каждый раз с невероятным, новым окончанием. Мита крутила разнообразные фуэте, в том числе 32 двойных! Зрители говорили потом, вручая за кулисами цветы, будто она «сливалась в сплошной волчок». Затем шли сольные номера. Мита выступала в «Танце с обручем» на музыку Черепнина. Громадный золотой обруч, вроде сегодняшнего хула-хупа, как бы составлял контрапункт стремительным пируэтам. Зрителям старшего поколения чудились в этом танце отзвуки хореографии Михаила Фокина, но на самом деле это была ее собственная постановка. Нечто подобное можно видеть сегодня в программах художественной гимнастики.

На одном из концертов обруч вырвался из ее рук и коснулся юпитеров над сценой. Чудом удалось его поймать. Зрители наградили ошибку щедрыми аплодисментами, так что пришлось оставить ее в номере навечно, как «находку».

Асаф, в свою очередь, блистал в «Танце с лентой» и танце «Китайского божка» из балета Глиэра «Красный мак». Потом они снова являлись вдвоем в «Мелодии» Глюка, наверное, лучшем номере, поставленном Асафом, номере-долгожителе – его танцуют и сегодня в разных странах. Затем показывали миниатюру «Пьеро и Пьеретта» на музыку Иоганна Штрауса. В хореографии Асафа эта классическая итальянская комедия масок превращалась в драму, полную улыбочивой скорби. Упылый, вечно тоскующий Пьеро безнадежно любит разбитную Пьеретту, но та знать его не желает. Ни мольбы Пьеро, ни его коленопреклонения, ни воздушные поцелуи не трогают сердце бесшабашной, чуждой романтическим сантиментам девчонки. В конце концов, Пьеро извлекает из-за пазухи бархатное красное сердце и бросает его к ногам неприступной возлюбленной. Увы, Пьеретта топчет сердце ножками. Потом Мита брала Пьеро в руки, а он уже как бы пустой, одна оболочка без костей... Рижский зритель отбивал ладоши до боли.

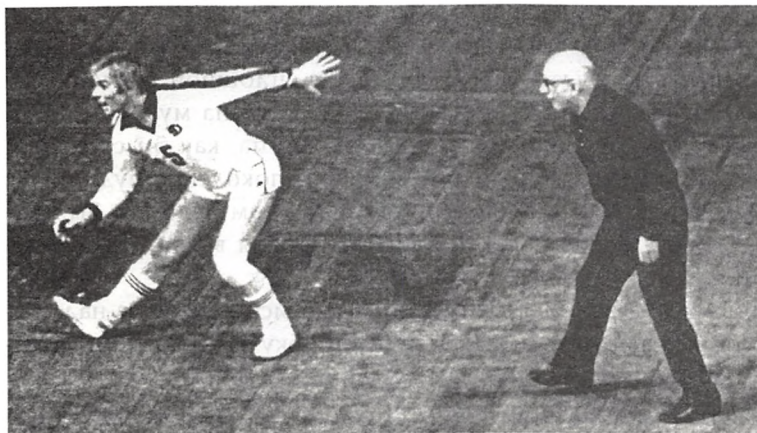
Пиком их гастрольного триумфа стал поставленный Асафом же номер «Футболист» на музыку Александра Цфасмана, который, между прочим, одно время жил в их квартире на Сретенском бульваре и очень дружил с братьями. Асаф танцевал этот номер соло, но создавалась полная иллюзия, что на сцене 22 игрока двух команд и мяч в придачу. Он воспроизводил в танце все игровые ситуации: ожидание паса, подножка, удар по воротам, промах, наконец, торжествующий над всеми осечками и обидами великолепный гол. Танцор с фантастическим прыжком, он, буквально, летал над сценой. А из зала летели в ответ букеты цветов.

Много лет спустя к Мите подошел в Лондоне Николас Березофф, «папа Березофф», как он известен в западных балетных кругах, так как все знают его дочь, прославленную балерину Королевского балета Светлану Березову. Танцовщик русских кровей – в 30-х годах жил в Риге и носил имя Николай Березов – покаялся: «Не судите меня строго, но я украл у вашего брата этот номер. Танцевал его всю жизнь и всю жизнь им кормился...» «Вряд ли Вам удавалось танцевать, как Асаф», – подумалось ей, но она лишь успокоила «папу Березоффа»: копируйте на свою хореографию Асаф, увы, не выправил.

К сожалению, в пятидесятых годах, когда я видел Асафа на сцене, он уже не танцевал «Футболиста». Однако вместе с миллионами телезрителей я смотрел юбилейный вечер, посвященный его 80-летию. Гвоздем этого вечера был «Футболист». Асаф показывал своему любимому ученику Владимиру Васильеву движения этого номера, а Васильев блестяще интерпретировал его па.

Описывая эти гастроли в своей автобиографической книге¹, Асаф отмечает, что они выступали в прекрасных костюмах, сделанных по эскизам выдающихся русских художников Федоровского, Эрдмана, Курилко. Мите особенно нравились шел-

¹ Асаф Мессерер «Танец. Мысль. Время». – Москва: «Искусство», 1979, стр. 95.

Асаф показывает Васильеву «Футболиста».

Там был опальный, фактически изгнанный из СССР, Михаил Чехов, племянник Антона Павловича. В конце 70-х, когда была опубликована его книга, Асаф смог лишь очень скупо упомянуть об этой встрече, ибо Чехов все еще был в СССР персоной нон-грата². Это сейчас о нем пишут как об одном из самых великих театральных деятелей всех времен. Во время своих скитаний на Западе он играл во французских театрах по-французски, в знаменитом немецком театре Рейнгардта – по-немецки, а потом в Голливуде снимался во многих фильмах, говоря по-английски. В Америке его чтят как выдающегося педагога, воспитавшего целую плеяду таких знаменитых актеров, как Энтони Куин, Грегори Пек, и автора блестящих книг по театральному искусству. В том же году, впервые изданных не так давно в России, около 10 писем к Азария Азарину, старшему брату Асафа и Миты, которого он считал и другом, и наиболее талантливым коллегой. Я помню, что на улице Огарева, в квартире вдовы Азария Валентины Дуленко, тоже бывшей в молодости знаменитой балериной, висел портрет Михаила Чехова с надписью: «Есть мудрость книжная – есть мудрость от таланта – вот за эту мудрость я тебя люблю, мой Азарич, и благодарю!»

В Риге с Чеховым встречался только Асаф, Мита же читала эти письма еще в начале тридцатых годов. Особенно трогательно письмо, где он пишет, что в то тяжелое время, когда он думал, что все его забыли на родине или боялись написать ему за границу, он получил весточку от Азария, единственного, кто не побоялся. Мита уверена, что вынужденная эмиграция Чехова и закрытие его любимого МХАТ-2 нанесли такие сердечные раны Азария, от которых он не смог оправиться. Он скоропостижно умер в возрасте 40 лет.

Король просит исполнить на бис

Под занавес гастролей в Прибалтике Суламифь и Асаф получили неожиданное приглашение выступить в Стокгольмской королевской опере. Их хотели видеть в «Коппелии» и, конечно, в концертной программе, о которой так восторженно писали рижские газеты. Сославшись на поддержку все того же Енукидзе, они получили согласие от дирекции Большого. Не успели они сойти с поезда, как поняли: их поджидает стихийный балетный рынок. К ним приценивались многочисленные западные импресарио, и спрос на них был очень высок. Стокгольмс-

² там же, стр. 97.

кая публика прекрасно знала лучшие образцы балета. Последними из русских танцовщиков здесь выступали Михаил и Вера Фокины, так что Асаф и Суламифь знали, какая ответственность на них лежит: им нужно было доказать, что балет в России жив и процветает, несмотря ни на что.

Судя по шведской критике, им удалось превзойти все ожидания. «Светска Дагбладет» писала 26 января 1933 года:

«Пируэты и антраша Суламифи отличались исключительным изяществом». Суламифь Мессерер «владеет всем обширным регистром классической школы». «Редко можно видеть пару, так скупно использующую эстетические эффекты, а полагающуюся на свое искусство, как эти юные русские гастролеры. И вообще строгая школа классического балета в их исполнении показывает всю свою совершенную культуру». Другой критик из газеты «Афтонбладет» писал 30 января, что «со времен Фокина и Фокиной мы здесь, в Стокгольме, не видели ничего, соответствующего этому представлению. Но необходимо, прежде всего, сказать, что даже Фокин не был в состоянии показать что-либо отвечающее сказочной технике танца Мессерера». Если критики были в таком восторге, то, представляю, как их принимала публика! На одном из концертов в ложе Стокгольмской королевской оперы они увидели высоченного, с прямой, точно балетной, спиной старца в окружении свиты. Это был король Густав Пятый. Публика неистовствовала. Но после «Футболиста» грянул какой-то атомный взрыв аплодисментов. Зал бушевал минут десять. Тут бы Асафу выступить на «бис», но это было не в его правилах. Он никогда не бисировал, полагая, что повтор нарушает общее впечатление. Внезапно перед занавесом возник некий распорядитель: «Его Величество просит Асафа Мессерера повторить этот номер», – объявил он. Это был первый случай, когда Асаф изменил своим принципам. Первый, но не единственный. Публика так разошлась, что бедному Асафу пришлось бисировать... три раза!

Через 70 лет Суламифь снова оказалась в Стокгольме. Ее пригласил преподавать и репетировать тогдашний директор шведского Королевского балета Петер Якобсен. Он учился в Стокгольме и в России и с успехом танцевал в Англии и других странах. Там готовилось к постановке «Лебединое озеро» в редакции сэра Питера Райта, давнего друга Миты, почетного художественного руководителя лондонского Королевского балета Сэдлерс-Уэллс. Ассистировала ему Галина Самсова, бывшая прима-балерина Сэдлерс-Уэллс, также ее добрый друг, в свое время популярный художественный руководитель Шотландского балета в Глазго.

В те дни шведская труппа устроила встречу с Митой ассоциации друзей театра. Собралось человек сто пятьдесят. Зал был увешан огромными фотографиями – Мита с Асафом танцуют в Стокгольме в 1933 году. Некоторые из снимков Мита видела впервые. В театральном музее, где проходила встреча, сохранилась также книга с рецензиями на те выступления. Потом, на протяжении двух часов Мита давала мастер-класс, тщательно показывая, как правильно выполнять каждое движение. Многим ученикам удалось те па, которые до этого у них не получались. Одна восторженная ученица сказала ей: «Мадам, как мне жаль, что я не видела вас на стокгольмской сцене семьдесят лет назад!» А Мита ей ответила: «Спасибо, девочка, но ведь и твоя мама тогда еще не родилась!»

Горит Рейхстаг

В Стокгольме 1933-го многочисленные импресарио рвали их на части. После выступлений в Швеции и Дании, они приехали в Берлин, где уже с помпой объявили их концерт, имеющий честь быть в театре «Курфюрстендам» 18 мая 1933 года.

Приехали и угодили в роддом фашизма. Гитлер только что пришел к власти, и его истерические выкрики все время звучали по радио. По асфальту чеканили шаг коричневые колонны штурмовиков. Погромы еще не начались, но на площадях молодчики уже устраивали костры из книг Томаса Манна, Стефана Цвейга, Лиона Фейхтвангера и других еврейских и неугодных нацистам авторов. Асаф и Мита стали свидетелями одного из самых мрачных событий германской истории: провокаторы подожгли рейхстаг.

«Этот шок я могу сравнить с тем, что испытала 11 сентября 2001 года, когда на телеэкране рушились башни нью-йоркского Торгового центра», – вспоминает Мита. «Потрясение осталось со мной на всю жизнь. Когда я была в том же 2001 году в Берлине и передо мной возник хрустальный воздушный купол, каким накрыл рейхстаг англичанин сэр Джон Фостер, я мысленно видела плотное марево дыма, застилавшее небо в те майские дни 1933 года».

Но контракт есть контракт. Хотя и немцы из Общества друзей Советской России, и наши, посольские, хором убеждали их: не до концертов сейчас, трудно выбрать более неподходящее время... Одним прекрасным утром они пришли в театр на репетицию, а аккомпаниатора и след простыл. Испугался мести за то, что работает с советскими.

К счастью, у них было приглашение на концерт в Париж 7 мая в Театре на Елисейских полях, и они ухватились за эту возможность вырваться хоть на несколько дней из угарного Берлина. Перед отъездом им в берлинскую гостиницу доставили письмо от Азария, которое хоть как-то подняло их настроение. Были в нем такие строки: «Должен сказать, что успехи ваши радуют не только нас, ваших помощников, от них охает и ахает вся театральная Москва. В подтверждение чего пересылаю вам вырезку из «Вечерки», на приветы от друзей и почитателей здесь не хватило бы места, потому передаю их вам гуртом...»

Поезд в Париж шел через Франкфурт, и они решили, что должны повидаться с родственниками: отец не простил бы, если бы они упустили такую возможность, он так скучал по своим братьям, которых не видел 20 лет. Предприятие весьма рискованное, но все же это был только 1933 год, спустя несколько лет никто бы о встрече с родственниками за рубежом и не заикнулся бы. Однако и тогда согласие нужно было подтвердить в советском посольстве. Им разрешили, дав провожатого.

Во Франкфурте их встречали родственники, о которых они слышали только по рассказам отца. Давид Мессерер написал мне в письме в 2003 году следующее:

«Суламифь и Асаф прибыли поездом из Берлина и оставались с нами целый день, так как поезд в Париж шел вечером. Мой отец и дядя говорили с ними по-русски, потому что они провели детство и юность в Вильно. Отец даже был в русской армии и сбежал из России незадолго до русско-японской войны в 1904 году. После долгих странствий он оказался во Франкфуртском университете, где изучал математику, ставшую его профессией – он преподавал в гимназии. Мы, дети, к сожалению, по-русски не понимали. Тетя Ольга, младшая сестра мамы (на снимке она стоит в верхнем ряду), тоже свободно говорила по-русски. Она уговорила сопровождающего, в котором мы подозревали агента советской разведки, пройти по городу и посмотреть знаменитый собор, где были коронованы все германские императоры. Видимо, ее красота и обаяние подействовали, он согласился, и мои родители стали с волнением расспрашивать Суламифь и Асафа о брате, которого они не видели со времен Первой мировой войны, и обо всей семье. Мама, которая происходила из Латвии, знала в совершенстве несколько языков, включая русский, и она нам переводила вкратце ответы наших московских кузенов на немецкий. На нас Суламифь и Асаф произвели неизгладимое впечатление. Увы, в следующий раз я увидел Суламифь только спустя 60 лет в Лондоне».

Мита узнала Давида только потому, что уже знакома была с его сестрой Ноэми, показывавшей ей недавние фотографии. В конце 30-х Ноэми в числе нескольких тысяч еврейских детей и подростков отправили в Англию, где они должны были жить в английских семьях. Дети думали, что уезжают на каникулы, родители же рыдали, провожая их, потому что знали, что никогда их не увидят. В 2000 англо-американский документальный фильм о судьбе некоторых из этих детей «Into The Arms of Strangers» получил Оскара.

Кшесинская приглашает

В Весеннем Париже 1933 года выступали многие знаменитые артисты со всего мира, включая великих русских: Шаляпин, Рахманинов, Спесивцева... Тем не менее, концерт Асафа и Суламифи в Театре на Елисейских полях вызвал сенсацию. Среди многих восторженных рецензий Суламифи дороже всего статья князя Сергея Волконского, напечатанная в майском номере русской газеты «Последние Новости», где регулярно печатались такие авторы, как Бунин и Набоков. Ведь это тот самый князь, который был внуком знаменитого декабриста Сергея Волконского, проведшего 25 лет в сибирской ссылке; а его бабушка – в юности та самая Маша Раевская, в которую был влюблен Пушкин, посвятивший ей стихотворение «К морю». Марина Цветаева писала, что ритмика прозы Сергея Волконского (внука, ибо декабрист был тоже писателем) природна. «В ней – если кто-нибудь и побывал, то только, вероятно, один – Бог!» Она имела в виду его знаменитые мемуары. Но о танце Мессереров Волконский тоже, по-моему, написал божественно красиво:

«...Удивлению, даже изумлению, нет конца. С первых же номеров из балета «Дон Кихот» (адажио, две вариации, кода) зал прямо ахал от изумления. Высота прыжков Мессерера, широта, с которою он в несколько обхватов облетал сцену, количество последовательных пируэтов (даже пируэты в воздухе) и внезапная неподвижность остановок завоевывали все больше. К числу особенных достоинств надо отнести отменную ритмичность. Не только понятно, что сам танец следует за музыкальным рисунком, но в высшей степени удовлетворяют такие места, как, например, выход Пьеро и Пьеретты, столь картинно и с такою же несомненностью провозглашающий вступление и фермату».

Вспоминает Суламифь:

– Большое спасибо его сиятельству за такие слова. Правда, в той же статье он немного критиковал нас за то, что, порой, увлекаясь «виртуозностью», мы снижали «одухотворенность танца». Я прислушалась к его критике. Мы были молоды, и технические новшества нас действительно очень увлекали. С годами я все больше понимала, что виртуозность должна быть побочным средством подлинного артистизма, а «оду-

Суламифь в «Дон Кихоте» (Китри).

хотворенность танца» – главное. К сожалению, я с ним не поговорила, когда он пришел за кулисы, потому что я не могла оторвать глаз от Кшесинской, Преображенской и Егоровой, которые явились вместе с ним.

Любопытно, что Волконский пришел за кулисы в сопровождении Кшесинской: ведь когда-то они враждовали, это из-за нее он подал в отставку с поста директора императорских театров, потому что она, фаворитка царской семьи, не намеревалась следовать его предписаниям и фактически диктовала в театре свои условия. Впрочем, в то время Кшесинской, которая все-таки вышла замуж в эмиграции за Великого князя Романова, было за 60, и Волконский, наверно, давно с ней примирился. Как, впрочем, и Преображенская, которая неудачно пыталась в начале века сместить с трона Матильду Кшесинскую.

Матильда Феликсовна, несмотря на возраст, выглядела молодо и источала торжество преуспевания. Прекрасно одетая, сияющая, с умной смешинкой в глазах, она так и виделась мне в своей роли императрицы петербургского балета. Это она у Петипа танцевала Одетту-Одилию. Над Преображенской, хоть она была и ровесница Кшесинской, такой нимб благополучия не сиял. Она показалась мне старой, сутулой. И это та самая Преображенская, для которой Фокин поставил прелюд в «Шопениане»?! Егорова была моложе компаньенок лет на десять. Любовь Николаевна запомнилась мне в тот вечер своим величественным ростом. Как же она танцевала такой высокой и с кем? Теперь-то я бы не удивилась: высокие, длинноногие балерины вошли в моду. Егорова прославилась не только в Мариинском, но и как прима Русского балета Дягилева, а теперь в ее классе занимались многие балерины из Балле Рюс Де Монте-Карло. Все трое пригласили нас взглянуть на их классы.

Соблазн был велик, и уже позавтра мы с Асафом объявились у Кшесинской. Так называемая студия оказалась довольно тесным зальчиком. Кшесинская преподавала балетную науку в простом широком светлом платье в цветочек. Народ был самый разношерстный. Дети соседствовали с крупногабаритными девушками, я бы сказала, разного достоинства. Прилежание их тоже разнилось – одни старались, другие больше созерцали.

«Вы должны меня понять», – как бы извиняясь, шепнула мне Матильда Феликсовна. С нее сошел налет величественной властности, поразившей меня накануне. «Занимается, кто попало. Кто профессионал, а кто прямо с улицы. Вот та, например, – кивнула Кшесинская в сторону слишком полной ученицы, – пришла и просила научить ее 32 фуэте крутить. Она платит – я учу. Но, увы, у нее не получается...»

Я пойму это лишь в 1980 году, когда сама попаду в положение Кшесинской. Урок Матильды Феликсовны производил безрадостное впечатление. Комбинации были взяты с потолка. Никакой знаменитой петербургской школы, просто логики не чувствовалось.

Асаф едва сдерживал себя от разочарования. Для такого истового энтузиаста школы, как брат, класс Кшесинской был оскорблением в лучших чувствах. Но мы расстались на взаимно почтительной ноте.

Ольга Иосифовна Преображенская как педагог поправилась куда больше. Чувствовалось ее стремление добиться результата. Недаром Ваганова называла Преображенскую одним из своих любимых учителей. Похоже, та не растеряла своих достоинств и в парижской Уэкер-студии. Другое дело, что человеческий материал у нее был тоже не ахти. Не лепился, не ковался. Смешанный-перемешанный класс, разный уровень знаний учеников мешал педагогу раскрыться. Иногда она задавала очень трудные вещи, скажем, заноски посреди зала. Но одни выполняли, другие – нет, дисциплины в группе не было никакой. Тем не менее, Преображенская

металась по студии, делая замечания тут и там. Кого шлепала по спинке, кому пятку поднимет, кому кисть поправит. Переходила с французского на русский, на английский.

Однако больше всего в Париже нам понравились уроки, которые удалось взять в студии Алисии Францевны Вронской, бывшей балерины Мариинского театра. Позднее она была известна как «последняя живущая императорская балерина». Мой добрый друг Александр Васильев, известный театральный художник, посетил ее в Лозанне в 1991 году, когда ей было 95 лет, и передал мне от нее привет.

С тех пор мы с ней долго продолжали переписываться. Все-таки балет – покровитель долгожителей. У Вронской со мной занимался Иван Николаевич Хлюстин, некогда танцовщик Императорского Большого театра, попросту известный в эмигрантских кругах Парижа как «дядя Ваня». Он репетировал со мной вариацию, которую поставил в бытность свою хореографом у Анны Павловой. Я трепетно храню испытанное тогда глубокое чувство благоговения. Прикоснуться к хореографии, созданной для богини балета, да еще под взглядом ее личного наставника – это было как надеть балетные туфли Павловой... Кстати, ранее, во время своих вторых гастролей в Риге, Асаф получил приглашение танцевать партнером Анны Павловы, если он подпишет контракт на гастроль по всему миру на три года. Конечно, на три года его бы не отпустили, а Павлова скоропостижно умерла вскоре после этого», – таковы воспоминания Суламифи.

Они приехали в Париж через несколько лет после того, как Дягилевский балет, в котором прославилась Анна Павлова, распался после смерти Дягилева, но многие его звезды еще танцевали там. Им, например, удалось увидеть Сержа Лифаря в «Гранд Опера» на премьере «Шопенианы» в новой редакции того же Ивана Хлюстова. Знаменитая партнерша Лифаря, Александра Данилова, писала в своих мемуарах, что ему не хватало классической школы, и, поскольку «Дягилев требовал, чтобы он танцевал все главные партии, Баланчин создал для него то, что мы теперь называем «неоклассический стиль»³. Суламифи мнение Даниловой показалось очень странным:

«Во-первых, свой знаменитый неоклассический стиль Баланчин, конечно же, создавал отнюдь не только для Лифаря. Во-вторых, Лифарь произвел на меня очень сильное впечатление. На сцене он выглядел великолепно, именно как классический танцовщик: идеальная фигура, мягкие прыжки, а руки по выразительности можно сравнить разве что с руками Доуэлла, лучшего английского танцовщика. Он вполне освоил петербургскую школу».

Пьеро и Пьеретта.

³ Alexandra Danilova, «Choura». – Dance Books, London 1987, p. 97.

Из его мемуаров мы знаем, что учился он, уже будучи премьером, у великого Энрико Чеккетти, который, по его словам, бил палкой по рукам, приговаривая: «Ты никуда не годишься, тебя неверно учили, тебе искалечили руки»⁴. Не сбегал он от Чеккетти только потому, что Дягилев мог за это исключить его из труппы. Дягилев считал, что Чеккетти лучший в мире педагог: ведь он был балетмейстером-репетитором Мариинского еще при Петипа, а среди его учеников – Павлова, Ваганова, Нижинский...

«Наверное, усилия Чеккетти не пропали даром, Я преклоняюсь перед Лифарем еще и потому, что, как и Асаф, придя в балет очень поздно, в трудные годы Гражданской войны, он наверстал упущенное, работая с невероятным упорством. В виртуозности, правда, он уступал Асафу. Нам сказали, что Лифарь был на нашем спектакле и высоко о нем отзывался, но встретиться с ним мы не смогли, так как получили телеграмму о том, что концерт в «Курфюрстердаме», к несчастью, не отменили, и все билеты уже проданы», – заметила Мита.

Совсем не хотелось им возвращаться из приветливого Парижа в фашистский Берлин. Да и было страшновато. Суламифь вспоминает:

«У подъезда «Курфюрстендам» дежурили грузовики с солдатами. А в зале собралась берлинская знать, в галстуках-бабочках и меховых накидках. Быть может, это были функционеры национал-социалистической партии Гитлера? Или высшие менеджеры из правления компаний Круппа, Мессершмидта? Разве могли мы тогда представить себе, что через 8 лет эти имена врежутся в память осколками бомб, убивших моего брата Эмануила, твоего отца, и сына моего брата Александра».

Между тем зал рукоплескал. Проповедники высшей арийской расы не отказывали себе в удовольствии считаться ценителями высокого искусства. А на следующий день Суламифи и Асафу принесли весьма лестные рецензии. Любопытно, что под лучшей из этих рецензий стояла подпись Дж. Левитана, однофамильца знаменитого советского диктора, которого Гитлер обещал повесить вслед за Сталиным на Красной площади в 1941 году. Как видно, в 1933 году евреи еще могли печататься в берлинской прессе, но это были не немецкие евреи. В данном случае писал в берлинском издании на английском языке корреспондент американского журнала «Дансинг Таймс» Левитан. Он делает интересный вывод из содержания их концертной программы, где классический танец соседствовал с новаторскими для тех дней хореографическими композициями Асафа:

«Для Германии и Центральной Европы гастролы Мессереров... должны подтвердить мысль, что этот путь указывает на будущее танца. Прошлое и будущее искусства танца стремится к слиянию, противопоставление балета и танца модерн смешотворно, а прославленные новые открытия модернизма можно также обнаружить в балетных работах, если они действительно полны жизни»⁵.

Дж. Левитан оказался куда более прозорливым, чем ревнители канонического академизма в Большом, которые потом не раз упрекали Асафа за «модернизм», то есть фактически за стремление найти новые средства выразительности, близкие по духу к современности.

Вероятно, эта статья имела отклик и в Америке. После Берлина Суламифь и Асаф снова дали концерт в Париже, и там сразу три американских импресарио, включая уже прославившегося к тому времени Сола Юрока, стали вести с ними переговоры. Один из них оказался настолько энергичным, что настаивал на гастролях в США уже в том же сезоне. Он много фотографировал их на афиши, напечатал черновик программы. Но даже четырехмесячная прогулка за рубеж – по тем под-

⁴ Серж Лифарь, «Страдные Годы с Дягилевым». – Киев: «Муза», стр. 191.

⁵ Дж. Левитан, журнал «Der Tantz», №4. – Берлин, 1933 г., стр. 11–12.

надзорным временам – это было чересчур. К тому же, Асаф обмолвился о возможности американских гастролей в письмах жене, Анели Судакевич, которая в то время была звездой немого кино. Письмо прочитали, где надо. Тут же партком поручил известному танцовщику Михаилу Габовичу, другу Асафа, отправить в Париж телеграмму: «Немедленно возвращайтесь, иначе будете считаться невозвращенцами». Одновременно Асафу пришла радостная весть. Анель телеграфировала: «У тебя родился сын, беленький, хорошенький». Свет увидел Борис Мессерер, будущий знаменитый театральный художник.

И они вернулись в Москву, где крепчал террор. Следующих заграничных гастролей пришлось ждать много лет. Им уже не удалось больше выступить вместе на Западе, но они прославились там как выдающиеся хореографы и педагоги.

Балет и ГУЛАГ. Из истории семьи Мессерер

О 1937 году, о «Большом Терроре» написано столько, что, казалось бы, невозможно не повториться. Чуть ли ни каждая интеллигентная семья, особенно в Москве и Ленинграде, пережила и аресты, и предательство, и доносы, и пытки, и бесконечные стояния в очередях возле тюрем с передачами, страдания и унижения. По данным видного ученого Леонида Лейтеса, написавшего книгу о генеалогии Мессереров-Плисецких, только в этих семьях было арестовано порядка 20 человек и пятеро были расстреляны. Я читал немало книг о Гулаге, включая три тома солженицынской «эпопеи-энциклопедии». Однако нигде я не читал о героях, которые сумели вызволить из цепких когтей Гулага своих родных. Такой героиней можно считать Суламифь. Но все по порядку.

1-го мая 1937 года арестовали Михаила Плисецкого, мужа Рахили. В своей биографической книге Майя Плисецкая описывает в деталях сцену ареста. Ей тогда было 11 лет, и она с восторгом готовилась пойти на Первомайский парад на Красную площадь, так как у папы были гостевые билеты на кремлевскую трибуну. А на рассвете пришли энквешники, с дворничихой в роли понятой, и арестовали отца. Правда, Майе тогда сказали, что отца срочно вызвали на Шпицберген.

Майя рассказывала мне, как она живо помнит руки отца, тонкие длинные пальцы и шрам, оставшийся от удара саблей: он воевал в Гражданскую войну на стороне красных. Она задумалась, а потом добавила, что каждый день мысленно видит, как пытаются отца, ломают его руки... Я не поверил: «Неужели каждый день?» «Да, и часто по ночам», – ответила она. Я помню, что тогда мне пришла в голову странная мысль: может быть, поэтому она стала не только великой балериной, но и трагической актрисой.

Мишу Плисецкого обожали все родственники и за его легкий юмор, веселый характер, и за то, что он всегда был готов помочь. Это был человек невероятной энергии и трудоспособности. Наверное, в Америке он стал бы миллионером, директором какой-нибудь крупной корпорации. Кстати, в Америку он вполне мог попасть в детстве, если б не... ресничка в глазу у его отца Эммануила Плисецкого... Эту поразительную историю я услышал от американских родственников Плисецких, сыновей старшего брата Михаила, Израиля, эмигрировавшего в шестнадцатилетнем возрасте незадолго до Первой мировой войны. Он участвовал в этой войне на стороне США и заработал тем самым гражданство, сменив свою трудную на слух американцев фамилию Плисецкий на Плезент, поскольку так его предпочитали звать друзья-однополчане. Он также взял вполне американское имя Лестер – так назывался популярный в то время мюзикл, который он смотрел на Бродвее накануне получения гражданства.

По установившейся традиции, вслед за старшим сыном, обосновавшимся в Новом свете, выезжал отец «на разведку», за которым уже следовала жена и все семейство, в данном случае это были бы пять братьев и сестер, обитавших в Гомеле. Но на пароходе, следовавшем из Гамбурга в Нью-Йорк, у Эммануила Плисецкого покраснел глаз. Проклятая ресничка росла не в ту сторону, а вырвать ее некому было – жена была далеко. При медосмотре на Эллис-Айленде, острове, где

проходили карантин миллионы эмигрантов, его неожиданно забраковали – врачи опасались заразной трахомы.

Я был много раз в Национальном музее на Эллис-Айленде, который расположен вблизи статуи Свободы. Там на компьютерах можно получить информацию о любом из многих миллионов эмигрантов, благополучно прошедших тот злополучный медосмотр, и я нашел данные только об Израиле Плисецком, ставшем Лестером Плезентом.

На каждого эмигранта врачи отводили не больше минуты. После беглого осмотра нескольких специалистов: глазника, психиатра, кардиолога и других, на спине у эмигранта мелом писали непонятный ему знак. Потом в огромном зале на первом этаже его/ее ставили в одну из трех очередей. Одна очередь позволяла счастливицам сразу переехать в Манхэттен, где на пирсе отца Плисецкого ждал его старший сын. Поразительно, что очереди не охранялись, – никаких автоматчиков с собаками; фактически, можно было легко перебежать из одной очереди в другую, стерев или написав на спине другой знак. Однако система эта работала как часы. Никто из миллионов иммигрантов не перебежал, потому что не понимали ни английского, ни значения этих знаков, а надеялись до последнего момента на лучшее, как те несчастные, которых фашисты вели в газовые печи. Дед Майи, увы, попал не в ту очередь, и ему пришлось плыть на пароходе назад. Конечно, можно благодарить судьбу за то, что в результате этого несчастного случая Михаил Плисецкий вырос в России, женился на Рахили Мессерер и у них родилась дочь Майя. С другой стороны, жизнь Михаила Плисецкого, его братьев, сестер и их детей не сложилась бы так трагично: некоторые из них были расстреляны или попали в Гулаг, другие погибли во время войны.

Необыкновенно деятельный и оптимистичный, Михаил Плисецкий был одним из тех идеалистов, которые уже в 17 лет пошли на фронт Гражданской войны, а потом активно участвовали в строительстве, как они считали, справедливого социалистического общества. Он был не только награжден орденами, но и премирован автомобилем, одной из первых советских «эмков» за то, что, будучи первым генеральным консулом на полярном острове Шпицберген, сумел в невероятно трудных условиях наладить там добычу угля. Об этой эпопее, происходившей в 1932 г., еще до папанинской и челюскинской, была написана книга известным поэтом-имажинистом Вадимом Шершеневичем и множество статей. Но именно потому, что он выделялся как наиболее талантливый руководитель, у него почти не было шансов пережить «большой террор». Сталин уничтожал в первую очередь тех, кто выделялся и делом доказывал свое первенство.

Борис Пастернак всю жизнь винил себя за то, что смутился и не защитил Осипа Мандельштама, когда ему неожиданно позвонил Сталин и во время разговора о Мандельштаме спросил: «Но ведь он же мастер? Мастер?» Наверное, бедный Борис Леонидович думал, что скажи он тогда, что Мандельштам – мастер или гений, Сталин пощадил бы его. По-моему, как раз наоборот: Сталину важно было знать, первый ли Мандельштам был в поэзии, и если первый, то его надлежало либо уничтожить, либо унижить. За примерами ходить недалеко: Тухачевский, Бабель, Мейерхольд, Вавилов... Все они были первыми в своем деле. А сам вождь считал, что только он мог быть первым ученым, писателем, военачальником. Правда, он сделал исключение для балетных – не мог претендовать на роль первого танцовщика, так что Асафа Мессерера оставили в покое.

Повод для ареста и ликвидации любого «выделившегося» найти было не трудно. Неправа Майя Плисецкая, которая в своей книге утверждает, что в истории гибели отца, якобы, сыграл важную роль приезд в Москву его старшего брата Лестера Плезента из Америки в 1934 году. В семье Плезентов бережно хранят реликвии

той поездки: книгу о трудовом подвиге на Шпицбергене с патриотической надписью Михаила Плисецкого, ритуальный талес, который надевают евреи во время молитвы... Спустя полвека, точнее – в 1992–93 годах, младший брат Суламифи Александр получил доступ к протоколам допросов Михаила Плисецкого. В деле №13060, состоявшем из 12 томов, имя американского брата Лестера Плезента нигде не фигурировало. Из пожелтевших страниц было предельно ясно, почему расправились с отцом Майи. Верный своему принципу помогать друзьям в трудные минуты, он взял своим заместителем на Шпицберген Р.В. Пикеля, когда тот уже был в опале за близость к Зиновьеву. В 1936 году Пикель выступил с невероятными «признаниями» на знаменитом публичном судилище Зиновьева, Каменева и других. В частности, он признавал свое «участие в покушении на жизнь Сталина». После расстрела Пикеля НКВД стал арестовывать всех, кто был связан с ним.

Материалы дела №13060 подтверждают уже известные методы, какими сталинские палачи выдавливали из невинных людей признания-самооговоры. На допросах до середины июля 1937 года Михаил категорически отрицает, что тайно сотрудничал с иностранцами. Но 23 и 26 июля неожиданно вешает себе на шею тяжкую гирю вины: был завербован в 1932 году по дороге на Шпицберген агентом германской разведки Бюркле, замыслили сорвать добычу угля на Шпицбергене, подбить тамошних шахтеров на недовольство, приняли на работу в советскую концессию контрреволюционные элементы. То есть, видимо, в первую очередь того же самого Пикеля. Даже устроили, мол, диверсию на руднике, а именно – поджог столовой...

Что же произошло за те несколько жутких дней, когда муж Рахили сломался в застенках НКВД, когда стал каяться в смехотворных, явно взятых с потолка преступлениях? Хронология красноречива:

13 июля 1937 года родился Азарий – младший брат Майи. 22 июля Рахиль вернулась с ним из роддома. 23 июля ей позвонил следователь, сходу прикрикнул: «Вопросов не задавать!», и тут же сам осведомился: «Кто родился, сын, дочь?»

Странный тот звонок был, по всей вероятности, сделан из кабинета, где допрашивали Михаила Плисецкого. Следователь, наверняка, пригрозил расправиться с женой и младенцем. И именно это заставило Мишу дать на себя «пужные» показания. Психологическая пытка сработала... Чекисты, возможно, обещали не трогать жену и ребенка, но вскоре получили новые инструкции об аресте жен «врагов народа». Рахиль арестовали в начале весны 1938 года.

Суламифь вспоминает:

– В тот день в Большом давали «Спящую», я танцевала Аврору. Партнером моим был Асаф. В антракте перед вторым актом стоим за кулисами, разогреваемся. Вдруг прибегает вахтер и запыхавшейся скороговоркой: «Там какие-то дети у служебного входа. Двое, с букетом – Майя и Алик назвались – Вас спрашивают...» У меня руки-ноги затряслись. Дети здесь, а где же Рахиль? Почему она не провела их в зал?!

Ра собиралась в тот вечер показать Майе и среднему брату Алику «Спящую», и мы с Асафом знали, что увидим ее под занавес у рампы, как всегда, с цветами. Весной Ра любила дарить мимозу. А тут вдруг исчезла, бросив детей одних на улице?! Немыслимо!

Ознобом накатила жуткая догадка. Рахиль схватили как жену «врага народа»!

Что я танцевала, как танцевала – убей меня, не помню. Помню только, брат нашептывал при каждой поддержке:

– Держись, держись, ничего такого, может, не случилось...

– Как, – шепчу в ответ, – не случилось?!

У нас в Большом был тогда суровый такой режиссер Михаил Александрович Монахов. Он, бывало, устраивал за кулисами засаду и зорко высматривал оттуда, не смажет ли артист какое па, не упустит ли, упаси Боже, какую деталь. По лицу Монахова вижу: тот в ярости. Что творит сегодня эта балерина, что она себе позволяет!

В следующем антракте врываюсь к себе в артистическую, к детям. Осунувшееся личико Майи смотрит на меня сквозь ветки мимозы.

– Где мама? – спрашиваю осторожно, как бы невзначай.

– Сказала, ее срочно вызвали на Шпицберген к отцу.

Неужели могли взять женщину с грудным ребенком? На всякий случай, без особой надежды звоню на квартиру сестры в Гагаринском переулке. К телефону никто не подходит. Значит, схватили все-таки, пелюди.

Беру детей ночевать к себе в дом в Щепкинском проезде. Майя обрадовалась:

– Ах, как чудненько будет у тебя поспать...

Позднее, когда Майя жила у меня уже много месяцев, она как-то прибежала из школы с жуткой новостью: «У моей подружки Наточки Ивановой арестовали родителей, и, представляешь, она живет у тетки. Какой ужас!» Майе было невдомек, что с ней стряслась та же самая беда. Она меня совершенно обожала, как пишет в своей книге. А я посылала ей телеграммы, якобы, от мамы из Шпицбергена.

Алика взял к себе Асаф. Боря был всего на год моложе Алика. Мальчишкам скучно не будет. В мою обитель в Щепкинском проезде, пожалуй, всех не втиснешь. Хотя, забегаю вперед, скажу, что позднее я втиснула еще двоих Плисецких – Рахиль и ее сына Азарика.

В то время Рахиль могла только мечтать о коммунальной квартире на Щепкинском. Она сидела в огромной камере с десятками других матерей с голодными и орущими грудными детьми (молоко быстро прекращалось у арестанток в Бутырской тюрьме). Рахиль, будучи старше и опытней многих из сокамерниц, старалась их морально поддержать. Об этом, в частности, свидетельствует колыбельная, которую она сочинила в Бутырке и которую несчастные матери разучили и дружно пели. Вот ее нехитрые, но хватающие за душу слова:

*Утром рано, на рассвете
Корпусной придет
На поверку встанут дети,
Солнышко взойдет.
Проберется лучик тонкий
По стене сырой,
К заключенному ребенку,
К крошке дорогой.
Но светлее все ж не станет
Мрачное жилье,
Кто вернет тебе румянец,
Солнышко мое?
За решеткой, за замками
Дни, словно года.
Плачут дети, даже мамы
Плачут иногда.
Но вырачивают смену, закалив сердца.
Ты, дитя, не верь в измену
Твоего отца.*

Последние строчки звучат диссонансом к мрачной лирике всего стихотворения. Однако они отражают жизненное кредо Рахили. Она была хрупкой маленькой женщиной, но по стойкости характера не уступила закаленным бойцам. Это вскоре поняли и ее опытные душегубы-следователи. Она не пошла ни на какие компромиссы, не признала вину мужа, ничего не подписала. О том, насколько это был редкий случай, свидетельствует критик Иванов-Разумник, который встретил лишь 12 человек из тысячи с лишним, сидевших в разное время с ним в камере, которые отказались признать свою вину.

Ее продержали в Бутырке три месяца и отправили в Гулаг, не разрешив в наказание за отказ клеветать на мужа хотя бы раз связаться с родными.

Ехали Рахиль с Азариком в телятнике, вагоне для скота, с женщинами-уголовницами. От цыганки, любовницы начальника поезда, она узнала, что везут их в Казахстан. Холодные весенние ветры свистели в щелях. Мучила безумная жажда – кормили сушеной воблой, не давая воды. Но еще больше ее мучила мысль о том, что родные страшно волнуются о них, а сообщить, куда везут, невозможно. Впрочем, для Рахили не было ничего невозможного. Она стала сберегать обрывки бумаги, которые давали «на оправку», и раздобыла несколько спичек у уголовниц.

Обожженными спичками она стала писать одно и то же письмо в надежде каким-то образом бросить его из вагона на волю. Несколько раз она безрезультатно пыталась выкинуть в окно завернутое уголком письмо. Но вот, однажды, встав на какой-то узел, Рахиль заглянула в зарешеченное окошко, когда поезд, подходя к станции, затормозил, и увидела двух стрелочниц, стоявших с флажками рядом с путями. Она бросила письмо и впилась глазами в глаза одной стрелочницы, другая в это время стояла спиной к поезду. Рахиль видела, как женщина следила за полетом бумажки и потом наклонила голову, как бы давая знак, что поняла.

Когда Рахиль описывала этот момент, я словно видел замедленные кадры кино: полет той заветной бумажки, следящие за ним глаза простой русской женщины...

Кто знает, может быть, когда-нибудь об этом и снимут фильм!

В письме было всего несколько слов: «Едем в Казахстан. Ребенок со мной...»

И московский адрес Миты.

Та добрая душа не зря кивнула. Как это ни поразительно, письмо дошло, и Мита решила, что это Всевышний указывает ей, что надо спасать сестру.

– Спасать, выручать, но как? К счастью, как раз в 1937 году, то есть к двадцатилетию Октябрьской революции, я неожиданно получила орден «Знак почета», – вспоминает Мита. В то время орден был в диковинку, мой орден имел номер 4000. А, главное, орденосцам предоставляли всевозможные льготы и даже можно было входить ко всяким советским чиновникам.

Привинтив его к своему чесучевому пиджачку, я ринудась на Дмитровку, в прокуратуру, то есть, в учреждение, от которого тогда старались держаться подальше.

– Тебе кого, девочка? – ошарашено уставился на меня случайно подвернувшийся чин.

– Хочу попасть на прием к Вышинскому...

Чин принял во мне удивительное участие. Он оказался в прокуратуре каким-то хозяйственником. К самому Вышинскому, растолковал он, ни к чему, Вышинский высоко, а вот в такой-то и такой-то кабинеты стоило бы зайти, может, набредешь на человека подороже.

И я отправилась по тамошним угрюмым коридорам. В разговорах с чиновниками напирала на то, что у арестованной сестры грудной ребенок, а он-то ведь не виноват. Хочу взять дитя к себе, спасти от гибели, твердила я. Скажите, где сестра, где ее искать?

– Плисецкий? Михаил Эммануилович? – полистала при мне какую-то папку одна прокурорша. – Так ему же дали 10 лет без права переписки...

– А что это значит? – прошептала я. Та не ответила, но вскоре я узнала, что этот новый советский эвфемизм означал не что иное, как расстрел.

К тому времени Михаила Плисецкого уже расстреляли. Только десятилетия спустя его жена получила документальное подтверждение:

«Уважаемая Рахиль Михайловна! – писал в 1989 году некий А. Никонов, начальник секретариата военной коллегии Верховного суда СССР. – На Ваш запрос сообщаю: Плисецкий Михаил Эммануилович, 1899 года рождения, член ВКП(б) с 1919, до ареста – управляющий треста «Арктик-уголь» Главсевморпути, был необоснованно приговорен 8 января 1938 года к расстрелу по ложному обвинению в шпионаже, во вредительстве и в участии в антисоветской террористической организации. Приговор приведен в исполнение. Это произошло немедленно после вынесения приговора – 8 января 1938 года... Проведенной в 1955–56 году дополнительной проверкой было установлено, что Плисецкий М.Э. был осужден необоснованно...» Расстрел санкционировали Жданов, Молотов, Каганович, Ворошилов – на титуле так называемого «сталинского расстрельного списка» их имена. Известно теперь даже место расстрела и захоронения – расстрельный полигон НКВД «Коммунарка» под Москвой.

Он погиб в расцвете лет, даже не подозревая, что его дочь станет великой балериной. Рахиль, навсегда оставшаяся одинокой, возненавидела сталинщину, кровавый режим, лишивший ее и ее детей любимого человека – отца, уничтоживший миллионы других отцов... Она привила эту ненависть и в то же время укрепила волю к молчаливому сопротивлению «сталинскому отребью» и Майе, и своим сыновьям, и нам, близким родственникам.

Хождения Суламифи по многочисленным кабинетам прокуратуры возымели успех.

– Толстенная дама в прокурорском мундире цвета хаки дала мне запечатанный конверт с выведенным на нем заветным словом: «Акмолинск» и сказала: «Поезжайте по этому адресу. Вручите там начальнику лагеря. Самой письмо не вскрывать...»

Акмолинск! Значит, Рахиль действительно упекли в Казахстан. Легко сказать, «поезжайте». На Казанском вокзале в Москве роились тысячи несчастных в ломотях. Больные, изнуренные, то ли переселенцы, то ли тоже родственники арестованных. Кассы были закрыты, билетов ждали месяцами. Полы в зале ожидания хрустели от вшей.

Окошко кассы мне опять отворила орденосца тогда полагался один бесплатный железнодорожный билет вне очереди. Хоть к черту на кулички. Хоть к сестре в лагерь.

Четыре дня за окном плыла сухая, пыльная степь, кое-где окропленная кровавыми капельками низкорослых диких тюльпанчиков. Ветер доносил в купе кислый запах кизяка, прожаренной на солнце смеси навоза с сеном – ею здесь топили печи. Помню, совершенно не хотелось есть, словно где-то под языком у меня застряла эта дымная кислинка.

А Большой театр тем временем был на летних капикулах. Подруги мои омывали натруженные за сезон ноги в Черном море. Они думали, что и я тоже где-нибудь поблизости в санатории, принимаю целебные радоновые ванны.

А я в это время выгрузила свой чемоданчик в Акмолинске. Тогда это была малюсенькая деревня в несколько домиков среди бескрайних степей Казахстана.

«Чего надо?» – буркнул из будки какой-то мрачный чин. Взглянул на заветный конверт: «Ждите. Туда должен пойти грузовик, захватят...»

Грузовик действительно прикатил – в кузов пабились, как сельди, навалились друг на друга мужчины и женщины с лопатами. Похоже, ссыльных везли на работы. Меня поместили в кабине шофера – еще вольная, еще не арестовали. А мне уже было все равно: арестуют ли заодно, под гребенку – не арестуют. Все мое существо, вся воля были подчинены одному: поскорее бы увидеть сестру, помочь ей с грудным Азариком.

Приехали! Вот они, ворота в острог. А у ворот – неуместные своим умильным видом, свежеструганные деревянные коттеджики – видимо, для лагерного начальства. В один такой домик о двух комнатках меня и завели. Завел начальник лагеря, приятный в общении и, как обнаружилось позднее, действительно не злой по натуре человек по фамилии Мишин.

«Сейчас уже поздно», – сказал он. «Вы тут переночуйте, а завтра с утра я приведу вашу сестру». Сказал, как мне показалось, с участием. «Я не палач, это у меня только служба такая», – будто говорили его глаза. А я про себя подумала: «Не долго ты здесь, дружок, продержишься, здесь нужны жестокие, бездушные».

Ночью я не сомкнула глаз. Кажется, никогда не светили так ярко звезды, не звенели так азартно кузнечики. Или это пело во мне ожидание встречи с Ра?

Часов в полпятого утра смотрю – глазам не верю, – вспоминает Мита. – Из призрачного тумана выползают гигантскими темными змеями колонны женщин. Тысячи женщин по восемь в ряд. Кто в чем, лохмотья разные, бледные лица, кто по-стариковски сторблен, а есть совсем молоденькие...

Я стала метаться вдоль колонн: нет ли среди этих толп сестры? Реакция у женщин на меня – у кого какая. У одних нескрываемая неприязнь в глазах: «Ишь ты пава, с орденом, жена начальничка, видать». Другие не разглядывают – прямо раздевают полным острым любопытства взглядом. Но большинство плывут в тумане мимо, будто я человек-невидимка: в лицах безразличие и покорность. Эти отгородились внутренней стеной от ненавистного им мира.

Тут подоспел бравый и румяный Мишин:

«Выспались? Комары не закусали? Сейчас веду сестру. Ждите». Не тут-то было. Тянется час, за ним другой – нет ни сестры, ни Мишина. Оказывается, он буквально оглушил Рахиль известием о моем приезде. Пришел к ней в барак и говорит:

– А не хотела бы повидаться с сестрицей?

В Гулаге, в Акмолинске, за тысячу километров от дома, между оскорблениями тюремщиков и мисками «шрапнели», как именовали тут кашу-баланду, которой кормили зеков, меньше всего можно было ожидать явления сестры-балерины.

– Что!!! Она здесь?! – вскрикнула Ра. И упала в обморок. Ее не сразу привели в чувство...

Рахиль вошла в комнату и положила Азарика на пол: десятимесячный худенький ребенок не стоял на ногах. Мы расцеловались. Выкладываю ей при Мишине, который не отходит ни на шаг:

– Я приехала забрать Азарика.

Ра упирается взглядом в пол. По ее лицу понимаю, что дала маху. Увезить ребенка почему-то явно нельзя. Догадка моя оказалась верной. Как узницу, которая числилась кормящей матерью, – хоть у нее и не было давно молока – тюремщики освобождали сестру от тяжелых работ. Ребенок спасал мать, мать спасала ребенка. Вот она, одна из формул выживания в Гулаге 30-х годов.

Собразив по ходу разговора, что к чему, я в конце нашего с Ра свидания обратилась к Мишину: «Понимаете, грудного забрать у матери не могу. Но хотелось бы подкормить сестру. Нельзя ли ей посылать продуктовые посылки?»

К нашему радостному удивлению, Мишин согласился:

– Посылайте, но лишь раз в три недели. Вес? Не ограничен...

Воодушевленная тем, что добилась для сестры такой поблажки, Суламифь тем же маршрутом вернулась в Москву. Теперь ее жизнь пошла как бы в трех измерениях. Она по-прежнему танцевала почти все ведущие партии в Большом и преподавала в балетной школе театра, чтобы подзаработать. Но появилось третье занятие: поиски продуктов для посылок в лагерь.

Суламифь помнит, как недели три она добывала чешские соки в банках и витамины для Азарика. А два раза в год посылки нужно было отправлять не только сестре, но и старшему брату Маттанию, которого чекисты после нескольких месяцев пыток упекли в другой конец Гулага – в Соликамск. О Маттании можно было написать отдельную книгу. Здесь же приведу несколько фактов. Он был самым умным и образованным в семье. Рано проявил недюжинные способности и к наукам, и к литературе, так что дед послал его во Франкфурт, к брату Борису. Он учился в гимназии, где Борис преподавал, и в совершенстве овладел немецким. Увлёкся поэзией и писал стихи на русском и на немецком.

Куда только не бросала его судьба! Окончив коммерческое училище, он поехал к своему приятелю по классу в Красноярск. Там его настигла Гражданская война, в водовороте которой он чудом уцелел. Он попал в плен к колчаковцам, и ему грозил расстрел. Ожидалось наступление красных, а с пленными в такой ситуации поступали однозначно. Конвоир привел его на второй этаж походной комендатуры и посадил к стене, но не связал. Сидит он в ожидании своей участи около часа. Вдруг из соседней комнаты вываливается группа солдат, ожесточенно спорящих о чем-то. Началась потасовка, за которой с интересом наблюдал конвоир. Улучив момент, Маттаний выскользнул из комнаты, спустился вниз и, подойдя к часовому, небрежно попросил у него прикурить. Обменявшись с ним парой слов, он не спеша, вышел из ворот и, только завернув за угол, бросился опретью. Его спрятали подпольщики, снабдив новым паспортом. Он придумал себе фамилию Азарин в честь своего любимого старшего брата – актера. Судя по тому, как он бежал из-под стражи, он тоже, помимо самообладания, имел немалые актерские способности. По невероятному совпадению, тот же сценический псевдоним Азарин придумал для Азария его режиссер и учитель Евгений Вахтангов.

К концу Гражданской войны Маттаний, несмотря на то, что ему было немногим более 20 лет, становится сначала ответственным секретарем Хабаровской газеты, а затем председателем Хабаровского горкома. Впрочем, политика его мало интересовала – он переезжает в Москву, где заканчивает институт, защищает диссертацию и становится профессором в области экономики. Одним из лучших его друзей и коллег был Борис Кузнецов, так что это он познакомил Суламифь с ее будущим мужем. Как старого коммуниста и, как выяснилось потом, по глупому доносу его бывшей жены, которая написала, что у него дома отмечали еврейскую пасху, его посадили в 1938 году. Из советского Гулага сбежать было куда труднее, чем от белых, практически невозможно, так что он просидел там весь срок – 8 лет.

А теперь вернемся к посылкам. Младший брат Александр рассказывает, что, когда он приехал в лагерь в Соликамске, его на свидание с братом не пустили, поскольку Маттания угнали работать на лесоповал. Посылку взяли, но сказали, что надо разделить ее на две части, так как она слишком тяжелая для самолета. Дороги осенью становились не то что непроезжими, но непроходимыми, так что сбрасывали письма и посылки в лагерь с самолета. Пришлось Маттанию работать на лесоповале в одном валенке всю зиму, второй ему доставили через полгода со второй посылкой.

Суламифь, к счастью, знала, что после ее встречи с начальником лагеря Мишиным ее посылки дойдут. Она простаивала в длинейших московских очередях, чтобы достать что-нибудь дефицитное для маленького Азарика.

– Все руки у меня от ладоней до плеч были исписаны химическим карандашом: тогда в бесконечных очередях всем писали на руках номера, порой четырехзначные числа. В артистической уборной Большого театра как-то ужаснулась, посмотрев на себя в зеркало: а что, если не удастся смыть?! Так и выбегать на пуантах в цифирной татуировке?

Однажды мне невероятно повезло: в какой-то московской лавке «выкинули» конфеты «Мишка на Севере».

– Сколько можно взять? – спросила я, привыкнув к тому, что все продавали «по норме».

– Сколько хотите. Хоть пять кило.

– Тогда пять кило! – не веря своему счастью, выдохнула я.

В тот же день многокилограммовая посылка пошла в Акмолинск. Потом выяснилось, что Рахиль увидела в названии конфет «Мишка на Севере» некую аллгорию: ее муж Миша на северном острове Шпицберген, как это было в старые добрые времена? Решила, что это привет от него? Дескать, муж жив, муж шлет добрую, сладкую весточку. Сердце не хотело верить в страшное.

Конечно, Рахиль могла догадаться, что его расстреляли, потому что приговор ей самой как жене «врага народа» был безжалостен: восемь лет трудовых лагерей.

Как скостить его или даже, может быть, вызволить Рахиль и Азарика из Гулага? Существовала одна маленькая надежда. По Москве прошел слух, что на одном приеме в Кремле, после концерта, Сталин предложил тост за Асафа. Правда ли это? Много лет спустя, в Нью-Йорке, я спросил об этом самого Асафа, и он подтвердил. Его и Лепешинскую, считавшихся тогда первой парой в Большом, иногда приглашали на концерты в Кремль. Однажды после концерта он с группой артистов сидел за банкетным столом и разговаривал о чем-то с соседом, как вдруг почувствовал себя неловко: ему показалось, что все на него смотрят. Он обернулся и увидел за спиной Сталина. Думал встать, но Сталин похлопал его по плечу и сказал: «Хорошо танцуешь. Очень высоко прыгаешь! Вот она – он указал на Лепешинскую, – как стрекоза, а ты – как орлик». В это время Ворошилов задал Сталину какой-то вопрос. Сталин отвлекся, но, ответив, опять обернулся к Асафу, поднял бокал и сказал, что пьет за него. Асаф был потрясен и не знал, как отвечать. А Сталин пошел дальше.

В семье перепугались, памятуя о знаменитом выражении Грибоедова: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Однако Суламифь стала требовать от Асафа помочь Рахили, раз уж за него пил сам тиран. Вскоре после этого Асафа пригласили ставить праздничный концерт в клубе НКВД. Надо сказать, что

этот клуб, находившийся на той же Лубянке, играл немалую роль в культурной жизни Москвы. НКВД был организацией мощной и богатой, зал огромный, приглашались только лучшие артисты, и, естественно, отказаться было невозможно.

Забегу несколько вперед. В 1941 году спектакли в этом клубе курировал сам Берия. Асаф рассказывал мне, что на репетиции он неожиданно появлялся, садился

Суламифь в «Лебедином озере».

за спиной режиссера или хореографа, что называется, дышал ему в затылок и нередко высказывал свои недовольства, от которых, надо думать, у постановщика замирало сердце.

Однажды Берия остался недоволен текстом к праздничному концерту. Асаф оправдывался, что он только хореограф, а сценариста хорошего нет. «Что значит нет, найдите, а этого выгоните», – заявил Берия. И тут, по наитию, Асаф пробормотал, что он знает одного отличного автора, но найти его невозможно. И он назвал своего друга – выдающегося драматурга Николая Эрдмана, который был арестован за «антисоветские» басни еще в 1933 году и сослан куда-то в Сибирь. Берия промолчал, но, как вскоре выяснилось, распорядился привезти Эрдмана тайно в Москву (в то время он в составе штрафного батальона воевал на фронте и после ранения лежал в госпитале), устроить его жить «без прописки» при клубе НКВД, только чтобы тот написал нужный сценарий к праздничному концерту. Конечно, имя Эрдмана не фигурировало в афише; отсутствовало оно и в титрах «Веселых ребят» и других популярных фильмов по его сценарию. Но Эрдман был несказанно благодарен Асафу за то, что ссылку ему заменили вольным поселением, да еще жить можно было в центре Москвы.

Впрочем, это было несколько позже, а в начале 1939 года Асаф сидел на какой-то очередной премьере своей постановки в клубе НКВД и, разговорившись с соседом, узнал, что тот был не кто иной, как секретарь заместителя наркома НКВД. Асаф, столь убедительно игравший героические роли на сцене, в жизни был очень скромным. Можно представить себе, через какие муки он прошел, решившись на смелый шаг: подавив робость, он попросил соседа устроить встречу по личному делу с замминистра... только, если можно, придет сестра, она лучше знакома с этим делом. Возможно успех постановки и то, что Асафу устроили оvation, когда он вышел на сцену, подытожили на соседа по креслу и тот устроил Мите аудиенцию с высоким энквешным чином.

Суламифь красноречиво описала ему все мытарства Рахили и ребенка и добились невероятного: лагерь заменили на поселение в Казахстане, а именно в городе Чимкенте. Более того, Мите разрешили самой перевезти сестру. Суламифь, конечно, отклонила приглашение участвовать в декаде белорусского искусства в Минске, за что ей обещали дать звание Народной артистки, и бросилась снова доставать билеты на Казанский вокзал. Она вспоминает:

– Первой осознанной фразой двухлетнего Азарика была: «Мама, хочу жа жону». «З» он еще не выговаривал, а за зону значило: за колючую проволоку акмолинского лагеря. И вот мечта осуществилась: ребенок выбежал «за зону», почему-то страшно толстый, как мне показалось. Какой тогда поднялся женский плач! По сей день она помнит этот вой сотен сосланных в неволю матерей. Они кричали и от боли за своих детей, и от радости за одного спасенного ребенка.

Когда я подхватила подбежавшего Азарика на руки, я почувствовала, что обнимаю и их детей, их внуков. Сразу стало ясно, почему Азарик выглядит таким толстым. Он весь шуршал. Под пиджачком у него были десятки писем – так зеки пытались нелегально преправить их на волю.

Но конвоир, видимо, уже знал про это и, обыскав ребенка, отобрал все весточки.

Забрав Ра и Азарика, я добралась с ними грузовиком до железнодорожной станции, чтобы наутро оправиться в Чимкент. Вечером решили размять ноги, прогуляться. Ра с Азариком дышали – не могли надышаться первым воздухом куцей свободы. Я достала из сумки помидорчик, купленный на станции у вольного. Азарик взял этот красный шарик слабенькой, прозрачной ручонкой и интуитивно – в рот. Так он, бедный, впервые в жизни узнал о существовании овощей и фруктов.

Пройдя дальше, мы увидели уличного фотографа при огромном, на треноге, сундуке-фотоаппарате. Я предложила сфотографировать Азарика, чтобы сразу послать родным. А то когда еще доберемся до Чимкента... Так и сделали. Фотограф долго бился над выражением лица. Так, мальчик, повернись, эдак, мальчик, улыбнись. Я хорошо заплатила фотографу, дала адрес. Вышли, мол, снимки, незамедлительно, будь другом, родня заждалась.

Когда я вернулась в Москву и стала рассказывать про Азарика, эта родня почему-то возрилась на меня с соболезованием.

Что такое? – спрашиваю, – Что стряслось?

– Да ведь Азарик косой...

Вот как его тот стационарный умелец изобразил на фото.

Но это, если забегать вперед. А тогда на вокзале в Акмолинске мне разрешили переночевать с Азариком в какой-то избушке, а Рахиль увели под стражу. Вольное поселение – это вовсе не воля, дали понять тюремщики.

Эту ночь я запомнила на всю жизнь. Клопы сыпались на нас сверху крупным рыжим градом. Всю ночь она не гасила свет. Надо было смахивать клопов с бледного, истощенного личика Азарика, давить их, сметать в угол.

Утром какой-то начальствующий чин обрадовал меня:

«Вы можете поехать в Чимкент даже мягким. А вот сестрица с ребеночком, она уж как положено – завагоном». То есть закрытым вагоном, каким перевозили заключенных. А Азарика от тюремной баланды как раз прохватила страшнейшая дизентерия.

У ребенка понос. Он умрет! – совершенно взбесилась я. Если с ним по дороге что-нибудь случится, вам отвечать! Кто здесь у вас всем распоряжается? Дайте мне с ним поговорить. У меня распоряжение от Сталина!» – блефовала я.

Видели бы меня тогда поклонники томных па-де-де на сцене Большого. Я сама не представляла, что способна на такой вызов властям, да еще тюремным. По сути, потребовала книгу жалоб у ворот Гулага. Для стражей это было, видимо, что-то новенькое.

Наверное, мне удавались такие немислимые по тем временам вещи из-за отчаянного стремления не упустить любой шанс, ухватиться за любую соломинку, чтобы вызвать сестру из неволи.

Мне дали телефонную трубку. На том конце провода оказался начальник головного казахстанского лагеря Долинка по фамилии Монарх. Ничего себе фамилия! Вполне соответствует его абсолютной власти.

– Товарищ Монарх, – выговорила я диковатое словосочетание. И запальчиво рассказала, что ребенок, по сути, при смерти. Намекнула монарху тюремного царства: раз уж мне дали разрешение перевезти мать и дитя на вольное поселение, то это не случайно. Кое-кто наверху, видимо, заинтересован в их относительном благополучии.

Монарх понял.

– Знаете что, приезжайте-ка сюда. Хочу на вас глянуть...

Подали тот же грузовичок с заключенными, посадили меня в кабину к шоферу и в путь. Но не очень-то споро пошло дело. Я вижу, худенький зек-шофер клюет за рулем, того и гляди вильнет с проселочной дороги на целину.

– Что это с тобой? – спрашиваю парнишку.

– Восемнадцать часов подряд баранку кручу. Поспать не разрешают. Откажешься – пошлют на тяжелые работы...

Тогда я уже умела водить машину. Орденоносцам разрешили купить первые отечественные «эмки». Как потом выяснилось, я была одной из первых водителей среди женщин в СССР. Когда моя черная «эмка» стояла у подъезда Большого театра, толпа вокруг нее была порой больше, чем у театральных касс.

– Знаешь что, – сказала я пареньку, – давай поменяемся местами. Пусти меня за руль. Не бойся, довезу. Дорога-то здесь одна?

– Одна, – кивнул тот, на глазах засыпая, перелез на пассажирское место и в тот же миг отключился. И слава Богу, потому что останься он за рулем, мы бы, наверняка, разбились. Только когда через час-другой в ветровом стекле замаячили столбовые вышки, я с трудом его растолкала.

Монарх оказался толстяком в генеральском мундире. Разрешение московской артистке ехать в Чимкент в одном купе с репрессированной сестрой и ее больным ребенком он таки дал. Расчувствовавшись, я пригласила его в Москву:

– Большой театр покажу. Чаем напою. Вот вам мой адрес, вот телефон.

Любопытно, что он, в конце концов, действительно приехал погостить в Москву, и мы с Майей поили его чаем.

Поехали они поездом в Чимкент, где Мита сняла сестре комнатку. Ей предстояло прожить в ней год, пока ее не освободили, благодаря все тем же не прекращавшимся ни на день хлопотам.

Последние два месяца, оставшиеся до войны, в Митиной коммуналке в Щепкинском проезде они жили впятером: Рахиль, Майя, Азарик и Мита с мужем. Ставили у входа раскладушку, в которой ворочались ночи напролет Ра с Азариком. Алик, старший сын Рахили, по-прежнему жил у Асафа.

У этих Митиных походов иронический постскриптум; только ирония-то очень горькая. В 1941 году она получила письмо от жены того приветливого начальника лагеря, Мишина, с которым она встречалась в Акмолинске. Ее, между прочим, Мита никогда в жизни не видала.

«Дорогая, – писала она, – моего мужа посадили. Помогите! Расскажите, как вам удалось это сделать с вашей сестрой?» Но написать ей было уже нельзя. Началась война.

Я неоднократно слышал о тех же событиях от Рахили. Зная, что я читал запрещенный «Архипелаг Гулаг», она все просила меня найти упоминание о Мите.

Ее почему-то уверили, или она сама в это поверила, что Солженицын писал о том, что среди заключенных ходила легенда о какой-то Мите, которая спасала сестру. Я тщательно проштудировал эпопею Солженицына, но про Миту ничего не нашел...

Три эпохи в жизни политолога Георгия Мирского*

Представьте себе: неотразимый Грегори Пэк делает блестящую политинформацию на профсоюзном собрании. Жизнь в Советском Союзе была прекрасна еще и тем, что только там был возможен такой сюр. Да нет же, это была наша реальность без всякого «сюра»: просто Мирский читал лекцию по Ближнему Востоку на институтском собрании. А все остальное то же самое: «неотразимый», «блестящая» и т.д. Более 30 лет я проработала вместе с Георгием Ильичем в одном Институте (Институт мировой экономики и международных отношений – ИМЭМО АН СССР, а потом РАН); он был научным руководителем моей диссертации (по национально-этнической проблеме Судана), а затем – завсектором, завотделом, да и просто – старшим товарищем, другом, точкой отсчета.

Разница в возрасте у нас 15 лет, но для данного исторического отрезка времени принципиального значения это не имело. Практически на всех жизненных вехах Мирского я вижу этапы и своего становления. В частности, поэтому с таким удовольствием взялась я за эту работу: подготовить журнальный вариант книги Мирского «Жизнь в трех эпохах».

Мне кажется – пишет автор в предисловии – я смог ощутить дух времени, дух каждой из трех эпох, в которых мне довелось жить. При мне Советский Союз пережил времена расцвета, упадка и крушения (в Послесловии Мирский характеризует эти эпохи как сталинскую, постсталинскую и постсоветскую), и типичные приметы каждого из этих периодов врезались в мою память. Я попытался в этой книге найти ответы на некоторые весьма существенные вопросы, касающиеся причин загнивания и гибели Советской власти. Будучи всего лишь научным работником, руководителем одного из подразделений Академии Наук, я, тем не менее, на протяжении длительного времени имел доступ к верхним эшелонам власти – к ЦК КПСС и Министерству иностранных дел, – а также имел возможность объездить всю страну в качестве лектора-международника и тем самым ознакомиться со многими сторонами жизни нашего общества. (Лекторская карьера Мирского началась в 1952 г. во время XIX съезда.)

Мне довелось писать разделы докладов, речей и интервью для Хрущева, Брежнев, Суслова, Громыко и пр., читать лекцию для Горбачева, участвовать в парламентских слушаниях в нашей Государственной Думе и в Конгрессе Соединенных Штатов Америки. Постепенно накопился довольно большой материал, дающий пищу для анализа событий, и стало казаться, что есть смысл об этом рассказать.

Так возник образец удивительного жанра. В сущности, это биографический учебник истории, причем истории «занимательной». (Помните «Занимательную физику» Перельмана?) Ведь Мирский не просто политолог-эксперт, непревзойденный лектор и оратор, но и уникальный острослов, неизменный и незаменимый тамада. Читаешь книгу и вспоминаешь наши отдельные «сабантуи»: все собрались и ждут Мирского. И он не обманет ожиданий, поведет застолье умно, остроумно, иронично, но никогда – цинично. Каков автор – такова и книга.

Книга написана за пару месяцев, прямо на Note Book-е, что называется, на одном дыхании. Она так и читается.

---

* Читателям предлагается журнальный вариант книги Г.И. Мирского «Жизнь в трех эпохах» (Москва, 2001), подготовленный Е. Биргауз. Слова составителя выделены курсивом.

Московская коммуналка

В нашей квартире у Патриарших Прудов проживало шесть семей, всего примерно пятнадцать человек; была одна ванная, одна уборная, общая кухня и телефон в прихожей. Это считалось хорошими условиями. Уровень жизни был настолько скудным и убогим, что у людей практически не было имущества. В моем школьном классе, например, только у одного мальчика были наручные часы, у двоих – велосипед, у одного или двоих – авторучка («самописка»); это были дети относительно высокопоставленных служащих, а у подавляющего большинства не было вообще ничего. Одевались люди бедно и некрасиво, зимой ходили, как правило, в демисезонных пальто (шубы были только у богатых). Галстуки и шляпы были привилегией «буржуев», все мужчины носили кепки, а зимой – шапки-ушанки. Без головного убора выйти на улицу было почти так же неприлично, как без штанов. Зимой все ходили в валенках; представьте себе улицу Горького (Тверскую), по которой идут сотни мужчин и женщин, все до одного в валенках. С наступлением весны все надевали галоши; в школе мы их сдавали в раздевалку, и на красной подкладке галош чернильным карандашом была написана фамилия – чтобы «не сперли».

Столь же скудным было и питание. Вспоминая сейчас, что я ел в детстве, я вижу перед глазами только тарелку с супом без мяса, котлеты, кашу (гречневую, манную, пшеничную), жидкий чай с сахаром, кусок хлеба с маслом (изредка с колбасой, иногда с сыром, но вот о ветчине я и не слыхал), селедку, дешевые конфеты, печенье.

В таких условиях я провел все детство (за исключением войны, когда было гораздо хуже, но об этом дальше), юность и молодость. Отец умер от инфаркта перед войной, когда мне было четырнадцать лет. После смерти отца мы с матерью жили вдвоем в той же комнате долгие годы. Лишь в возрасте тридцати семи лет я смог, благодаря Хрущеву, организовавшему кооперативное строительство, купить на нас двоих кооперативную двухкомнатную квартиру.

Песни тридцатых годов

«Много славных девчат в коллективе, но ведь влюбишься только в одну. Можно быть комсомольцем ретивым и весною вздыхать на луну». Это куплет одной из популярных песен той эпохи. Ключевое слово здесь – «к о л л е к т и в». Этот знаменитый термин определял суть нашей жизни. Мы искренне верили, что наш строй – самый справедливый, ведь мы, народ, коллектив – хозяева страны. Иногда говорят, что сталинский режим держался только на страхе. Это неверно. Он держался на трех китах: энтузиазм, страх и общественная пассивность.

Энтузиазм и страх присутствовали, в разной пропорции, среди большей части населения. Жутким страхом были преисполнены, начиная с середины 30-х годов, не только люди, входившие в политическую элиту, но и вообще городские образованные слои, все следившие за политикой и читавшие газеты. Подготовкой к войне, доходившей до уровня военного психоза, было охвачено все общество. Многие из числа образованной городской молодежи верили, что война станет началом мировой революции. Исключительно популярной была тема Гражданской войны, все знали такие песни, как «Орленок», «Каховка», «И от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее», «Среди зноя и пыли мы с Буденным ходили на рысях на большие дела», «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Из покойных героев Гражданской войны знали Чапаева, Щор-

са, Фрунзе, Лазо, из здравствовавших – Ворошилова, Буденного, Блюхера, Тухачевского. Именно эти последние должны были повести нас в новый бой под руководством товарища Сталина, которому мы, согласно официальной версии, были обязаны победой в Гражданской войне. И кто бы посмел заикнуться о том, что к пятой годовщине Красной Армии в «Правде» была опубликована передовая статья под заголовком «Лев Троцкий – организатор победы»? Кто мог бы себе представить, что в самые ближайшие годы Блюхер и Тухачевский будут расстреляны как враги народа.

Признательные показания

Учитель ходил между партами, повторяя: «Откройте страницу 86 учебника истории и замажьте там портрет», «Замажьте портрет на странице 101». Фамилии тех, кто был на этих портретах, он даже не смел называть – враги народа были недостойны этого. Мы молча, старательно замазывали портреты людей, еще вчера бывших маршалами, командармами, легендарными героями: Тухачевского, Блюхера, Якира, Гамарника, Егорова. А однажды на весь класс раздался возглас: «Ребя, ежика-то нету!» – когда со стены классной комнаты вдруг исчез портрет Ежова. Но вопросов не задавал никто.

Воспитанные на тезисе о капиталистическом окружении, чувствовавшие реальную угрозу, исходившую от гитлеризма, советские люди с трудом, но вынуждены были примириться с мыслью, что вчерашние любимцы народа, члены Политбюро и легендарные военачальники на самом деле были замаскированными врагами, двурушниками, заговорщиками, фашистскими агентами. Ведь они сами признавались в этом на процессах! *Как же так получалось?!*

Сначала, после ареста, человек уверен, что произошла жуткая ошибка, его скоро выпустят, но вот ему предъявляют показания его сослуживцев, коллег, друзей, иногда даже родственников, – и все утверждают, что он враг, двурушник, член антисоветской организации. Человек ошеломлен, обескуражен, теряет всякую опору, уже нет почвы под ногами, он в отчаянии, но, конечно, еще не соглашается подписать самоубийственные показания. Тогда начинаются пытки, начиная с «конвейера», когда допрашиваемый сутки стоит перед следователями, сменяющими один другого и добивающимися одного и того же: «признайся, подпиши!», а потом его ведут в камеру, дают заснуть и будят через пять минут, и так продолжается без конца, пока обвиняемый не будет готов признаться в чем угодно, лишь бы кончился этот кошмар. Но в ход идут и физические истязания, избиения, пытки, причиняющие адскую боль; а еще запугивают тем, что расстреляют жену и дочь, «если не сознаешься». И все это на фоне психического крушения, вызванного осознанием того, что ты один, все от тебя отказались, все предали, твоя же партия тебя уничтожает, ты зря прожил жизнь, все пропало, надежды нет, уж скорее бы конец. И если все это длится недели, месяцы – какой, даже самый сильный и стойкий человек, способен выдержать?

Но вот наступает критический момент, сопротивление сломлено. Обвиняемого оставляют в покое, перестают мучить, дают отоспаться и придти в себя, хорошо кормят. И тут начинается, может быть, самое страшное: следователь вместе с обвиняемым (а ему уже обещана жизнь) начинает составлять сценарий, подробное либретто пьесы, которую предстоит разыграть на открытом процессе. Все как в театре: человеку предстоит заучить н а и з у с т ь все признания, перечисление всех компрометирующих его «фактов» (когда и кем завербован, что поручено делать и т.д.), все реплики, которые должны быть поданы обвиняемым после таких-то слов

прокурора или другого обвиняемого. Все должно быть разработано до деталей, заучено и отрепетировано десятки раз, прежде чем человека можно выпустить в зал суда, где будут, может быть, сидеть и иностранные журналисты, у которых не должно остаться и тени сомнения в искренности признаний. (Эту часть пьесы описал Фейхтвангер в книге «1937 год»; он, как и остальные, поверил всему.) Разумеется, для того, чтобы добиться разыгрывания как по нотам такого спектакля, требуются многие месяцы, но ведь следователи и не спешили: вспомним, сколько месяцев прошло между арестом и судом обвиняемых по трем главным открытым процессам. И лишь с группой «военных заговорщиков» во главе с Тухачевским было покончено за несколько дней; это было до предела форсированное действо, и можно только представить себе, что довелось за эти дни испытать маршалам и командармам, прежде чем они перед лицом своих же старых товарищей, заседавших в трибунале, сознались в «чудовищных преступлениях».

Но все это стало известно много лет спустя, а тогда, в тридцатые годы, никто не мог себе даже вообразить подобных вещей. Все были убеждены в подлинности признаний. Урок был только один: надо еще больше повысить бдительность. Это было ключевое слово: б д и т е л ь н о с т ь. Вокруг враги. Подозревать можно любого.

Моя родня

Утром 22 июня 1941 года я лежал простуженный с температурой, но когда услышал по радио сообщение Молотова о том, что Германия на нас напала – всю болезнь как рукой сняло. Со школьным товарищем я немедленно побежал в картографический магазин на Кузнецком мосту. Мы оба купили по карте Европы, но я купил еще и большую карту Советского Союза. Мой друг недоумевал: «Зачем тебе эта карта – ведь воевать будем на территории Германии?» Я ответил: «На всякий случай». И потом, в течение трех с лишним лет, именно эта карта висела у меня на стене, и я флажками отмечал линию фронта.

Упомянув о моей болезни в июне 41-го, не могу не сказать, что она спасла мне жизнь. Дело в том, что мой отец был евреем, родом из Вильно. Он воевал в российской армии во время Первой мировой войны, был ранен и попал в немецкий плен, а после войны оказался в Москве. Его родители и вся большая семья жили в Вильно, но никакой связи у отца с ними не было. Когда же после разгрома Польши немцами в 1939 году Вильно стал столицей Литвы, а на следующий год Литва стала советской, уже стало можно наводить справки, и выяснилось, что вся семья живет и здравствует. Моя тетя, сестра отца, тоже жившая в Москве, списалась с родными и была приглашена вместе со мной приехать в Вильнюс. Мы договорились ехать 20 июня, но тут я заболел и поездку отложили. Что бы было, если бы мы приехали в Вильнюс 20 июня? Уже через два дня после начала войны, 24 июня, Вильнюс был занят немцами, никто не успел эвакуироваться, и в октябре того же года все еврейское население города было уничтожено. Эта судьба постигла бы, без сомнения, и меня, если бы не та простуда...

Октябрь 41-го года оказался поистине роковым для моих родственников как по отцовской, так и по материнской линии. Дело в том, что моя мать, Виктория Густавовна, была по паспорту немкой. На самом деле она была русской и родилась в Смоленске, но в ней была немецкая, польская и латышская кровь; по-немецки она не знала, кажется, ни единого слова. Ее мать, моя бабушка, была лютеранкой: в дореволюционных документах указывалась не национальность, а вероисповедание. Лютеранками числились и сестры бабушки. Когда после Октябрьской революции стали выдавать метрические свидетельства, уже появилась графа «нацио-

нальность», и какая – то сотрудница соответствующего учреждения, оформлявшего документы, увидев слово «лютеранка», естественно, записала «немка» как моей бабушке и ее сестрам, так и моей матери, уже достигшей совершеннолетия. В то время, в эпоху назревавшей, как считалось, «мировой революции», никто не придавал значения национальности, и никому в голову не могло придти, что через двадцать лет это станет вопросом жизни и смерти.

А именно так и случилось. В начале 30-х годов были введены паспорта с пресловутым пятым пунктом («национальность»), туда и перешло из метрического свидетельства злополучное слово «немка». И вот в октябре 41-го года было решено выселить из Москвы в Казахстан всех немцев. Бабушка и ее сестры были посажены в вагоны, я помню, как мы на вокзале провожали старух – на верную смерть, как выяснилось вскоре. Справки об их смерти мы с матерью получили в начале 42-го. Так погибли мои родственники, как с отцовской, так и с материнской стороны – практически в одно и то же время: одни были убиты нацистами, другие – Советской властью.

Много позже эта «деталь» биографии неожиданно нашла идеологическое подтверждение. Уже после войны мне попался номер газеты «Вольна Польшка» со статьей об Армии Крайовой – повстанческой организации, которая вела борьбу сначала с германскими оккупантами, а затем и с Красной Армией. Автор статьи с возмущением цитировал как пример того, до какой низости дошла Армия Крайова, этот «заплеванный карлик реакции», ее «кощунственный» лозунг: «Гитлер и Сталин – два обличья одного зла». Как только я прочел эти слова, меня как током ударило. Вот она – правда! Вот суть дела. Один диктатор стоит другого: идеи и знамена – разные, а сущность одна.

Здесь стоит добавить, что сам я получил паспорт в мае 42-го и там, в «пятом пункте» было указано: «русский» (каковым я, естественно, и являюсь, несмотря на пестроту моих «кровей»). Для того, чтобы меня не записали немцем или евреем, матери пришлось приложить немалые усилия: она достала плитку шоколада (как? за какие деньги? в разгар войны – фантастика!) и подарила паспортистке в домоуправлении.

Началась война

О том, как шла война, мы в первые дни не знали вообще. Из сумбурных сводок понять было ничего нельзя. Но вот к концу идет июль, и открывается жуткая правда: немцы в Смоленске, немцы у стен Ленинграда, Киева и Одессы. За один месяц они прошли такие расстояния – что же это происходит? В страшном сне такое не могло присниться... И странно было даже вспомнить, как годом раньше на первой странице «Правды» была огромная фотография Гитлера, любезно принимавшего Молотова в Берлине.

Большая московская паника

Утром 16 октября я отправился к родственникам. В утренней сводке прозвучали слова: «За истекшие сутки положение на Западном фронте ухудшилось». Но, только выйдя на улицу Горького, я стал догадываться, что же на самом деле произошло на фронте.

По улице мчались одна за другой черные «эмочки» (автомшины М-1), в них сидели офицеры со своими семьями (тогда они еще назывались «командиры»),

на крышах машин были привязаны веревками чемоданы, узлы, саквояжи, какие-то коробки. Необычное и непонятное зрелище. Все стало ясно, когда я подошел к дому на углу Васильевского переуллка, где жила моя тетья, сестра матери, с мужем, полковником авиации. Он как раз вышел из квартиры и садился в машину; при мне он спрашивал у шофера: «Как думаешь, на Горький прорвемся?» – «Попробуем, товарищ полковник», – отвечал солдат. Я не мог поверить своим ушам, но полковник дядя Петя тут же успел ввести меня в курс дела. Оказывается, в черных «эмках» были офицеры штаба Московского военного округа, и они мчались из своих казенных квартир на Ленинградском шоссе в сторону Рязанского и Горьковского шоссе, из Москвы на восток... Дело в том, что рано утром штаб округа получил, как обычно, свою закрытую «внутреннюю» военную сводку, из которой следовало, что немцы прорвали фронт и уже достигли Можайска, в ста километрах от столицы. Поскольку сам факт такого прорыва свидетельствовал о том, что войска Западного фронта, видимо, разгромлены, можно было ожидать немцев в Москве с часу на час, и штабисты решили «драпануть». А уже через несколько часов рванули из Москвы и гражданские начальники. Началась паника.

До самой смерти не забуду этот день, 16 октября. (*Моя мама тоже до самой своей смерти в 1982 г. каждый год вспоминала эту скорбную дату 16 октября 1941 г.*) В этот необыкновенный день так получилось, что мне довелось находиться в разных районах города. Еврейская семья, жившая в нашей коммунальной квартире, решила эвакуироваться, не медля ни минуты. Я вызвался помочь соседям и тащил вместе с ними их вещи до Комсомольской площади, откуда поезда уходили на восток. До сих пор стоит у меня перед глазами зрелище громадной площади трех вокзалов, усеянной тысячами и тысячами сидящих и стоящих людей так, что яблоку упасть негде. Все с чемоданами и узлами, все лихорадочно ожидают объявления посадки на очередной поезд – на Казань, Горький, Свердловск, Ташкент – куда угодно.

Дикое впечатление производили мусорные ящики во дворах, доверху набитые книгами в красных переплетках: это были сочинения Ленина. Каждому члену партии полагалось иметь у себя полное собрание произведений Ильича, равно как и «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный лично Сталиным. Так вот, в страхе перед приходом немцев, эти красные тома тысячами выбрасывали в мусорные ящики.

Дня через два Москва была объявлена на осадном положении, прозвучали грозные слова: «провокаторов и распространителей ложных слухов расстреливать на месте». Был введен комендантский час. Затем генерал Жуков был назначен командовать обороной Москвы. Паника улеглась. Начали строить баррикады. Москва приобрела суровый облик фронтового города.

Лютая зима. Начало трудовой жизни

Бог против Гитлера. Как раз в тот момент, когда немцы, возобновившие наступление, в середине ноября подошли к столице, ударил сорокаградусный мороз, и все остановилось. А через Москву на фронт идут и идут сибирские дивизии под звуки непрерывно звучащей в те дни песни: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою...» И 6 декабря начинается великое контрнаступление. Москва спасена. Великий, единодушный вздох облегчения. Но обратная сторона медали – невероятные страдания населения. По иждивенческим карточкам, которые получали мы с матерью, отпускали 400 граммов хлеба на день. Помню, что мать ходила на минное поле под Химками и, рискуя жизнью, собирала замерзшую неубранную картошку с полей. В декабре-январе положение наше было критическим. С едой ста-

новилось все хуже. Надо было что-то делать, чтобы хоть ноги таскать. Надо было найти работу.

С третьей попытки я устроился санитаром в военном госпитале на Басманной улице. Моя работа заключалась в следующем: утром я возил на тележке в госпитальный морг умерших; обычно умирали под утро, и каждый день, придя на работу, я обнаруживал несколько трупов солдат, всего на три-четыре года старше меня, с которыми я накануне разговаривал, расспрашивая их о делах на фронте. Затем я возил раненых в операционную, ждал там, пока при мне им ампутировали ноги или руки, и вез их обратно. Потом возил раненых на перевязки. Вот когда я впервые по-настоящему понял, как идет война. Раненые – большинство были из-под Ржева, где немцы, отброшенные от Москвы, стояли насмерть, обороняя «линию фюрера» – рассказывали, как их гнали по открытому снежному полю под огонь немецких минометов. «Немец кладет мины в шахматном порядке, а нас гонят прямо пинками под зад: «вперед, так вашу мать, за Родину, за Сталина!» К вечеру, глядишь, от взвода никого уже и не осталось». Почти все были ранены в первый или второй день пребывания на фронте. Страшная судьба ожидала тех, кого санитары не успевали вытащить еще ночью, до рассвета: в светлое время никто уже не рисковал ползти за ранеными, и они отмораживали себе руки и ноги; до сих пор у меня перед глазами эти черно-лиловые пальцы – чуть дернешь их, и они отваливаются. Много позже я узнал, что под Ржевом погибло около 800 тысяч наших солдат и офицеров.

Спустя десятилетия я прочел немало книг о войне, в том числе мемуары германских военнослужащих и опубликованные на Западе исследования. То, что я слышал от «моих» раненых в московском госпитале, подтверждалось всюду: кошмарные потери Красной Армии, мгновенная гибель целых полков и дивизий, брошенных в бездарно и безжалостно организованные атаки, особенно в первые годы войны, без артиллерийской и авиационной подготовки. Бывший немецкий пулеметчик вспоминает: «Иваны шли на нас сплошной стеной, мы не успевали их косить, пулемет раскалился... Потом мы пошли их подсчитывать, и оказалось, что только одним пулеметом мы убили не меньше двух сотен...»

Я думаю, что тут огромную роль играла психология наших командиров, боявшихся своего начальства несравненно больше, чем врага. Страшный 37-й год, когда было репрессировано с о р о к т ы с ь ч командиров Красной Армии, известие о расстреле генерала Павлова и его соратников, обвиненных в минской катастрофе, – ясно было, чего можно ожидать от командования всех уровней, начиная с самого высшего. Лучше положить весь полк, но выполнить приказ, точно в назначенный день взять населенный пункт: за потери никто не спросит, а за невыполнение приказа – расстрел. К тому же, невероятно низкая цена человеческой жизни легко объяснялась всей большевистской идеологией с ее акцентом на коллектив и пренебрежением к отдельной личности. «Мы за ценой не постоим» – и не постояли. Одно из самых чудовищных преступлений советской власти – утвержденный ею общий бесчеловечный стиль обращения с человеком в конкретных условиях Отечественной войны вылился в абсолютное пренебрежение к людским потерям.

«За Родину, за Сталина!» – так кричали в кинофильмах поднимавшиеся в атаку бойцы. На самом деле, по рассказам «моих» раненых в госпитале, сами солдаты, кроме матерных слов, ничего не кричали, но вот командиры и политработники, поднимавшие их в атаку, – да. Статистика впоследствии установила, что в среднем пехотинец шел в атаку не более трех раз: либо ранен, либо убит. Командир взвода – знаменитый «ванька-взводный» – во время наступления жил не более нескольких дней; горькой была участь танковых десантов (автоматчики, сидевшие на танках во время атаки), о которых написал в журнале «Знамя» поэт Борис Куняев, сам

бывший десантник: «Когда режут стальные полчища, взвалив десант на бычьи спины, то командир живет лишь полчаса, а остальные – половину».

Рассказы раненых, открывшие мне глаза на правду войны, настолько потрясли меня своим контрастом с официальной пропагандой, что уже тогда, весной 42-го, во мне стало зарождаться недоброе чувство к власти, в которой я разглядел лживость и жестокость. Это во многом повлияло на мое последующее нравственное формирование

Под землей

С 1942 по 1945 год Мирский работает слесарем-обходчиком в «Теплосети Мосэнерго». И карточка здесь не просто рабочая – 600 граммов, – а наилучшая из всех возможных: ГЦ (горячий цех) – 1 кг хлеба в день. А на трудфронте, куда дважды меня посылали: сортировка металлолома, разгрузка дров – лучшим работникам выдавали еще и талоны УДП (Усиленное Дополнительное Питание), которые в народе расшифровывали «Умрешь Днем Позже». Но если бы я только знал, на какую каторгу я себя обрекаю и на сколько лет, я бы согласился жить не на кило, а на полкило хлеба в день.

За рулем грузовика

И вот через три долгих военных года – радикальная перемена в жизни: я получаю направление на трехмесячные курсы шоферов.

Счастье, которое я испытал при этом известии, просто невозможно описать. Гете говорил, что в его долгой жизни было всего девять счастливых дней. Не знаю, сколько их было у меня, да и что такое счастье? Какие тут критерии? Но знаю точно: в этот весенний день 45-го года я был счастлив так, как никогда в жизни. Ни до, ни после – никогда! Но получение водительских прав оказалось не таким простым делом. Медкомиссия «завернула» претендента на руль шофера: «Негоден по зрению». Я вышел из поликлиники шатаясь, ничего не видя перед собой. Все. Конец счастью. Мне не быть шофером. Обрато под землю, в колодец. Впору повеситься!

Но я не долго унывал. Судьба играет со мной злую шутку? – так я обману судьбу, я не сдамся. И тут началась «трагикомическая эпопея». Трижды переклеивал Мирский чужие фотографии на свой паспорт, чтобы с помощью друзей пройти-таки злополучную медкомиссию. Третья попытка удалась. И вот она у меня на руках – справка. «Годен к управлению автомашиной». Удалось, я победил. С торжеством, с огромным, невероятным чувством облегчения залезаю в кабину полутонного грузовика «ГАЗ-2 А». Я – шофер. Началась новая жизнь.

Я думаю иногда: а что было бы, если бы я дрогнул, покорился судьбе – ведь обстоятельства были так явно против меня... Вся жизнь сложилась бы, вероятно, по-другому. Но ведь это – только часть более общей, обширнейшей проблемы: в какой мере человек сам создает свою жизнь, свою судьбу?

В древности знаменитый иудейский религиозный вождь и мудрец, раввин Акиба сказал: «Все предопределено, но выбор есть». Как это понимать? Ведь если «все предопределено», то выбора-то настоящего нет; человек только думает, что он сам что-то выбрал и по собственной воле совершил поступок, взвесив все «за» и «против», а на самом деле его натура, его характер, весь склад его личности, если угодно – определенная комбинация его генов вкуче с уже приобретенным им опытом – все это неизбежно толкает его к тому или иному решению, обуславливает необходимость данного поступка именно для данного индивида.

А может быть, никакой роковой детерминированности нет, и на каждой развилке жизни человек действительно волен поступать так, как он сам выбирает, и всегда есть альтернатива?

Люди в своем большинстве не могут быть уверены, как они поведут себя в экстраемальной ситуации, например, в концлагере или в лапах бандитов. Нередко человек, храбро державшийся под огнем противника, мог потерять всякое мужество, попав, скажем, на прицел органов госбезопасности, опуститься до недостойного поведения. Таких примеров в советское время было сколько угодно.

Анализируя описываемый критический момент жизни в 45-м году, я вижу: с точки зрения здравого смысла, мое поведение было глупым, шансов на успех авантюры было мало. Но я пренебрег обстоятельствами и в данном конкретном случае выиграл, что и определило мою дальнейшую судьбу.

Параллельно с работой на грузовике Мирский закончил вечернюю школу рабочей молодежи. Весной 47-го года я объявил заведующему гаражом, что с сентября уйду учиться в институт.

И вот – все! Прощай, Теплосеть, пять лет моей жизни. Конец рабочей карьеры. Много ли эти годы мне дали? Очень много.

Трудовая жизнь излечила меня, по крайней мере, от двух мифов. Первый из них – это миф о самой справедливой и передовой в мире советской власти.

Второй миф – это извечный российский интеллигентский миф о трудовом народе. У меня он сформировался в основном из книг, я в детстве и юности прочел всю русскую классическую литературу. Столкнувшись с рабочими людьми в реальной жизни, я многое вынужден был переосмыслить. Соответственно, я стал иначе смотреть и на нашу новейшую историю. Иначе я стал относиться и к существующей власти, и даже к самому вождю.

Но я вступал на путь советского высшего образования, путь, который неминуемо должен был привести меня к служению – в той или иной форме – чуждому для меня режиму. Но выхода не было: мне предстояло начать двойную жизнь.

Комсомольский вожак

Мирский поступил в Московский институт Востоковедения (тогда он находился в Ростокинском проезде в Сокольниках в здании бывшего ИФЛИ) и выбрал арабское отделение, исходя из того, что после окончания института легче будет найти место в посольстве или каком-либо другом нашем представительстве за рубежом – ведь арабских стран много. И вот я изучаю арабский язык, один из самых трудных в мире, но мне он нравится, несмотря на труднопроизносимые гортанные звуки.

На третьем курсе я становлюсь руководителем комсомольской организации всего Института Востоковедения. Мне двадцать три года.

Я утверждаю себя – юноша из бедной семьи, столько переживший и наголодавшийся, которого столько гоняли и шпыняли, а вот теперь у меня – власть и авторитет. Меня слушают, ко мне обращаются за советом. Помню, однажды Евгений Примаков, будущий премьер-министр России, учившийся со мной на одном отделении, но на курс младше, говорит мне: «Ты для меня самый большой авторитет в институте: прошу тебя, рассуди мой спор с Павлом Демченко».

Однако вскоре стало ясно: моя деятельность в ампула комсомольского вожака была абсолютной и невозполнимой потерей времени. Самой противной частью ее были персональные дела. Разбирая их, чувствовал я себя отвратительно: вот она, двойная жизнь. Но шила в мешке не утаишь, и мои не вполне ортодоксальные

политические взгляды довольно скоро стали очевидны в нашей учебной группе. Самым заметным событием в этом плане была история с маршалом Тито. Как-то, во время перекура на лестничной клетке, я сказал, что, хотя он сейчас наш враг и предатель, я не могу поверить, что уже во время войны, будучи командующим партизанской армией в Югославии, Тито на самом деле был немецким шпионом; психологически это трудно себе представить. Уже через несколько дней мне по секрету сообщили, что секретарь партбюро института Романов, заведующий кафедрой основ марксизма – ленинизма, сказал: «Ничего себе у нас секретарь комитета комсомола – говорит, что Тито – хороший человек!» Как мне стало известно спустя многие десятилетия, именно этот донос был одним из первых документов, легших в основу моего досье в КГБ, из-за которого меня не пускали за границу.

Кстати о Романове. Однажды, входя утром в институт, мы – студенты – стали свидетелями удивительного зрелища: секретарь партбюро, взобравшись на лестницу-стремянку, собственноручно снимает и сбрасывает вниз висевший в вестибюле на стене портрет одного из членов Политбюро Вознесенского, а затем, спустившись, еще и топчет его ногами. Оказывается, рано утром было сообщение, что Вознесенский арестован как враг народа (позже его расстреляли). (Но это цветочки. Рассказывали, что когда исключенный из Политбюро Вознесенский сидел в тюрьме, дожидаясь расстрела, к нему в камеру пришел Булганин и топтал его своими маршальскими сапогами.) Вспомню еще и о «Кратком курсе». Многие главы этой книги, написанной лично Сталиным, нужно было знать почти наизусть. И мы устраивали ради забавы шуточные конкурсы «на знание первоисточников». Так, задавался вопрос: через что перескочила Роза Люксембург и что у нее при этом выпало? Правильный ответ (буквальная цитата из «Краткого курса») был такой: «Роза Люксембург перескочила через буржуазно-демократический этап революции и при этом у нее выпал аграрный вопрос».

Джаз, космополиты, «дело врачей»

«Чему могут научить наших детей книги Жюль Верна, все эти его герои – человеконенавистник капитан Немо или бесшабашный Дик Сэнд?» – вопрошала одна московская газета. Кампания по борьбе с «тлетворным влиянием Запада» шла вовсю. Французские булки были переименованы в городские, вместо слов «матч» и «корнер» радиоккомментаторы должны были говорить «состязание» и «угловой», все великие открытия в истории приписывались русским. Даже дояльно настроенные люди не могли не смеяться: «А ты слышал, коктейль-холл на Горького переименовали в ерш-избу?» – «Пушкин-то, оказывается, космополит: ведь он написал «За морем житье не худо». Шутки шутками, но на самом деле время было лютое: шла холодная война, враждебность по отношению к Западу росла, обострялась «идеологическая борьба», и в воздухе явственно пахло чем-то зловещим.

В нашей профессиональной области – востоковедении – вытравливались имена западных авторов; из института были вынуждены уйти академики с громкими, но «не теми» фамилиями – Конрад, Бертельс, Гордлевский. Они-то как раз не были евреями, но все равно подозревались в космополитизме; вообще с самого начала было очевидно, что в грандиозной кампании, начавшейся с осуждения «одной антипатриотической группы театральных критиков», внешней мишенью были Соединенные Штаты, а внутренней – евреи.

В ИМЭМО работал зять Сталина Григорий Морозов, который рассказывал, что он, будучи мужем Светланы Алилуевой, никогда даже в глаза не видел своего тестя

– настолько ненавистен для Сталина был сам факт замужества его дочери, выбравшей себе в мужа еврея.

Антисемитизм, по моему мнению, – это явление универсальное, вечное и неустранимое. У нас бытовой антисемитизм был, конечно, и до 40-х годов, но государственного антисемитизма не было. Более того, евреи занимали столько видных постов даже в партийном и государственном руководстве, не говоря о прочих сферах жизни, что в 30-х годах я слышал такую шутку: «Как найти двенадцать колен израилевых? – Очень просто – надо поднять брюки у шести наркомов». После войны все стало постепенно меняться. Стали всюду вычислять «процент евреев» и «полукровок».

В январе 53-го кампания достигла своей кульминации: в газетах появилось сообщение о «заговоре врачей-убийц», якобы готовившихся отравить самого вождя. И народ поверил этому! Антисемитизм охватывал все более широкие слои населения. Люди открыто говорили: «Много плохого сделал Гитлер, но самое худшее – что он не всех евреев перебил». Ведь характерной чертой любого тоталитарного режима является пробуждение всего самого пизменного в человеческой натуре. К публикации в «Правде» готовилось открытое письмо видных представителей еврейской общественности с признанием «исторической вины» советского еврейства, позволившего втянуть себя в чудовищный американско-сионистский заговор. Автором письма был назначен бывший директор ТАСС, а впоследствии главный редактор нашего институтского журнала (МэиМО) Яков Хавинсон, который много лет спустя и рассказал мне об этом. Уже формировались эшелоны для депортации евреев в Сибирь.

Но тут происходит нечто непредвиденное: 5 марта умирает Сталин, и меньше чем через месяц все дело о «врачах-убийцах» объявляется фальшивкой, в газетах пишут о преступной провокационной деятельности «авантюристов типа Рюмина» (один из руководителей КГБ). Все врачи – Вовси, Коган, Виноградов и другие – выпущены из тюрьмы, в народе слагается частушка: «Дорогой товарищ Вовси, за тебя я рад, потому что, значит, вовсе ты не виноват; зря сидел ты, зря томился в камере сырой, подорвать ты не стремился наш советский строй. Дорогой товарищ Коган, знаменитый врач, ты расстроен и растроган, но теперь не плачь; понапрасну портил нервы кандидат наук из-за суки, из-за стервы. Этой Тимашук!» (*Лидия Тимашук – врач, которая якобы разоблачила «убийц в белых халатах».*)

Вся эта жуткая история больше похожа на какой-то рок, в котором выявилась глубинная суть бесчеловечной системы. Если депортация целых народов во время войны прошла почти незамеченной, то в случае с евреями все было демонстративно выставлено напоказ, с каким-то даже вызовом по отношению к мировому общественному мнению, в те годы, безусловно, глубоко сочувствовавшему народу, потерявшему шесть миллионов человек в результате Холокоста. Этот вызов говорил о том, что советское руководство сознательно стремилось, как можно больше изолировать свою страну от внешнего мира. Америка усилиями советской пропаганды была превращена в страшного врага типа гитлеровской Германии (недаром была пущена шутка: «Думаете, Гитлер умер? Да нет, он в Америке, Трумэнном работает»).

Параллельно с делом «убийц в белых халатах» разворачивалось другое, гораздо менее известное «мегрельское дело» в Грузии. Все началось с ареста нескольких видных руководителей республики – Шония, Барамия и других – мегрелов по происхождению (как и Берия). Им было предъявлено обвинение в том, что они хотели оторвать Грузию от Советского Союза и присоединить ее к Турции. Абсолютный идиотизм обвинения в попытке присоединить христианскую Грузию к мусульманской Турции был очевиден, но никто, конечно, и пикнуть не смел. Вел это дело

недавно назначенный министром внутренних дел Грузии генерал Рухадзе, и по его приказу был произведен обыск на тбилисской квартире Берии. Узнав об этом, Берия, живший в Москве, обратился лично к Сталину, который, однако, пожав плечами, сказал: «Слушай, Лаврентий, ведь это органы, ты их знаешь лучше меня, они и у меня могут обыск сделать». Тут Берия понял, что жизнь его висит на волоске. Он вышел из доверия Сталина. Но судьба пришла ему на помощь: старый деспот умер. Берия фактически стал самым могущественным человеком в Кремле. «Мегрельское дело» было объявлено полной «липой», обвиняемые освобождены, Рухадзе арестован, в грузинской печати стали писать об «авантюристах типа Рюмина и Рухадзе». Но это был еще не конец. В том же 53-го году, принесшем стране столько потрясений, самого Берию арестовали и расстреляли, и такая же участь постигла его соратников. Освобожденные было из заключения мегрелы были вновь арестованы, на этот раз уже как сподвижники Берии, и расстреляны, равно как и посадивший их ранее Рухадзе. В Грузии пели «грузинскую цыганочку»: «Арестуй меня, потом я тебя, потом оба мы арестуемся». Так, на жуткой трагикомической ноте, подошла к концу эпоха Сталина.

Смерть Сталина

До сих пор это для меня загадка – массовое обожествление Сталина. Ведь никакой видимой харизмы не было в этом человеке. Сталина фактически никто не видел, если не считать двух-трех минут во время первомайской или ноябрьской демонстрации. Может, так надо было: невзрачный вид, маленького роста, с его сухой рукой, лицом, покрытым оспинами, с желтыми глазами рыси. Были еще выступления по радио на съездах и пленумах – глухой монотонный голос с тяжелым грузинским акцентом, без малейшего ораторского блеска. Говорят, он при личном общении внушал необъяснимый страх, от него исходила какая-то черная аура, давящий магнетизм.

И вот – Сталина нет. Что нас ждет? Все растеряны. Жизнь без Сталина казалась просто невыносимой. На заводе «Красный Богатырь» секретарь парткома говорит мне после моей лекции: «Да, утрата невосполнимая, но ведь какие люди остались во главе – Георгий Максимилианович, Вячеслав Михайлович, Лаврентий Павлович!» Знал бы он, что уже через четыре месяца будут петь частушку: «Цветет в Тбилиси алыча – не для Лаврентий Палыча, а для Климент Ефремыча, для Вячеслав Михалыча», и Берия будет объявлен шпионом, врагом народа, а спустя еще четыре года и Вячеслав Молотов, и Клим Ворошилов окажутся в «антипартийной группе»... *(Это на Патриарших прудах, а у нас в Сокольниках пели: «Как товарищ Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков».)*

Дней десять об аресте Берии не сообщалось. Но уже через два-три дня об этом знала вся Москва, но... молчала. Занятное это было время: человек заходит в автобус и, ни к кому не обращаясь, говорит: «Да-а, ну и ну!» Другой отвечает: «Да, дела...» И все понимают, о чем, о ком речь... Еду на поезде в Ставропольский край для чтения лекций. Первая реакция народа на официальное сообщение: пьем пиво на станции Орел и старый рабочий, оторвавшись от кружки, говорит: «Да, Лаврентий Палыч, хрен ты теперь холодного пивка попьешь».

Самое удивительное – но, опять-таки, характерное – люди поверили абсурдным обвинениям, выдвинутым против Берии: враг, предатель, заговорщик, давний агент: «Подумать только, чего ему не хватало? В Кремле сидел – так нет, захотел советскую власть скинуть, капиталистов вернуть. Значит, хорошие деньги ему американцы обещали».

Я становлюсь журналистом

Я уже кандидат наук, защитил диссертацию по новейшей истории Ирака в Институте Востоковедения и был принят литсотрудником в отдел стран Азии, Африки и Латинской Америки популярного политического журнала «Новое время».

Тем временем бурные политические события в стране продолжались. После падения Берии борьба развернулась между Маленковым и Молотовым, причем оба они, на свою беду, совершенно недооценили Хрущева, отнеслись к нему как к серой личности, хотя и полезной для борьбы с соперниками – точно так же, как в свое время Зиновьев, а вслед за ним Бухарин относились к Сталину. И весь сценарий 20-х годов был воспроизведен в 50-х: Хрущев, блокируясь сначала с Молотовым против Маленкова, устранил последнего с поста председателя правительства. При этом Хрущев отобрал у Маленкова дачу и со злорадством сам въехал в нее (а незадолго до этого они были самыми близкими друзьями, и Хрущев, в бытность свою первым секретарем ЦК на Украине, во время приездов в Москву всегда останавливался на квартире Маленкова).

В 1956 г. на XX съезде КПСС Хрущев сделал свой знаменитый доклад с разоблачением «культы личности» Сталина. Что же толкнуло Хрущева на этот неожиданный шаг? Одни полагают, что Хрущев решил нанести упреждающий удар, стремясь возложить всю вину за сталинские злодеяния на Молотова, Маленкова и Кагановича. Другие считают, что Хрущев осознал страшный урон, нанесенный партии и стране сталинскими репрессиями, и решился предостеречь народ от повторения злодеяний. Третьи думают, что здесь сыграла роль личная ненависть к Сталину, избравшему Хрущева как мишень для насмешек и издевательств. Хрущев вообще был личностью противоречивой и, несомненно, на голову превосходил своих оппонентов по лидерским и бойцовским качествам.

Доклад Хрущева потряс общество. Объективно, это был первый гвоздь, забитый в гроб сталинизма, а значит – и ленинизма, и большевизма в целом. Вопреки своим намерениям, Хрущев стал первым и главным могильщиком советской власти. Вторым, спустя тридцать лет и тоже не по своему желанию, станет Горбачев.

А в стране – «оттепель». Наступают новые времена. Взбунтовались поляки, к власти пришел недавно еще сидевший в тюрьме Гомулка. Но вот – венгерские события, и маятник качается в обратную сторону. Наши танки в Будапеште. Югославов вновь называют ревизионистами. Короткая «оттепель» подходит к концу.

Но политическая жизнь бурлит – «у нас не соскучишься». Старые «вожди» раскусили Хрущева. Как в свое время Зиновьев и Каменев объединились было против Сталина и Бухарина со своим прежде главным врагом Троцким (да было уже поздно), так Молотов, Маленков и Каганович в 1957 г. составили заговор против Хрущева. Однако Хрущев с помощью Жукова, Серова, Фурцевой и других переигрывает сталинских мастодонтов. Созван пленум ЦК, Жуков организовал срочную переброску членов ЦК в Москву на военных самолетах. Армия и КГБ на стороне Хрущева. Разоблачение «антипартийной группы Маленкова-Молотова-Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». Какой позорный конец старой сталинской гвардии! Заключительным аккордом 57-го года стало сенсационное падение министра обороны маршала Жукова. Хрущев решил, как и Сталин, десятком лет раньше, что Жуков – слишком опасный человек, слишком популярный в народе и ма-

лоуправляемый. Его сняли типично советским способом, таким же, как за пять лет до этого сняли Берию, а через семь лет снимут самого Хрущева: воспользовавшись его поездкой за границу и подготовив в его отсутствие заговор, а затем, привезя его прямо с аэродрома на уже срежиссированный пленум ЦК... Словно стая волков, на Жукова набросились, в первую очередь, как водится у нас, его боевые соратники, прославленные советские маршалы, бывшие подчиненные военного времени. Период коллективного руководства закончился. У нас опять один хозяин.

Между тем серьезные изменения происходят в трудовой биографии Мирского. В феврале 1957 года я прощаюсь с журналистской профессией и начинаю академическую карьеру. Мне 30 лет, я – младший научный сотрудник ИМЭМО АН СССР.

Быстро и легко вошел в новый коллектив. Все мне нравится, люди приятные, интеллигентные, основной костяк – примерно мои ровесники, атмосфера дружеская. Директор Института Арзуманян почему-то сразу ко мне расположился, вскоре я уже – старший научный сотрудник, а затем – завсектором. В конце 57-го г. Арзуманян получает приглашение в Англию на 10 дней и берет меня как помощника и переводчика. Я на седьмом небе – и тут осечка: на меня нет решения ЦК.

Меня вербуют в КГБ

Средних лет, весьма приятный на вид мужчина пожимает мне руку, с улыбкой приглашает сесть, представляется: «Павлов, начальник районного отделения КГБ». ...Нет, ни в этот раз, ни потом, ни на кого компромата я не выдал. Постепенно понял всю механику: главное было завести досье, а уж затем информация пойдет, листочки один на другой ложиться будут. Мое досье, как я установил впоследствии, первоначально было заведено на основании доноса кого-то из членов нашей юношеской компании в середине сороковых годов, когда мы собирались у Севы Рацена. Затем – неосторожные высказывания в Институте Востоковедения. Расспрашивали обо мне и моего отчима Глеба Сахарова, инженера, который в 47-м году вышел из заключения, отбыв десятилетний срок по 58-й статье («враг народа»), и женился на моей матери.

После двух-трех неудачных попыток что-нибудь из меня выудить КГБ оставил меня в покое. Но вот спустя год меня не пускают в Англию. А затем в Египет. А затем в Индию. И так далее – на протяжении т р и д ц а т и л е т. Поразительная система: идут годы, я становлюсь доктором наук, профессором, заведующим крупным отделом в Институте, уже написал ряд книг по проблемам Третьего Мира, но в этот самый Третий Мир – не говоря уже об Америке или Англии – меня не пускают.

Директор Арзуманян, а затем сменивший его на этом посту Иноземцев ходили по этому поводу к большому кагебешному начальству, но – безрезультатно. Ответ был такой: «В общем-то, дело не стоит выеденного яйца, одни разговоры. Но их много». А «разговоров», действительно, было немало: «язык мой – враг мой». Особенно досаждали кагебешникам мои тосты на банкетах по поводу защит диссертаций, где я неизменно бывал тамадой. Однажды, войдя в зал и окинув взглядом собравшихся, я сказал: «Итак, сорок человек, не считая стукачей».

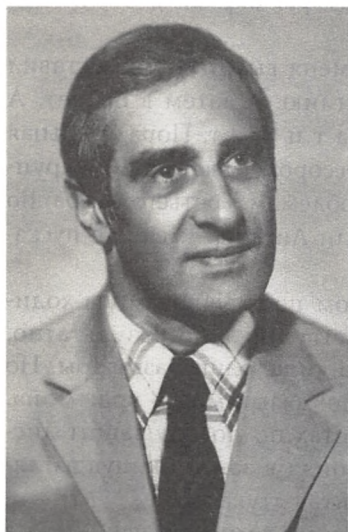
Как-то во время прогулки по Будапешту Примаков сказал мне: «У нас выезд в капстраны – это привилегия, ты же знаешь, и она дается только лояльным людям». Он также посоветовал мне приглядеться к моим друзьям: «Кто-то из близких к тебе людей стучит на тебя». Я ответил: «Женя, я не буду гадать, не буду даже об этом думать, иначе, как я смогу жить?»

Мне повезло: я имел дело почти исключительно с Международным отделом ЦК, а там состав работников был вполне приличный, особенно группа консультантов под руководством Карена Брутенца. Они, а также группа консультантов из отдела социалистических стран под руководством Георгия Арбатова – это была поистине интеллектуальная элита. В основном это были мои коллеги и ровесники, кандидаты наук, выходцы из ИМЭМО, Института США и Канады, Института Востоковедения и т.д. Наиболее сильное впечатление производил Брутенц, наделенный сильным и независимым умом и характером. Почему талантливые гуманитарии шли работать в ЦК? Для большинства решающими были два фактора. Во-первых, материальные и престижные соображения. Во-вторых, рассуждения типа: конечно, система дерьмовая, изменить ее невозможно, единственный шанс что-то улучшить появится, когда на руководящих должностях будет побольше умных, образованных и порядочных людей, иначе эти должности заполнят болваны и подонки. Конечно, система перемалывала и этих, но что-то от их взглядов незаметно просачивалось на самую верхушку. Например, я уверен, что, допустим, без Анатолия Черняева Горбачев вряд ли пропитался бы такими взглядами, которые позволили ему решиться на радикальные преобразования в сфере идеологии, приведшие к торжеству гласности.

Работа в ЦК «по заданию» считалась наиболее ответственной и почетной в таком «придворном» институте, как наш. В основном она состояла в том, чтобы как можно убедительнее обосновать те основополагающие установки, которые нам в тезисном виде «спускали» большие начальники. Масса времени уходила на «расщепление волоса», на разработку таких дефиниций, как революционная демократия, национальная демократия и т.п.

В центре исследований моего сектора в ИМЭМО находилась проблематика некапиталистического пути развития стран Третьего Мира, или, как это стали называть позже, социалистической ориентации. В моем секторе работало немало способных молодых ученых, которые в иных условиях могли бы изучать то, что действительно было крайне важно для понимания реалий развивающихся стран: культурно-цивилизационные особенности их народов, их традиции и религию, менталитет и политическую культуру, клановую и патронажно-клиентельную структуру обществ Востока, специфику их приобщения к научно-техническому прогрессу и восприятия ими императива модернизации и т.д. Надо сказать, что иногда попытки такого рода делались: я должен упомянуть, например, интересную коллективную монографию, опубликованную сотрудниками Института Востоковедения под руководством одного из самых мыслящих и талантливых ученых в нашей области, Нодари Симония (*сейчас директор ИМЭМО*). Еще до этого он в своей индивидуальной работе затронул, причем в оригинальной, новаторской трактовке, общие проблемы революций, что было монопольной «вотчиной» Института марксизма-ленинизма, работники которого пришли в ярость и устроили беспрецедентную травлю автора. Но Симония выдержал бурю и продолжал плодотворно работать.

Мне в известном смысле повезло: я нашел собственную нишу – стал изучать вопрос о политической роли армии в развивающихся странах. Эту проблему под-

сказывали бесчисленные перевороты и военные режимы в Африке, Азии и Латинской Америке. Я защитил докторскую диссертацию и написал три книги на эту тему, причем не обошлось без трудностей: моя первая книга несколько месяцев лежала без движения в Главлите – организации, осуществлявшей цензуру всех печатных изданий. Заведующий издательством, покойный Олег Дрейер, мой друг, пробился в Главлит и женщина-цензор показала ему целые страницы моей книги, испещренные красным карандашом без всяких замечаний. Меня выручило «телефонное право»: достаточно было звонка Брутенца и книга получила «добро». Так и осталось неясным, что именно вызвало негодование цензуры; возможно, сработало классовое чутье: не случайно книга потом получила высокую оценку американских специалистов. *(Аналогичной была судьба многих неординарных исследований в сфере общественных наук. Книга Меламида (тоже сотрудник нашего Института) «Преступник №1» (о Гитлере) пролежала в Главлите несколько десятилетий с «диагнозом» «Неконтролируемый подтекст».)*

Падение Хрущева

Сейчас уже почти все известно о том, как был организован заговор против Хрущева, как его вероломно выманили в Москву на пленум – поступив с ним точно так же, как он сам обошелся в свое время с Берией и Жуковым. Незадолго до этого Хрущев постановил ограничить срок пребывания на должности региональных партийных секретарей, бросив при этом реплику: «Многим уже давно пора, как говорится, с ярмарки ехать, а они все сидят на своих постах». Так вот, именно этим, думается, Хрущев и подписал себе смертный приговор. На вкус «бояр» он оказался чересчур своенравным и непредсказуемым. При нем они не получили устойчивости, определенности своих личных перспектив, что и стало главной причиной той озлобленности, с которой они огрызнулись на него и, улюлюкая, изгнали из Кремля.

Вообще деятельность Хрущева, в соответствии с двумя цветами памятника на его могиле работы Эрнеста Неизвестного, может быть окрашена и белым и черным. Однако подчеркну, что заслуги Хрущева, конечно, неоспоримы. Он изменил всю историю страны, вбил первый и главный гвоздь в гроб советской власти. Только он, с его смелостью и решительностью, мог произнести на XX съезде доклад, разоблачающий Сталина, а еще через пять лет – вынести Сталина из мавзолея. Антисталинист, он при этом оставался искренним и убежденным сторонником социализма; этот хрущевский «социализм без сталинизма» не был еще «социализмом с человеческим лицом» или горбачевским вариантом советской власти с плюрализмом, но это все же была предпоследняя (перед Горбачевым) попытка сочетать монопольное господство авторитарной партократии с некими гуманными началами. В то, что такое сочетание возможно, Хрущев верил так же, как в принципиальное превосходство социализма над капитализмом. Когда он умер, некролог во французской «Монд» был озаглавлен «Смерть последнего оптимиста». Да, именно он отверг фатальную неизбежность мировой войны и ничтоже сумняшеся приказал вписать в новую программу партии бессмертную фразу: «Партия торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Он умер в полном забвении. Перед закрытыми воротами кладбища толпились люди, в основном иностранные корреспонденты, глядя на дощечку с надписью: «санитарный день». Гроб ввезли через задние ворота, и никто из официальных лиц, включая его собственных выдвиженцев, равно как никто из реабилитированных

им людей, не удосужился придти, чтобы отдать последние почести человеку, чья кончина была упомянута в лаконичном сообщении московской газеты как «смерть пенсионера союзного значения».

Исторически Хрущев был обречен – это диктовалось всей логикой развития советской власти, логикой, востребовавшей такого человека, как Брежнев, при котором система окончательно отлилась в адекватную ей послесталинскую форму. «Бояре» вздохнули, наконец, свободно. Отныне они могли править и владеть в своих вотчинах, не опасаясь непредсказуемого и взбалмошного правителя.

Андропов раскрывает подпольную организацию

В апреле 1982 года КГБ арестовал двух младших научных сотрудников нашего института, Фадина и Кудюкина, сообщив руководству института, что эти молодые люди создали какую-то антисоветскую организацию и издавали подпольный журнал. Их посадили в Лефортовскую тюрьму. Андрей Фадин был сотрудником моего отдела, способным и многообещающим специалистом по Латинской Америке. После этого ареста начался самый большой скандал в истории нашего института. Фактически дело не стоило ломаного гроша: несколько молодых сотрудников академических институтов выпускали подпольный журнал «еврокоммунистического» направления. Никакой угрозы для советской власти в этом не было, кому вообще в нашей стране был интересен еврокоммунизм, это распространившееся в некоторых компартиях Западной Европы течение, критиковавшее наше вторжение в Чехословакию и другие аспекты политики советского руководства? Почему же был устроен такой скандал?

Иноземцев, академик и член ЦК, входивший в брежневский «мозговой центр», понял, что против него лично организована масштабная кампания. Так оно и было: «дело Фадина и Кудюкина» было лишь предлогом, удачно подвернувшимся случаем, а инициатором кампании был секретарь ЦК Зимянин. Не знаю, чем именно насолил ему Иноземцев. Впоследствии я слышал и другую версию: дескать, на переговорах в Грузии с какой-то итальянской делегацией наш посол в Италии не только поддержал поднятый грузинскими товарищами тост за Сталина, но и одобрительно отозвался о Берии. Переводчица, сотрудница нашего института, сообщила об этом Иноземцеву, а тот – куда-то выше. К несчастью, оказалось, что посол – родной брат одного из руководителей КГБ, который и пожаловался Андропову, ставшему в это время уже секретарем ЦК. Так возникла уже вторая, категоричная линия кампании против Иноземцева. В любом случае Иноземцев понял, что его мечтам о большой политической карьере пришел конец, даже если бы он остался директором института.

Пока развевывалось все это надуманное дело, институт лихорадило несколько месяцев подряд. Сколько нервов было потрепано, сколько собраний и заседаний проведено, сколько обвинений выдвинуто! На заседании комиссии, образованной парткомом для расследования крамольного дела, в частности, говорилось: «Мирский хвастался тем, что у него отдел с человеческим лицом (а это действительно было так), а оказалось, что в этом отделе орудовали антисоветские элементы». Многие проявили себя с худшей стороны: вполне вроде бы приличные и порядочные люди, доктора наук, демократы по убеждениям, самые трусливым и подхалимским образом поддерживали на заседании конкурсной комиссии линию дирекции и парткома, добивавшихся изгнания из института Кивы Майдашика, одного из лучших, наиболее талантливых ученых, вина которого была в том,

что он являлся научным руководителем Фадина. Мне потом рассказывали, как кто-то из них, идя домой после этого заседания, сказал другому: «А что же мы нашим женам-то скажем?»

То, что последовало затем, было обычной советской рутинной. Райком партии вынес мне строгий выговор за потерю бдительности и недостатки в политико-воспитательной работе в отделе. А Иноземцев умер от инфаркта на своей даче в августе того же года – *буквально под забором*. Новым директором института стал Александр Николаевич Яковлев, бывший посол в Канаде. А вскоре арестованных ребят выпустили, и дело было прекращено «за отсутствием состава преступления». Фадин стал блестящим журналистом и известным политологом; к прискорбию, он трагически погиб в автокатастрофе несколько лет тому назад.

Но жизнь продолжалась, и в стране грянули перемены. В ноябре 1982 года умер Брежнев. Его место занял Андропов (тогда ходила шутка: «Кто проголосовал за товарища Андропова, опустите руки и отойдите от стенки!»). Уже тяжело больной, он властвовал недолго, и после его смерти весной 1984 года ему наследовал еще более немощный и дряхлый, совершенно ничтожный и бесцветный Черненко, в свою очередь, сошедший в могилу через год. И вот тогда-то началась новая эпоха. В Кремле появился Горбачев.

Гласность погубила советскую власть

Был ли конец советской власти неизбежным? – этот вопрос задается бесконечно и у нас, и за рубежом. Я полагаю, что в принципе, «по большому счету», система была обречена, ее эрозия происходила непрерывно в период брежневского «застоя», но она держалась на страшной силе инерции и рухнула лишь тогда, когда Горбачев своей «перестройкой» нарушил эту инерцию. Французский историк де Токвиль еще в позапрошлом веке вывел такую формулу: «Наиболее опасный момент для плохого правительства наступает тогда, когда оно пытается исправиться». Великие и мудрые слова! Брежнев, при всем его интеллектуальном уровне армейского политработника, инстинктивно чувствовал, что в этой системе нельзя трогать ни единого камешка, иначе все посыплется. У Горбачева этой интуиции уже не было.

По определению лондонского еженедельника «Экономист», Горбачев войдет в историю как человек, который уничтожил все, что он пытался спасти – свою партию, свой режим и свою империю.

Личную ответственность Горбачева за гибель советской власти отрицать невозможно. Никто, кроме него, из «кремлевской плеяды» 80-х годов не мог бы стать инициатором перестройки; достаточно вспомнить Громыко, Гришина, Романова и прочих. В американском журнале «Нэйшенэл интерест» в 1993 году даже была статья под названием «Почки Андропова», автор которой утверждал, что если бы у Андропова здоровье было лучше, не было бы всей той цепи событий, которая привела к распаду СССР. И гибельной для режима оказалась не столько перестройка сама по себе, сколько г л а с н о с т ь, дезориентировавшая, разоружившая и приведшая в замешательство руководящий политический класс, правящую элиту.

Как эта элита могла допустить такой поворот событий? Сошла с ума? Бросилась, подобно киту, сама умирать на берег? Или, наоборот, совершила грандиоз-

ный, беспрецедентный исторический маневр, решившись избавиться от марксистского балласта? Да, эти люди новой формации (хотя и не молодые по возрасту, как, например, Черняев, Яковлев, Бовин, Заславская и др.) видели в демократизации, а соответственно и в десталинизации путь к обновлению системы. Ни они, ни Горбачев еще не понимали, что десталинизация неминуемо приведет и к делегитимизации, к делегитимизации всей системы власти КПСС; что, разрешив людям читать «Дети Арбата» или смотреть фильм «Покаяние», они вколачивают гвозди в гроб режима.

Ясно, что ни Горбачев с Яковлевым, ни Ельцин, ни тем более внезапно вброшенные ходом истории в центр событий Сахаров, Попов, Собчак, Афанасьев и другие не могли бы сами по себе подорвать доверие народа к режиму, если бы, во-первых, само общество уже не созрело для этого, и во-вторых, если бы не было мощной и все возраставшей поддержки курса демократических реформ со стороны значительной (и наиболее активной, политически динамичной) части идеологической элиты. Достаточно почитать газеты того периода, чтобы увидеть, как с каждым днем подвергались разоблачению все новые и новые ошибки и преступления власти, причем всех периодов, начиная уже с Ленина. Откуда же взялись эти десятки и сотни авторов и редакторов, стараниями которых разрушался, превращаясь в грязную и кровавую пыль, величественный, гранитно-непоколебимый образ социализма? Они не с неба свалились, а сошли со скамей советских университетов. Изменилось, неизменно изменилось со времен Сталина общество – изменилась, раскололась и его идеологическая элита.

Как только восторжествовала гласность, семена, посеянные еще в предыдущие десятилетия, дали всходы. Подспудно назревавшая десоветизация общества (или его десоциализация, обуржуазивание), готовность интеллигенции и молодежи воспринять идеи свободы и демократии – все это вылилось в настоящий взрыв антисистемных настроений, как только было позволено критиковать советскую власть. Многие с облегчением увидели, что, наконец, настало время, о котором нельзя было и мечтать: можно открыто говорить все, что думаешь – впервые в жизни.

Реформаторское движение вышло на улицу; я никогда не забуду этих грандиозных демонстраций в Москве, не забуду, как я шел по Садовому кольцу, по Калининскому проспекту в сотысячных колонах, среди массы охваченных невиданным ранее энтузиазмом людей с плакатами – сначала просто забавными, вроде «Партия, дай порулить!», а затем уже такими, как «Долой Лигачева!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует мирная февральская революция!» Ни до, ни после этого я не испытывал такого подъема, пьянящего чувства свободы. Глядя на просветлевшие лица людей, объединенных новой для всех атмосферой солидарности, братства и надежды, я думал: «Мог ли я когда-нибудь представить себе нечто подобное? Я дожил, дожил до таких счастливых дней! Бастилия рушится на моих глазах!» Как же это все сейчас далеко! Все ушло безвозвратно; краткий, невероятно краткий миг, промелькнувший и навсегда погасший огонек...

Инициированная Горбачевым перестройка обогнала и перехлестнула его.

Для «твердолобых» же сторонников социализма все случившееся оказалось катастрофой, но им некого винить, кроме самих себя. Если уж даже у руководителей министерств внутренних дел, госбезопасности и обороны не нашлось решительности, беспощадности, большевистской свирепости для расправы с врагами системы – значит, сама эта система была воистину обречена.

А пока происходили эти исторические события, радикальные перемены случились и в моей личной судьбе.

Лубянка дает добро

Помощник директора института по безопасности Ким Иванович широко улыбается: «Георгий Ильич, у меня для вас хорошие новости; ваши выездные дела вроде бы меняются к лучшему. Разговор происходит в октябре 1988 года. А в ноябре я уже лечу в Аргентину. Я еще не верю, и только когда самолет взлетает в воздух, облегченно вздыхаю: наконец-то! После тридцати лет! Историческая справедливость, как у нас принято говорить, восторжествовала. Сколько раз я видел во сне, что я в Париже, в Лондоне – и, просыпаясь, осознавал реальность: нет, никогда мне там не бывать. И вот – свершилось! Я выступаю на конференции в Буэнос-Айресе, еду в Мар дель Плата и плаваю в Атлантическом океане. Овладев с грехом пополам, на одном энтузиазме, разговорным испанским языком, даже делаю доклад, мешая испанские слова с английскими, на собрании актива компартии аргентинской столицы. Тема – «Сталин и сталинизм». После доклада ко мне подходит старый человек: «Я член компартии с 1940 года, когда умер Сталин, я плакал три ночи подряд. Конечно, с тех пор я узнал правду о Сталине, а сейчас, после вашего выступления, окончательно понял, какой это был «ихо де пута» (сын шлюхи).

А через два месяца я уже в Лондоне. Выхожу на Пикадилли серкус – чуть ли не слезы на глазах. Прощаясь перед отлетом после окончания конференции, говорю английским коллегам: «Да, Лондон – это действительно столица мира». Они улыбаются: «Подождите, вы еще не были в Париже и Риме». Потом – Вена, и вот в августе 89-го – Париж. «Сбылись мечты идиота», – бормочу слова Остапа Бендера. Вот после этого уже не так обидно умереть...

В сентябре того же года – Америка. Сначала Нью-Йорк; первое впечатление – подавленность: слишком много всего – людей, автомобилей, небоскребов, фантастический динамизм. Потом Нью-Йорк станет одним из трех моих любимых заграничных городов, наряду с Парижем и Лондоном. Вашингтон: прямо из аэропорта нашу делегацию везут на виллу какого-то нефтяного магната. Уже к середине ужина выясняется, что она расположена в штате Мэриленд. Откуда-то из уголка мозга вылезает боевая песня армии кужан во время гражданской войны, я встаю и к изумлению американцев пою: «The despot's heel is on thy shore, Maryland, my Maryland...» Кто-то из присутствующих приглашает меня выступить в Совете по иностранным делам, я делаю там доклад по своей специальности – «Советский Союз и Ближний Восток». Ко мне подходит человек, представляется: «Сэм Льюис, президент Американского института мира. Можете сделать такой же доклад в нашем институте?» Конечно, соглашаюсь, подаю заявку на грант, указываю тему – «Новый мировой порядок». Меня принимают, и с сентября я начинаю работать в Вашингтоне в Институте мира.

Я – русский профессор в Америке

В середине моего пребывания в Институте мира Советский Союз распался, и я скорректировал тему своей работы: теперь это «Распад Советского Союза и перспективы нового мирового порядка». Я уже побывал в Италии на конференции по урегулированию международных конфликтов. Посетил я также Израиль и Египет, причем начало моей поездки в Израиль было просто каким-то сказочным: в аэропорту Лод я разминулся с встречавшими меня людьми из университета, по приглашению которого я прибыл. Я взял такси и приехал в Иерусалим; было совсем темно, часа четыре утра, таксист довез меня до ворот Еврейского университета на горе Скопус, я расплатился и сел на пригорок возле закрытых ворот. И вот начина-

ет рассветать, и медленно, медленно передо мной там, внизу постепенно проступают контуры великого и вечного города, я вижу Храмовую Гору, купола двух знаменитых мечетей... Если бывают моменты, когда на самом деле уместно применить такие тривиальные выражения, как «дух захватывает», «слезы подступают к горлу», то таких я помню в жизни только три: когда я вышел по Невскому проспекту к Неве, когда вышел на берег Сены и увидел Собор Парижской Богоматери, и когда я смотрел на рассвете на возникавшие передо мной очертания Иерусалима. Мне посчастливилось за последние десять лет увидеть много красот – Венецию, Флоренцию, Ватикан и Колизей, египетские пирамиды, Гавайские острова, фантастические национальные парки в штате Юта, Тадж Махал в Индии, развалины Петры в Иордании, мечети Стамбула, афинский Акрополь, побережье Ирландии, небоскребы Гонконга, Ниццу и Монте Карло, пляжи Калифорнии и Флориды, такие чудесные города, как Сан-Франциско и Сан-Диего, и многое другое. Но ничего похожего на то, что я испытал тогда на рассвете в Иерусалиме, после этого уже не было.

Институт мира в Вашингтоне был первым местом моей работы в Соединенных Штатах и первым настоящим знакомством с Америкой, ее жизнью и обществом. Там, в Штатах, открылся второй профиль моей деятельности: я переориентировался на советско-российскую проблематику. Уже в моей работе о новом мировом порядке я много внимания уделил перспективам Средней, или, как ее стали называть, Центральной Азии после образования там независимых государств. По этой теме я, российский ученый, выступал в конгрессе Соединенных Штатов как эксперт по Центральной Азии! По окончании работы в Институте мира я отправился в Казахстан, Узбекистан, на Украину и на Северный Кавказ. Результатом этих поездок стала написанная мною на английском языке книга «На развалинах империи», изданная в Соединенных Штатах в 1997 году.

Первую свою регулярную преподавательскую работу на целый семестр я получил в США в 1993 году. Меня пригласил Америкапский университет в Вашингтоне прочесть в течение осеннего семестра три курса: «Постсоветская Россия», «Россия и СНГ», «Россия и Европа». Надо сказать, что я с некоторым трудом приспособился к американским порядкам. Помню, прочитав курсовую работу одной студентки, я в ходе очередной лекции указал ей на ошибки и увидел изумленные взгляды студентов; оказывается, замечания можно делать только тет-а-тет, точно так же, как об отметках, которые преподаватель ставит, должен знать только сам студент и деканат, но ни в коем случае не другие студенты. Это результат осуществления на практике концепции прав личности: ни за что нельзя ставить человека в неудобное положение, тем более в присутствии других людей, ущемлять его достоинство и причинять ему моральный ущерб. Это только часть обширного негласного кодекса уважения личности, включающего в себя и «политическую корректность». Можно попасть впросак на каждом шагу. Необходимо помнить об абсолютной невозможности употребления – по крайней мере, в официальном общении – таких слов, как «слепой» или «низкорослый» (надо говорить «человек с другим видением» и «человек, столкнувшийся с вызовом в отношении вертикальности»; по-английски, впрочем, это звучит коротко – «other-visioned», «vertically challenged»).

После одного моего выступления, в котором я сказал, что менталитет русского народа неверно было бы считать ориентальным, были возражения по поводу употребления самого слова «ориентальный»: в этом усмотрели расистский подход – дескать, нельзя делить людей на «восточных» и «западных». Многие полагают, что нельзя употреблять термин «Ближний Восток», так как это означает, что на данный регион смотрят из Европы, ведь только по отношению к ней он может считаться ближним, следовательно, это – «европоцентризм», западное высокомерие.

Вместе с тем в университетских справочниках всегда четко указывается, сколько в данном университете или колледже студентов мужского и женского пола и каков процент представителей расовых групп (их по принятой в США классификации пять: кавказцы, к которым относятся все «арийцы» и вообще более или менее «белые», включая русских и французов, евреев и арабов, ирландцев и греков и т.д.; азиаты (жители Южной и Восточной Азии); afroамериканцы, т.е. черные; испаноязычные, называемые «хиспаникс» или «латинос»; наконец, «нэйтивз», коренные, т.е. индейцы). На первый взгляд, это некорректно – указывать расовые и половые отличия, но на самом деле это – оборотная сторона борьбы против дискриминации и ущемления прав меньшинств.

Это тесно связано с проводящейся в последние годы в Соединенных Штатах политикой, называемой «affirmative action», суть которой в искоренении дискриминации меньшинств, равно как и инвалидов, при приеме на работу или учебу. Недавно одноногая женщина подала в суд на владельцев дансинга, отказавшихся принять ее на работу в качестве танцора. Сын одного моего знакомого, объясняя отцу, почему после окончания колледжа он не смог поступить на работу, которой добивался, сказал: «Вот если бы я был незамужней негритянкой, да еще больной спидом, меня бы точно приняли». Ни одно учреждение не может позволить себе быть обвиненным в том, что в его штате недостаточно черных или испаноязычных.

Но боюсь, что за анекдотическими случаями можно проглядеть главное: в Америке, как, вероятно, нигде в мире, проявляется забота о том, чтобы не ущемить права и интересы л и ч н о с т и, даже если это иногда идет во вред интересам общества. Особенно это касается заботы о личности обездоленной, ущемленной, «обиженной Богом», и вполне естественно, что такая забота распространяется и на обездоленные, стоящие ниже других на социальной лестнице г р у п п ы о б щ е с т в а. Отсюда – и «политическая корректность», смысл которой в том, чтобы личность или группа, которые изначально лишены привилегий, поставлены уже при старте в неравные условия в силу природных или исторических причин, не ощущали себя обиженными, презируемыми, третьесортными. В Америке бесконечно много спорят по этому поводу: одни считают, что это прямая дорога к деградации общества, другие полагают, что это неизбежные издержки гуманной в основе своей политики. От решения этой дилеммы далеки еще все страны, не исключая, разумеется, и Соединенные Штаты. Там вообще намешано все: я иногда думаю, что в Америке вообще сконцентрировано все лучшее и все худшее, что есть в мире, в обществе, в человеческой природе.

В целом я люблю Америку и американцев. Это признание вряд ли выглядит в сегодняшней России «политически корректным», но это так. Отчасти, может быть, это идет еще с детства: для меня, как и для многих московских мальчишек того поколения, первыми иностранными словами, наверное, были «форд», «линкольн», «паккард», а Америка воплощала все передовое, технически развитое, динамичное. Потом – тот факт, что американцы спасли меня от голода в 42 году. Но главное – то, что я прожил в Америке фактически несколько лет (за последние десять лет я побывал там двадцать раз, из них семь раз подолгу) и, как мне кажется, неплохо узнал эту страну. Я побывал в двадцати четырех штатах, выступал с лекциями в двадцати трех университетах, в том числе вел регулярные курсы в Принстоне, Нью-Йоркском университете, Американском университете, университете Хофстра. Много в Америке мне не нравится, но минусы, безусловно, перекрываются плюсами.

Интересно, что американцы не считают русских совершенно чуждыми, непонятными людьми в человеческом плане, хотя почти все американские деловые люди говорят, что вести бизнес в России – сущее мучение. Тем не менее, доброжелательное отношение к русским сохраняется. Масса бывших советских евреев, пе-

реселившихся в Америку, при весьма критическом отношении к нынешней российской власти все же способствует распространению знаний о России и укреплению доброжелательного отношения к нашей стране.

Мне было легко войти в американское общество, гораздо проще, чем в европейское. В Америке нация молодая и разноплеменная, люди продолжают прибывать отовсюду, стопроцентные во всех отношениях американцы говорят с акцентом, в том числе всемирно известные люди, такие, как Киссинджер или Сорос. Для нормального человеческого общения здесь главное условие – отказ от предвзятости, способность и желание понять душу нации. Как раз этого, по моим наблюдениям, и не хватает большинству наших соотечественников, живущих в Америке. Сколько раз мне приходилось наблюдать многих наших известных политиков и ученых, которые, с одной стороны, готовы ездить в Америку каждый год по нескольку раз и мчатся туда по первому приглашению, рады-радешеньки отдать своих детей на учебу в американские колледжи, а с другой стороны, считают хорошим тоном всячески «поливать» эту страну и публично, и в частной беседе. Но это уже связано не только с особенностями русского менталитета, но и с характером тех изменений, которые произошли в России после крушения советской власти.

Русский национализм и российский патриотизм

Два великих события двадцатого века в России – крах самодержавия и распад Советского Союза – положили конец всем искусственным, суррогатным «сверхнациональным» имперским конструкциям в сфере общественного самосознания. Ушли в прошлое такие понятия, как «подданные империи» и «новая историческая общность – советский народ». Из-под обломков этих конструкций показалось подлинное лицо этносов и наций. Все встало на свои места. Непременный строитель нации – образованный авангард, исповедующий идеологию национализма, – получил возможность заговорить в полный голос. Моментально переокрасившаяся в национальные цвета советская партократия воцарилась в новых республиках СНГ. Национализм занял доминирующие позиции в общественном сознании – но не везде, а в первую очередь в «нерусских» республиках. Русский национализм выглядит запоздавшим и более слабым по сравнению с тем, что расцвело в бывших периферийных регионах.

Это закономерно: ведь в принципе национализм, базирующийся, как и этническое самосознание, на дихотомии «мы – они», процветает на почве ненависти к историческому врагу, извечному угнетателю, оккупанту. Русских же с незапамятных времен никто не завоевывал, они сами были господствующим элементом в империи, им не на кого обижаться и не на кого сваливать свои грехи. Крах сверхдержавы – дело рук самих русских, сколько бы ни кричали «патриоты» о заговоре ЦРУ или о происках масонов и сионистов. В упомянутой дихотомии у русских присутствует лишь достаточно явно выраженное «мы», а вот «они» – понятие неясное и неубедительное. И как раз для того, чтобы создать вторую часть этой дихотомии – образ извечного врага, грозящего России, ее духу, ее ценностям – и тем самым резко усилить первую ее часть – для этого нашим неославянофилам, квазипатриотам и пригодилась та самая застарелая, подспудно всегда сидевшая где-то глубоко в сознании русского человека враждебность к Западу, питаемая на сей раз травмой, которую нанес русским людям крах сверхдержавы, упадок влияния и престижа России в мире.

После отделения от России бывших союзных республик русские впервые ощутили по-настоящему свою этническую самобытность. Результат – появление рус-

ского этнического национализма, крайние выражения которого можно видеть в идеологии «национал-патриотов», замешанной на шовинизме, ксенофобии и антисемитизме. Главным противником России объявляется Запад, наряду, конечно, с прочими врагами – евреями, кавказцами, мусульманами.

На базе русского этноцентризма формируется широкий спектр националистического, а точнее – шовинистического течения. В него нередко входят (или прилегают к нему идейно, сочувствуют в различной степени) люди, стоящие в стороне от партийной жизни, но занимающие влиятельные позиции в чиновничьем аппарате, армии и силовых структурах, в сферах культуры и искусства, в средствах массовой информации. Это течение поддерживают – в тех или иных его аспектах – и довольно широкие круги населения, причем не только полунищие провинциальные массы, но и часть образованной столичной молодежи. В этом опасность. Направленный своим острием против Запада, этот новый (хотя имеющий древние корни) национализм не только поднимает национальное знамя, но и пытается аккумулировать социальный протест, сплотить под своим крылом как тех – очень и очень многих, – которые испытывают боль и унижение вследствие крушения великой державы, так и тех – а их еще больше, – кто не желает примириться с обнищанием и криминализацией общества, с упадком нравов и утратой духовных ценностей. Новый национализм спекулирует на вполне обоснованном и справедливом возмущении масс царящим в стране беспределом, бездарностью и коррумпированностью властей всех уровней, безнравственностью и безнаказанностью нынешних «хозяев жизни». Во всем этом обвиняется демократия, а она идет с Запада, вот все логически и сходится. Западные ценности, в том числе демократия, неприменимы к нашей стране и неприемлемы, противоречат русскому национальному духу – таков прямо высказываемый главный тезис сторонников «особого пути» России, приверженцев пресловутой «русской идеи». Как же все это знакомо! Сколько же говорено об этом на Руси во все времена! Вновь и вновь бьют копытами неугомонные кони, опять мечты о величии, державности, поиски сверхнациональной мировой идеи, проповедь вселенской миссии России. Мы – не как все, мы – особые.

Вдумаемся: в чем величие России, чем мы можем гордиться?

Я полагаю, что Россия обогатила человечество своей культурой, литературой, искусством и наукой. Этого никто не отнимет, даже если мы откажемся от того, чтобы будоражить мир глобальными державными идеями. Гений России вечен.

Те, кому этого мало, испытывают ностальгию по прошлым векам, когда российская армия маршировала по Европе. Приятно вспомнить: «От Урала до Дуная, до большой реки, колыхаясь и сверкая, движутся полки...» Да только что эта великодержавность дала народу?

Иногда кажется, что апологеты «особого пути России» просто-напросто уверены, что в нормальной жизни, в которой люди добросовестно работают, производят и потребляют, Россия все равно не догонит Запад. Так вот вам, в виде компенсации этого явного комплекса неполноценности, старая песня: мы не такие, как все, у нас особая роль и особая миссия, умом Россию не понять, у нас духовность и соборность, а не мещанские материальные заботы, нам надо возродить величие. А кто мешает возродить это утраченное величие? Конечно, Запад со своей демократией, растлевающей и подрывающей дух русского народа. И под этим лозунгом группируются все, кому ненавистны такие ценности, как свобода, права человека, плюрализм, идея гражданского общества.

А как быть с нерусскими народами федерации? В отношении большинства из них можно сказать, что между ними и русскими нет серьезных различий в сфере культуры, менталитета, духовных и бытовых интересов и предпочтений. Вообще

менталитет «постсоветского человека», унаследовавший многие черты Homo Sovieticus, очень близок или сходен во всех регионах бывшего Союза, особенно у молодежи. В силу этих причин, а также в силу исторических факторов, попытки утвердить русское национальное самосознание на антимусульманской основе не сулят квазипатриотам особых успехов.

Русская нация не сформировалась ни при самодержавии, ни при советской власти: в дооктябрьскую эпоху не было духовно-культурного единства (вспомним герценовские «две России»), а в советские времена такого рода единство возникло, но оно было растворено в широкой и аморфной общности («советский народ»). Теперь эта нация может сформироваться либо как русская (этническая), либо как российская (гражданская). В рамках гражданской нации татары, чуваша, коми или осетины вполне могут не ощущать своей «инаковости», а напротив, сознавать общность судьбы с русским этносом, ту именно общность, без которой невозможно становление нации. Но базой для такого развития может быть только гражданское общество, немислимое, в свою очередь, без укоренения демократических начал. Авторитаризм в условиях России почти неизбежно ведет к этнократии с пагубными последствиями, как для русских, так и для прочих народов нашей общей земли – Российской Федерации.

И здесь мы подходим к еще одной захватывающей теме – русский менталитет.

Все та же Россия?

Несколько лет тому назад, уже в постсоветскую эпоху, находясь в Казани, я зашел в гостиничный буфет, взял стакан чая. Шумно, накурено – я решил пойти со стаканом к себе в номер. Двинулся к выходу – и тут же ко мне рванулась буфетчица с воплем: «Куда потащил?» Вот такого – я абсолютно уверен – не могло бы произойти ни в одной стране мира, даже самой отсталой и нецивилизованной, где-нибудь в Африке.

Да что там говорить: помню, сижу я в своем «Москвиче» у Черемушкинского рынка, подходит молодой парень: «Тормозные колодки нужны?» Пока я соображаю, нужны или нет, он, неправильно поняв мои колебания, говорит: «Да не бойся, совсем новые, только что прямо с завода». Все правильно. «Тащи с завода каждый гвоздь, ведь ты хозяин, а не гость».

Этика советской системы; но беда в том, что она привилась на уже подготовленной почве, как нельзя лучше сочеталась с давними непривлекательными чертами русского человека. Давным-давно читал я старинную книгу «Иностранцы о России»: во времена Ивана Грозного каким-то дьякам было поручено написать отчет о впечатлениях побывавших в России иностранцев. Оказывается, уже 400 лет тому назад они отмечали такие российские черты, как «воровство, пьянство, сварливость и бранчивость». Об этом же можно сколько угодно прочесть почти у всех русских писателей XIX в. И вот на такой традиционный стереотип поведения наложились те отвратительные качества и навыки, которые объективно воспитывала, возвращала, внедряла советская власть. Получилось поистине двойное зло.

А вместе с тем – кто же будет отрицать, что русским действительно присущи такие черты, как доброта, великодушие, отзывчивость, готовность помочь ближнему. Нахамит тебе мужик, обматерит, а потом разговоришься с ним, найдешь какой-то ключик – и он же для тебя что хочешь сделает. А потом опять по пьянке подведет, заложит, обманет, обворует. Надежности, стабильности характера и поведения – никакой. А опять же – гостеприимство: где, в какой стране будут так стараться напоить, накормить, ублажить гостя? Ни с какой Америкой или Францией не сравнить.

Мой коллега по институту Герман Дилигенский (теперь уже покойный), написал работу «Русские архетипы и современность», которую я считаю просто замечательной. Не откажу себе в удовольствии привести несколько обширных выдержек из нее: «Российская ментальность со времен средневековья проделала сложную эволюцию. Один из наиболее устойчивых ее компонентов – ощущение бессилия человека в социальном и политическом пространстве, в особенности перед лицом государства. Психология социального бессилия лежит в основе системы антидотов российской государственно-патерналистской политической культуры. Ключевые понятия этой рефлексии – совесть, правда, «жить по совести»... «История нравов в России вряд ли может подтвердить тезис о некоей особо выдающейся, по сравнению с другими странами, роли моральных ценностей в повседневной социальной и личной жизни... Эта ориентация была сильно развитой на уровне «сверх-я», то есть культурных норм, но слабо влияла на «Я-ядро личности»... Все это, по мнению Дилигенского, порождало «особую психическую напряженность, внутренние метания, характерные для русского человека, и делала его интересным, «сложным», «загадочным» как в глазах иностранцев, так и в его собственных. Особая интенсивность духовной жизни личности – один из источников великой русской художественной литературы и ее вклада в культуру мировую ...Но эта интенсивность духовной жизни личности не продуктивна для социального действия, силы и ресурсы личности расходовались на «внутреннюю» активность в ущерб внешней (практическому совершенствованию условий жизни)».

Цитируя Бердяева, писавшего: «в русском человеке так мало подтянутости, организованности души, закала личности...», – Дилигенский оперирует такими терминами при описании русского менталитета, как «неуверенное, или тревожное сознание», «неустойчивость аттитюдов, легкость смены одних другими», «незавершенная, размытая и противоречивая структура личности». По его словам, «устойчивая неустойчивость» придавала русскому менталитету высокую подвижность, лабильность, и «здесь же, возможно, коренится знаменитая «широта русской натуры», которая обычно противопоставляется самодостаточному и узкому западному сознанию, жестко заземленному на прагматических, закрепленных длительным опытом ценностях».

Автор далее пишет, что «мечта о воле и моральное неприятие несправедливой власти исторически сосуществовали в русском народе с терпением и покорностью... Пассивность сочеталась с высокой ценностью интенсивной индивидуальной творческой деятельности, личной талантливости в русской народной культуре. Не столько практическая отдача творчества, эффективность для социума, сколько умение, мастерство как таковые. Мастер-левша, сумевший подковать блоху – классический образ русского таланта. Богатство духовной жизни и творческий склад русской личности, ее склонность к мечте об иной, лучшей жизни постоянно контрастировали с бедностью и застойностью жизни реальной, с терпением, покорностью и пассивностью, выполнявшими функцию психологической адаптации к ней».

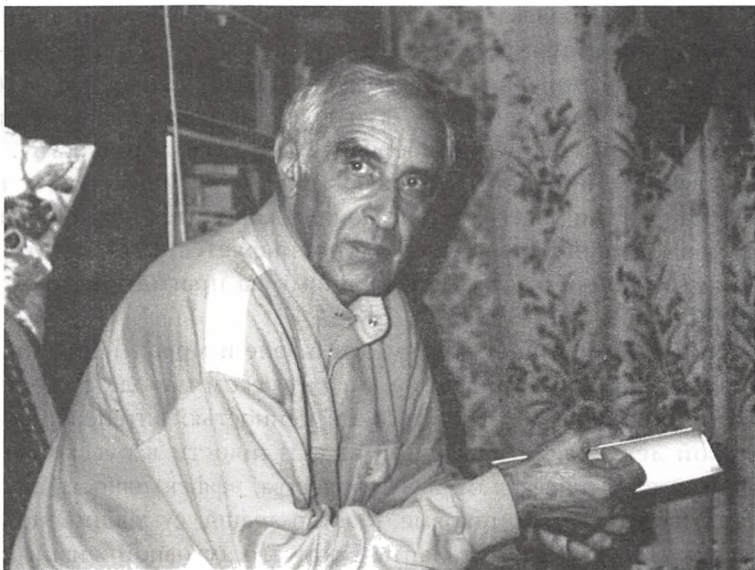
Полемизируя с апологетами уникальной и несравненной русской соборности и общинности, Дилигенский справедливо замечает, что это – идеологический миф. «Общинный коллективизм начал разрушаться еще до революции и был полностью подорван при советской власти». Тоталитаризм использовал общинные традиции для превращения общества в казарму, а «когда иссяк «социалистический энтузиазм», насаждаемые властью формы коллективизма, подкрепляемые страхом перед репрессивным аппаратом режима, психологически стали все больше отторгаться советским человеком, восприниматься им просто как официальные правила игры... Поскольку же тоталитаризм исключал неконтролируемую социальную

активность, социальная группа не могла выполнять функцию защиты своих членов. Наиболее рациональной стратегией индивида становилась индивидуальная адаптация к системе («каждый спасается в одиночку»). О том, чего стоит нормативный советский коллективизм, говорит факт всеобщего воровства на «родных заводах и в колхозах».

«Традиционный коллективизм, – продолжает Дилигенский, – сохранился в советском обществе лишь в виде реликтов – социального конформизма и эгалитаристских представлений о социальной справедливости. А также на уровне межличностных отношений – в повышенной коммуникабельности, преобладании экстравертного типа личности, готовности русского человека «излить душу» даже случайному знакомому. В основном же послесталинский «поздний» социализм – это общество законченных индивидуалистов. Это своеобразный адаптационный индивидуализм, мало похожий на западный; он не ориентирован на свободную жизнедеятельность индивида, сочетается с социальной пассивностью и конформизмом, с низкой способностью к разумному самоограничению во имя групповых интересов». Его вывод заслуживает внимания: «Те социально-психологические феномены, которые мешают сегодняшнему российскому обществу «войти в современную цивилизацию» – это не пресловутая общинность и духовность, а возвращенная тоталитаризмом личная и социальная безответственность, привычка подчиняться не внутреннему «закону», а только внешней репрессивной силе.

Я так обильно цитировал Германа Дилигенского потому, что готов подписать

под каждым его словом. Люди, в том числе и общественные деятели (особенно они) мыслят и действуют, неся на себе целый груз наследия своей истории, географии, менталитета своего народа. «Народ этого не поймет» – эта часто повторяемая формула имеет в себе больше реального содержания, чем принято думать. Российский президент,

допустим, может понимать, что для интересов его страны лучше было бы отдать японцам Курилы, но он также понимает, что этого нельзя делать, поскольку такой шаг был бы воспринят как предательство общественным мнением – ведь тут вступает в силу и так уже ущемленное чувство национального достоинства. Большинство населения в России даже не совсем точно знает, где находятся Курильские острова, и уж совсем незнакомо с историей вопроса, но твердо знает, что нельзя отдавать «нашу» землю. Да еще кому – японцам, тем самым – ведь все с детства знают «Врагу не сдастся наш гордый варяг».

Идти против течения – на это отваживались немногие государственные мужи, только люди такого калибра, как Петр Первый, «вестернизировавший» Русь, Кемаль Ататюрк, сделавший Турцию светским государством, или Де-Голль, давший независимость Алжиру. Но таких – единицы в мировой истории. Действия же нынешних российских правителей неотделимы от исторического, духовного на-

следия нашей страны. Стоит ли удивляться, что и капитализм-то у нас «какой-то жуткий, паршивый». Какой был социализм – такой и капитализм, вот и все.

«Свобода, – сказал чешский президент Гавел, – вылилась во взрыв всего зла человеческого, всего самого худшего, что можно себе представить». Так может быть, правы те, кто говорят: «Все оттого, что свободу дали, а никаких тормозов нет, все позволено»?

Думаю, давно пора отказаться от наивного представления, что народ всегда прав. История дает много примеров того, как легковверные, одураченные массы шли за вождями, которые вели их напрямик к гибели. Стали бы миллионы немцев голосовать за Гитлера, если бы при помощи «машины времени» они смогли увидеть, что будет представлять собой их страна в 1945 году? Миллионы русских шли за большевиками в 1917 году, не подозревая, что их ждет, а миллионы китайцев шли за Мао. Узурпаторы, диктаторы, авантюристы всегда выигрывали общенародные референдумы, начиная с Луи Бонапарта. Партия Жириновского победила на выборах 1993 года – значит, надо было дать ей власть? Вот вам ловушка демократии. Почти неразрешимый вопрос.

В каждом народе имеется какой-то процент людей, тяготеющих к насилию. Но даже те, кто абсолютно лишены подобных склонностей, нередко могут морально деградировать под влиянием дурного примера, в обстановке бесчувственности к чужим страданиям, жестокости, всякого рода разнузданности. Русский юноша, вообще далекий от политики и от разных общественных идей, видит на прилавке «Протоколы сионских мудрецов» или «Майн кампф» Гитлера, или случайно прочитывает газету, в которой доказывается, что все зло – от Запада с его фальшивой демократией, способной погубить Россию, и что главный враг – инородцы, особенно кавказцы, и т.д. Многие брезгливо пожмут плечами, но ведь некоторые заинтересуются и скажут: «Так вот оно что! Теперь понятно...» И ряды нацистов, черносотенцев, шовинистов увеличатся еще на одну единицу, а ведь этого не было бы, если у человека не было возможности ознакомиться с печатными материалами подобного сорта, точно так же, как многих актов насилия, многих преступлений можно было бы избежать, если бы на экранах телевизоров не показывали бы каждый день мордобой и убийства. Вот это и есть обратная сторона свободы слова, свободы информации, свободы для личности выражать себя. Насколько мне известно, никто еще не смог дать удовлетворительного ответа на этот вопрос, возможно, один из важнейших, стоящих сейчас перед человечеством.

И все же, при всех этих сомнениях и оговорках, я безусловно обеими руками готов голосовать за ту свободу слова, печати, передвижения, включая выезд за границу, и все прочее, что мы получили. Главной заслугой Ельцина я считаю то, что он, при всех его недостатках, ни разу не покушался на гражданские свободы, терпеливо сносил критику, избежал соблазна – так естественного для бывшего секретаря обкома – «зажать» средства информации. Вообще, хочу здесь подчеркнуть, что считаю Ельцина одной из 6 ключевых фигур российской политической истории в XX веке: Ленин – социалистическая революция, Сталин – советская власть, Хрущев – первая попытка оздоровить эту власть, Брежнев – откат и стабилизация власти, Горбачев – коренные перемены, парализовавшие эту власть, Ельцин – решающее усилие, необходимое, чтобы эту власть выбросить в мусорную яму истории.

К моему глубокому сожалению, вернувшись в Москву после нескольких лет, в течение которых я делил свое время между Россией и Америкой, я обнаружил, что оказался в меньшинстве среди моих коллег. Получилось так, что темные стороны прошлого забылись, отошли в тень, заслоненные бесспорными пороками существующего режима. Этому способствовало, конечно, и резкое ухудшение матери-

ального положения, уровня жизни российских интеллектуалов, поистине плачевное состояние нашей науки. Немало «деятелей науки и культуры», людей искусства ударились, в типично русской манере, в другую крайность, в сторону простоты неприличного сервизма, подхалимства по отношению к власти. А «золотой середины», конструктивного либерально-консервативного подхода как не было, так и нет. Но удивляться следует другому: как наш народ смог пережить фактически три геноцида на протяжении одного столетия: гражданская война, сталинский террор и Отечественная война – потерять почти весь генетический «золотой фонд» и все же сохранить пусть небольшое, но здоровое, крепкое и талантливое ядро. А такое ядро есть – я это вижу и чувствую. Поэтому я и могу считать себя в каком-то смысле оптимистом: я не верю в распад России, в гражданскую войну, военный переворот или фашистскую диктатуру. Интуиция подсказывает мне, что в обозримом будущем будет, скорее всего, нечто иное – тягучее, ползучее, длительное существование в условиях весьма авторитарного, хотя и не тоталитарного режима.

Я рад, что родился и прожил жизнь в России, и не променял бы эту страну ни на какую другую. У меня была возможность «переместиться» в Америку, но я ею не воспользовался и не сожалею об этом. Помимо того, что Россия – родная страна, здесь я вырос и сформировался, из всей литературы я больше всего люблю русскую, это страна моей культуры – важно еще и другое: здесь интереснее жить, чем где бы то ни было (для меня, по крайней мере). И не только потому, что происходящее у нас, по моему убеждению, более важно, чем то, что делается в остальном мире, может иметь более серьезные последствия, но и потому, что это – свое, близкое, знакомое, прямое продолжение всего того, из чего состояла моя жизнь.

* * *

Мучительное это дело – готовить журнальный вариант хорошей книги. Режу по живому, без наркоза. Все главы сокращены. «За бортом» остались интереснейшие разделы: «Сталинские люди», «Москва тех времен», «Прага 1968», «Сталинисты в Грузии и не только там», «Осада Белого дома», «Штурм парламента», «Ирландцы и британцы, украинцы и казахи», «Россия ельцинская» и др. Читайте книгу, господа!

Елена Биргауз, Иерусалим, июль 2003

ТОРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Юджин КОРН¹

Чудо Хануки – победа этнических ценностей

I

Ханука – широко отмечаемый праздник, значение которого часто понимается не совсем правильно. Этот праздник побуждает задать элементарные вопросы: Рассказывает ли Ханука на самом деле о чуде глиняного кувшинчика с маслом? Можем ли мы сегодня всерьез поверить в такое чудо? Да и в любое чудо вообще?

Короткая история Хануки хорошо известна. В 164 году до н.э. небольшая группа еврейских мятежников, называвшаяся Маккавеями, сумела за счет использованной ею партизанской тактики одолеть могучую армию Селевкидов под руководством царя Антиоха IV и изгнать своих греческих поработителей из Иудеи. В результате этой победы Маккавеи очистили свое общество от языческих святилищ Антиоха и греческих культовых обрядов. В конце концов, на 25 день месяца Кислев 164 года, почти через три года после начала восстания, Маккавеи вновь освятили иерусалимский Храм, что позволило проводить в нем еврейские ритуалы.

Вот таким образом излагают те события исторические источники, но Талмуд² присовокупляет к военной победе некое дополнение: в процессе освящения Храма и подготовки его к внесению и использованию священных объектов евреи обнаружили, что в Храме сохранился только один кувшинчик чистого масла. Частью внутреннего убранства Храма был постоянно горящий канделябр – *менора*. Хотя для приготовления чистого масла требовалась примерно одна

¹ Д-р Юджин КОРН – директор Антидиффамационной лиги по межконфессиональным отношениям, адъюнкт-профессор университета Ситон Холл.

² Вавилонский Талмуд, трактат «Шаббат», 21б.

неделя, у Хасмонеев не было другого выбора, кроме как использовать этот небольшой кувшинчик, которого должно было хватить только на один день. Но каким-то образом масла, находившегося в этом кувшине, хватило на восемь дней, пока не было изготовлено и принесено в Храм свежее масло.

Иосиф Флавий пишет, что праздник Хануки стал известен как «Праздник огней». В течение всех последующих веков евреи праздновали это чудо, зажигая менору в течение восьми дней Хануки. По словам Талмуда, заветом Хануки является «пирсумей ниса» – оповещение всех о чуде. Поэтому существует обычай помещать зажженную менору на виду у всех – в окне или в дверном проеме.

II

Если определить чудо как феномен, отрицающий законы природы, то продолжающееся существование евреев в течение более чем 3500 лет может быть квалифицировано как чудо, так как выживание евреев отрицает законы естественной истории. Из всех библейских и древних народов только евреям и их культуре удалось остаться в живых.

Феномен еврейского выживания не давал покоя великим мыслителям, как евреям, так и неевреям³. Католический теолог XVII века Блез Паскаль говорил:

Еврейский народ – единственный в своем роде по длительности своего существования. В то время, как народы Греции, Рима, а также другие, появившиеся после них, давно уже исчезли, еврейский народ продолжает жить, несмотря на все старания могущественных королей, пытавшихся уничтожить его сотни раз.

В XVIII веке французский аристократ, маркиз де Аржен, как сообщают, обсуждал проблему чуда с прусским королем Фридрихом Великим. Скептически настроенный Фридрих попросил его привести ему один пример настоящего чуда. «Сир, – ответил маркиз, – еврей».

А в XIX веке, в Америке, Марк Твен также был потрясен удивительным феноменом еврейского выживания. В своем эссе «Касательно евреев» он писал:

Евреи замечательно боролись во все века. Египтяне, вавилоняне, персы расцветали, наполняли планету звуком и великолепием, а потом увядали и исчезали вовсе. За ними последовали греки и римляне, наделав много шума – но и они сошли со сцены. Появлялись другие народы, и некоторое время высоко держали свой факел. Но и их огонь погас. Еврей видел их всех, победил их всех, и до сих пор остался тем, кем всегда был. Все на свете смертно, кроме еврея. Другие силы приходят и уходят, а он остается. В чем же секрет его бессмертия?

И, наконец, в 1950-х годах знаменитый британский историк Арнольд Тойнби был глубоко обеспокоен феноменом выживания еврейского народа. Он не мог объяснить этот феномен никаким законом естественной истории. Поэтому он заключил, что евреи были «ископаемыми». Они на самом деле не были живыми – они были в каком-то смысле мертвыми, дряхлыми остатками древнего мира.

Ни один рационально мыслящий человек не может заявить, что еврейскому народу больше не присуща жизненная энергия, что он безжизнен и не проявляет активности в делах человеческих. Евреи пережили древнее язычество, фараонов, вавилонян, греков, римлян, 1500 лет враждебного христианства, царей, нацистов,

³ См. Дэниэл Гордис. «Нуждается ли мир в евреях». Нью-Йорк, Симон и Шустер, 1997.

коммунистов и современный исламский экстремизм. Еврейский народ был костью в горле каждой универсалистской схемы в человеческой истории, которая пыталась ассимилировать его, а затем извести физически, когда не удавалось уничтожить его дух.

Давид Хартман из Иерусалима называет это «скандалом особенности». Евреи являются живым свидетельством того факта, что малое может победить большое, что у каждого народа есть фундаментальное право быть другим и воплощать в жизнь свою уникальную мечту об идеальной жизни. Евреи не только выжили вопреки всем шансам, они расцвели. И они продолжают расцветать в XXI столетии.

III

Но сводится ли чудо Хануки только к физическому выживанию? Выражает ли этот праздник только шовинистическое эго – как бы оно ни было заслужено? В конечном итоге, Ханука не была победой евреев над греками. Евреи сражались также против еврейских эллинистов. *На самом своем глубоком уровне Ханука является победой иудаизма – еврейских ценностей, еврейской этики и еврейского взгляда на мир – над греческой культурой.* Евреи на протяжении веков рисковали своими жизнями не только ради выживания или этнической гордыни, но ради высших ценностей, которые, по их убеждению, были существенны для жизни человека и цивилизации.

Многие мыслители – еврейские и нееврейские – анализировали еврейский образ жизни в сравнении с греческой культурой. Самым известным из них является Мэттью Арнольд со своим эссе «Иудаизм и эллинизм», но хорошо известны в этом плане также философ Лео Штраус⁴, теолог Милтон Штейнберг⁵ и Уинстон Черчилль, который написал, что западная цивилизация, какой мы ее знаем, происходит из синтеза Иерусалима и Афин. В более позднее время Томас Кахилл предложил популярную версию этого тезиса в своей книге «Дар евреям».

Каждый из этих мыслителей понимал также глубокий конфликт между этиками двух культур. Между ними существуют три фундаментальных отличия. Первое относится к различиям в концепциях о соотношениях Бога и человека во Вселенной. Для греческой философии Бог является полностью трансцендентным – стоящим намного выше материального мира. Согласно Платону и Аристотелю, Бог никогда не принимает участие в грязных делишках человеческих существ. Истина и дух доступны только философам и только в редкие моменты созерцания. Будучи совершенным, Бог Аристотеля не озабочен частностями и находится выше каких-либо взаимоотношений с вечно ошибающимися людьми и с их ничтожными жизнями. Бог не создает мир – и вообще «не делает» что-либо. Он восседает на небесах, созерцая великую универсальную истину. И как вывод из этого, театр человеческой истории полностью материалистичен и проходит без вмешательства духа.

По контрасту с этим, еврейская традиция учит, что Бог – чистый дух – создал вселенную. В той же мере важно, что после создания мира Бог не оставил его наедине с самим собой, но стремится принять участие в жизни человеческих существ, в человеческой истории. Классический иудаизм настаивает на том, что духовная реальность взаимодействует с материальным миром. Бог заключает священный

⁴ Лео Штраус, «Иерусалим и Афины», перепечатано в сборнике «Еврейская философия и кризис современности», Олбэни, 1997.

⁵ Милтон Штейнберг, «Иудаизм и Эллинизм» в сборнике Филиппа Гудмена «Антология Хануки», Филадельфия, Еврейское издательское общество, 1992.

завет с людьми и вносит свой вклад в их конкретную жизнь. Для Бога Авраама ни одно человеческое существо не является слишком тривиальным.

У этого тезиса есть важное сопутствующее следствие: в конечном итоге, историю определяют дух и этические ценности, а не политическая, военная или экономическая сила. Могущество не создает правоту – ее создают идеалы. Может быть, именно это глубочайшее послание крохотного еврейского народа одолело могущественных греков?

Это приводит нас ко второму принципиальному отличию в нашем понимании истории и предназначения человека. Для греков вселенная не имела начала и управлялась принципом необходимости, который Аристотель назвал «причиной и следствием». У каждого существования есть физическая причина, и каждая причина необходимо приводит к специфическому результату. Мир – это вечная машина, механика которой не оставляет места свободе или нововведениям – нечто вроде совершенного, самоподдерживающегося компьютера. Но точно так же, как никакой компьютер не может отклониться от того, что диктуют ему его программы, и сделать что-то, ими не предусмотренное, так и никакой аспект природы не сможет продемонстрировать изменение, не predetermined заранее. То, что происходит, всегда является необходимым результатом прошлого, и *то, что произойдет в будущем, должно быть повторением того, что происходило в прошлом*. Для греков любой естественный феномен способен, по определению, повториться.

Поэтому, будучи естественным феноменом, история человечества является циклической, всегда возвращаясь к начальной точке. История движется кругами, а не по прямой. И не существует концепции исторического прогресса, в ходе которого человек способен сделать будущее лучшим, чем было прошлое. *«Нет ничего нового под солнцем»*, – говорит Екклесиаст, выражая взгляд греков на мир. Платон уверяет, что всегда будут войны, несправедливость и неравенство силы. Самое большее, что может сделать человек – понять неизбежные законы истории и жить в согласии с этими истинами. И это – цель философов.

По контрасту с этим, иудаизм с порога отвергает такой стоический или циничский взгляд на историю. Поскольку еврейская традиция учит, что у мира было начало, у истории будет и конец. Поскольку природа была создана Богом, Бог не находится у нее в подчинении, на Него не распространяются необходимые законы материальных причин и следствий. Бог олицетворяет принцип свободы во вселенной, будущее является открытым и формируется духом и этическим выбором человека. *«Эгье ашер эгье»* – «Я буду тем, кем буду», – говорит Бог Моисею. Поэтому евреи верят в то, что каждый человек может изменить мир, может сделать будущее отличным от прошлого – лучшим, чем прошлое⁶. Улучшение мира, участие в *«тиккун олам»* является личной задачей каждого человека.

Еврейская традиция утверждает далее, что прогресс не только возможен, но и что есть свидетельства тому, что он происходит на самом деле. Такова история Песаха, в которой рассказывается о том, как евреи разорвали путы угнетения и рабства, чтобы построить новое будущее как свободные люди. Подобную историю не могут рассказать те, кто отказался от веры в прогресс человечества. Именно поэтому, как засвидетельствовал Михаэль Вальзер в своей книге *«Исход и революция»*, исход евреев из Египта послужил источником вдохновения почти каждого освободительного движения в двадцатом веке. Не только Моисей стал главным героем негритянских спиричуэлс, но и вся история Песаха стала моделью для борьбы чернокожих США за свои права, для освободительного движения в Южной Америке

⁶ См. также Линнмэн Бодофф, «Эллинизм против иудаизма о неизбежности трагедии: изучая истории Каина и Иосифа», журнал «Мидстрим», сентябрь-октябрь 2002.

и даже для атеистических коммунистов, свергнувших царя. Все эти люди верили в возможность улучшения человечества и общества, извлеченную из центральной веры евреев в исторический прогресс.

Еврейская традиция предложила миру идеал истории, кульминацией которого станет мирная мессианская эпоха. Что есть мессианизм, как не убежденность в том, что прогресс истории станет реальностью? Платон и Аристотель рассматривали такой оптимизм абсурдным и нереализуемым, поскольку прогресс противоречит законам естественной истории – что снова возвращает нас к «чуду».

Последнее существенное отличие относится к концепции идеальной жизни. Греческая мысль считала, что идеалом человеческой жизни является понимание гармонии и движения вселенной. Бог Аристотеля не обладал чувствами и стоял над эмоциями, и поэтому совершенная греческая персональность также не должна была демонстрировать свои чувства. Тщетно искать в этических произведениях Платона и Аристотеля такие ценности, как милосердие, сострадание к другим, проявление доброты – *хесед* – к тем, кто оказался менее удачлив, чем мы сами.

Эти ценности – милосердие, сострадание к другим и *хесед* – являются центральными для еврейской этики. Традиция утверждает, что эти характеристики являются возвышенными свойствами личности Бога⁷. Поэтому человек, созданный по образу Бога, обязан подражать Ему и быть милосердным, сострадать и проявлять доброту к другим⁸. Эти ценности – высшие ценности этики, именно из них скроена хорошая жизнь. Они дали начало христианской благотворительности, и, в более широком смысле, иудео-христианской этике, лежащей в основе сегодняшней западной морали.

Это многое объясняет нам в истории. Только этика, лишенная милосердия и доброты, могла породить кастовое общество, основанное на рабстве, каким был греческий *полис*. И только этика, которая проповедовала эти еврейские ценности другим, могла создать великую культуру, в которой неизвестно подлинное рабство, где более удачливые чувствовали себя обязанными заботиться о бедных, и где считалось, что каждому человеку присуще врожденное достоинство. Еврейская культура была единственной в древнем мире, которая учила человека этим радикальным этическим истинам.

IV

Что же тогда чудо Хануки, которое евреи обязаны помнить, праздновать и оповещать о нем других? Кувшинчик с маслом? Военная победа и физическое выживание небольшого народа, противопоставившего себя большому? Или, вероятно, то, что еврейский народ смог внушить миру свои глубочайшие верования: что в жизни человека есть духовное начало, что есть надежда на лучшее будущее, что каждый из нас может принести прогресс в драму человеческой истории, и что милосердие, сострадание и доброта – это то, что составляет самое лучшее из того, что есть жизнь?

Евреи – это народ, который, будучи небольшим по численности, обладает великой традицией. И эта традиция порождает большую ответственность, а не глупый шовинизм. Согласно библейским и раввинистическим традициям, еврейский народ призван сделать нечто большее, чем просто выжить. Евреи – носители завета с вечными ценностями, и у них в мире есть божественная миссия. Бог ска-

⁷ Исход, 34:6–7 и Вавилонский Талмуд, трактат «Брахот» 7а.

⁸ Вавилонский Талмуд, трактат «Сота» 14а.

зал Аврааму в «Бытии»: «И будешь ты в благословение». Исайя сказал об этом иначе: «Будешь светом среди народов».

Все эти идеи относятся к категории «чуда». Их трудно понять тем, кто верит только в материальный мир, причинную необходимость и грубую силу. Так что, евреи, произносите ханукальные благословения, зажигайте менору, помещайте ее на видное всем место и объявляйте о чуде всему миру каждый год именно в это время.

Опубликовано в журнале «Мидстрим», январь 2003 г.

Перевод с английского Э. Маркова

Разрушение Вавилонской башни – акт против тирании

Общепринято считать, что Вавилонская башня представляла собой бунт против Бога. Но если весь ее смысл сводился только к этому, почему для Бога было недостаточно просто разрушить башню? Какое к этому имеет отношение сотворение Богом множества языков и рассеяние народов по лицу Земли? И почему Библия объясняет мотивы строителей башни так неясно? Текст «Бытия», 11:4, говорит только, и несколько загадочно: *«И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли»*.

Простой интерпретацией этой истории, по мнению многих комментаторов, является то, что идея концентрации населения в одном месте противоречила желанию Бога, чтобы образовалось много народов, и чтобы они населили все части мира – что и было основным Божественным планом творения. Я убежден, что именно это составляет центральный момент этой истории и ее суть, чему и посвящена остальная часть данной статьи.

Тексты, относящиеся к теме

«Бытие», 1:27–28 говорит о том, что Бог создал человека по образу Бога, «мужчину и женщину сотворил их» и благословил их: *«Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...»* (курсив добавлен).

«Бытие», 9:1 и 9:7 содержит подобную идею в форме завета Ною и его потомкам (то есть человечеству) после Потопа: *«Вы же... распространяйтесь по земле»* (9:7). Из этой последней фразы комментаторы делают вывод, что Бог внедрил в сознание человека, как необходимую способность исполнить его заветы, любовь к родине, где бы она ни находилась. Дав человечеству семь законов Ноя и завещав ему плодиться и размножаться по лицу земли, Бог после этого – с помощью завета радуги – обещал человечеству, что ему более никогда не будет угрожать полное уничтожение из-за потопа или любой другой катастрофы. И поэтому можно без опасений производить потомство, распространяться и населять мир, и воспитывать в себе любовь и привязанность к родной земле.

«Мятеж»

С этого момента, с лежащим перед человечеством целым миром, который нужно осваивать и совершенствовать, имея четкий план для морали и справедливости, а также обещание, что никакой потоп или другая катастрофа не разрушат все, что будет создано и построено в будущем, можно предположить, что вся остальная история мира должна была представлять из себя «спокойное плавание». Но,

на самом деле, этого не произошло. Примерно через 100 лет после Потопа, *перед* тем, как народы разделились и распространились по своим землям, в момент, когда все обитатели мира все еще говорили на одном языке – которым, как все понимали, был иврит, – появилась согласованная оппозиционная реакция на план Бога распространиться по земле и образовать различные общины, общества, нации и культуры. Я считаю, что у этой оппозиции или мятежа против плана Бога было три элемента.

Во-первых, на самом простейшем уровне, были скептики, которые боялись, что может быть еще потоп, несмотря на «Завет радуги»; лучшим ответом человечества на эту опасность было бы решение оставаться вместе в едином метрополисе, в котором можно было бы построить высокие дома (прототипом которых была башня) и в котором все вместе могли бы обеспечивать нужды растущего населения. Если же разделиться на отдельные общества с небольшим числом жителей в каждом, то человечество станет легко уязвимым перед любой катастрофой, если она случится. Как нам известно из нашего горького опыта, в природе человека планировать свое будущее, основываясь на прошлом. Поэтому башню можно рассматривать как очевидный ответ на следующий потоп. Предводителем этого мятежа против Бога, выразившегося в недоверии Его обещаниям и отказе выполнять его завет распространяться по земле, был Нимрод, чье имя (на иврите) происходит от корня, означающего «мятеж».

Во-вторых, против Божественного плана существовал более прямой, противоречащий сути плана аргумент, основанный не на страхе перед тем, что когда-то человечество вновь согрешит, и Бог придет к выводу, что нужен еще один потоп или другая катастрофа, а базирующийся на допущении, что если люди останутся вместе, то это позволит им создать лучший, более эффективный мир. Ресурсов хватит на всех, деятельность будет более эффективной, будет меньше столкновений культур, меньше борьбы, меньше войн – аргумент типа «поезда будут идти по расписанию», если все будут объединены. Культура – это язык, и одна культура будет выгодна всем.

В-третьих, в этом сценарии есть коварный аспект – возможно, намеренный, возможно ненамеренный. Если бы рассеяния не произошло, это неизбежно привело бы к подчинению, к зависимости от правителя, который принимает решения за всех, к отсутствию свободы мыслить и действовать по-разному – к отсутствию той независимости и свободы мыслить и действовать, которые требуют политических механизмов для разрешения споров и противоречий, фундаментально враждебных диктаторской власти. Этот мотив диктаторского единообразия, идеологического контроля над обществом в неявном виде прозвучал в утверждении: «...и сделаем себе имя» (Бытие, 11:4) – а именно, одно имя, одну форму, одну религию, одну политическую партию, одного правителя. Как пронизательно заметил один комментатор, целью было получение полной власти над всей человеческой расой. Башня, разумеется, была не только символом власти центрального правителя, фокусом внимания для каждого как источник указаний о том, что делать и что не делать, о чем думать и о чем не думать, соблазнительным орудием вовлечения в круг этой диктатуры над массами, с одной культурой, одной религией, одной политикой, одним решением для всех, но также и средством наблюдения и управления массами из этого центрального средоточия власти.

Я предлагаю эти три аспекта мятежа, потому что они кажутся мне реалистической формой мятежа против Бога, в отличие от простой идеи, которую можно найти в некоторых источниках – что мятеж представлял собой буквальное желание построить сооружение, которое позволит человеку достигнуть небес и развязать войну против Бога, и даже занять Его место и жить на небесах.

Ответ Бога

Поэтому ответ Бога оказался намного более многогранным, чем просто разрушение башни столько раз, сколько понадобится, чтобы отбить охоту к ее строительству навсегда. Бог не был заинтересован в простой демонстрации силы и в противостоянии глупой – если вдуматься – попытки человечества лишить Бога власти. Он хотел выступить с изъявлением своей фундаментальной воли по поводу того, как мир должен функционировать и развиваться в ходе своей истории.

Язык – это носитель культуры, и вызвав физическое рассеяние, которое было результатом внезапного появления многих языков, предотвратившего завершение строительства башни, Бог также достиг своей главной цели – сотворить благо для человечества. Это благо заключалось в образовании множества культур и народов, идей и дел, направленных на завоевание природы, победу над болезнями, нищетой и всем тем, что могло поразить человечество после безрассудных дней, когда весь мир был временно объединен идеями единообразия, ужасные результаты которых невозможно было ни предвидеть, ни осознать. Разнообразие порождает прогресс; единообразие порождает застой и упадок. Нам известно из биологии, что порождает слишком сильная закрытость и узкородственное размножение – болезни побеждают здоровье.

Второй целью было недопущение тирании. Мы знаем из истории, что порождают тирания и слишком большое политическое и социальное единообразие – страдания, коррупцию власти, войны и, в конечном итоге, упадок в результате отсутствия плодотворного обмена с культурами других народов. Мы знаем, что общество, которое стремится овладеть универсальной властью, навязать миру свою идеологию, сначала обрекает на страдания подчиненные ему народы, а потом разрушает самое себя. Такова была основная тема политической истории XX века. Таким был характер Нимрода, который не стремился формировать народы или влиять на них, но хотел, используя силу и власть, доминировать над всем человечеством и управлять им. Универсалистские идеологии, по определению, нетерпимы, и для них характерно агрессивное стремление сохранять то, что они считают единственно истинным. Иудаизм, с момента своего зарождения, связал свою религию со своим национальным бытием и со своей землей, чтобы избежать проявления излишней гордыни в утверждении, что есть только один путь к Богу. Западная цивилизация отделила христианство от национального аспекта в XVII веке, только после того, как религиозные войны, явившиеся результатом возникновения протестантизма, довели Европу почти до полного истощения. Ислам так никогда и не дошел до такого отделения, хотя есть признаки того, что он медленно созревает для этого.

Существует, по моему мнению, и третья причина того, почему Бог решил разделить человечество на много языков, культур и народов, а не оставить его единым. Как повествуется в «Бытии», Бог увидел, что даже после Потопа большая часть человечества, как неизбежный результат благословения свободой воли, будет склоняться к злу без некоей модели, которая показывала бы ему путь к Божественному посланию этического монотеизма. Эта тенденция, фактически, стала очевидной немедленно, проявившись в действиях сына Ноя, Хама, и внука Ханаана, которые увидели Ноя пьяным и обнаженным, но не сумели отнестись к нему с должным уважением. Поэтому было ясно, что на появление такой модели среди человечества с одним языком и одной культурой было мало надежды; моральный уровень такого человечества быстро упал бы до своего самого низкого общего знаменателя. Вместо этого Бог решил, что должен быть один народ, которому будет поручено нести в мир послание этического монотеизма – народ, согласившийся при-

нять на себя более подробный закон поведения, чем семь законов Ноя, народ, рожденный в рабстве и страданиях, которые станут залогом того, что этот закон будет сохраняться, толковаться и применяться с соблюдением справедливости и сострадания. Этому народу, разумеется, будет дан Божественный язык Творения – иврит – язык, который будет символизировать, с помощью Торы, историческое предназначение народа. Все, что нужно было Богу – пайти среди говоривших на иврите людей человека, кто был бы достоин стать отцом нового народа Израиля, который согласился бы взвалить на себя такое бремя. Этим человеком, как мы знаем, был Авраам, который поверил в единого и справедливого Божественного Творца, которому Бог доверил дело передачи послания этического монотеизма своим детям.

Вообразите, с другой стороны, морально несовершенный мир рассеяния, и его потомка, которому доверено интерпретировать данный Богом будущий закон поведения человека, Тору, с его справедливостью и состраданием – мир коварства, агрессии и продолжающегося тоталитарного руководства. Израильтян заставили принять на себя эту роль – сначала это сделал их основатель и отец Авраам, когда Бог поведал ему, что его народ будет рожден в рабстве, чтобы научиться ценить свободу; потом на Синае, когда народы мира не смогли взять на себя бремя нового закона Бога, и Израиль вынужден был взять это на себя; и позже, когда они по собственной воле подтвердили свою будущую приверженность. Действительно, вскоре после Синая, грех золотого Тельца оказался настолько серьезен, что Бог предложил Моисею стереть Израиль с лица земли и начать от Моисея новый народ. И только обращение Моисея к Богу с просьбой сохранить свою веру в то, что Израиль будет продолжать исполнять свою роль носителя Божественного послания этического монотеизма через своих царей, пророков и священнослужителей, помогло народу выжить.

Все это висело на волоске, когда Нимрод и его сторонники стремились сделать весь мир одним народом с одним языком и одной культурой вовеки. Мир должен чувствовать себя бесконечно благодарным Богу за то, что он отверг эту ошибочную и опасную идею.

Сделал ли Бог нечто большее, чем просто поспешно рассеять людей по разным местам с разным климатом, где они неизбежно выработали свои собственные языки и культуры? По-видимому, нет, но если мы задумаемся над тем, как долго тоталитарные режимы держали людей в своих объятиях, от египтян библейского периода до восточных немцев в XX веке, это было не так уж мало – поторопиться с рассеянием без многих лет страха, угнетения и трагедий, которые пришлось бы испытать тем, кто попытался бы освободиться от монолитного правления, к которому стремился «народ башни».

Одно из наиболее сильных утверждений, написанных когда-либо по поводу уникальной ценности свободы прессы, слова и религии – другими словами, культуры – для каждого народа, где бы он ни жил, являющихся выражением уникальных талантов, способностей, идей и реальных дел этого народа, было написано Магаралем, раввином Иудой Лоевом Пражским, в XVI веке, за столетия до намного более известного великого английского поэта Джона Милтона в его «*Ареопагитике*». Магараль писал, что из подавления идей, которые правитель сочтет непопулярными или неприемлемыми, ничего хорошего не выходит; на самом деле, это – признак слабости, говорящий о том, что мудрость правителя или населения сама по себе слишком неустойчива, чтобы устоять перед критическим исследованием. В этом, просто повторял Магараль, возможно, для могучего не-еврейского правителя – в некоем смысле, вроде Нимрода несколько тысяч лет назад – заключался еврейский, библейский взгляд на сосуществование множества культур, ко-

торые пробивались и расцветали в творении Бога и делали его лучше для самих евреев и, в конечном итоге, для всего человечества.

Кроме этого, аргументы Магараля в пользу еврейской культурной автономии и ее свободы от внешней цензуры и подавления подразумевали также, что другие народы могут только выигрывать от взаимодействия с еврейской культурой, так же как еврейский народ может обогатить свою культуру взаимодействием с культурой других народов.

Поэтому пришло время – для этого всегда должно быть время – для евреев любопытствовать, что есть в их собственной истории; из уникальности своего происхождения они могут извлечь несколько уроков для своего творческого выживания как народа и как нации.

Перевод с английского Э. Маркова

Тора и арабо-израильский конфликт (полемика)

Уважаемая редакция!

В первом номере журнала «Новый век» за 2002-й год опубликована статья Л. Утевского «Тора и современность» с подзаголовком: «Попытка понимания арабо-израильского конфликта в рамках книги Второзаконие». С интересом принялась читать в надежде на то, что наконец-то самый болезненный для нас вопрос будет рассмотрен и проанализирован. Однако, читая статью, испытывала чувство протеста против всех, к сожалению, суждений и оценок автора. Осознание необходимости их опротестовать вызвано следующим:

– произвольной трактовкой эпизодов и положений Торы в угоду собственной концепции;

– оценками и определениями, которые, возможно, отвечают мировоззрению автора, но полностью противоречат Торе: так, отвоевание земли Эрец-Исраэль определяется как оккупация, соглашения Осло – как «запоздалая попытка раскаяния» (раскаяния в чем? – автор не указывает), а причину наказания нас арабами он видит в нашем «национальном чванстве» и «дерзкой уверенности» в том, что именно нашему поколению «подобаает честь унаследовать всю землю Эрец-Исраэль»;

– изложением взглядов, в том числе на наше будущее, в полном отрыве от Торы и без их обоснований мнением Торы, что противоречит обещанному в самом заглавии статьи;

– односторонней трактовкой вопросов войны и мира, освещенных Торой, с указанием лишь на ее повеление искать мира, но игнорируя ее указание на ведение войны и отношение враждебных народов.

Острота и опасность ситуации, в которой сейчас находится Израиль, вызвали необходимость более детального изложения указаний и положений Торы (в рамках вопросов, предложенных автором) и привлечения мнений наших религиозных авторитетов.

1. Кому принадлежит земля Израиля и в каких границах? Дает ли Тора право на эту землю или ее часть потомкам Ишмаэля?

Суть арабо-израильского конфликта – в претензиях двух разных народов: народа Израиля и народа Ишмаэля на эту землю, поэтому отправной точкой для дальнейшего анализа конфликта является ответ на вопрос, кому и в каких пределах принадлежит эта земля. Как известно, основополагающим положением всей Торы является право евреев на Эрец-Исраэль, землю обетованную (от «обет» – обещание, завет), землю, в которой Б-г обещал Аврааму, Ицхаку и Якову поселить их потомков:

«В этот день заключил Г-сподь с Авраамом Союз, сказав: потомству твоему дал Я землю эту (Берешит 15:18), «И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую во владение вечное и буду им Б-гом» (Берешит 17:8). Таким образом, в этом отрывке подчеркивается владение вечное, не ограниченное сроками и временными обстоятельствами... На эту неподвластность времени указы-

вает великий комментатор Торы Раши... Комментируя отрывок «Потомству твоему дал Я землю эту, от реки Египетской до реки великой, реки Прат» (Берешит 16:11).

Возникает вопрос, в назначенных ли границах мы сейчас обитаем, не превысили ли территории, не хватило ли лишнего, отвоевав эту землю, скажем, в Шести-дневной войне? На это предусмотрительная Тора дает четкий ответ, определяющий границы Израиля: «И будет у вас южная от конца Ям-Амэлах к востоку... и повернет граница от Ацмона к потоку Мицраим и выйдет к морю. А границею западной будет у вас Великое море с побережьем... А это будет граница северная... отметьте ее ко входу в Хамат» (находится севернее Дамаска). «И отметьте себе линию для границы восточной, и сойдет граница, и коснется берегов Кинэрет с востока, и опустится граница к Ярдену и будет выход ее к Ям-Амэлах» (Бэмидбар 33–34:1–12). «И овладейте землю, и поселитесь на ней, ибо вам Я даю землю эту, чтоб владеть ею, и наследуйте землю по жребию по семействам вашим» (там же). Таким образом, называть владение евреями землей Эрец-Израэль оккупацией и претендовать на нее другому народу с точки зрения Торы неправомерно, как и незаконно оспаривать право любого наследника на его наследство (тем более, если он покинул свое наследие не по своей воле), даже если он вернется к своему наследству через многие годы.

Небезынтересно отметить, что после войны 1967-го года президент США направил в Израиль группу генералов Пентагона с целью определить, где должны проходить границы Израиля и минимум тех территорий, которые ему необходимы для обеспечения безопасности. Итогом этого обследования явилась карта Пентагона, которая почти полностью повторила карту Всевышнего, оставляя и западный берег реки Иордан, и Газу, и Голаны за Израилем. Так «рациональное» (обеспечение безопасности) перекликнулось с Б-жественной волей, что вряд ли случайно.

Любавичский Ребе, вся жизнь которого была связана с Торой, утверждал, что Самария и Иудея являются «неотъемлемой частью страны Израиля, и отказываться от них нельзя ни в коем случае. Ни в коем случае!» Ребе вменил в обязанность хасидам неустанно разъяснять его позицию в этом вопросе и не раз повторял, что отказ от этих территорий ставит под угрозу жизнь евреев, что «даже разговоры об автономии недопустимы».

Возвращаясь к Торе с вопросом, дает ли она право потомкам Ишмаэля на обитание в Эрец-Израэль, нужно ли по-братски поделиться с ними какой-то ее частью, мы также получаем ответ в Торе. Праматерь Сара потребовала от Авраама, нашего праотца: «Выгони эту рабыню и сына ее (т.е. Агарь и Ишмаэля), ибо не будет наследовать сын служанки вместе с сыном моим Ицхаком». «И показалось это Аврааму весьма прискорбным и сказал Б-г Аврааму: Не огорчайся ради отрока и рабыни твоей. Все, что сказала Сара, слушайся голоса ее, ибо в Ицхаке наречется тебе» (Берешит 21:10–12). Раши разъясняет, что Ишмаэль был готов убить Ицхака. И хотя Авраам не верил, что он поднимет руку на своего брата в данный момент, было ясно, что в ближайшем будущем Ишмаэль захочет овладеть всем не столько из стремления к обогащению, сколько из ненависти к Ицхаку. Одно бесспорно: Эрец-Израэль согласно Торе предназначена быть страной одного единственного еврейского народа, с которым Всевышний заключил Союз и заповедал вывести потомков Ишмаэля за пределы страны Израиля.

Одобрение автором статьи планов создания палестинского государства и политики тех, кто отдает нашу землю арабам, в корне противоречат Торе.

2. Тора и наказания за отказ от Эрец-Израэль

Тора рассказывает, что Творец не только завещал нам эту землю, повелев заселять ее, но сурово наказывал тех, кто отказывался от нее. За нежелание войти в Эрец-

Израэль Всевышний сурово наказал 10 разведчиков, которые отговаривали народ войти, и сделал этот день – 9 число месяца Ав – днем страшных испытаний евреев на все времена. Поколение Исхода было осуждено на 40 лет странствий в пустыне.

«*Не войти вам в страну, о которой Я, подняв руку свою, (клялся) поселить вас в ней, кроме Калева сына Иефунэ и Иегонгуа сына Нуна. Дети же ваши, о которых вы говорили «добычею станут они», их введу Я, и они узнают землю, которую вы презрели. А ваши трупы падут в пустыне этой»* (Бэмидбар 14:30-32). Раби Гиллель в своей книге «Коль а-Тора» пишет: «Грех разведчиков во времена Моше – это один из самых общих и самых тяжелых грехов, от которого народ Израиля не избавился на протяжении всех поколений и который не исправлен до сегодняшнего дня. Из-за него был вынесен на небесах приказ, что день 9-го Ава (когда отказались войти в землю Израиля) будет днем плача на протяжении многих поколений. В этот день будут разрушены Иерусалим, два Храма – первый и второй, – опустошена земля Израиля. Из-за греха разведчиков евреи пребывали в изгнании и терпели невероятные лишения и беды».

Может ли в свете этих уроков Торы быть оправдана и названа гражданским мужеством готовность отдать землю Израиля? Во все времена мужеством государственного деятеля считалось умение и решимость отстоять свою землю, а не отдавать ее врагу. Тем более это касается Эрец-Израэль, которая была дана нам по воле Всевышнего, и за которую Он воевал во всех войнах. Отдавать ее является величайшим грехом, за который мы и расплачиваемся.

Таким же Грехом с точки зрения Торы является отдача Моше Даяном Храмовой Горы и тогдашняя готовность отказаться от контроля над ней. Ибо по велению Творца «*когда перейдете Иордан и заселите землю, которую Г-дь Б-г выделяет вам и даст Он вам покой от всех врагов ваших в округе и будете жить безопасно, тогда на том месте, которое избрет Господь постройте Храм и приносите там жертвоприношения ваши»* (Дварим 12:10-11). Известно, что это место – Храмовая гора, и даже если не пришло время строить Храм, отдавать место, для него предназначенное – значит отказаться от святости и приверженности воле Всевышнего, следовательно, и расплачиваться за это.

3. О благословении Всевышним возвращения евреев в Эрец-Израэль

Странным представляется мнение Л. Утевского о том, что Г-сподь наказывает нас палестинцами «за дерзкую уверенность в том, что именно нашему поколению со всеми его пороками подобает честь унаследовать всю землю Израиля». Автор не желает увидеть и осознать то очевидное чудо, которое совершил Всевышний, величие всего происходящего в ней за последнее столетие, и то, что именно нашему поколению выпала честь увидеть, как исполнилось обещание, данное Всевышним в Торе: «*Возвратит Г-сподь Б-г твой изгнанников твоих и смилуется над тобой и снова соберет тебя из всех народов, среди которых рассеял тебя Г-сподь Б-г твой... в землю, которой владели отцы твои, и станешь ты владеть ею... и обратит Г-сподь Б-г твой все проклятия эти на врагов твоих, которые преследовали тебя»* (Дварим 30:3, 5, 7).

Трудно представить, что автору статьи эти факты неизвестны, но для введенных в заблуждение его статьей хотелось бы о них напомнить. Путешественник Альфонс де Ламартин в 1835-м году писал: «вне стен Иерусалима мы не видим никаких признаков жизни, как у погребенных стен Помпеи. Полное молчание царит в городе, на дорогах, в селах. Могила целого народа». Марк Твен в 1867-м году посетил Эрец-Израэль: «Безмолвные мрачные просторы. Так безнадежно это запустение, что никакая фантазия не в силах вдохнуть в него движение и жизнь. Над Палестиной тяготит проклятие, которое иссушает ее поля. Это край заброшенный и неприглядный». Это запустение в полном соответствии с Торой длилось во все времена

отсутствия евреев и ни один народ не мог возродить эту землю и пустить корни. Это не удалось ни язычникам, ни крестоносцам, ни мусульманам. И только после возвращения евреев в соответствии с пророчеством земля расцвела, давая свои плоды.

Воля Всевышнего вернуть евреям Эрец-Исраэль особенно явно проявилась в фантастических победах Израиля: в войне за Независимость и Шестидневной войне. И если есть на то воля Всевышнего, то, как сказано в Торе: «И будете гнать врагов ваших и падут они перед вами под мечом, и пятеро из вас погонит сто, и сто из вас погонит десять тысяч и падут враги ваши под мечом и обращусь Я к вам и распложу вас и размножу вас и укреплю завет Свой с вами» (Ваикра 26:7, 8, 9).

И сейчас, окруженные враждебными государствами, открыто желающими нашего уничтожения при значительном превосходстве их военной мощи и финансов, нельзя не осознавать, что мы живы по причине Б-жественной Воли. Недаром наши мудрецы часто сравнивают еврейский народ с овцой среди 70-и волков, которая выживает благодаря покровительству верного Пастыря.

Из сказанного следует, что «уверенность в том, что именно нашему поколению со всеми его пороками подобает унаследовать всю землю Израиля» является не дерзостью, а верой, что на то была воля Всевышнего и благодарностью за сотворенные им чудеса.

4. Тора об отношении к враждебным народам и о наказаниях за преступления

Тора уделяет значительное место этим вопросам и дает четкие указания по разным их аспектам. Однако автор для обоснования своей точки зрения о гуманном отношении к арабам «даже если их террористы готовы убивать любого еврея» приводит отрывок, не имеющий к данным вопросам никакого отношения: «Когда будешь строить дом новый, то сделай перила к кровле твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, если упадет кто-нибудь с него» (Дварим 22:8). Этот отрывок и комментарий РАШИ, который говорит о том, что «не следует тебе оказаться орудием смерти» (даже согрешившего), автор распространяет на нашу борьбу с террором, говоря о необходимости осторожного ведения войны, о бережном отношении к арабам в целом и рассматривает это как миссию, наложенную на нас Б-гом. Это произвольное толкование неприемлемо и неправомерно по следующим причинам:

– Сегодняшняя арабская интифада – это не действия террориста-одиночки, но результат деятельности всех властных структур автономии как террористического образования, систем безопасности, пропаганды и воспитания в духе ненависти к евреям, и все – при широкой поддержке народных масс, которую мы видим на экранах телевизоров, включая гордость арабских матерей за своих сыновей-шахидов, унесших жизнь наших мирных граждан. Наше ложное и опасное толкование гуманизма, включая неадекватную реакцию на террор, что включает ювелирный способ ведения войны в белых перчатках с опасностью для собственных солдат, разрушение пустых зданий с предварительным предупреждением, финансовая помощь «страдающему палестинскому народу», отказ от смертной казни, освобождение террористов из тюрем и другие жесты доброй воли рассматриваются нашими врагами как слабость и ведут к новым жертвам и будущей войне. Как сказано в Талмуде: «Тот, кто милосерден к жестоким, жесток к милосердным». О наказаниях за убийство Тора говорит нам следующее: «Кто ударит человека так, что тот умрет, да будет он предан смерти, но если кто не злоумышлял, а Б-г подвел ему под руку, то Я тебе назначу место, куда ему убежать» (Шмот 21:12–13). Таким обра-

зом, Тора повелевает умышленного убийцу казнить, но и убивший по неосторожности считается повинным в смерти и лишь город-убежище спасает его. Тора запрещает примиряться с убийством и подчеркивает: «Не берите выкупа за душу убийцы-грешника, которому надлежит умереть и он должен быть предан смерти. И да не пощадит глаз твой: «жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, рука за руку, ногу за ногу» (Дварим 19:21). Фразу Торы «не мсти и не храни злобы на ближнего твоего» Талмуд объясняет как относящуюся к конфликту на почве имущественных отношений и совершенно не имеющую силы, если речь идет об убийстве. То же говорит рабби Йосеф Соловейчик: «И меня несколько не смущает мнение либералов и социалистов, утверждающих, что Тора запрещает всякую месть. Чушь! Далеко не всякую. Запрещает, если цель мести — уязвленное самолюбие. Но если эта месть необходима, чтобы отстоять свои элементарные права, кто станет оспаривать это право? Она справедлива и оправдана». Примеры мести и отсутствия милосердия к врагам Израиля, благословенные Всевышним (и совершенные, согласно Его приказу) дает нам как Тора, так и книга Эстер. «И говорил Г-сподь, обращаясь к Моше: «Преследуйте мидьянитян и убивайте их, ибо они враги ваши, они строили козни против вас» (Бэмидбар 25:16–18). Поход этот был продиктован мстью в чистом виде: ведь в этот момент мидьянитяне уже не угрожали евреям.

Из книги Эстер мы узнаем следующее: После того, как евреев миновала опасность и стало ясно, что победа на их стороне, когда евреи за один день убили 10 сыновей Амана и 500 жителей Шушана, царь Ахашверош обращается к царице Эстер, подводит итог происшедшего и спрашивает, есть ли у нее еще какие-либо просьбы. Она не падает ниц со словами благодарности за спасение, говоря, что у нее нет больше просьб, ведь все сошло благополучно.

Нет! Реакция Эстер абсолютно другая: она дает странный ответ: «Если угодно царю, то пусть и завтра будет дано разрешение евреям, живущим в Шушане, действовать, как и сегодня, а десять сыновей Амана пусть повесят». Возникает вопрос: почему? Для чего продолжать убийства, которые, казалось бы, вызовут ненависть и неприязнь? Но реакция оказалась обратной: и Ахашверош, и гои-антисемиты почувствовали достоинство евреев, их силу, ибо Эстер понимала, что никакой тактический шаг, демонстрирующий милосердие к антисемитам, не приведет к любви между сторонами. Она знала, что они понимают только одну вещь – силу. Евреи оказались не жалкими, и их враги поняли это наилучшим образом: «Ибо охватил их страх перед евреями».

На опасность проявления милосердия к врагам, того ложного гуманизма, который оборачивается злодеяниями к собственному народу в наше время, указывал Любавичский Ребе. В известном письме Ариэлю Шарону, написанному в 1968-м году после победы в Шестидневной войне, он пишет: «Правительство сохраняет арабский характер Старого города в Иерусалиме, называя это положение вещей «статус-кво», вместо того, чтобы реализовать в политических фактах победу, дарованную нам Всевышним. Опасность такой позиции станет многим ясна через десятилетия, но уже сегодня можно сказать, что заселение евреями всех еще незастроенных районов города и его окрестностей – дело первоначальной важности». И завершает письмо фразой: «Замечу еще, что нежное обращение с арабами приведет не просто к проблемам политического рода, но и к террору».

Учитывая все изложенное, можно горько сожалеть о том, как далеко мы оказались от Торы, не введя закона о смертной казни террористов-умышленных убийц, не изгоняя неумышленных убийц наших граждан, и тех, кто, заключив соглашения Осло, снабдил полицейских-арабов оружием, которым убивали наших граждан, и тех, кто допускает присутствие в нашем законодательном органе – Кнессете арабских депутатов, открыто поддерживающих террор.

5. О борьбе Яакова с Эсавом

Продолжая тему общечеловеческой гуманности и взаимоотношения с нееврейским миром, символом которого является Эсав¹, Л. Утевский приводит эпизод борьбы Яакова с Эсавом, что вполне уместно для раскрытия темы. Но выводы, которые он делает из него, прямо противоположны смыслу Торы. После победы Яакова над ангелом Эсава (а именно с ним, т. е. на духовном уровне, велась эта борьба) «сказал тот ему: как имя твое?.. и сказал: не Яаков отныне имя тебе будет, а Израэль, ибо ты боролся с ангелом и людьми и победил; и благословил его там» (Берешит 32:25–30). Таким образом, ангел Эсава благословил Яакова только после и только в результате победы Яакова над ним. Утевский же, поменяв местами причину и следствие, пишет: «Яаков становится Израилем, только вырвав благословение у Эсава». Совершив такую подмену, автор призывает нас вести «пропагандистскую войну», называя ее «тяжелой миссией, возложенной на нас Б-гом» и ею добиваться благословения, а потом уже стать Израилем по милости Эсава.

На самом же деле, победа над Эсавом стала возможна не в результате пропаганды, не в результате увещаний, уговоров, разъяснений, «переговоров под огнем», а в результате осознания Яаковом своей силы, которую дало ему и материальное становление, создание многочисленного потомства и преодоление комплекса вины перед Эсавом за получение первородства, которое тяготело над ним с тех пор, как он ушел из дома. Осознав теперь право на него, он распрямился и победил Эсава, получив в результате его благословение. А, одержав духовную победу, сумел и физически отделиться от Эсава и жить своей независимой жизнью. Путь наш от Яакова к Израэлю — это путь от того, кто держался за пятку Эсава и от кривизны (и то и другое — от корня «экэв») к прямой связи с Б-гом (от корня «яшар» — прямой и «Эль» — Б-г). Таким, согласно Торе, и должен быть путь еврея, и особенно — политического лидера.

Однако сегодня мы можем констатировать, что, так и не оторвавшись от пятки Эсава, наши лидеры подвергают и себя, и свой народ национальному унижению, склоняясь перед Эсавом-Америкой, сворачивая по первому окрику Буша антитеррористическую деятельность в стремлении заслужить его благосклонность и обрекая на жертву собственных граждан. Есть еще одна опасность, на которую указывает Раши, комментируя один из отрывков Талмуда, где говорится о битве огромных армий государств, именуемых Гог и Магог: «есть угроза еще более страшная: это проникновение враждебной нам культуры, *тарбут ра*, извращенных обычаев в еврейский дом». Алтер Ребе указывал, что если евреи «станут жить по законам других народов, те скажут: если вы сами не верите в Тору, то на каком основании вы требуете права на Землю обетованную».

Можем ли мы, проводя пропагандистскую войну, которую автор статьи считает «миссией, возложенной на нас Б-гом», завоевать уважение и быть светом для народов, если мы сами, нарушая Б-жественную волю, равнодушны к завещанной нам земле, именуя ее «оккупированной территорией», отрекаясь от самого святого в мире места — Храмовой Горы, допустив разрушение арабами могилы праведного Йосефа и игнорируя законы Торы?

Что мы собираемся пропагандировать и нести народам мира?

Не время ли вспомнить, что сказал Бен-Гурион, когда его спросили в ООН, по какому праву евреи претендуют на Эрец-Исраэль: положив руку на Библию, он сказал: «Это наш мандат на Эрец-Исраэль!»

¹ Сын Ицхака, брат-близнец Яакова (см. кн. Берешит, гл. 25 и далее).

Только решимость и последовательность в защите права евреев на Эрец-Исраэль, в защите ее граждан, а также наш образ жизни в соответствии с Торой могут убедить мир в нашей правоте и служить ему примером. И тогда появится надежда снова победить Эсава и получить благословение его ангела. И тогда осуществится пророчество, обращенное Б-гом к Израилю: «И сделаю тебя народом завета, светом народов, чтобы открыть глаза слепые» (Исайя 42:6–7).

6. Тора о мире и войне

Призывая нас искать пути к миру и стремиться к нему даже тогда, когда Г-сподь разрешает – или приказывает – нам воевать, автор в качестве «наглядного примера» приводит предысторию войны с Сихоном, а именно, с повеления Б-га начать с ним войну. Однако Моше вопреки этому четкому указанию посылает послов к Сихону с предложением мира. Нет сомнения, поступок Моше гуманен, благороден и вписывается в еще более четко выраженную фразу нашей еврейской гуманной этики: «Уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и стремись к нему» (Тегилим 34:15). Этот пример, как и приведенные комментарии к нему, автор считает корнями Торы в подходе к вопросу о мире, и, может быть, они и могли быть приняты в качестве таковых, если бы не продолжение этой истории, а именно: Сихон отвергает предложение мира и идет на войну с Израилем. То есть благие приглашения к миру к желаемому результату не привели, а ведь нам важны не призывы к миру, не самолюбование своей гуманностью, а истинный мир; следовательно, корни подхода к нему следует искать не в этом «наглядном примере», а в другом месте Торы. Однако автор эти поиски не проводит, вменяя нам лишь «обязанность перед Б-гом искать мира и стремиться к нему». Между тем призывать к этому евреев – все равно, что объяснять бедному, как хорошо быть богатым или больному, как хорошо быть здоровым, не давая лекарства. Ведь на протяжении всей своей истории, начиная со встречи Якова и Эсава, когда Яков послал впереди себя гонцов с подарками, чтобы снискать расположение Эсава и предотвратить войну, и до наших дней еврейский народ стремился к миру, жертвуя многим.

Он стремился к миру в 20-е и 30-е годы, помогая арабским поселениям и экономически, и в охране от набегов кочевников, за что получил убийство и насилие (см. роман Кестнера «Воры в ночи»).

Он стремился к миру в Хевроне, исцеляя арабских жителей города, за что те в погроме 29-го года убили десятки евреев, включая врачей.

Он стремился к миру в 1948-ом году, соглашаясь на прибрежную полосу земли, которую Голда Меир назвала Освенцимом («границы Освенцима»), но в ответ получил вторжение пяти арабских государств.

Он стремился к миру накануне войны 1967-го года, когда израильский министр иностранных дел объезжал страны Европы и Америку, убеждая их правительства повлиять на Насера и предотвратить войну. Результатом была вынужденная война, обвинения в адрес Израиля, террор и война Судного дня.

Он стремился к миру, когда под давлением иностранных государств шведизировал результаты военных побед и отвел свои войска из-под Бейрута и Дамаска.

Он стремился к миру, улучшая экономическое положение арабов в Иудее, Самарии и Газе (факты таковы: в 1967-м году на этих территориях лишь у 4,8% семей были холодильники, а в 1982-м – у 51,5%, в полосе Газы – соответственно 2,5% и 55,2%; количество автомобилей возросло с 2,9 тыс. в 1967-м году до 27 тыс. в 1982-м. То же можно говорить о медицинском обслуживании и других социальных службах).

Он стремился к миру, отдав Египту Синай с его нефтяными богатствами и получил в ответ холодный мир с непрекращающейся антиизраильской пропагандой и контрабандой оружия для арабских террористов.

Беспрецедентный рывок к миру сделал Израиль, подписав соглашения Осло, отдав пять городов арабам, освободив из тюрем террористов, снабдив арабскую полицию оружием в слепой надежде, что оно будет использовано для нашей защиты, и проявив готовность отдать почти всю территорию Самарии и Иудеи. В ответ, как мы видим, мы получаем развязанную арабами войну, именуемую интифадой, в результате которой за два с половиной года погибли 820 евреев (в основном, мирные граждане). А мы снова стремимся из последних сил к миру, готовые на все новые, еще большие уступки, готовые превратить автономию в палестинское государство с большими возможностями для террора. Так в чем же дело, почему нам так не везет, почему на все устремления к миру мы получаем кровавую войну? Обращаясь с этим вопросом к Торе, находим ее ответ не в том «наглядном примере», где стремление к миру закончилось войной, а в тех главах, в которых Всевышний нам точно указал, что нам надо делать. Вот эти указания, ясные и четкие, не нуждающиеся в пояснениях и комментариях: «И овладейте страной и живите в ней, ибо дал я вам эту страну, чтобы вы владели ею. Если же не изгоните от себя жителей этой страны, то будут те из них, кого вы оставите, колючками в глазах ваших и шипами в боках ваших и преследовать будут вас в стране, в которой вы будете жить» (Бэмидбар 33:54, 55). И далее: «Не заключай союза ни с ними, ни с богами их. Да не живут они в земле твоей, а то введут тебя в грех против меня: если будешь служить богам их, то станет это для тебя западнею» (Шмот 23:32–33). Теперь этими шипами и колючками стали те гвозди и болты, которыми начинены бомбы террористов-самоубийц, а западней – все наши соглашения и обещания на будущее. Как органично эти указания переплелись с предупреждениями Любавичского Ребе, сказанные 3300 лет спустя! «Соглашаясь на компромиссы, евреи навлекают на себя беду, каждое компромиссное решение – непоправимый вред духовной стойкости народа. И когда арабы видят, что правительство Израиля препятствует евреям селиться на территориях и даже готово отдавать части еврейской земли – это дает им силу не бояться и бунтовать. Подпись Израиля под резолюцией ООН (имеется в виду резолюция 242 – Б.К.) была величайшей ошибкой, арабы получили право требовать. Евреи должны были решительно сказать, что страна Израиля дана им Создателем мира и они не хозяева, чтобы распоряжаться ею». Тора не ограничивается приведенными выше указаниями, и в отношении войны и мира она нам сообщает: «Когда идешь ты на войну против врага твоего и подойдешь к городу его, то пригласи его к миру. И будет, если он захочет помириться с тобой, то пусть весь народ, живущий в этом городе, платит тебе дань и подчиняется тебе. Если не захочет он помириться с тобой, то осади его и веди с ним войну... пока не покоришь его» (Дварим 20:10–13). РАМБАМ разъясняет, что слова «будут платить дань», «подчиняться тебе» – «означает политическую подчиненность и выполнение заповедей сыновей Ноаха», т.е. основных этических принципов, соблюдения которых Тора требует от всего человечества, поэтому мы вынуждены конт-

ролировать, как повелевает Тора, жизнь других народов, живущих в нашем государстве. Мы же, в порыве ложной гуманности, объявляя, что не можем властвовать над другим народом, отдаем ему наши земли, предавая живущих на них лучших наших граждан – поселенцев, возродивших эту землю.

Не нужно обладать большим воображением, чтобы увидеть Волю Всевышнего в не так давно произошедших событиях, когда Барак² готов был во имя иллюзорного мира отдать арабам 97% территорий, но получил отказ. Казалось бы, Арафат должен был ухватиться за этот щедрый дар, ведь это полностью совпадало с его неоднократно провозглашаемой доктриной: «мы возьмем все, что нам отдадут добровольно, остальное возьмем силой». Почему же он отказался? Потому что «ожесточил Всевышний сердце фараона», чтобы, как в далекие времена, показать через абсурдность ситуации истинное лицо нашего врага и наших правителей. Вследствие этого прозрения Барак был смещен. Потому что не нужен Всевышнему мир ценою капитуляции, отдачи земли, которую Он завещал нам, на которой собрал нас и за которую Он воевал во всех войнах Израиля. Не нужен Ему мир ценою предательства в отношении поселенцев, которые по Его воле возродили эту землю.

Такой мир не нужен и нам.

7. Что будет?

Поставив этот вопрос, Утевский честно предупреждает, что не разделяет «любимого кошмара (или любимой страшилки) наших ультраправых о гибели государства Израиль» в результате принятия палестинских беженцев. Он дает наиболее вероятные с его точки зрения два сценария дальнейшего развития событий: первый – еще более ужасная страшилка, но уже ультралевая, в которой присутствуют «серьезные военные столкновения, за которые придется заплатить многими человеческими жизнями», «Новая оккупация Газы и Шхема», «новая интифада», «экономический бойкот» и прочие ужасы; зато второй – ласкающие миролюбивую душу автора переговоры с созданием независимого палестинского государства, которое каким-то чудесным образом «станет началом превращения палестинских арабов из не-народа в народ, отвечающий за свои действия». Эти сценарии, отражая лишь взгляды и мнения самого автора без всякой связи с тем, что говорит о нашем будущем Тора и без обещанных в заглавии статьи попыток понимания этого будущего именно на ее основе, вызывают в памяти слова из Теилим: «Встают цари земные, и властелины совещаются вместе против Го-спода и против помазанника Его: разорвем узы их и сбросим с себя путы их. Сидящий в небесах усмехается, Г-сподь насмехается над ними» (Теилим 2:2–4). Ибо «много планов у человека, но только замысел Всевышнего осуществляется». Этот замысел в отношении нашего будущего Тора дает нам тоже в двух сценариях, но в корне отличных от предполагаемых или желаемых автором статьи: «Смотри, я предлагаю вам сегодня благословение и проклятие. Благословение, если послушаете заповеди Б-га Всесильного вашего, и проклятие – если не послушаете и сойдете с пути, который указываю вам сегодня» (Дварим 11:27–28). «И будет, если ты будешь слушать голоса Г-спода, Б-га твоего, то поставит тебя Г-сподь, Б-г твой, выше всех народов земли. Поразит пред тобою Г-сподь врагов твоих, восстающих против тебя; путем одним они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя. И даст тебе Г-сподь изобилие во всех благих... на земле, которую клялся Г-сподь отцам твоим дать тебе» (Дварим 27:1–11).

² Премьер-министр Израиля до прихода к власти правительства А. Шарона. Речь идет о переговорах в Кемп-Давиде в 2000 г. в рамках соглашения Осло между Бараком и Арафатом, при участии президента США Клинтона.

Справедливость такого мировоззрения подтверждается исполнением всех пророчеств, приведенных в ТАНАХе, что рациональному объяснению не поддается. Прежде всего, это относится к пророчествам Моше, предсказавшего неисчислимые бедствия народу, следовавшие после того, как Израиль изменил Б-гу и стал подражать чужой культуре: военные поражения, драма рассеянья, иррациональность антисемитизма, когда был Израиль «ужасом, притчей и посмешищем среди народов... и будет твоя жизнь висеть вдали от тебя и будешь в страхе день и ночь и не будешь обеспечен за жизнь свою: утром скажешь: о кто бы дал вечер, а вечером скажешь: о кто бы дал утро! – от страха сердца твоего, которым страшиться будешь и от того, что видеть будешь глазами твоими» (Дварим 28:66–67). Не это ли испытали евреи при изгнаниях, погромах, инквизициях, гражданской войне и гитлеризме? Исполнились пророчества Амоса (86 г. до н.э.), предсказавшего гибель Северного царства, поражение Иудеи, разрушение Иерусалима, разгром Дамаска; иудейского пророка Исаяи (Йешайягу) (VII в. до н.э.), предсказавшего победу Вавилона царем Киrom и возвращение иудеев в свою страну; Иеремии (VII в. до н.э.), предсказавшего разрушение Иерусалима и Храма.

И еще об одном пророчестве:

«И сказал: скрою лицо Мое от них, увижу, каков будет конец их; ибо они род развращенный, сыны, у которых нет верности; они досаждали Мне небогом, гневляли Меня суетами своими; и Я досажу им пенародом, народом-извергом гневить их буду» (Дварим 32:20-21). В этих словах нельзя не видеть пророчество о Катастрофе европейского еврейства.

Исполнилось пророчество и Шимона бар Йохая (автора книги «Зогар»): «Сыны Ишмаэля будут чинить препятствия сынам Израиля, возвращающимся на эту землю».

Эморейцы, потомки Кнаана, сына Хама, третьего сына Ноаха, жившие на этой земле, которой потом предстояло стать Эрец-Исраэль, совершали чудовищные преступления: скотоложество, мужеложество, человеческие жертвоприношения, кровосмешение. За всю совокупность преступлений Всевышний вынес этим народам суровый приговор – уничтожение, и орудием исполнения этого приговора был избран Израиль (Ваикра 18, 20). «Не за праведность твою и прямодушие твое приходишь ты овладеть землею их, а за нечестие племен этих Г-сподь Б-г твой изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Г-сподь отцам твоим Аврааму, Ицхаку и Якову» (Дварим 9:5). Но когда? Лишь когда будет полна вина эморейцев, когда иссякнет долготерпение Всевышнего, Который дает нам время одуматься, измениться и раскаяться. Гром наказания не гремит сразу вслед за грехом. В Мидрашах мы читаем: «Творец долготерпелив, но за грех взывает. Когда взывает? Когда наполнится мера». Все это верно и по отношению к народу. Когда чаша вины граждан, поступающей в общую копилку, заполняется до верхней кромки, наступает национальная катастрофа. Эморейцы изгоняются из земли. Следовательно, единственный выход для нас – стать на путь исправления, принимая еврейскую традицию и веру во Всевышнего, пока еще не наполнилась чаша вины эморейца». Тогда и перед арабами легче будет обосновывать наше право на всю Эрец-Исраэль, ибо зная об этом праве, отмеченном и в Коране, они говорят: «то были сыны Израиля, которые получили Таурат (Тору), а это – яхуд (евреи), то есть разноплеменный сброд». Интересен случай с левым журналистом газеты Ха-Арец, бравшего интервью у одного из главных заправил палестинских террористов. Тот рассказал журналисту, что, сидя в израильской тюрьме – еще до соглашения Осло – он был «на грани отчаяния», пал духом и совсем уже решил было бросить борьбу против еврейского государства. Утешил его тюремщик-еврей, который на Песах ел хлеб, расхаживая перед камерой террориста. Тот сказал: «Вам

же по вашей Торе нельзя есть хлеб на Песах». Тюремщик посмеялся и сказал, что это все древние сказки. «Тогда, – рассказывает террорист, – я обрел надежду: народ, который плюет на свой закон, можно победить» (рассказано равом Гитиком). Еще более четко это выражено в цитате из воспоминаний одного из первых поселенцев из России, совершившего алию в землю Израиля: «Шейх сказал: пока сюда приезжают евреи, нам нечего опасаться. Евреев мы били и будем бить. Вот если объявятся сыны Израиля – тогда наше дело плохо. Им сам Творец эту землю дал».

Так, может, пора превратиться в сынов Израиля, которые, уважая себя и следуя своей Торе, стали бы уважаемыми и нашими немногими друзьями, и нашими многочисленными недругами?

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Писательница Дина Ратнер родилась в Одессе, но большую часть времени до репатриации жила в Москве.

В 1982 году на филофаке Тбилисского государственного университета защитила кандидатскую диссертацию по теме «Индивидуальность художника и творческий процесс». С 1986-го по 1995-й преподавала в Московском литературном институте им. М. Горького спецкурс «Психология творческого мышления». В этот же период активно выступала с лекциями «Евреи в русской классической литературе», «Теология иудаизма и христианства» и другими. Работала практикующим психологом в Лаборатории социально-психологической реабилитации.

В 1995 году Дина репатрировалась в Израиль. Доктор философии. Член Союза писателей России. Член Союза писателей Израиля. Вышли в свет книги Дины Ратнер «Индивид и творческое мышление» (М., 1992), «Вдохновение и откровение» (М., 1995), «В поисках бочки Диогена» (М., 1995), «Борщ для тоскующего оле» (Иерусалим, 2000).

В настоящее время живет в Иерусалиме.

Читателям «НВ» предлагается новая повесть Дины «Бабочка на асфальте».

Дина РАТНЕР

Бабочка на асфальте

Сутулый, давно облысевший инженер Давид Рабинович сидит перед открытым окном, из которого видны звезды, освещенные окна арабских домов и очертания гор. Рабинович медленно, с удовольствием вдыхает прохладный ночной воздух; резких движений после инфаркта боится. В голове прокручивается одна и та же фраза: «По пологим холмам, по пологим холмам, по пологим холмам Иудеи». Хочется найти рифму, чтобы продолжить, и получится стих, но другие слова не придумываются – нет опыта.

За спиной несостоявшегося поэта в маленькой комнате уместаются: узкая кровать, шкаф и придвинутый к стене стол.

На столе со вчерашнего дня стоит початая бутылка вина, которую Рабинович купил по случаю своего дня рождения, и одна рюмка. Свет в комнате он не зажигает, а то комары налетят. Конечно, лучше бы из окна были видны огни еврейских поселений, но горы-то иудейские, а противостояние живущим напротив арабам возвращает к временам двухтысячелетней давности, когда соседство враждебных племен не позволяло евреям забыть о бдительности и разучиться носить оружие. И сейчас не расслабишься, солдаты, принимая присягу, держат в одной руке Тору, в другой – автомат.

И километра не будет между еврейскими и арабскими строениями на окраине Иерусалимского района Неве-Яков, что означает – оазис протца нашего Иакова. Рабинович думает: «Достанут тебя оттуда автоматным выстрелом, но ведь и ты можешь сделать то же самое. Можешь, но не сделаешь; неизвестно в кого попадешь, вдруг в миролюбивого араба – и возопит тот к Всевышнему, моля о справедливости. Не случится трагедии, если и подстрелят меня, для старого человека смерть естественна, старый уже разобрался, что к чему. Но пока внук в армии, мне нельзя умирать, я стерегу его. Ничего больше не попрошу для себя в этой жизни, только бы у мальчика было все хорошо. Завтра он приедет домой на шаббат».

Рабинович вспоминает о том, как в прошлый шаббат подждал его на автобусной остановке, а потом пристроился справа со стороны арабской деревни, закрывая собой вроде живого щита. Внук разгадал уловку деда и со смехом обошел его:

– Давид, не хитри. (Илюша еще в России, когда был маленьким, звал дедушку по имени, там этому удивлялись, а в Израиле оказалось в самый раз.)

Тот сердился и увещевал:

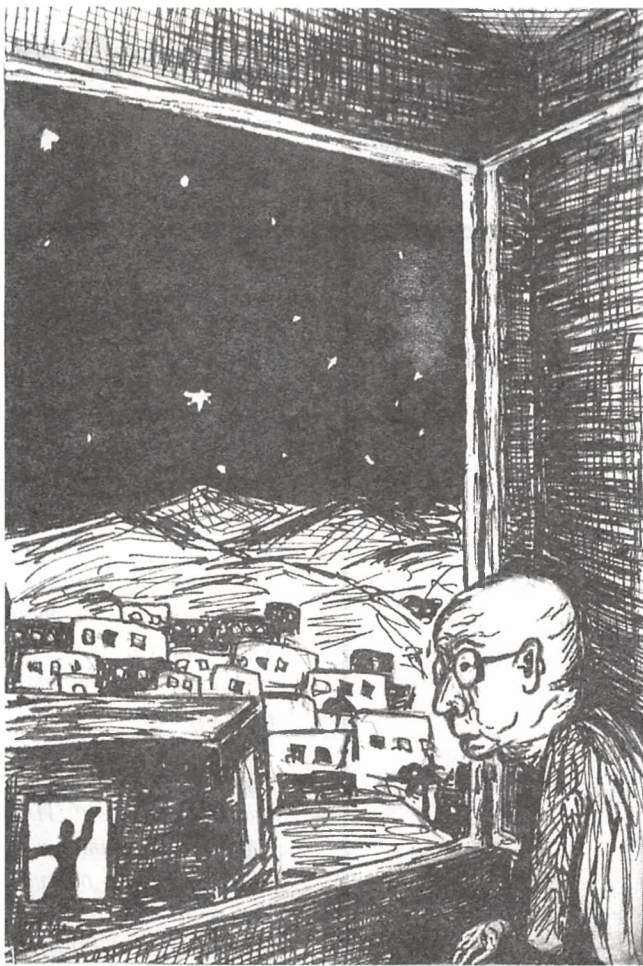
– Молодые должны жить!

– И ты должен жить! – страстно настаивал внук. – Кто ж меня любить будет, если не ты?

– Девушки, конечно, – засмеялся Давид.

– Они так не умеют, – погрустнел Илья.

У деда защемило сердце: «Не получилось у него с Ноа, девочкой-солдаткой». Ноа маленькая, худенькая, похожа на мальчика-подростка. Она сама проявила инициативу – раскрутила их роман. В прошлом году, когда Илюша возвращался из Москвы (летал в гости к отцу), она ни с того ни с сего пришла встречать его в аэропорту с огромным букетом белых лилий. Мальчик удивился, когда, кроме деда,

подлетела и Ноа в коротенькой юбочке, на высоченных каблуках. Она бросилась Илюше на шею, а цветы, чтобы не мешали, сунула деду. Так он и стоял с букетом в руках – смотрел вслед оглядывающемуся на него внуку. Ноа увезла его к подруге в Ашкелон.

Дома Давид поставил цветы в бидон, который привез из Москвы на тот случай, если придется в Израиле стоять в очереди за разливным молоком. «Ну что ж, дай Бог счастья, – решил тогда старик. – Девочка не из красавиц, но если она его любит, это самое главное». На склоне лет Давид понял: человек держится в этой жизни чьей-либо привязанностью: хорошо, когда ты кому-то нужен.

Мальчик явился домой только через два дня и проспал целые сутки. Спустя год Ноа другого повезла к подруге в Ашкелон.

Взять бы на себя страдания ребенка, думает Рабинович, в юности трудно пережить измену. Потом понимаешь: все проходит. Сказано же у Екклесиаста: «Все суета». Для человека, давно обдумавшего совершенные и несовершенные в молодости поступки, нет загадок в отношениях людей. Мы спешим на представляющуюся счастьем случайную встречу, потом оказывается – спешили мы на встречу с самим собой. Наделяя женщину свойствами собственной души, присваиваем любимую и желаемое выдаем за действительность. При этом нарушаем заповедь: «Не сотвори себе кумира». Научить бы внука тому, чего я и сам не умею – независимости.

Мой мальчик, черноглазый, темноволосый, похож на грузинского поэта Шота Руставели, каким его изображают на барельефах: брови взлет, тонкое лицо, обрамленное заостряющейся книзу короткой бородкой. В Грузии до сих пор бытует молва о том, что Шота Руставели и царица Тамара любили друг друга. Спасаясь от сердечной муки или скандала при дворе, поэт ушел пешком в Палестину, где и жил в монастыре до конца дней своих. Красота и талант не сделали его счастливым. Мужественная стать внука не соответствует его мягкому характеру: он сентиментален, доверчив и непозволительно привязчив.

Давид Иосифович, или, как говорят в Израиле, Давид бен Йосеф, лежал на своей узкой «девичьей» кровати и прикидывал, сколько часов осталось до приезда внука. Из обрывков телефонных разговоров он знал: Илюша сейчас в Хевроне – один из восьми солдат, расположившихся за бетонным ограждением, четверо отдыхают, а четверо других с автоматами в касках – на страже. Арабы бросают в них камни, стреляют. На вопросы деда: «Где ты?», «Как ты?» – Илюша смеется: «Нельзя разглашать военную тайну. Не волнуйся, все в порядке».

В пятницу и субботу Давид будет вслушиваться в рокочущий силой горного ручья голос внука. Таким же представляется и голос Шота Руставели – певца грузинского возрождения. Почти целых два дня мальчик будет рядом, и Давид успокоится, будет думать, вспоминать или просто наслаждаться созерцанием гор из окна своей комнаты. По окончании субботы внук соберет рюкзак, вскинет на плечо автомат, обнимет деда и уйдет до следующего увольнения. А дед превратится в окаменевшего стража, молящего Всевышнего защитить его мальчика.

Случается, Илюша остается дома еще на одну ночь – тогда утром Давид тормозит внука до тех пор, пока тот не вскочит, за секунду, как по команде, натянет солдатскую форму, одной рукой ухватит рюкзак, другой автомат – и помчится. Давид будет вслушиваться в постепенно удаляющийся стук ботинок на каменной лестнице, ведущей вниз к шоссе и автобусной остановке. Он помнит: Элизера, Илюшиного друга, спас случай. Вернее, приехавшая накануне из украинского села «Сиваковцы» бабушка, она силой заставила его подняться рано утром и выпроводила из дому. Всего лишь за несколько минут до теракта успел Элизер уехать с

того места, где останавливаются попутные машины, чтобы подобрать солдат. «Скажите спасибо бабушке, – говорил он потом своим родителям, – это она вовремя вытолкала меня из дома».

Взять бы на себя все опасности, подстерегающие детей, самому оказаться на смотровой вышке перед летящим снарядом, в горящем танке с заклинившимся люком, в подводной лодке без доступа кислорода. Но дедушка только и может, что заклинать судьбу. Об одном он просит Творца – чтобы родители никогда не хоронили своих детей.

Насколько Давид бен Йосеф отождествил свою жизнь с внуком, настолько его отец был сосредоточен на себе. Он вспомнил те дни, когда умирал отец, и запах мочи в его комнате – запах старости и болезни. А ведь страстно хотел жить, очень уж разогнал в своей плотской радости. Отец был выше среднего роста, плотный, с большим увесистым носом и тяжелым взглядом самца. Родственники называли его «Еська-поц» – за версту мужиком разило, – и женщины с первого взгляда знали, чего ему от них надо. И так же с первого взгляда с удовлетворением отмечали величину его кошелька.

Тысячи лет из поколения в поколение передаются у евреев библейские имена, вот если бы отец еще и унаследовал у Иосифа Прекрасного силу противостоять искушению. В детстве Есеньку залюбили, избаловали: один мальчик в семье, остальные – девочки. Тогда, наверное, и усвоил: все для него. Ну и, конечно, темперамент... Мама рассказывала, как однажды она поехала с отцом в гости. Трамвай уже отправлялся от остановки, Еська кинулся вдогонку, вскочил на подножку и уехал, оставив беременную на последнем месяце жену. Не мог он упустить удаляющуюся цель. Вернувшись от гостей поздно вечером, устроил маме скандал – почему она не поехала следом.

Наверное, как-то раз отец так же вскочил на подножку уходящего трамвая, но домой уже не вернулся. Он оставил нас с мамой, когда я был маленьким. Однако незадолго до смерти переехал ко мне, и я ухаживал за ним. Предчувствуя скорый конец, плакал, говорил, что судьба к нему несправедлива.

– Все твои жены и наложницы давно в лучшем мире, – отвечал я на сетования отца, – а ведь они были моложе тебя.

Мои слова он пропускал мимо ушей: «Ну, то – они, а то – я». Или злился: сын, видите ли, не хотел понять его. Случалось, свирепел. Однажды запустил в стенку пузырек с лекарством, на этикетке которого прочел не то название, какое ожидал:

– Что ты мне принес? Врач выписал совсем другое!

– Я обошел несколько аптек, твоих капель нигде нет. Сказали, можно заменить этими.

– Кто сказал?! Что понимает аптекарь?!

– Я к провизору ходил.

– Думаешь, если я больной, можно издеваться! – кричал в ярости отец, он набычился, глаза налились кровью. – Подожди, я еще встану!

Я не ответил.

– Пусть врач записку напишет и печать поставит.

Ничего не оставалось, как пойти в поликлинику и принести подтверждение врача о полноценности замены. К лекарству отец не притронулся, пока не заставил обзвонить все аптеки и не убедился, что поиски оригинала напрасны.

Он боялся смерти, как человек, никогда не задумывающийся о тщете жизни. Если одна жена уставала его обслуживать, он брал другую, не вдаваясь в подробности, кто виноват в разводе с предыдущей. После войны не было недостатка в одиноких женщинах. Теперь, когда попытки отца встать с постели ни к чему не приводили, он начал понимать, что и его возможности безграничны; перед ним

маячила только одна дверь – дверь в никуда. Почувствовав смерть совсем рядом, отец готов был вместо себя подставить внука – моего сына. Я понимал, что происходит с отцом, хотя лишний раз не заглядывал в его комнату. Только по мере необходимости: принести еду, подать «утку», перестелить постель. Я тоже почувствовал приближение смерти, я увидел ее в виде шевелящегося воздуха в углу прихожей, слева от входной двери. Смерть стояла между отцом и Леней – моим двенадцатилетним сыном; и, если отец будет очень сопротивляться, смерть подберется к мальчику. И тогда я увел сына из дома на целый день.

Когда вечером открыли дверь, поразила тишина.

– Папа! – позвал я срывающимся голосом, в котором были страх, жалость, несбывшаяся любовь к отцу, угрызения совести и, может быть, надежда, что все еще можно исправить.

Никто не отозвался.

Я бросился в комнату отца. Он стоял на коленях у постели, положив голову на сложенные руки – поразили его серые мертвые уши.

– Папа!

Отец был мертв.

Смерть действительно стояла между отцом и моим сыном. Через несколько дней Леня со своим приятелем лазали по лесам ремонтируемого здания. На девятом этаже споткнулся и упал, он разбился бы, если б не зацепился за выступающий из стены седьмого этажа железный стержень. Стержень проткнул его. Мальчика едва успели спасти. «Слава Богу, – сказал хирург, – жизненно важные органы остались целы».

С тех пор прошло много лет, а у меня, когда вспоминаю об этом случае, душа отлетает. Случись что с сыном, то был бы конец и моей жизни.

Память возвращается и к тому дню, когда отец остался в квартире один. Ведь все необходимое у него было: на столе стояли лекарства, еда. Всего-то и нужно было – протянуть руку и взять. И утка лежала на табуретке у постели, а большую нужду перед нашим уходом справил. Казалось, не о чем беспокоиться. Зачем он тогда пытался встать? Почему оказался в углу на коленях перед постелью? Может, снова захотел по большой нужде? А, может, испугался – увидел свою смерть и сделал последнее, отчаянное усилие вырваться.

Свою холодность к отцу Давид оправдывал голодным сиротским детством. Они с матерью во время войны собирали очистки на помойке, а папочка, которого не взяли на фронт по причине глухоты, куда-то усвистал. Объявился после войны – прислал открытку. Писал, что живет в Караганде и хочет навеститься в Москву – повидать сына. И сын поспешил на свидание, мечтая, втайне от матери, вернуть отца домой.

В гостиничном номере, куда примчался Давид, восседала большая громкоголосая женщина, сразу же заявившая о своем безраздельном праве на отца: «Есенька без меня пропадет. Такой неприспособленный, ничего не может. Даже готовый обед сам не возьмет. Подать нужно и сидеть рядом. Кто же пожалеет твоего папочку, если не я?» Полнокровный, энергичный Еська вовсе не смотрелся беспомощным слабаком. «Он у меня, бедненький, работает с утра до ночи». «Жить надо там, – подхватил отец, – где много работы. В Караганде я – главный специалист, что называется, нарасхват». Женщина, обнажавшая в деланной улыбке золотые зубы, не оставляла Есеньку с сыном наедине, она догадалась о намерении Давида попросить отца вернуться к матери. «Хитрый», – грозила она Давиду пальцем, а Еське говорила: «Он не такой простак, каким прикидывается».

Спустя несколько лет отец снова наведался в Москву, но уже с другой женой. Приехали, как и в первый раз, за покупками. В гостиничном номере так же громоздились тюки, коробки, пакеты.

Периодичность наездов отца в столицу совпадала со сменой жен. Новой, как и предыдущей, купался дорогой отрез на пальто, соболий воротник и золотые часы. И всякий раз Давид удостаивался заверений очередной подруги в том, что именно она, как никто другой, ухаживает за его папочкой: трет морковку, проворачивает мясо через мясорубку и с утра пораньше варит манную кашку: «Есеньке, потому что, трудно жевать». И именно ее Еська любит больше всех. С другими просто так жил, а с ней по любви. Доказывали так рьяно, будто сами хотели в это поверить.

Уезжали супруги довольные, сын помогал грузить вещи, сажал в поезд и махал вслед выглядывающему из тамбура отцу. Очередная баба ревновала, отец знал об этом, и потому в тамбуре не задерживался.

В который раз Давид категорически решал: «Все, хватит. Больше к отцу не пойду». Но почему-то снова шел в гостиницу, не осознавая своей зависимости. Домой возвращался с обновой: добротными кожаными ботинками или теплой курткой. Мать рассматривала вещи, оглаживала, щупала и говорила: «Сумасшедшие деньги, видно хорошо живет». Давид отдавал ей несколько сотенных бумажек, которые отец втихую от очередной подруги совал ему в карман. Сын не знал, радоваться ли ему такому подарку или оскорбиться. Опять же, вопрос: оскорбиться от того, что дал украдкой, или потому, что дал мало, ведь очередная тетка, отвернувшись в угол, пересчитывала огромную пачку таких же сотенных красных бумажек. И деньги, данные Давиду, казались жалкой подачкой.

Столь частую смену спутниц отец объяснял сыну: «Понимаешь, не могу я долго жить с одной женщиной. Они устают, начинаются всякие фокусы, и вообще я не люблю, когда мне отказывают в постели. Ну, ты понимаешь, о чем я говорю. В это время подворачивается другая и берет быка за рога».

Умирать отец приехал к сыну. Незадолго до смерти, когда уже не вставал с постели, просил его: «Не закрывай дверь в мою комнату». «Тебе легче будет, если вся квартира провоняет мочой?» – спрашивал тот и закрывал, думая при этом: «Всю свою могучую энергию и деньги отец истратил на одинаково толстомясых, горластых баб. И какой смысл в такой жизни?»

«Сколько лет прошло с тех пор? – соображает Давид. – Сыну моему тогда было двенадцать, мне, значит, под сорок. Сейчас семьдесят. А, кажется, это происходило невесть когда, в другой жизни». В окне, на темном небе, узенькая лодочка только что народившегося месяца и рядом, снизу, крупная бело-голубая звезда. «Восточный пейзаж», – любитесь Рабинович, именно таким он представлял в России ночное израильское небо... Сегодня шаббат. Внук дома. Можно расслабиться, освободиться от постоянного страха за него.

Из соседней комнаты слышны голоса ребят. Илюша приехал со своим другом Элиэзером; оба с вещмешками и автоматами. Когда смотришь на курносого, голубоглазого Элиэзера, рот сразу же растягивается в улыбке. При этом его смешливые глаза в один миг могут стать серьезными, и говорит он умно, точно. Дружба мальчиков началась еще в ешиве с общего интереса к теоретическим проблемам физики и математики. Оба после армии собираются в университет на математический факультет. Б-г для них не только вера, но и знание. Вот и сейчас Элиэзер в который раз повторяет двухтысячелетней давности слова рабби Шмуэля: «Кто способен вычислить ход небесных светил и не делает этого, к тому применимы слова: Творения Б-жьи они не созерцают, дела рук Его не видят».

– Первым вычислил лунный и солнечный календарь Ноах, – подхватывает Илюша, – или вычислил, или архангел Рафаил нашептал.

– Про архангела не знаю, а вот Виленский Гаон сказал переводчику Эвклидовой геометрии на иврит: изъян в знании математики влечет стократный изъян в знании Торы.

– Скажи, когда представление о космосе в сознании человека разделилось на религиозное и научное? – спрашивает Элизер.

– Когда именно, не знаю, но деление неправомерно, ведь наука не противоречит Торе, более того – подтверждает ее. Да и идея эволюции созвучна иудаизму, который видит мир непрерывно развивающимся, стремящимся к совершенству. Ахад Гаам, родившись в ортодоксальной хасидской семье, считал, что в Палестине, помимо земледельческих поселений, должен быть создан духовный центр евреев. Для этого следует организовать академию изучения иудаизма, науки, литературы, искусства, философии. И тогда будет преодолен разрыв между светскими и религиозными.

«Да, да, – радуется в своей комнате Давид, прислушиваясь к разговору детей, – именно так, иудаизм должен быть представлен на фоне общечеловеческой культуры».

– Вот мы и восстановим с тобой традицию целостного познания, – смеется Элизер.

Послышался короткий смешок Илюши.

«Слава Б-гу, – обрадовался Давид, – с тех пор как мальчик расстался со своей девушкой, он ни разу не смеялся». Любящая душа деда чувствовала болевшее сердце внука. Мальчик только и думает сейчас об этой потаскушке, ничего не видит вокруг – стопор души. Это потом он заметит ее колючие глаза, безобразную худобу, и блондинка она не настоящая – крашеная. Снять бы с мальчика этот камень и положить на себя. Все эти страсти, муки ревности копейки не стоят. Все равно, что посадить на ладонь муравья и поднести его к самым глазам. Маленькое насекомое застит свет, а можно смотреть на этого же муравья отделившись – с расстояния взгляда прохожего, который случайно глянул себе под ноги, – и тогда эта козявочка видится тем, чем она и есть на самом деле.

Как сделать детей счастливыми? – в который раз задает себе этот вопрос Давид. Вот и у сына все наперекосы. Я виноват: не угадал, не распознал его, не направил. Потакал надежде на поэтический талант, но не внушил, что ко всякой способности, увлеченности должна прилагаться могучая сила воли. В противном случае получается что-то вроде легкой ряби, кругов на воде – вот они есть, и тут же их нет. Я подогревал интерес сына к литературе разговорами о невозможности выразить в точных науках самое главное – радость и боль души, чувство отдельности и сопричастности людям-то, чем жив человек. И еще я старался научить Леню видеть ситуацию как бы со стороны: в частном разглядеть общее, в случайном – закономерность. Это умение отличает переживание художника от крика несчастного влюбленного. Подобные разговоры ориентировали внимание, мысли: Леня заметно веселел, становился уверенней в себе, появилось даже что-то вроде снисходительной усмешки. А вот терпению, умению работать не сумел научить. Думал само собой образуется, сам поймет.

Я ведь тоже на своей шкуре понял, что к чему в этом мире. Вот только сознание необходимости вытеснило зов души, который так и не оформился в четкое стремление. Тут еще важно, с чего начинаешь. В голодные послевоенные годы я только и мог устроиться подсобным рабочим в слесарную мастерскую. Работа нехитрая: подай, убери, сбегай, принеси. Пытался научиться слесарному делу, но оказался самым неумелым учеником: если резал по наметке жечь – получалось криво, выточенная гайка не наворачивалась на болт. «Руки не из того места растут, – раздражался мастер, – быть тебе всю жизнь подметалой». «Ну, ты, задумчивый, уберишься, не видишь – телега едет!» – кричали мне. Я отскакивал от катившего на меня автокара и метался в поисках пятого угла. Ужасно мучился сознанием своей никчемности, понимал – сам виноват, но ничего не мог изменить. Хотел спрятаться в лю-

бовь – защититься любовью. Мечтал встретить девочку, которая жила на соседней улице, потом она со своей мамой уехала куда-то. Та девочка умела рисовать желтую луну на черном небе и знала наизусть главные города разных стран. Девочка эта казалась мне прекрасной бабочкой с крыльями цвета радуги. Представлял, что она увидит меня и остановится. Я спрошу: «Ты ждешь кого-нибудь?» Она скажет: «Тебя!», – а потом узнает, что я изобрел вечный двигатель – никто не смог, а я изобрел.

Как давно это было и как недавно, в памяти живы запахи металлической стружки, машинного масла, широкое, с вздернутым носом лицо бригадира, насмешки слесарей. «Ну, ты, задумчивый, не путайся под ногами!» – кричали мне не только мастера, но и сверстники – мальчишки-подростки. Я ничего не мог, а они могли все – ловко обтачивали детали, пили наравне со взрослыми неразбавленный спирт, серьезно, со знанием дела, матерились и кололи свиней.

Каждое утро, боясь опоздать на работу, я спешил в холодную, продуваемую сквозняками, грязную слесарку, где смотрели на меня как на местного дурачка. Чувство подавленности, обособленности от других вызывало желание уединиться: чтобы выжить, надо научиться быть одному. Потом, будучи взрослым, стал рассуждать над тем, что первично: невозможность приспособиться к действительности предшествовала сознанию своей отдельности или, наоборот, неосознанный поиск себя помешал увлеченности конкретным слесарным делом.

В юности трудно оставаться в клетке наедине с собой. И я решил превозмочь себя и сделать то, что могут другие, зарезать кролика, например. Связал кролику задние лапы, повесил вниз головой, взял нож, поднес к горлу несчастного зверька и начал пилить. Нож оказался тупым, кролик кричал человеческим голосом, а я – незадачливый резник – пилил, преодолевая ужас. Прекратить бы это истязание, но было поздно – кровь текла широкой струей. Истошный крик превратился в хрип, потом в легкий свист и, наконец, смолк.

На всю жизнь запомнились окровавленная тушка кролика и ужас содеянного. Тогда же понял: себе нужно сжать горло до предсмертного хрипа, себя заставить делать то, что не хочется или не получается. И я усадил себя за учебники седьмого класса – решил в техникум поступать. Нужно сосредоточиться, уговаривал я себя, – не спешить, все равно бежать некуда. Вникнуть, запомнить, доделать до конца.

С первого раза не поступил. Бросить бы эту затею, но работа в слесарке, где меня держали за недоумка, заставляла снова взяться за книги. Развернутый учебник ночью под настольной лампой давал надежду на перемены и спасал от бессонного лежания. Засыпал я долго и скучно, а когда, наконец, начинал проваливаться в сон, на меня откуда-то сверху надвигались глаза и, как в тумане, виделся длинный ряд людей, предшествующих моему появлению на свет. Все они куда-то шли. Время от времени случались эпидемии, войны – люди падали. Оставшиеся останавливались, стояли до тех пор, пока снова можно было двинуться в путь. И я среди них. Я должен понять и сделать что-то самое главное, и тогда всем станет хорошо. Но что?

По обрывкам маминых рассказов и нескольким старым фотографиям я представлял себе большую семью в бедном местечке, где все были вместе и каждый сам по себе. Почему-то наделял тех ушедших родственников мечтой своего голодного военного детства – зачерпнуть из жестяной банки полную ложку сгущенного молока. Отдельно лежала фотография матери отца, я вглядывался в спокойное лицо молодой женщины с высокой прической, в дорогой шали и длинных серьгах. Я сравнивал двух бабушек, мамина мама в платочке смотрела на меня с болью и беспокойством: я у нее один внук. У матери отца есть еще внуки, она во мне не очень-то и нуждалась. Мамина мама, которую считал родней, ревновала меня к

другой – городской, и я из чувства справедливости, чтобы она не страдала, выбросил фотографию богатой бабушки. Потом узнал – обеих убили немцы, одну в украинском местечке, другую в Минске. Так ни разу и не видел их: мама с отцом переехали в Москву задолго до войны.

Освоив, наконец, программу седьмого класса, стал я студентом станкостроительного техникума, кроме паспорта у меня оказалось еще два личных документа с фотографиями – студенческий билет и зачетная книжка. Рвение, с которым взялся за учебу, часто сменялось апатией, скукой. Совсем затосковал, когда девочка, с которой переглядывался на лекциях, стала уходить с остроумным, везде успевающим блондином. Я, перасторопный, узколицый очкарик в драных ботинках, не мог равняться с ним. Была и другая, вопросительно заглядывающая в глаза девочка, но с другой я не чувствовал крылья за своей спиной. Апатия сменялась надеждой, надежда новым разочарованием, а, в общем, жил по инерции. По инерции окончил техникум, поступил в институт. Ну а поскольку изобретение вечного двигателя в принципе невозможно, я стал заниматься исследованием в институтской лаборатории коэффициента зависимости усталости различных сплавов от тепловых нагрузок. Через пять лет, как положено, получил диплом и поехал по распределению на строившуюся в городе Волжском нефтебазу.

Степь, дорога, горячий ветер в лицо, когда Давид ехал на попутном грузовике от Сталинграда до Волжского, предвещали приключения, радость неожиданных встреч. У молодого специалиста появилось даже чувство своего могущества, и он запел, захлебываясь ветром: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Сухие, выжженные солнцем поля с редкими забытыми скирдами соломы сменились арбузными бахчами. Вокруг по-прежнему ни души. Солнце – дрожащая синева ртути, как круглое отверстие в небе, – начинало остывать и уже не слепило глаза. Жар шел теперь снизу, от раскаленной за день земли. Машина неожиданно затормозила и остановилась. Шофер вылез, как вывалился, из кабины и направился к бахче, волоча за собой мешок.

– Пойдем, подсобишь, – оглянулся он на пассажира.

Давид обрадовался возможности пройтись после долгой езды.

– Ты не трожь, сам знаю, какой кавун брать, – говорил степной человек с обесцвеченными на солнце лицом и одеждой.

Втащив в кузов и прикрыв соломой тяжелый мешок, они уселись при дороге и стали прямо руками выбирать из расколотого арбуза красную сочащуюся мякоть. «Все люди братья», – радовался Давид близости незнакомого человека, с нежностью глядя на белые лучики расправленных под глазами от прищура на солнце морщин.

– Мне переть на твою нефтебазу ни к чему, – сказал шофер, утер ладонью рот и влез в кабину, – до разъезда подброшу, а там сам дойдешь. Правее бери.

Не прошло и получаса, как Рабинович стоял на развилке дорог и оглядывался: вокруг плоская, смыкающаяся вдаль с небом, степь. Только слева вдаль серебрились цистерны нефтебазы. «Если держать под прицелом цистерны, – смекал путник, – километров пять будет, а если взять правее, как говорил шофер, получится дальше – в обход. В обход дорога наезженная, а прямо – едва проступающая из засохшей травы и заносов песка тропка. Двинулся вперед. Твердой земли под ногами хватило не надолго: тропинка исчезла – ее словно смыло песком. «Вперед! Только вперед!» – подбадривал себя молодой специалист. Шел он, наверное, под уклон, потому как цистерны исчезли из виду. Вокруг мертвая, сухая земля под равнодушно-зловещим блеском белого солнца. Изредка попадались обломки старых почерневших шпал, ржавое перекоженное железо. Здесь, недалеко от Сталинграда, проходила линия фронта. Песок почему-то стал сырой, потом мокрый, ноги

вязли, скользили. Неожиданный крутой спуск привел к покрытой радужными пятнами мазута болотной трясине. Прямо жуть – черная, пропитанная мазутом земля, пустое небо и трясина, ведущая в преисподнюю. «Дорога в ад», – подумал Давид и хотел было повернуть обратно, снова выйти на проезжую часть, но, подняв глаза, увидел невдалеке, словно вынырнувшего, человека – обтянутый кожей скелет. Темные провалы глаз вспыхнули угрозой. Казалось, раздумывал – не наброситься ли ему на заблудившегося беззащитного путника. Давид оцепенел, попытлся, неожиданно сорвался и побежал. Когда оглянулся, человек в свисающих лохмотьях стоял на том же месте и смотрел вслед. Кто он? Сбежавший заключенный, которого приговорили к расстрелу? Может, немец, прячется здесь, не знает, что война давно кончилась. Или дезертир, тысячу раз пожалевший о случившемся. Живет в заброшенном окопе или землянку себе вырыл. Что лучше – одичать и умереть с голоду или быть расстрелянным? Легче умереть сразу или постепенно? Лучше сразу, решил тогда Давид.

Дорога в степи привела, наконец, к небольшой деревне. Уже были глубокие сумерки, почти ночь, когда выплыли навстречу приземистые избы; в окнах ни одного огонька. Вскрикнул и тут же смолк петух, где-то скрипнула плохо притворенная калитка. И опять тихо. Давид прошел вдоль деревни, в которой и была то всего одна улица, – высматривал, где бы попроситься на ночлег. Пока размышлял, в какую дверь постучаться, из крайней избы вышла и направилась к колодцу женщина с двумя ведрами.

– Скажите, у кого тут можно переночевать? – бросился к ней путник.

– Командировочный, что ли? – спросила повязанная косынкой по самые глаза женщина.

– Да нет, работать сюда на нефтебазу приехал. По распределению из института.

– Значит, надолго. Вот и выбери себе хату справную, на крышу смотри. Вон у Горбачевых железом крыта – не промокает. Туда и иди.

Женщина ловко вытащила из колодца полные ведра, подцепила их коромыслом – и, переваливаясь как утка, направилась к дому. У нее одна нога была короче.

– А у вас можно? – спросил вдогонку Давид.

– У меня крыша старая – протекает. Еще до войны толем крыли. И тесно, ребятшек двое.

– Мне много места не надо, где-нибудь в сарае на сеновале.

– Ночуй. Завтра оглядишься, получше найдешь. Здесь рабочие и во времянках живут, только зимой-то в них не натопишься. По пять баб в каждой, навалом спят, приткнутся друг к дружке – и тепло. Сколько их здесь мается, – не то себе, не то шедшему следом заезжему человеку говорила хозяйка дома. Она подняла и поставила на лавку ведро с водой, не расплескав ни капли. Бесшумно, не глядя на нечаянного гостя, достала из комода чистую тряпицу, застелила ею соломенный тюфяк, расправила грубошерстное солдатское одеяло и сказала:

– Спи на здоровье.

– А вы? Это же ваша постель.

– Да я с детьми на полу лягу, летом оно и лучше – прохладней.

На следующий день с утра пораньше спешил Давид к розовеющим в лучах восходящего солнца цистернам нефтебазы. Невдалеке, слева от выстроенных в шахматном порядке цистерн, лоснилась гладь залива с застывшими на ней баржами. Справа – новое, из красного кирпича, двухэтажное здание конторы. Мерный стук насоса, перекачивающего мазут по подвесному трубопроводу, делал безлюдную утреннюю тишину особенно ошутимой. На первом этаже конторы по обе стороны узкого коридора двери с табличками: «Директор», «Главный инженер», «Бухгалтерия», «Отдел кадров».

– Еще рано, никого нет, – пояснила женщина неопределенного возраста из отдела кадров; только ее дверь оказалась не запертой. Прочитав направление на работу, сказала:

- Располагайтесь на втором этаже в кабинете начальника теплоцентрали.
- А он что, в отъезде?
- Да нет, вы и будете этим самым начальником. Вот вам ключ.

Давид поблагодарил, взял ключ и повернулся было уйти, но кадровичка продолжала говорить:

– Кабинет начальника химической лаборатории тоже на втором этаже, лаборатория пока закрыта, специалиста нет. Послали заявки в Москву и Ленинград. Должны прислать.

И потянулось время – один бесконечный день. Давид проверял расчеты предстоящих работ по строительству теплоцентрали, сверял чертежи, делал обмеры на местности. А ночами, отгороженный от хозяйки и ее детей ситцевой занавеской, лежал на соломенном тюфяке, смотрел в черноту и думал: «Нет у людей выбора, идут лишь по той дороге, которая открывается перед ними».

В избе душно: почему-то в деревне нет форточек, и окна не открывают – так и лежит между двойными рамами запорошенная пылью прошлогодняя вата. Среди ночных шорохов, поскрипывания, попискивания за стенами, на чердаке Давид различает едва уловимое дыхание Оли – хозяйкиной дочки. Тоненькая, беленькая девочка с едва наметившейся грудью и светлыми, как голубеющее на рассвете небо, глазами совсем не похожа на свою смуглую, черноглазую мать. Рядом посапывает ее братик, шестилетний Вовка, он черпьявый, узкоглазый, вроде татарчонка. Оля высокая, медлительная: ходит – плывет лебедушкой. Вовка, наоборот, низкорослый, юркий. Отца у них нет и, судя по всему, неизвестен. За хозяина в доме сметливый Вовка. То он, по-деловому насупившись, прилаживает отвалившуюся от забора доску, то чинит табуретку или тащит какую-нибудь корягу на дрова. А то посилавший в холодной воде реки часами ловит раков. Гордый добычей, тащит их, шевелящихся в сетке, домой. Тут же разводит во дворе огонь, кипятит воду, варит, затапливая в котелок вываливающиеся клешни. Дети в деревне взрослеют рано.

Первой на исходе ночи оставляет избу мать. «Пока доковыляю до места – рассветет», – объясняет она. До колхозной птицефермы далеко – километров шесть, а то и больше. Переваливаясь как уточка, Нюра доберется туда в хорошую погоду часа через два – два с половиной. Ходит она в низко надвинутом платке, не поднимая глаз. Сторонится людей. Стыдится ли своей хромоты или, может, того, что прижила детей без мужа. Тяжелый труд валит ее замертво. Вернувшись домой, пьет зачерпнутую из ведра воду, опускается у стены на пол и тут же засыпает.

«Может, так и нужно, – размышляет Давид, – отмахать свои километры, детей поднять и тихо уйти».

Самое большое богатство в доме – сундук, в котором Нюра прячет наворованный с птицефермы по горсточке комбикорм. Зимой этим кормом пробавляются три ее курицы и петух. Овощи с огорода и яйца – вот все, чем кормится семья. Нюриной зарплаты всего-то и хватает на спички, хлеб да керосин, но работа в колхозе дает право жить в своем доме, стоит-то дом на колхозной земле.

«Хорошо хоть мне на этой земле не век вековать, – радуется Давид, – отработаю положенные три года и уеду». Особенную тоску у городского жителя вызывали суховеи, дующие на широких волжских просторах. С круговертью поднятых ветром песка и земли степь страшила мраком и первозданным хаосом. Хотелось забиться в нору, сжаться и замереть.

В один из осенних дней с дождем и завыванием ветра, Давид поднимался по лестнице конторы. После долгого хождения по степи под тяжелым намокшим бре-

зентовым плащом – проверял в степи изоляционные работы на строительстве теплотрассы – не терпелось выпить, согреться. Он уже видел себя в кабинете с граепным стаканом в руке и даже слышал булькающий звук, как вдруг открылась дверь химической лаборатории и перед долговым инженером Рабиновичем предстала коротко стриженная, зеленоглазая девушка в узкой юбочке, едва прикрывающей коленки. Она и оказалась тем самым специалистом – выпускником химического факультета, которого давно ждали на нефтебазе.

Все решилось с первого взгляда: крепкие ноги и незамысловатая вышивка на подоле загипнотизировали Рабиновича и пробудили неожиданную для него самого страсть охотника. Людочка тут же почувствовала свою власть над этим узколицым евреем с пышной шевелюрой темных волос и чувственным ртом. Повелительница, она же и жертва. Будь вместо этого огорченного очкарика тот, кого нужно добиваться, завоевывать, появился бы стимул совершенствовать ум и душу. Сейчас же, когда исключались сомнения в своем могуществе, можно было расслабиться. Инстинкт подсказывал: догонять лучше, чем убегать, но догонять некого – вокруг пустая степь.

Рабинович взял ее руку и прижал ладонью к своей груди. Людочка не отстранилась. А вечером искушенная в любви девушка спрашивала Давида: «Евреи все такие страстные?»

Правление нефтебазы выделило молодым времянку – обитый шифером дощатый домик в одну комнату с круглой железной печкой. Каждый день не избалованные заботой и мужским вниманием женщины видели инженера Рабиновича с добычей: то он тащил ведро картошки, то купленного у рыбаков на другом берегу Волги огромного леща. А когда из времянки молодых тянуло запахом баранины, знали: к калмыкам в дальнюю степь ходил.

Сколько весел прошло с тех пор, как война кончилась, а женщинам под Сталинградом казалось, будто вчера только прятались в погребе от обстрела. Фронт был рядом, на ночь мужчины приходили домой, а если не появлялись, женщины отправлялись искать своих среди убитых. Хоронили своих и чужих. После войны работали землекопами на строительстве Волго-Донского канала. Возле землянок, где они жили, задолго до окончания строительства канала взгромоздили гигантский колосс вождя. Гранитный Сталин в длиннополой шинели, с фуражкой в опущенной руке стоял у одного из будущих шлюзов на высоком берегу и был виден далеко вокруг.

Как и многим тогда, Давиду казалось – Сталин бессмертен. Будучи подростком, стоял он седьмого ноября, стиснутый сплошной толпой на Красной площади, и смотрел в ночное небо, где скрещивающиеся лучи прожекторов высвечивали цветной портрет вождя со звездами генералиссимуса на погонах и римские цифры, знаменующие очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. На плотную людскую массу падал мокрый снег, но никто не замечал ни холода, ни снега, ни слякоти под ногами.

В такой же сплошной толпе двигался Давид к Колонному залу – в первый и последний раз воочию увидеть того, кто, казалось, не мог умереть. Некто невидимый регулировал потоки трудящихся, направляя их на главную магистраль; шлюзы на той или иной улице то открывались, то закрывались. Двигались медленно, подолгу стояли, а когда заслон убирали, срывались на бег. Промозглый мартовский день подходил к концу. Стало смеркаться. Пополз слух, что пускать в Колонный зал будут еще только два часа. И тут люди, с раннего утра продрогшие на морозе, бросились на баррикады из плотно подогнанных друг к другу грузовиков. Первые проскочили, за ними полезли другие. Тут же подоспела конная милиция. Пытаясь закрыть прорыв, втиснуться между лавиной трудящихся и грузовиками,

по которым карабкались ловкачи, наездники стегали нагайками лошадей. Бедные животные, задрав оскаленные морды, крутились в людском водовороте. Давида отбросило к высокому дощатому забору, и он оказался зажатым между забором и крупом лошади. Пытался вывернуться, нырнуть под брюхо коняги – не получалось. Толпа напирала, коняга пятилась, вжимаясь задом в грудь стоящего за ней человека. Давид колотил кулаками по крупу лошади, кричал в окаменевшую спину сидящего в седле милиционера; он уже хрипел, когда умное животное, переступив ногами, высвободило его из тисков. Оглянувшись, спасенный, увидел на неподвижном, бесцветном лице седока циничную усмешку опричника – а ведь мог и задавить.

В Колонном зале, отделенный от гроба генералиссимуса несколькими рядами скорбящих, Давид вглядывался в знакомый по портретам лик, но, как ни старался, не мог проникнуться торжественностью момента. Потом он узнал, что в тот день погибло много народу: люди бежали, прорывая заслоны, падали, их затаптывала и давила несущаяся следом остервеневшая толпа.

Женщины на землеройных работах Волго-Донского канала имени Сталина, а теперь – на строительстве города Волжского, тоже были жертвами войны и политики вождя. Они смотрели на поселившихся рядом молодоженов с завистью и нежностью. Так смотрят истосковавшиеся в одиночестве люди фильм о любви. Но кино – это то, что происходит издали, а вблизи – из времянки молодых – можно было слышать голоса:

– Опять ты мешками натащил всего! – кричала Людочка. – Лук пророс, картошка испортилась. Тухлятиной тянет – это рыба твоя. Выброси! Все выброси!

– Да нет, рыба в порядке, – слышался примирительный голос Давида, – сейчас растоплю печку, обжарю.

– Выброси! – свирепела жена.

И муж выбрасывал все, во что она тыкала пальцем. Выбрасывал, чтобы на следующий день снова отправиться на охоту за мамонтом. Усердие Давида удвоилось, когда он узнал, что у них будет маленький. «На большую семью рассчитан мужик», – говорили женщины, провожая глазами молодых. А Людочке наказывали: «Ты бы на своего-то не кричала, уйдет ведь». – «Вот еще! – вскидывалась та, – Никуда не денется, он меня любит».

По случаю непригодности времянок для грудных детей, дали молодой семье комнату на окраине Сталинграда, дали с перспективой – в первом же отстроенном жилком доме города Волжского дадут отдельную квартиру.

– Какой у тебя муж заботливый; ребенка обиходит, обед приготовит, – говорила Людочке Дарья Александровна – новая соседка. Муж Дарьи Александровны погиб на фронте, а единственный сын – курсант Суворовского училища – жил в Москве.

– Муж как муж, – зевала Людочка, – скучный он, как завхоз, только и может мешки таскать. Ну, пеленки постирает, суп сварит. Разве в этом дело.

– А в чем дело? – спрашивала соседка.

– Мне чего-то хочется...

– Чего же это тебе хочется?

– Чего-то хочется, а чего не знаю.

– Хорошо живешь, вот с жиру-то и маешься, – сердилась Дарья Александровна.

– Скучно мне, – жалуется Людочка Давиду, который только что пришел с работы и спешит погулять с сыном, чтобы тот ночью не капризничал, не беспокоил жену. Та ходит по комнате и тянет из мужа душу:

– Ску-у-чно. Одно и то же, каждый день одно и то же. Какая тоска!

– Подожди немножко, Ленечка подрастет, отдадим в ясли. Пойдешь работать.

– Нашел, чем утешить. Опять вокруг эта дикая степь, все те же баржи, мазут и бабы в телогрейках с лопатами.

– Построим дома, люди приедут.

– Какие люди!? Кто сюда потащится?

– Химкомбинат всесоюзного значения будем строить, электростанцию...

– Сдался мне твой химкомбинат!

– Если хочешь, можно в Москву уехать.

– Это еще сколько ждать.

– Все устроится, все будет хорошо, – уговаривает Давид, стараясь вспомнить какую-нибудь шутку, анекдот, чтобы развеселить жену.

Ночью, когда ветер, предвещающий ураган, гремит по железной крыше, уютное посаживание ребенка в кроватку, горячее бедро спящей жены отгораживали от страха пустоты, оставленности. Утром же от раздраженного окрика Людочки, ее холодности, появлялось чувство беды. Километры, которые отмахивал Давид по степи в кирзовых сапогах с налипшей на них грязью, от одного участка изоляционных работ трубопровода до другого, не приносили спасительной усталости. Однажды зимой, когда на улице было как-то особенно промозгло, а дома уютно потрескивали в печке дрова, Давид начал рассказывать жене о соотношении разных видов энергии. О том, что тепловую установку можно представить электрохимическим генератором, о поисках катализаторов, которые ускоряют реакцию и уменьшают затраты.

– Мне это не интересно, – перебила Людочка, и лицо ее стало отчужденным, замкнутым.

– Я думал, может быть..., ты химик, и мы бы вместе...

– При чем здесь химия! – раздражается жена.

– Скажи, чего тебе хочется?

– Любить хочется! – выкрикнула Людочка и выбежала из комнаты.

В следующее мгновение она рыдала у соседки:

– Я сама, сама хочу любить! Я хочу, чтобы он открыл меня, разгадал мою душу.

– Что же такого особенного есть в душе твоей? – спросила умудренная жизнью Дарья Александровна.

– Не знаю, только обед я и сама могу приготовить. Скучно мне с ним. Хочется, чтобы сердце замирало, чтобы был взрослый и сильный, а я маленькая, чтобы приказывал, а я подчинялась. И смотреть на него...

– Как собака на хозяина, – подсказала соседка.

– Да хоть и так, только ведь и я что-то могу.

– Конечно, можешь, у тебя образование высшее. Ты – инженер.

– Я не про это, – Людочка задумалась и с тихой улыбкой проговорила, – мне нравится деловые письма писать, я, когда работала секретаршей на кафедре в университете, замдекана мне поручал готовить самые важные бумаги. Душа замирала, когда слышала его шаги под дверь. Старалась, работала лучше всех.

– И ты одна была у него такая расторопная? – усмехнулась соседка.

– Не одна. В том то и дело, что не одна. А то бы торчала я в этом захолустье. Надоело. Все надоело! – опять зарыдала Людочка. – Как в клетке живу, в Ленинграде рестораны, театры...

– Разведись, если надоело.

– Не могу я одна. Не могу без мужчины вовсе!

– Зачем же мучить человека, он себе другую найдет. Мужик справный, любая кинется.

– Меня тот тоже мучил, я терпела. На все соглашалась: по месяцу не приходил – ждала. А этот на час задержится – бежит как сумасшедший. Я и соскучиться не

успею. Вчера только надумала пельмени сделать, а он их уже слепил, мне только и осталось, что в кипяток бросить. Не у дел я. От того, бывало, слова ласкового не дождешься, а этому только бы лизаться. Слишком много его любви, для моей места не остается. Я стала толстая, неповоротливая, тупая.

– И злая, – добавила Дарья Александровна.

– И злая, – как эхо, тихо повторила Людочка.

Самыми тягостными для Давида были выходные и праздничные дни. На работе, не видя жены, он отвлекался от ее нелюбви. Чувственность, которая поначалу намертво привязывала его к Людочке, ослабла: не то, чтобы накушался, а устал, устал придумывать иллюзию семьи. Раньше умилялся аккуратности жены: в шкафу идеальный порядок – майки с майками, носки с носками. Вещи сына тоже разложены по стопочкам: штанишки, рубашечки – не перепутать бы, что куда. И взять можно только то, что лежит сверху, вытащить из стопки нельзя – порядок нарушишь. Потом стала раздражать эта педантичность секретаря-делопроизводителя: все бумаги подколоты, все на своих местах – скрепки со скрепками, карандаши с карандашами.

По выходным дням спасали долгие прогулки с сыном. Однажды из-за проливного дождя вернулись раньше обычного. Людочка мыла пол. И тут Давид не доглядел, пока снимал у двери ботинки, мальчик протопал в комнату в грязных башмачках.

– Кровопийца! – взвизгнула Людочка. – Корячусь тут целый день, чистоту навожу. Совсем оборзел, эгоист проклятый, не можешь ребенка переобуть.

– Вытру, подотру, ничего страшного не случилось, – бросился к тряпке Давид.

Тут сынишка, который только недавно начал складывать отдельные слова, вдруг выдал целую фразу: «Папа, а ты не мог маму получше найти?»

– Хорошо женщине, – думал Рабинович, стеливший в тот вечер себе постель на раскладушке, – может развестись, ребенок останется с ней. А мне как быть? Уехать? Все бросить и начать сначала. Ленечка будто подслушал мысли отца – проснулся и молча смотрел большими печальными глазами. Давид взял сына на руки, прижал к себе: «Я тебя никогда не оставлю. Вырастешь и сам решишь, с кем жить».

Все определилось само собой. В начале следующей недели пришла телеграмма из Москвы от двоюродной сестры: «Мама заболела, приезжай».

– Нет! – категорически заявила жена. – Неизвестно, когда ты вернешься, а мне тут одной не справиться.

– Да ты посмотри вокруг, сколько одиноких женщин с детьми живут. Скоро вернусь. Заберу маму и приеду, она давно просится с внуком понянчиться.

– Еще чего придумал, я и свою мать не беру, а то еще твою на голову сажать. Где это мы тут разместимся в одной комнате? Разве что в постель к нам положишь.

– Бабушка с Ленечкой посидит, а ты на работу сможешь выйти.

– Куском хлеба попрекаешь, на работу гонишь, я, выходит, тебя объедаю?

– Ты ведь сама хотела, говорила: на работе легче, чем дома.

– Что ты там роешься в шкафу?

– Ищу полотенце, с собой в поезд взять.

– Отойти от шкафа, ничего там твоего нет. Отойти, говорю, никуда ты не поедешь!

Рабинович увидел на побелевшем от злобы лице жены мутные пятна глаз, жесткие космы волос, угловатые, как у мужика, плечи. И тут он, рассчитав движение, быстро, одним рывком сдернул с вешалки пальто и ринулся к двери.

– Маменькин сынок! Ищешь, где полегче. Тебе там курочку с рыбкой фаршированной приготовили. Сволочь! Эгоист! Жид! – вопила вдогонку жена.

Вытянувшись на верхней полке вагона, Давид смотрел в потолок, прислушивался к мерному стуку колес и ликовал по поводу своего освобождения – теперь

его не настигнет окрик жены, вспышка ее внезапной ярости. Под мерное покачивание вагона расслабился, задремал. Стук колес стал пропадать, будто поезд буксует на месте. Давид открыл глаза: нет – едет, за окном тянутся безлюдные, бесхозные поля, выплыла бревенчатая развалюха: кто-то дом начинал строить или амбар, потом бросил эту затею – одному не обжить эти пространства. Болело сердце за мать – как она там одна. Боялся и за сына, вдруг жена заберет его и уедет в свой Ленинград. Почему-то вспомнились первые дни, медовый месяц, когда они целовались в каждом закутке. Он тогда от радости не мог усидеть на месте, не ходил – бегал, все время о чем-то рассказывал, смеялся и с ужасом думал: «А ведь могли не встретиться». Может, еще все образуется, мама поправится, со временем переждем в Москву, будем ходить в театр.

Давид застал мать в постели. Осунувшаяся, обессиленная, она смотрела на сына светящимися любовью глазами, дотрагивалась до его руки, словно хотела убедиться, в самом ли деле сын ее вот здесь, рядом. Изможденное болезнью и одиночеством лицо, побелевшие волосы не вязались со счастливым сиянием голубых глаз. На столике возле постели – фотографии внука, все, которые Давид посылал чуть ли не с первого дня рождения Ленечки. «Я с ним разговариваю, – улыбнулась мать, – говорю, чтобы хорошо кушал, маму слушался и никуда не лазил, а то можно упасть».

Давид смотрел на истончившееся тело матери, высохшие вздрагивающие руки, и в первый раз увидел в ней четырнадцатилетнюю девочку, какой она была на единственной ее фотографии. Мягкий овал лица, легкие светлые волосы и вопросительный взгляд обиженного ребенка. Потом вспомнил мать в старой синей кофте с облезлой меховой опушкой на воротнике. Сгорбившись над столом, она тонкими кисточками раскрашивает розовые пластмассовые брошки, изображавшие кисть руки с букетом цветов. Розовой оставалась только кисть руки, букет раскрашивался красным, синим, зеленым, желтым лаком, и получались очень даже правдоподобные цветы. Он помогал ей, они сидели до тошноты, до обморока. В доме всегда пахло ацетоном. Краски и мешок пластмассовых брошек приносил Борис Соломонович. У него была деревянная нога и орден Красной Звезды. Он же забирал готовый заказ.

После широких волжских просторов густо поставленные домики в московском районе Черкизово кажутся особенно скученными. Первые дни Давид радовался возвращению, будто и не уезжал. Все осталось по-прежнему; вот только вместо керосинки на двух кирпичях в крохотной прихожей, она же и кухня, стоит теперь двухкомфорочная газовая плита. Грел душу все тот же синий вьюнок за окном, старая выцветшая портьера и самодельный буфет, под стеклом которого выставлены серебряные рюмочки – мамино приданное, – из них так ни разу и не пили – не случилось большого торжества.

Спустя неделю Давид затосковал, все чаще представлялась встреча с сыном – Ленечка обхватит его шею, прижмет и замрет. О том, чтобы ехать сейчас с матерью в Сталинград, и речи не было, она тут же почувствует себя лишней в его семье. Оставить маму здесь одну тоже нельзя. И вдруг телеграмма от жены: «Возвращайся немедленно». Пока соображал, что бы это могло значить, снова телеграмма: «Или сейчас, или никогда». Через три дня в дверь постучали, Давид открыл – перед ним стояла Дарья Александровна, соседка из Сталинградской квартиры. Не успел удивиться неожиданной гостье, как бросился на него, вопя от радости, Ленечка.

– Ну вот, а говорил, спрячешься, – смеялась, доставившая на дом бесценный подарок, курьерша.

– Кто там? Кто пришел? – донесся слабый, встревоженный голос мамы. В следующее мгновение она всматривалась в мальчика на руках у сына.

– Нельзя же так сразу, – бормотала за спиной Давида Дарья Александровна, – дайте ей что-нибудь сердечного, не только с горем, но и с неожиданной радостью не всегда можно справиться.

Рот у мамы приоткрылся, глаза остановились. Боясь поверить случившемуся, она медленно подняла дрожащую руку и прикоснулась к Лениной ножке – не мираж ли это. Мальчик отвернулся и судорожно вцепился в отца.

– Отойди от меня, я страшная. ...Волосики светлые, ты тоже был беленьким, потом потемнел, лобик высокий и глаза твои...

– Что-нибудь случилось с Людой? – спохватился Давид.

– Все в порядке, она здорова, – уклончиво ответила Дарья Александровна.

– Вышла на работу?

– Да нет.

– Что с ней?!

– Уехала. Уволилась и уехала.

– Куда? Зачем?

– Не знаю. Про нее ничего не знаю, а мне все равно нужно было в Москву к сыну. Женится он, вот и прихватила вашего ненаглядного.

Ленечке надоело сидеть у отца на руках, он спустился на пол и отправился обследовать новый дом. Обычно в гостях он не отходил от родителей, а тут почувствовал себя в безопасности.

– Садитесь. Что же вы стоите? Я по такому случаю в магазин сбегая, – радовался Давид.

– Рюмочки серебряные достань, только вымой, а то они пыльные, – проговорила мама. Голос ее окреп.

– Вот и рюмки дождались своего часа, – смеялся Давид, а то уже забыли о их назначении.

Мама всегда жила с сознанием «надо», у нее не было слова «хочу». Вот и сейчас сказала себе «надо», медленно опустила с кровати негнущиеся в коленях ноги, опираясь на палку, встала, сделала шаг, еще шаг и... пошла...

...«И мне скоро нужно будет покупать палку-трость», – усмехнулся про себя Давид, он откинул простыню: в Израиле не только дни, но и ночи жаркие. Конечное наше время, так близко прошлое и настоящее. В прошлом было преддверие чего-то необычного, устремленность вперед. Теперь знаю: у вечности нет времени, «вперед» может означать и «назад» – возвращение к безгрешному состоянию, к началу Творения».

Давид зажег на ночном столике лампу, посмотрел на часы: три часа. Через час-полтора начнет светать. Старческая бессонница – это когда воспоминания становятся явью. Человек – как река, вода все время разная, а река одна. Чувства, мысли меняются – текучая вода, а сам я все тот же. Через два часа в окне дома по другую сторону веранды зажжется свет, там живет женщина с грустной улыбкой. Давно, в юности я видел в освещенном окне дома напротив радостно смеющуюся девушку. Там же был и мужчина, они клеили обои. Случалось, та хохотушка расхаживала в короткой, совсем короткой рубашечке на одной сползающей с плеча лямке. Сейчас высокая, давно немолодая женщина в окне напротив носит длинные платья. Иногда она танцует. Вот уж не думал, что пожилая, если не сказать старая, женщина может вот так, подняв руки, самозабвенно танцевать. Она, конечно, не знает, что я смотрю на нее – за тюлевой занавеской просвечиваются все движения. При встрече мы учтиво раскланиваемся – и только. Я не спешу знакомиться, боюсь испортить отношения, как это было уже не раз с соседями, которые жили здесь раньше. Квартира у нее маленькая, неудобная, что-то вроде временной стоянки для вновь прибывших из России репатриантов.

Все никак не могу привыкнуть к обилию свободного времени, раньше, казалось, не будь у меня нужды каждый день ходить на работу, непременно докопался бы до чего-то самого главного – истины вне времени. Совершенствуется техника, способ передвижения: сначала ездили на лошадях, потом на поезде, на машине, на самолете, – а природа человека осталась той же, все те же страсти и страдания. Теперь я сам себе хозяин, не нужно выяснять отношения с начальством, не мучают заботы молодости. Свободен, как никогда, и как никогда ощущаю свое бессилие понять устройство мира, при котором всем станет хорошо. Может, счастливый человек не задается такой проблемой... Скрыться бы в сон, забыться.

Давид бен Йосеф потушил лампу, долго ворочался в постели, стараясь устроиться поудобней и наконец уснуть. Не получалось. «А почему, собственно, нужно спать? Может быть, наоборот, следует радоваться старческой бессоннице, ведь она прибавляет часы жизни. Можно слушать тишину и редкие, размечающие время, внешние звуки». Этажом выше простучали каблучки – вернулась медсестра с дежурства на «скорой помощи». Опять тихо. Через час в соседнем доме прозвенел будильник – там живет водитель автобуса, сегодня, значит, он работает в первую смену. Скоро начнет светать. Слышится нарастающий гул самолета. «Нет, это не самолет, слишком низко летит. Вертолет... Неужели опять теракт?»

Решительно откинув одеяло, Давид встал, хотел было быстро по-солдатски умыться, одеться, но прихватило сердце: после инфаркта нельзя делать резких движений. Ничего не оставалось, как переместиться в кресло у окна и смотреть в редеющую черноту предрассветного неба.

Со стороны арабских деревень, усиленный громкоговорителем, крик муэдзина. Истошными воплями с минарета они заявляют свое право на нашу землю. Евреи и арабы молятся одному Б-гу и молятся об одном – о владении Израилем. Но ведь в Торе, которую мусульмане взяли за основу Корана, сказано, кто унаследует эту землю. И еще сказано: соберутся сюда евреи после рассеяния: «И приведет тебя Господь Б-г твой в землю, которой владели отцы твои, и будешь ты владеть ею; и облагодетельствует Он тебя, и размножит тебя более отцов твоих...»

Места, где жили евреи, сейчас называются Палестинской автономией. Мы, иудеи, считаемся оккупантами на Иудейских горах. Смешно, но мусульмане всерьез утверждают, что Танах переведен с арабского, и не Ицхака, а Исмаила повел Авраам на заклятие. Дескать, археологические раскопки не свидетельствуют о нашем праве на Израиль. Сейчас они выгребают тысячи тонн земли на Храмовой горе и, конечно же, уничтожают следы нашего присутствия здесь. А мы почему-то не препятствуем им в этом. Почему? Боимся мирового сообщества? Но ведь есть историческое право. Нашу Тору не только мусульмане, но и христиане взяли за основу своей религии. Римский папа, когда образовалось Израильское государство, был поражен – исполнилось пророчество. У арабов маниакальное сознание: что хочу, то и говорю. Пытались внушить Римскому папе: евреи, мол, предали Мухаммеда и распяли Христа. К счастью, глава католической церкви – человек образованный, знает историю мировых религий. Недавно назвал евреев старшими братьями по вере, просил прощения за зверства христиан, и в частности, за убийство иудеев в католической Польше.

Вот и сейчас арабы кричат на весь мир: «Никакой катастрофы еврейского народа во Второй мировой войне не было. Все это евреи сами придумали, чтобы получить право собраться на Святой земле». Будто не их муфтий вступил в сговор с Гитлером. «Война за влияние в мире ведется между нами и евреями», – говорил Гитлер. Под этими словами мог бы подписаться и муфтий. И никто не привлекает лжецов к ответу за фальсификацию фактов, должно быть, не принимают всерьез. Но беда в том, что палестинцы верят своим бредням, в их школьных учебниках

государства Израиль не существует. Они и не скрывают своих намерений, устраивают демонстрации, несут лозунги: «Палестина – арабская земля, здесь нет места евреям». Евреи после войны уповали на дружбу со своими, так называемыми, сводными братьями. Арабы же, по приказанию муфтия, создали подпольную военную организацию, чтобы сбросить евреев в море.

Я, когда был маленьким, думает Давид, мысленно писал письмо Б-гу, просил чтобы Он научил меня не бояться темноты и не плакать оттого, что девочка в детском саду, которая рисовала желтую луну на черном небе, не обращает на меня внимания. Сейчас, когда я скоро предстану перед лицом Всевышнего, я скажу Ему: «Зачем Ты допускаешь, чтобы израильтяне убивали нас сейчас, после стольких веков страданий?» И услышу ответ: «Зверства арабов дают вам право разделаться с ними».

Если долго смотреть в окно на тающий месяц, увидишь, как первая птица с криком выстреливает в небо, словно спохватившись: вдруг рассветет без нее. Через несколько минут – вылетит вторая, третья, дальше – целая стая. Месяц становится все уже, бледнеет..., вот и растаял... Или это просто штрих на небе? Уловить бы момент его исчезновения. Отводить взгляд нельзя, через мгновение не найдешь этот белый штрих на ясном небе.

Что делает сейчас мой мальчик? Вчера вечером мы разговаривали по пелефону, все, говорит, в порядке. Другого и не скажет. Может, всю ночь стоял на сторожевом посту? Не задремал бы, а то не услышит подкрадывающихся боевиков. Нужно позвонить, разбудить. А если мой звонок отвлечет его? Ведь одного мгновенья достаточно чтобы араб выстрелил. Но Илюша позавчера дежурил. Могут поставить на дежурство и вне очереди. Только бы услышать его голос, но звонить нельзя, боюсь разбудить солдат. Над мальчиком уже смеются: «Опять твой сумасшедший дед спать не дает».

На днях арабы взорвали утренний автобус, в котором было много солдат: семнадцать убитых и более сорока раненных. Не могу слушать эти сообщения – семнадцать, девятнадцать, двадцать..., двадцать три года, и среди них девушки. Мать одного из погибших солдат отказывалась верить, надеялась, что в этом автобусе ее сына не было, ведь у нее нет больше детей. Отец другого солдата провожал сына до базы – никак не мог расстаться. Тяжело раненого сына на похороны отца принесли из больницы на носилках, принесли прочитать «кадиш» – поминальную молитву.

Господи, забери меня, только сохрани и помилуй моего мальчика! ...Давид бен Йосеф спешит прочесть псалом: «Ответит тебе Господь в день бедствия, укрепит тебя имя Б-га Яакова. Он пошлет тебе помощь из святилища и с Сиона поддержит тебя...»

Стало спокойней. А после валидола сердце отпустило, задремал... как в лодке поплыл по тихой воде. В каплях, падающих с весел, дробится солнце, за прикрытыми веками радужный свет. Лодка ударилась о высокий берег, что означало: пора вылезать и карабкаться по отвесному склону. Нет сил преодолеть крутой подъем, но и в лодке оставаться нельзя. Старик хватается за камни, свисающие корни деревьев; он давно усвоил: покой, бездействие – это конец. Поднявшись на гору, видит ступенчатые ярусы белых строений Иерусалима. На соседней горе – кладбище. «Значит, скоро там буду», – подумал во сне. Хотел было опечалиться, но благоразумно решил: «А где же мне еще быть: здесь хорошо – небо, солнце, и к Б-гу ближе». В следующую минуту, очнувшись, Давид вспомнил: он еще в России видел во сне эту белую, многоярусную карусель домов. Стоял над желтым песчаным обрывом и смотрел через глубокий овраг на светящийся город. Попав в Иерусалим, сразу узнал его. Рядом, спиной к видению, стояла его подруга Зоя; в России говорят –

любовница, в Израиле – «хавера». Длинноволосая, светлоглазая она укоряла его в легкомыслии:

– Нельзя жить химерами, вместо того, чтобы стать руководителем группы, ты в облаках витаешь, занимаешься пустяками. Не думаешь о сыне.

А в подтексте было – «не думаешь обо мне».

– Много ли человеку надо, – возражал тогда Давид, радуясь видению: дома, преодолев силу тяжести, повисли между небом и землей.

– Много. Не о тебе речь, о сыне. Ребенок растет, его одевать, учить надо.

– Вот и пусть учится. Было бы желание.

– Сколько бы ты ни читал книг, все едино: буддизм, иудаизм, христианство. Один закон для всех: «Не убий, не укради, не возжелай жены ближнего». Все равно не поймешь, что зависит от нас, а что происходит по воле случая.

– Не пойму, – подтвердил Рабинович, – но ведь не мы выбираем свою судьбу, судьба выбирает нас.

– Какой смысл задаваться вопросами, на которые нет ответа. Расслабься и получи удовольствие в этой жизни. Много радостей дают деньги. Давай съездим куда-нибудь в отпуск, на Золотые пески в Болгарию, например.

Тогда во сне Давид сожалел, что стоит подруга спиной к городу и не видит его светящейся белизны.

Через несколько лет Зоя умерла, у нее оказался рак желудка. Первый раз потеряла в больнице сознание – очнулась. Врачи скрывали, сказали «истощение» и поставили капельницу, дескать, авитаминоз. Второй раз потеряла сознание – пришла в себя. А на третий – умерла. Долго потом виделись Давиду закрытые простыней вытянутые ноги подруги и ее просветленное в смерти лицо.

Перед вечностью человек становится свободным от зависти, страха бедности. Рассказывала же Зоя, как они голодали в деревне. Мать однажды послала ее купить сыворотку, на молоко денег не было. И она, пятилетняя девочка, потеряла зажатый в кулаке рубль. Так плакала, что вся деревня сбежалась успокаивать ее. В Москве тоже не жировали: отец работал жестянщиком на заводе, мать уборщицей.

Глядя в распахнутое окно на сияющую голубизну израильского неба, старик вспоминал давнишний Зоин вопрос: «Почему ты не думаешь о будущем?» Но именно о будущем он и думал. Всю жизнь, не сознавая того, шел в Иерусалим. Сюда, где евреи вернутся к познанию Творца. Знание распространится по всей земле, и не будут больше воевать. В Иерусалиме – преддверие постижения истины, здесь сосны растут на камнях, воздух пахнет морем и, как нигде в другом месте, чувствуешь ликование и напряжение души.

Мысли, желания со временем меняются, а, в сущности, мы остаемся прежними. Вода в реке меняется, а река как была, так и осталась в своих берегах, – вернулся к своим думам Рабинович. В школе мечтал изобрести вечный двигатель, в институте перебирал разные варианты устройства электрохимического генератора. В конце концов, задумался над главным: как соотносить человеческий разум с замыслом Всевышнего, конечное с бесконечным. Да и конечен ли человек, если у него есть ощущение бессмертия?

Давид с тревогой посмотрел на часы, – уже восемь. Внук его сейчас на полигоне, у всех солдат отключены пелефоны. Звонить можно только через час. Пока не услышит голос своего мальчика, он просто невменяем. Каждую минуту смотрит на часы, представляя себя щитом между внуком и возможной опасностью. Протянул было руку к бутылке с водой, но в горле образовался спазм – не может пить. Как скоротать этот час? Отправился на кухню, вымыл и без того чистую плиту, расставил в шкафу собранные со стола, дивана, кресел книги, стал листать газету. Вдруг звонок. Старик вздрогнул, трясущейся рукой схватил телефонную трубку.

– Ты где? – кричит он.

– Опять напридумывал всяких страшилок, – сердится внук, – сам себя пугаешь. Все в порядке, не волнуйся. Я сейчас в столовой, потом позвоню. Пока. Спешу.

Щелчок и частые гудки.

Дедушка так и остался сидеть со счастливой улыбкой и трубкой в руках. Все в порядке, повторяет он про себя и медленно, глубоко вздыхает. Его послушать, так они там только и делают, что в столовой сидят и песни под гитару поют. Давид откидывается в кресле – теперь можно жить дальше. Ожидание звонка сократилось на целых сорок минут. Тут же пугается этого неожиданного подарка, не послали ли детей на опасное задание, где нужно выключить телефоны. И вообще, Рабинович боится неожиданных радостей, не покупает лотерейных билетов – не случилось бы чего плохого в счет выигрыша. Пугается даже хорошего настроения – не пришлось бы расплачиваться за забвение опасности. Накопленный ли это поколениями страх? Мать без конца повторяла: «Гот зол унз упхитн – Господи, сохрани». Он и на своем опыте знает – за все надо платить. Не буду думать о плохом, решает Давид, все хорошо. Скоро наступит мир, и Илюше не понадобятся курсы минометчиков, куда его послали учиться. Встретит свою девушку, у них будут дети, много детей...

Самое трудное время в армии – первые дни. Илюшенька – созерцатель, нет у него тяги к спорту, а тут сразу такая нагрузка. В полной амуниции, под палящим солнцем пустыни – попробуй отмахай шестьдесят километров, хорошо если шагом, а то еще бегом, ползком. Один автомат сколько весит, за несколько минут плечо оттянет, про вещмешок и говорить нечего – пополам согнет. «Когда уже нет сил идти, – рассказывал мальчик, – остается одно желание – лечь на землю и замереть. В этот последний момент подходит к тебе девушка-инструктор с личиком мадонны, тоже при полной выкладке, и говорит – как песнь о любви поет: «Ты можешь, ты сильный, все можешь, все выдержишь». И вправду, спина распрямляется, ноги не подкашиваются. Девушка улыбается и направляется к другому, оставшему от строя новобранцу».

По закону, если в семье один ребенок, он имеет право не служить в боевых частях.

– Давид, ты же знаешь, каждый перед лицом Создателя, никому не уйти от судьбы, – взывал Илюша к благоразумию деда.

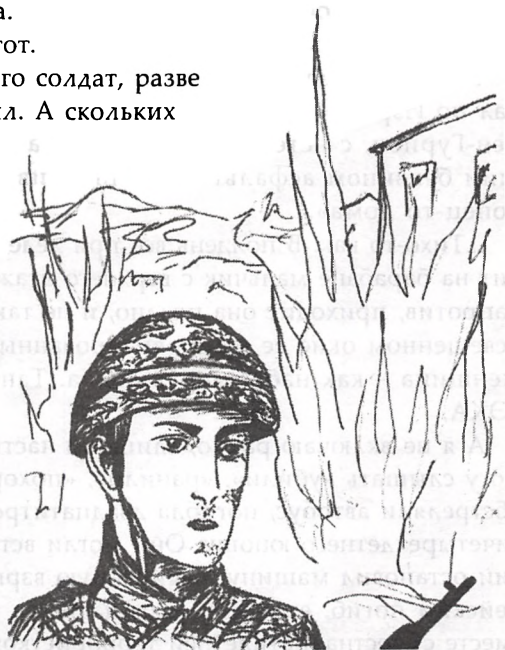
– Береженого Б-г бережет, – возражал тот.

– В теракте на тремпиаде погибло много солдат, разве имело значение, кто в каких частях служил. А скольких подстрелили в машине? Люди идут в кафе, садятся в автобус и не знают – выйдут сами, или их вынесут. Да и просто по улицам ходить опасно, не будешь же у каждого араба искать за пазухой взрывчатку.

– Тем более они переодеваются женщинами, хасидами, надевают форму наших солдат, – подхватил дед.

– Так уж лучше иметь возможность отстреливаться, защищаться: больше шансов уцелеть и спасти жизнь другим.

Илюше было четырнадцать лет, когда он, живя в Америке с матерью и отчимом, заявил: «Хочу в Израиль. Не отпустите – убегу». Бывшая невестка позво-

нила мне в Москву, вспоминал Давид. Я тут же выразил готовность ринуться следом за внуком. Нет места на земле, куда бы я не поехал за ним; в курту к оленеводам – кормить собак, на Сахалин – чинить рыболовные сети, в какой-нибудь дальневосточный колхоз – готовить к пахоте технику. А тут солнечный Израиль – неожиданный подарок судьбы! И вот мы встретились после десятилетней разлуки: невестка увезла ребенка, когда ему было четыре года. Снова вместе.

Наша первая экскурсия в Израиле – горная крепость Масада, последний оплот противостояния римским войскам. Здесь иудеи, отстаивающие веру в Единого Бога, провели свои последние дни. Весь мир был подвластен Риму, уже и Иерусалим пал. Только одна крепость держалась против римской империи. «Лучше умереть свободными, чем жить рабами», – сказал юный вождь защитников Масады. Крутой змеиной тропой поднимались сюда принимать присягу бойцы только что организованной Армии Оборона Израила.

Петляет прорубленная в горах дорога – красные срезы гор, красная земля. Невольно вспоминается: взял Господь шепотку земли и сотворил человека. Земля на иврите – «адама», человек – «адам», красный – «адам». Тогда, в начале марта, подернутые легкой зеленью склоны гор, пронизанный солнцем воздух давали ощущение подъема, взлета. Исчезало представление своей материальности, казалось, ты растворяешься в весеннем ликующем небе. Не только тело, но и мысль, твое «я» – ничто перед бесконечностью.

Ближе к Мертвому морю – желтые скалы с пещерами, где всего лишь тридцать лет назад нашли пергаментные свитки двухтысячелетней давности с главами Торы на иврите. И, что интересно, кожа сохранилась – в пещерах особый микроклимат. За синей плоскостью Мертвого моря – горы Моав, оттуда Моше Рабейну смотрел на Израиль. Горы в туманной дымке кажутся подсвеченными солнцем облаками. Удивительная легкость, невесомость, восторг. Высшая степень наслаждения, когда не ощущаешь своей отдельности от природы. Ты часть этой земли, есть в тебе хоть один атом тех евреев, которые перешли Иордан более тридцати веков назад. Есть генетическая память. Откуда бы взялась у внука тяга к Израилю? В Америке ему ни в чем не было отказа: отчим – адвокат крупного объединения, мать – красавица, высокая, статная, работает в фирменном магазине «Меха», демонстрирует шубы из норки, горностаевые мантии я видел только у королей на картинах старых мастеров.

Илюша, когда летал в Москву к отцу, еще только садился в самолет и уже скул по Израилю. Потом рассказывал: «Через месяц, приземлившись в аэропорту Бен-Гурион, с нетерпением ждал трапа к самолету, а, спустившись на пропахший бензином асфальт и услышав ивритскую речь, засмеялся от счастья – наконец-то дома».

...Тихо-то как. В полдень все при деле: взрослые на работе, дети в школе, не стучит на барабанах мальчик с верхнего этажа. Задернута тюлевая занавеска у соседки напротив, приходит она поздно, и не так уж часто мне перепадает удача видеть в освещенном окне ее импровизированный танец. Полная, но легкая в движениях женщина – как набегающая волна. Танцует под музыку русскоязычного радио РЭКА.

А я не включаю радио, слишком частыми стали теракты в последнее время, не могу слышать «убили», «ранили», «похороны состоятся». Как много жертв. Вчера обстреляли автобус, погибла двадцатитрехлетняя девушка. Сегодня убили двадцатичетырехлетнего юношу. Они могли встретиться и быть счастливыми. Полицейский остановил машину, начиненную взрывчаткой, через мгновение – взрыв, полицейский погиб, ему было двадцать два года. Рахель Леви семнадцати лет убита вместе с шестнадцатилетней террористкой. Зачем все это? У нас, в отличие от ара-

бов, не поднимется рука убивать всех без разбора. На сколько жестоких убийств вообще не отвечаем. Арабы подставляют детей, не будешь же в детей стрелять. Недавно зашли солдаты в дом – террориста искали, – сидит арабка, кормит ребенка. Наши мальчики деликатные – ждут, пока накормит. Тут выскакивает спрятавшийся бандит и открывает огонь. Кого-то убил, кого-то ранил. Кровью расплачиваемся за гуманизм. Так и раньше было. Еврейский отряд шел в Гуш-Эцион на помощь отбивающимся от арабов собратьям. По дороге встретили пастуха араба. Подозревали: донесет пастух, но пожалели старика – не убили. И тот привел своих, которые перебили весь отряд.

...Куда запропастился валокордин? Что же это, прямо не продохнуть. ...Пройдет, сейчас пройдет. После первого инфаркта не умирают. Глубокий вдох. Набрать побольше воздуха, задержать дыхание, выдох. И опять – глубокий вдох...

– Мя-я-я-у, – под окно пришла рыже-бело-черная уличная кошка. – Мяу, – настойчиво позвала она, вскарабкавшись на оконную решетку.

– Мяу-у-у, – приветливо отозвался Давид и получил в той же интонации ответ. Теперь кошка знает – хозяин пойдет на кухню за чем-нибудь вкусным. Замирает – ждет. Потом тычется мордой в его руку, нюхает, прикусывает колбасу, оглядывается, нет ли поблизости конкурентов, и принимается есть. А если хозяин вынесет сырую рыбу, у кошки тут же поднимется дрожащий от нетерпения хвост, она издает страстный, гортанный звук «хр-р-р» и в беспамьятстве набрасывается на добычу. Кошечка обидчивая. Тут как-то неделю подряд Давид кормил ее мясом. Мясо кончилось, а творог она есть не стала, обиделась и несколько дней не появлялась; потом опять пришла.

Я устал, болит сердце, спина, и все-таки не покидает всегдашнее напряжение, усилие понять: что хочет Б-г от человека? Сколько себя помню – искал ответ на этот вопрос. Сначала неосознанно, потом в книгах. Думал, в конце концов пойму, узнаю. Говорят, смысл жизни в самой жизни, в радости, когда оставляет тревога за детей, в удачной мысли, знании. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», – писал Пушкин. Хорошо, если страдание продуктивно. Все время ждал чего-то, необыкновенных встреч, любви. Ожидание всякий раз оказывалось интереснее свидания наяву: увы, воображение богаче реальности.

Сколько раз мне сын говорил: «Головной ты человек, тебе бы все думать, бежишь на идею, как мышь на крупу». Сын, наоборот, самозабвенно, по-детски наслаждается мгновением. Будучи уже взрослым, мог подолгу играть с котенком, а когда разделявал воблу к пиву – вытаскивал икру, обжигал рыбий пузырь, – казалось, священнодействует. Присядет, бывало, на корточках перед ползущим муравьем и смотрит...

Вот и сейчас по подлокотнику кресла ползет рыжий муравей, такие появляются в конце зимы. Затем настанет очередь пауков, в период дождей их не видно – висят на паутине, а летом расползаются – обследуют пространство. В жару то и дело натыкаешься на огромных черных тараканов, говорят, они летают, как майские жуки в Подмоскowie. Ближе к зиме, к холодам замирают на каменном полу невиданные насекомые с загнутым вверх раздвоенным хвостом. В Москве таких не было. У нас водились клопы, мыши, и их присутствие не зависело от времени года.

Давно снесли кукольный домик в Черкизово. Мама так и не дожидая до квартиры с горячей водой и ванной, умерла спустя три года после того, как я вернулся из Сталинграда. Мама привыкла обходиться минимальными удобствами, главное, чтобы сын и внук были здоровы. Последние несколько месяцев не выходила из дому. Я целый день на работе, Ленечка в детском саду, а она одна. Когда мы вечером возвращались, глаза ее оживали, на бледных щеках появлялся румянец. «Там, под подушкой горячая картошка», – говорила она, радуясь нашему появлению. Толь-

ко и хватало сил, что сварить картошку. Говорят, в другом мире нас встречают самые близкие, те, кто любил нас здесь – на земле. Меня встретит мама. И отец мой, на что был лишен всяких мистических чувств, а перед смертью в бессознательном состоянии звал свою мать: «мама, мама», – повторял он. Наверное, увидел себя маленьким. Забыл всех своих женщин, а может, это они не помнили его легковесной любви, и не прилетели их души на встречу с его, готовящейся к инобытию, душой.

Обитателей черкизовской Слободки расселили по всей Москве. Сейчас и не узнаешь того места – огромные, выстроенные в ряд шестнадцатизэтажные дома, широкий проспект. Как не было приткнутых друг к другу деревянных домиков с крошечными палисадниками. Нам с сыном предложили на выбор – или однокомнатную квартиру в новостройке далеко от метро и школы, или достаточно просторную комнату с двумя окнами в переулке рядом с метро «Пушкинская». Я всегда мечтал жить в центре города, где в театр можно ходить пешком.

Три безумные старухи в той коммунальной квартире не изменили моего решения. Когда переезжал, они стояли в прихожей и смекали, глядя на мои вещи, достойный ли я жилец. «Шалопай», – увесисто изрекла самая старая с мертвым, неподвижным лицом и зашаркала в свою комнату. «Шалопай! Шалопай!» – подхватила другая и засемила следом. Третья соседка смотрела заискивающе. Я понял – она ждала от меня защиты от тех двух, которые, судя по одинаковой мешковатости и одутловатости, были сестрами. По правде говоря, я надеялся отделиться от всех этих встрепанных бабок закрытой дверью, но не получилось. Направлялся ли я в ванную комнату или туалет, самая старая тут же выползала из своей норы и шла мне наперерез. Кухней я не пользовался: если не стоять у кастрюли, пока сварится мясо, рискуешь выловить из супа клочок седых волос. В почтовом ящике пропадали письма, а женщинам, которые звонили мне, сестры доверительно сообщали о моих венерических заболеваниях. «Не все то золото, что блестит», – подтверждали они свои доводы. Короче, развлекались, как могли.

Хозяйства дома я не заводил, обедали мы с сыном в диетической столовой на семнадцатом этаже ресторана «Пекин». Когда возвращались в свою берлогу, Леня стискивал мою руку, никого, кроме меня, у него не было. Я знал – он завидует всем детям, у которых есть мама. Его сиротское чувство, наверное, усугублялось и моей неустроенностью. Вернувшись из Сталинграда, я долго не мог найти работу, пока, наконец, не взяли в отдел теплоснабжения ремонтной конторы под названием «Моспромпроект».

Чертежные кульманы в небольшом помещении стояли почти вплотную, протиснуться между ними можно было только боком, вытянувшись в струнку. Мое место рядом с дверью, справа кульман крупной суровой Жени. Забаррикадированная девственностью, она, казалось, и смеяться не умеет – только криво усмехается. Прорвется же кто-нибудь в этот неприступный бастион – поматросит и бросит. Интересно, воспримет ли она такой эпизод в качестве подарка или трагедии. Когда у меня терялся карандаш или ластик, я просил у Жени. Та давала с явно выраженным неудовольствием и неизменным наставлением: «Свое иметь надо».

Впереди – кульман косматого, небритого Эдика; летом и зимой он ходит в сандалиях или туфлях на босу ногу, потому как приверженец группы босоногих сыроедов старца Иванова. Участники этой группы или секты исповедуют принцип «ближе к природе». Обедают Эдик сухофруктами и замоченной крупой, при этом не дурак выпить. Дальше – кульманы всегда спешащих, захопотанных женщин Вали и Гали. На работу они прибегали в последнюю минуту с авоськами продуктов – закупали по дороге.

У окна большой письменный стол начальника отдела Виктора Сидоровича. «Сидор = пидор» звал его Эдик. Сидор, являвшийся на работу ровно со звонком в

неизменном синем костюме, красном галстуке и папкой под мышкой, казался мне образцом корректности. Однако недолго я пребывал в этом заблуждении, вскоре начальник дал мне понять, что я должен делать для него контрольные и курсовые работы: он учится в заочном строительном институте. Я поделился своим недоумением с Эдиком, тот расхохотался мне в лицо:

– Этот Змей-Горыныч, когда наряды закрывает, нам всем приписывает выполнение несуществующих проектов. Потом мы ему эти денежки, понятное дело, отстегиваем от зарплаты.

– Но как же он отчитывается за фиктивные чертежи?

– Не знаю, это его дела.

– И никто не возражает?

– А зачем? Ты, положим, в запое или еще почему-то прогулял день-другой. Смолчит. Можно на работу опоздать, взять отпуск за свой счет. Да мало ли что понадобится. С начальством надо дружить.

Скучно было в том «Моспромпроекте», особенно тосковал я на всяких собраниях, где всегда чувствовал себя не у дел. Перед каждым Новым годом принимали план соцсоревнований нашего теплотехнического отдела с отделом водоснабжения и канализации. По каким показателям присуждали вымпел победителя, я так и не понял. Впрочем, от меня и не требовалось этого понимания, я выступал в качестве количественной единицы – изображал массовку – члена производственного коллектива.

Валя и Галя не сводили с ораторствующего начальника преданных глаз, ловили каждое его слово, поддакивали, подхихикивали. Эдик меланхолично жевал, таская из своей баночки изюминки. Деловая Женя времени не теряла – втихую считала на логарифмической линейке теплотехники стоящей на капитальном ремонте фабрики детских игрушек. Я злился, не в силах преодолеть досаду – жалко было потерянного времени. Все тогда казалось лишеным смысла: дома – грызня с сумасшедшими старухами, на работе – бездумное сидение за кульманом, с моей работой мог справиться элементарно натасканный техник. Одним словом, кризис души. Помню, кончилось то предновогоднее собрание, все расходятся, обмениваясь пожеланиями: «С Новым годом – с новым счастьем». Я, увлекаемый толпой, иду к метро и думаю: одиночество путника на долгой пустынной дороге менее тягостно – он знает, куда идет.

Неприкаянность делала меня раздражительным, нетерпимым. Я ненавидел безумных старух, хотя, наверное, к их пакостям можно было отнестись с пониманием. Очередь в магазине вызвала ярость, а нежелание сына делать уроки – чрезмерный гнев. Ко всему еще и работу потерял. Случилось это как-то само собой. На повестке дня одного из наших производственных собраний стоял вопрос коммунистического отношения к труду. Говорили всякие глупости о дисциплине, добросовестности, экономии государственной копейки. Зачем эти ненужные слова, если каждый знает, что сидит в дерьме: начальник ворует, и все повязаны с ним. «Не знаю, на какой козе к вам подъехать, чем зацепить», – говорил он мне после того, как я отказался делать ему курсовые проекты. Мне, единственному в отделе, Сидор закрывал наряды без приписок невыполненных работ. Ощущение тупой скуки, пустоты вызывало тошноту. И смотреть было некуда, в окне виден всего лишь угол серого неба, придвинутая вплотную, почерневшая от старости стена из огнеупорного кирпича и на ней новая оцинкованная водосточная труба. А тут еще Эдик, съев свои сухофрукты, заскучал.

«Дадим слово Рабиновичу!» – вдруг азартно воскликнул он. Получилась неловкая пауза, я на собраниях не раскрывал рта. «Хочу услышать мнение Рабиновича», – настаивал Эдик. «Ну что ж...» – наконец выдал из себя начальник и с не-

проницаемым лицом стал что-то пометать в своих бумагах. Я встал, ощущая дрожь в коленях, и неожиданно для себя рассказал анекдот: «Идет человек по дороге, а рядом в канаве, в грязи кто-то тонет. Говорит прохожий: дай руку, я тебя вытащу. А тот, захлебываясь дерьмом, – уже пузыри пускает, отвечает: «Не видишь что ли, я живу здесь»».

Все молчали. «Вот так и мы все – живем здесь», – добавил я и сел.

Со мной перестали разговаривать, сторонились как прокаженного. И только Эдик, когда мы оказывались одни, сокрушался: «Ну, зачем ты так? Зачем плевать против ветра? Или хочешь показать, что больно совестливый. А мы, значит, дерьмо? Ну, закрывает он на нас липовые наряды, так ведь ни от кого не убыло. Наоборот. Трудно тебе придется в жизни, сразу в стенку врежешься».

Через два месяца меня уволили по статье «сокращение штатов». И стал я ходить в поисках работы, как на работу – с утра до вечера с всегдашним ощущением человека, который не у дел. С возрастом люди не меняются, и опыт одиночества всегда один и тот же. Я тянул свою жизнь, как бурлак тянет свою лямку. Сын как-то сказал мне:

– У тебя изможденный вид и морщины глубокие, а глаза остались прежними – глаза нестигаемого борца.

– Почему именно борца? – спросил я своего подросткового сына. – Человек поступает сообразно со своей совестью. Если сподличаем, потеряем себя, нечем станет жить. Это хуже, чем временные неприятности.

– Только неприятности твои не временные, а постоянные, – почему-то обиделся Леня.

Работу я нашел лишь спустя полтора года, а пока подрабатывал везде, где мог. Взяли меня в лабораторию НИИ строительства на должность младшего научного сотрудника с зарплатой недоучившегося студента. Но выбора не было, я настолько обнищал, что подумывал – а не продать ли мне свой будущий труп в анатомическую медицинскую институту. Говорят, хорошо платят. В паспорте поставят штамп о продаже. Это не то же самое, что продать душу.

Устроившись на работу, я мог, наконец, спокойно жить, расслабиться. Так нет же, ввязался в склоку – стал восстанавливать справедливость. Доказал в управлении целесообразность внедрения в производство рацпредложения одного из сотрудников. При этом пришлось идти против мнения заведующего сектором, который, боясь конкуренции, не давал ходу своему подчиненному. Долгое разбирательство окончилось увольнением зава. Рационализатор же, заняв его место, стал душить всякую инициативу в отделе. «Вот тебе и фокус, – недоумевал я, – разберись после этого: где здравый смысл, а где чувство справедливости». Ничего мне не оставалось, как сидеть да помалкивать. Время от времени не выдерживал – огрызался. И не прекращал поисков – куда бы уйти из того НИИ, где борьба за справедливость, то есть за свободу, как я ее понимал, опять привела к тому, что остался в одиночестве – один в поле воин.

Однако мой неудачный жизненный опыт не мешал представлять себя неким разбрасывающим удачу волшебником. Я радовался, когда удавалось помочь, если не всему человечеству, то хоть кому-нибудь одному. Люблю сватать, чужую идилию семейной жизни легче представить, чем свою. И что удивительно, пары, которые я свел, так и не развелись. И еще я люблю давать деньги взаймы – при этом чувствую себя миллионером. Это, конечно, смешно, но случались и серьезные истории.

Сидим мы однажды с сыном в ортопедической мастерской, ждем своей очереди. На всю Москву одна детская ортопедическая мастерская, списки очередников составлялись с утра, и только к вечеру у нас принимали заказ. Я разговорился с

рядом сидящей пожилой женщиной. Ленино плоскостопие по сравнению с подвернутой стопой девочки, с которой пришла та женщина, – пустяк: ботинок девочке нужен был сложный, со специальными приспособлениями.

– Ваша внучка? – спросил я соседку.

– Да нет. Чужой ребенок, из детдома взяла.

– Усыновили? То есть удочерили?

– Нет, просто беру на праздники, иногда на выходные. Мы ведь вдвоем с дочкой живем, ее денег и моей зарплаты лифтерши только и хватает, что от получки до получки. В прошлом году дочка чуть не померла, врачи уже и лечить отказались. Посоветовали мне тогда раздать нищим у церкви сто рублей, это почти две моих зарплаты. Я и пошла, спросила у тамошних прихожан, кто из нищих самый бедный. Надо мной смеялись. Наши нищие, говорят, богаче вас. Тогда купила я на эти деньги дорогих конфет и отправилась в детдом. Зашла в кабинет директорши, хотела спросить, сколько детей у них, чтобы разделить всем поровну. Мы вместе и поделили. А те конфеты, которых не хватило разложить на всех ребятишек, я попросила отдать тому ребенку, к которому никто из родных не приходит.

«Я вам приведу сейчас эту девочку, Полиной звать», – обрадовалась директорша. Она же рассказала мне, что мать этой девочки делала аборт в шесть месяцев беременности. Думала, если искусственные роды, выкидыш, значит, родится мертвый ребенок, а оказался живой, вот только ножка повреждена. У матери той муж погиб, она осталась с полуторогодовалым мальчиком, а тут еще эта беременность. Недоношенного ребеночка сначала определили в дом малютки, потом перевели в сиротский дом. К другим детям кто-нибудь да приходит, хоть дальние родственники, а к этой никто. Девочка умная, но калека, дети издеваются над ней. А такого, чтобы специального для инвалидов, детского дома нет. Вот и стала я забирать сироту к нам домой. И дочка моя выздоровела.

Я смотрел на худенькую, молчаливую девочку с тонким интеллигентным лицом в не по росту длинном, застиранном байковом платье и пытался представить ее родителей, отчаянье матери и горе родни погибшего отца. А может, не было этой родни, иначе кто-нибудь навещал бы девочку. Я шепотом попросил сына поиграть с Полиной, но та забилась в угол и смотрела оттуда как затравленный зверек, которого только и паучили, что огрызаться. У меня в то время приятель работал в ЦИТО – Институте травматологии и ортопедии, он обещал посмотреть ребенка. Спустя несколько дней

отправился я за Полиной в детдом. Только вошел в вестибюль, бросились ко мне дети со всех сторон, окружили, кричат: «Папа! Папа! Возьми меня! Возьми меня, папа!» Я стоял как столб и молчал. Дети стали кричать настойчивей, наверное, им показалось, что я выбираю, кого взять. Действительно, неосознанно я заметил и предпочел тех, которые стояли поодаль и обречено молчали: знали, если и возьмут кого, то не их. В очереди такие всегда оказываются последними, я из той же породы. Окажись мы впереди, будем чувствовать себя неловко. «Ну что же ты язык прикусил, – говорил я себе, – швыряй горстями радость вокруг. Возьми хотя бы того мальчика, что стоит у стенки и смотрит на тебя с восхищением, ни на что не надеясь. Позови его...» Появилась Полина, хромая девочка в высоком ботинке, над которой издевались не наученные доброте дети. Я выбрался из круга кричащей оравы, взял ее за руку. «Это твой папа!?» – слышались приглушенные голоса. Полина шла за мной, не поднимая головы, она знала – я ее приведу обратно.

В кабинете моего приятеля ортопеда от изобилия внимания маститых дядей в белых халатах девочка совсем потерялась. В ЦИТО трудно попасть на консультацию, приезжают со всего Союза, а тут вмиг собрался консилиум. Смотрят и радуются, оказывается делов-то: сделать совсем несложную операцию стопы.

Три раза мы с Полиной ходили в институт ортопедии и всякий раз, когда возвращались в детдом, я покупал ей какую-нибудь мелочь вроде шоколадки или мороженого. В последний раз она попросила: «Если можешь, купи мне большую шоколадку, и тогда она долго будет моей, а маленькую я быстро съем. У меня ничего своего нет, только приколка, – девочка показала на заколку-невидимку у нее в волосах. – Платье, колготки – это все общее, постирают и отдадут кому-нибудь другому, а мне опять достанется чужое».

Спустя несколько недель женщина, опекавшая Полину, позвонила, рассказала, что операция прошла хорошо и вообще все сложилось удивительно – хирург устроил девочку в интернат для детей с подобными заболеваниями. Это особенный интернат, родители тех детей работают за границей. Кормят там пять раз в день, даже клубнику дают.

Интересно, если бы мать знала, что дочка жива, наверное, забрала бы ее. Говорят, детдомовские дети страстно любят своих объявившихся родителей, какими бы они ни были. А если бы моя жена увидела сына? Начала бы отсуживать его у меня? Наверное, тогда же, отправив мне ребенка, уехала в Ленинград и завела другую семью. Ленечка не спрашивал о матери. Только когда мы первого мая или седьмого ноября гуляли по многолюдным, праздничным улицам, он крепко стискивал мою руку. Потом дома, сидя со мной за холостяцким ужином, тяжело вздыхал. В доме не хватало женщины.

Сколько бы я ни говорил себе, что женщина меня интересует не столько как любовница, сколько – мать для сына, в действительности случилось наоборот. Я не спал с поджарой, по-мужски деловой Викой, хоть та и обхаживала нас с сыном – приносила огромные пакеты с домашними пирожками, норовила починить Ленечкины рубашки, заштопать носки. Говорила Вика неинтересные, общезначимые вещи, которые тут же гасили внимание и вызывали скуку. Я взвешивал «за» и «против». Рядом с ней не будет всплесков прозрения, но зато обзаведусь домом-крепостью. Только из этой крепости тут же захочется на волю. В присутствии обстоятельной, хватистой Вики, почему-то возникало ощущение замкнутого пространства, пропадало ожидание чего-то необычного, когда за одной распахнутой дверью ждешь вторую, третью и неизвестно, будет ли конец ряду открываемых дверей. Мне не хватало в ней смятения души. Я предпочел светлоглазую, немногословную Зою: за Зоиным умением слушать воображал живое участие и пылливость ума. Работая помощником гримера в Театре на Таганке, Зоя гордилась самым замечательным событием в своей жизни – однажды переспала с Высоцким. Я, как говорится, попал в хорошую компанию. Будучи человеком традиционным, считал, что если мы спим вместе, то и жить должны под одной крышей – одна судьба на двоих.

Все бы хорошо, вот только кандидатура инженера со скромным окладом не воодушевляла мою подругу на совместную, то есть семейную жизнь. Она прибегала ко мне один раз в неделю, когда Леня был в школе. С пол-оборота включались в любовные утехы: и никаких планов на будущее, взаимных обязательств. Когда Зоя одевалась, собираясь уходить, у меня щемило сердце, а звук застегиваемой молнии на юбке повергал в горестное недоумение. Уловив мое настроение, она спрашивала: «Ну и что ты предлагаешь делать? Жить втроем в одной комнате?» Однажды спохватилась: «Кстати, а как твой суд?» Зоя имела в виду дело, которое тянулось уже два года.

Как-то я чистил картошку на кухне, одна из безумных старух, шаркая передо мной туда и обратно, приговаривала: «Хулиган, спекулянт, бандит, тюрьма по тебе плачет». Не вытерпел – наставил на нее нож. Та завопила диким голосом: «Спасите! Режут! Убивают!» В качестве свидетеля нашла знакомую, которая, в отличие от

нее, была сумасшедшей без справки и потому могла давать свидетельские показания. Меня обвинили в покушении на убийство – чуть было не прирезал свою жертву. Несколько раз вызывали в милицию, расспрашивали, каким образом и за кем я гонялся с ножом. Всякий раз повторял слово в слово, как было дело: «Чистил на кухне картошку, ни за кем не гонялся и никого не хотел резать». «Так уж и не хотел», – усомнился милиционер. Судя по всему, он мне сочувствовал, но, будучи должностным лицом, свое отношение не выказывал.

– А в последний раз, – рассказывал я Зое, – втокнули меня в крошечную комнату с зарешетчатым окном и заперли дверь на ключ. В той четырехметровой кладовке сидела маленькая усохшая женщина с острым костистым подбородком: лицо жесткое, птичье, ручки похожи на перепончатые лапки. Она вцепилась в меня взглядом – смотрела в упор, не мигая. Я догадался: дама – психиатр, а я на сеансе соответствующего освидетельствования. Согласись, трудно сохранить спокойствие в такой обстановке.

– Ужас! – возмутилась Зоя. – Я бы не выдержала.

– Хорошо, у меня была книжка с собой, и не какая-нибудь – о буддизме: как никогда нужно было расслабиться и уйти в нирвану. Моя сокамерница заерзала, через несколько минут заскучала, какой ей резон смотреть на читающего человека. Потом стала проявлять беспокойство. Когда милиционер открыл дверь, у нее был вид, словно не я, а она проходила психиатрическое освидетельствование.

– И какое же она дала заключение? – смеялась Зоя.

– «Сверхнормальный!» Слышала о таком диагнозе?

– Скажи, сколько можно мучиться в этой квартире? Не легче ли заработать деньги и купить кооперативную? Молчишь. О семье думать надо, а ты в облаках витаешь. Уже целый год изучаешь религию китайцев. Ну и что тебе прибавило это знание?

– Положим, не год, а полгода, но не в этом дело. Знаешь, у меня еще в детстве было такое чувство, словно кто-то позвал меня и я должен узнать что-то самое главное и тогда все будет по справедливости. Мне всегда казалось – я за все в ответе. Помню, в школе нашкодит кто-нибудь, и учительница спрашивает в классе: «Кто это сделал?» Все молчат, а меня так и подмывает встать и сказать: «Это я, я во всем виноват». Раньше мечтал осчастливить человечество изобретением вечного двигателя, теперь понимаю: куда как важней отыскать некую равнодействующую в мире, чтобы обходиться без войн и страданий. Я не первый мучаюсь сознанием бессилия человеческого разума.

– Знаешь анекдот про Рабиновича? – усмехнулась Зоя.

– Их много...

– Так вот, написал Рабинович письмо в ЦК, просил официального разрешения иметь две жены. «Зачем? – удивились там. – Зачем вам две жены, вы ведь уже не молодой человек». На что тот отвечает: «Первой я скажу, что пошел ко второй, второй, что пошел к первой, а сам отправлюсь в библиотеку и буду читать, читать». Про тебя анекдот, и фамилия совпадает.

– Увы, Рабинович – трагический персонаж анекдотов. Есть еще анекдот, этот уж точно про меня. Так вот, хоронят Рабиновича, навстречу идет Абрамович. Абрамович спрашивает: «Что здесь происходит?» Рабинович отвечает: «Ты что не видишь – меня хоронят». «Так ты же живой!» – «Кому это надо», – сокрушается Рабинович.

– С твоим образованием другие давно в начальниках ходят, – сердится Зоя. – Где-то нужно смолчать, где-то стерпеть, а ты – что думаешь, то и говоришь. Нельзя так жить.

– Как могу, так и живу.

– Это несерьезно. И несерьезно твое предложение разгородить комнату. Не обижайся, но все люди разные, то, что достаточно тебе, не устраивает меня. Зачем тебе жениться, сидел бы в монастыре и книжки читал.

– Я уже думал об этом. Во-первых, нужно вырастить сына, во-вторых, тамошнее начальство покруче будет. Смирение и послушание – основа монастырского устава.

– Я понимаю, но ведь и меня понять можно, не на твою же зарплату детей рожать. Не перспективный ты, у тебя ничего нет – и не будет. Чтобы иметь деньги, нужно их любить.

– А пока нет перспективного, спишь со мной?

– Ты же знаешь, мне хорошо с тобой. Вот только вместо того чтобы бороться за место под солнцем, в нирване пребываешь.

– Нирвану проехали, буддизм – религия без Б-га. Для того чтобы понять себя и все, что вокруг, необходим личный диалог с Б-гом.

– Так и будешь за книжками сидеть. А дальше что?

– Дальше? Дальше – то же, что и у всех...

– Все по-настоящему живут, куда-то ездят, что-то смотрят, покупают красивые вещи.

Проводил я в тот вечер Зою до метро, вместе спустились в вестибюль. Потом смотрел, как она ступила на эскалатор и стала укорачиваться, сначала исчезли ноги, потом серая беличья шубка, голова обернулась ко мне с легкой улыбкой и тоже уплыла вниз.

Плохо мне. Отстаивая свое право быть самим собой, я всякий раз оказываюсь в одиночестве. Временами кажущаяся взаимность не спасает, но без Зои было бы еще хуже. «Зачем человек мается иллюзией единения душ?» – думал я, шагая по улице к своему переулку. Было темно, холодно, шел мокрый снег. – Единения не бывает, каждый сам по себе. Окажись я с Зоей под одной крышей, невольно стал бы угождать ей и потерял бы чувство цельности. Одиночество помогает сохранить независимость, не нужно ни с кем соревноваться в удаче, идти на компромисс. Но не могут же отношения людей быть случайностью, химерой.

Ничего не предвещало перемен в наших отношениях, как вдруг Зоя позвонила и сказала, что у нее умер отец, мать просит меня прийти. Пошел, конечно, мало ли какая помощь понадобится. Похороны с отпеванием в церкви, венками из парафиновых цветов на еловых ветках особенного впечатления не произвели. Пропустил мимо ушей и речи представителей профсоюзного комитета завода, где покойный работал жестянщиком. Вот только однополчанин умершего плакал навзрыд. Судя по всему, для него это была большая беда, чем для всех остальных, даже для жены. Вдова с замкнутым суровым лицом помыкала мужем, Зоя рассказывала: слабохарактерный отец никогда ей не перечил.

На поминках были только родственники – сестры матери со взрослыми детьми и внуками. Все приехали из родной деревни Калязино, что в ста километрах от Москвы. Сестры работали на фабрике нейлоновых плащей и прихватили свою продукцию в качестве подарка столичной родне. На вешалке в коридоре пузырились синие и коричневые плащи «болонья». По прищуре моей предполагаемой тещи – ее холодные, острые, стального цвета глаза накальвали, как букашку, – я понял свою роль. Во-первых, свидетельствую перед родней, что тридцатипятилетняя Зоя не хуже других – у нее есть жених. Во-вторых, мне следует занять освободившееся место подкаблучника.

Спустя несколько дней, будучи у меня в гостях, Зоя рассказывала, как мать возмущалась по моему поводу: «Он, – говорит, – жрать что ли сюда пришел».

– Мне следовало принести деньги на поминки, – медленно заговорил я, собираясь с мыслями после такого заявления. – Не догадался. Извини. Знаешь, не пойду я больше к вам.

– Почему? – всполошилась Зоя. – Это невозможно! Мы ведь теперь вроде как объявили о своей помолвке.

– Не пойду, и все тут. Теперь стоп! Дальше нельзя. С твоей маменькой надо на расстоянии, пообщались слегка, и хватит.

Через два года Зоя умерла. Умерла, как и ее отец, от рака желудка. Ничего не осталось у меня от нее на память. Вот только перед глазами ее длинные светлые волосы, и вижу эти волосы почему-то со спины – когда она уходит. Стараюсь воскресить в себе ту давнишнюю боль расставания и не могу. Словно сверху смотрю на тех двоих: один привалился к колонне в метро, другая уходит. Уходит навсегда.

В семидесятые годы на всех предприятиях и в проектных конторах стали вводить некую мифическую должность инженера по научной организации труда. Взяли такого инженера и в «Мосжилпроекте», куда я после долгих поисков ушел из НИИ. Сотрудников всех отделов вызвали в кабинет директора и представили нам чистенького, пахнущего дезодорантом Андрея Даниленко. Андрей, только что окончивший журналистский факультет, говорил с энтузиазмом, собирался взяться за дело, засучив рукава. Вскоре он понял, что его дипломная работа об оптимальных рабочих группах в десять человек – именно в таких коллективах, он считал, складываются идеальные межличностные связи – не имеет отношения к производительности труда, чем ему надлежало заниматься. Сблизила нас любовь к стихам и ненависть к открытым партсобраниям, где явка, даже для не членов партии, строго обязательна. Юный ясногоглазый Андрюша одним махом перечеркнул нашу двадцатилетнюю разницу в возрасте: хлопал меня по плечу и называл своим человеком. Мы подружились. Оглядываясь, не видит ли кто из сотрудников, он совал мне в портфель запрещенную литературу, за которую, уверял, «дают срок». Когда же я вошел в доверие «на полную катушку», повез меня на станцию Пушкино к своему духовному наставнику Александру Меню. «Кстати, – заметил Андрюша в электричке, – батюшка из твоих – евреев, – и вашего брата у него больше, чем русских».

Мы шли по тропинке через обновленный светлой майской зеленью лес. Мой спутник смотрел вокруг с улыбкой умудренного человека и наставительно говорил: «Жить надо здесь, на живой земле, а не на раскаленном городском асфальте». Редкий, сквозящий солнцем лес неожиданно оборвался, перед нами оказалось только что вспаханное поле. Пение птиц мешалось с их утробным клекотом по поводу легкой добычи. Птицы камнем падали на сдобный, еще не успевший просохнуть чернозем, выхватывали червяков и так же стремительно по вертикали взмывали вверх. За полем начиналась самая, что ни на есть настоящая деревня – с колодцем, стайками гусей и привязанными на длинной веревке мекающими козами. Деревенские жители смотрели на нас приветливо – знали, к кому приезжают сюда москвичи.

Андрей остановился перед двухэтажным деревянным домом, по-своейски распахнул калитку, без стука открыл дверь в сени, где, очевидно, следовало снять шапку и пальто. Коли таковых не оказалось, мы, минуя сени, сразу ступили в просторную комнату, по стенам которой стояли стеллажи с книгами – от пола до потолка. На креслах, стульях, скамьях сидели люди всех возрастов. Из обрывков разговоров я понял: батюшка в церкви, служба скоро кончится. Я стал рассматривать корешки книг: литература по истории, философии, религии всех времен и народов. Стояли тома по искусству, психологии, даже

медицине. Я и представления не имел о существовании многих книг, сразу же проникся благоговением к хозяину этих сокровищ и людям, сидящим здесь.

Вошла милостивая высокая женщина в длинной юбке и, на манер русских крестьянок, низко повязанном платке. «Матушка», – зашуршал почтительный шепоток присутствующих. Матушка пригласила голодных с дороги «перекусить», одни с энтузиазмом двинулись за ней, другие остались сидеть. Вскоре появился батюшка: красивая борода, широкий, высокий лоб, умный внимательный взгляд темных глаз – именно таким мне представлялся облик древнего библейского пророка. Но длинная, черная сутана и большой крест на груди свидетельствовали о его вероисповедании. В отличие от тихого, опущенного взора матушки, миндалевидные еврейские глаза батюшки искрились энергией и весельем. Он даже потирал руки в нетерпении сразиться с интересным оппонентом. Оппонентов не оказалось, большинство присутствующих, как и я, не сведущи были ни в иудаизме, ни в христианстве, а потому могли только благоговейно внимать, изредка задавая вопросы.

Отец Александр, когда мы с Андреем собрались уходить, спросил, что я ищу в этой жизни, и дал мне старую с пожелтевшими страницами и буквой «ять» книгу о происхождении христианства. Судя по золотому тиснению на кожаном переплете, то был антиквариат. «Обязательно верну», – заверил я. Батюшка доверительно улыбнулся – он не сомневался в честности людей.

Я стал одним из завсегдатаев бесед отца Александра. Читая на разных языках, он рассказывал нам о верованиях древних народов, о новых открытиях в биологии, о психологии, литературе. Это был первый в моей жизни широко образованный человек, к тому же вдохновенный и удивительно обаятельный. Когда говорил, каждому казалось, что обращается он к нему и решает именно его проблемы. Собственно, у присутствующих выбор был невелик: или прибиться к рядам КПСС и стать активным участником строительства коммунизма, или приобщиться к религии, во многом определяющей становление души. Я искал истину, церковные таинства вроде евхаристии и непорочного зачатия меня не интересовали, да батюшка и не говорил о них.

Большинство прихожан Александра Меня, и в самом деле, оказались евреями. Добропорядочные девочки-студентки с вьющимися волосами и явно выраженными семитскими носами. Субтильный молодой человек с большими глазами и рыжей бородкой – до смешного похож на Иисуса Христа, каким его изображают на иконах. Интеллигентные женщины средних лет с еврейской тоской в глазах. Узнаю еврея каким-то особым чутьем, у русского человека я вижу в глазах прозрачную четкость, некую прямизну. У еврея прямая линия дробится, и создается ощущение некой дымки, грусти в глазах. Нет, не могу я найти точных слов всего лишь для интуитивного представления. Может быть, дробление прямизны в глазах иудея объясняется многозначностью ввевшихся в кровь талмудических толкований, где вопросов больше чем ответов. Кто знает, не отразилась ли в глазах многовековая страсть познания.

Библейский облик батюшки вызывал чувство родственности, а доверие к человеку, прочитавшему столько книг, не позволяло усомниться в его словах. Андрей поведал мне историю обращения Александра Меня. Отца его в тридцать восьмом году арестовали, матери с двумя маленькими мальчиками помог выжить священник катакомбной – неортодоксальной – церкви, для которой Московская патриархия не была указом. Он же, этот священник, окрестил молодую женщину с детьми. Мать, наверное, пошла на это не только из благодарности спасителю, но и по причине незнания своей религии. Интересно, что отец Александр говорил о христианстве как о распространившемся по миру иудаизме, чем, конечно, приглушал сомнения своих жаждущих истины соплеменников.

Приглушал сомнения, – повторил Давид Иосифович свою последнюю мысль. Он устал думать, вспоминать – запово переживать свою скудную на радости молодость. Закрыв глаза и уснул – как камень провалился в небытие. Так же внезапно проснулся и испугался – не случилось ли чего, пока спал. Где сейчас его мальчик? Не в силах преодолеть страх, старик набирает номер пелефона внука. Волнуется, пальцы дрожат, не попадают в пужные цифры. Набирает снова. Пелефон отключен. Может быть, опять перестрелка? Боже мой, одна маленькая пулька, осколок могут убить. Снова и снова он набирает номер. Наконец, редкие гудки, ответил женский голос. Оказалось, не туда попал. «Пусть все беды падут на меня, – закликает старик судьбу, – только бы ничего плохого не случилось с детьми». Раз за разом набирает номер внука, иногда удается заставить себя ждать пять минут, а если хватает сил, так и целых десять. Включает радио и тут же слышит голос диктора, передававшего последние известия: «...Теракт... на блокпосту, погибли солдаты...» Старик цепенеет, его слух выхватывает отдельные слова: «Шесть солдат из восьми – расстреляны на месте... пострадали машины... поспешил на помощь, убит, тяжело ранен...» Давид задыхается... чьи-то ладони обхватили и держат его сердце, а то бы упало. «Илюша вчера дежурил на этом посту. А сейчас? Где он сейчас?! Время остановилось – жизнь замерла. Когда уже был в отлете, зазвонил телефон.

– Ты где? – хватает трубку старик.

– Почему у тебя такой голос? – пугается внук.

– Все в порядке... Мне хорошо.

– Ты слышал... Я знаю, все знаю... – плачет Илюша. – Там...

– Где Элизер?!

– Его там не было. У меня одна секунда. Позвоню.

Старик расслабляется, оседает, размягчается, окостеневшая панцирем спина. Вытянуться бы сейчас на постели, но нет сил подняться с кресла. На месте боли в груди отверстие – дыра. Минуту назад держал страх, а сейчас силы покинули его. Тело всего лишь оболочка, пустой мешок. Вот так же умерла Сарра, когда увидела Ицхака живым после жертвоприношения. «Надо превозмочь бессилие, надо жить», – твердит себе Давид.

...Представилась дорога, с одной стороны – зеленая долина, с другой – живописные, поросшие лесами высокие холмы. Шоссе между поселением Офра и Ариэлем. На месте, где случился теракт, сто лет назад располагался пост британской полиции. Не оттуда ли и филистимляне делали набеги на Израиль? Последние годы арабы устраивают там засады, обстреливают машины, автобусы. После нескольких убийств поселенцам ничего не оставалось, как дежурить на злополучном участке дороги. Сейчас установили армейский блокпост. Солдаты беззащитны перед подъезжающими машинами: как узнаешь, кто сидит в них. Пока не спрячешься за бетонный блок – ты живая мишень. В последних известиях сообщалось, что погибшие – резервисты. Значит взрослые. Хорошо, хоть дети у них остались.

Давид наконец поднялся, добрал до постели, лег на спину, закрыл глаза. Слабость вызвала воспоминание об ощущении силы: он стоит лицом к лицу, глаза в глаза с высоким церковным чином в городе Загорске. Повез его в Загорск все тот же Андрей, который познакомил с Александром Менем. Андрей никак не мог примириться с тем, что у Давида к христианству был, главным образом, познавательный интерес. Вот и решил сразить наповал великолепием тамошних церквей: «Там ты почувствуешь наши таинства и слова Христа – ешьте плоть мою и пейте кровь мою – станут для тебя реальностью. Как в Евангелии от Иоанна сказано: «Ибо плоть моя есть пища, а кровь моя, истинно есть питие». Представить такое ищущему истину Рабиновичу не хватало воображения.

Кончилась, наконец, изнурительная служба в церкви, люди уходят по протопанной в осевшем мартовском снегу тропке. Прямо у тропинки – не обойдешь – стоит большой, широкий в золотом облачении церковный чин. Все склоняются – лобызуют ему руку. Рабинович стоит напротив золотого идола и не может согнуться в поклоне – спина не гнется. Протянутая для поцелуя пухлая, дряблая рука зависла, еще мгновение – их взгляды встретились. Несостоявшийся прихожанин смотрит, как на оплывшем, похмельном лице твердеют скулы, проступает в глазах железная хватка кэгэбэшника. Они стоят друг против друга. И тогда, в первый раз, Давид увидел со стороны свои прищуренные внимательные глаза, ощутил свою силу. Расправил плечи, глубоко вдохнул холодный, но уже пахнущий весной воздух и стал выше ростом.

Давиду бен Иосифу дышать стало легче, боль в груди ослабла. Одним рывком поднялся с постели и вышел на веранду. Окно, где мелькает иногда танцующая женщина, сейчас закрыто. Раньше там жила Эльза из Вильнюса. Прямая, костистая, в джинсах и короткой стрижке, когда она стояла рядом с мужем, со спины невозможно было отличить, где она и где он. Теперь все литовки представляются старику такими плоскозадыми. Пока в Вильнюсе была работа, Эльза не покидала насиженного места, работа кончилась – приехала сюда, к мужу. Другой бы бабу завел, три года без жены жил, а этот совестливый. Может, от жадности в одиночестве пребывал, зарабатывает хорошо, но каждой копеечке счет ведет. А на бабу траться надо: цветы подарить, в кафе сводить, билет в автобусе купить, в конце концов. Поначалу Рабинович с соседями был в очень даже приятельских отношениях. Кому какое дело, что Эльза читает всего лишь одну единственную книгу – Евангелие на литовском языке. К Давиду она относилась с ревнивым уважением и говорила:

– Вы добрый, как христианин.

– Заповедь доброты и любви к ближнему христиане заимствовали у евреев, – однажды заметил он.

– Нет, – страстно возразила Эльза, – это Христос сказал.

– Христос всего лишь повторил то, что было сказано задолго до него.

Эльза злится, не соглашается, история для нее менее важна, чем собственное убеждение. Воинствующее невежество, ничего не знает и знать не хочет, книг не читает, вопросов не задает. Ей все ясно. В Вильнюсе с какой-то сектой ездила на природу, где ночью со свечами ходили вдоль реки, а утром – на рассвете – махали крыльями, руками то есть. Секта распалась, и Эльза заинтересовалась более практичными вещами: какие продукты совместимы друг с другом, а какие нет. Например, мясо с картошкой нельзя, а с кабачками можно. Изрекая свои наставления, возражений не слышала. Давид на подобные выступления реагировал однозначно – сразу же хотел выключить ее громкий напористый голос:

– Спасибо, для меня не суть важно, что с чем сочетается.

– Молочный белок хорошо усваивается с фруктозой, – продолжает вещать Эльза.

– Спасибо, мне ни к чему эта информация.

– А животный белок с растительной пищей.

При обширных познаниях в правилах питания, мужа кормила только курицей. Давид как-то хотел угостить его ростбифом, воспротивилась: «Он курицу любит, и не надо ему ничего другого, а то еще начнет у меня разносолы требовать». Аппетит Эльзиногу мужа, и в самом деле, ограничивался лишь одним блюдом – курицей и одной этой злобной в ущемленном самолюбии, но старающейся казаться благолепной, бабой. По утрам Эльза зажигала в своей комнате свечку: «Бесов, – говорит, – изгоняю».

– Все люди братья и сестры во Христе, – наставляла она соседа.

- Почему обязательно во Христе, мы иудеи, – возражал тот.
- Христос всех спасет.
- Для язычников Христос был откровением, а для евреев – одним из многих повторивших то, что было сказано задолго до него.
- Ничего, и вас тоже спасет. Как сказала, так и будет.

Рабинович стал сторониться соседей, но однажды, после очередного теракта в недоумении проговорил:

– До каких же пор? Каждый день только и слышишь: «убили, ранили». Почему не отвечаем? О чем думает наше правительство?

– Правильно. Все правильно, не нужно отвечать злом на зло, – авторитетно заявила Эльза.

– Но нас убивают!

– Ну и что?! Надо терпеть. Христос терпел и нам велел.

– Нас убивали две тысячи лет, и только сейчас, имея свое государство, мы можем, наконец, защищаться. Немцы убивали евреев, а не литовцев, не украинцев. Под Вишницей, на месте, где закопали моего деда с семьей его старшего сына, долго земля шевелилась... соседи потом рассказывали.

– Я знаю, у нас тоже евреи жили.

– Знаете! Со стороны видели! Раз уж вы сюда приехали, поинтересовались бы нашей историей.

– Надо терпеть, – наставительно повторила Эльза.

– Терпеть! А где ваше смирение? Сами-то не очень терпите, по пустякам рычите на мужа.

– Много слышите, – язвительно поджала губы соседка.

– Уши есть, слышу.

– Вы шовинист! – злобно выкрикнула она.

– А вы – невежественная дура. Невежественный человек может чему-нибудь научиться, а дурак не знает и знать не хочет.

– Да, не знаю и не хочу знать. А мнение свое говорить буду. И вы мне рот не заткнете! Скандалист!

На следующее утро, с ужасом услышав по радио о взрыве в Тель-Авивской дискотеке, Давид спросил Эльзино мужа:

– Сколько еще потребуется жертв, чтобы наше правительство проснулось наконец?

– Об этом можно говорить, но зачем вы вчера оскорбили мою жену?

– Это она меня оскорбила, я никогда не был шовинистом. Что же касается «невежественной дуры», так это всего лишь констатация факта.

Потом по радио слышал: после взрыва в дискотеке девушка-полицейская собирала с окровавленного асфальта пудреницы, зеркальца, рюкзачки в виде зайчиков, медвежат. Собирала и плакала. Было двадцать убитых и еще больше настолько искалеченных детей, что непонятно, не лучше ли быть убитым. У репатриантов из России в семьях один-два ребенка. Невозможно об этом думать. Террорист подошел к одной из девочек вплотную, она погибла мгновенно. Что, он именно ее выбрал в качестве первой из семидесяти обещанных ему в раю девственниц? Погиб и мальчик, который долго болел полиомиелитом, в Израиле его вылечили, поставили на ноги, и он везде хотел успеть, наверстать упущенное. Какой смысл говорить теперь о помощи близким, вроде того, что телефонная компания будет выдавать родителям бесплатные карточки, одну из мам возьмут на работу врачом, если она сдаст соответствующий экзамен; раздадут билеты на концерт, тоже бесплатно. Не могу этого слушать – выключаю радио. Невозможно помочь. В том же теракте погиб солдат, в Ташкенте он учился в ешиве, а здесь пошел в боевые части

и погиб при первом увольнении. Только и осталось от него – раскладушка и несколько книг.

Друзья из России спрашивают: «Почему вы вцепились в эту землю, ехали бы в Биробиджан, там места много, и автобусы не взрывают. Дальний Восток, Ближний Восток, не все ли равно». Но Биробиджан не имеет к нам никакого отношения, точно так же, как и Уганда. Хаим Вейцман – будущий первый президент Израиля – на вопрос английского лорда Бальфура о нежелании организовать государство в Уганде, ответил: «Разве вы были бы готовы покинуть Лондон, если бы вам предложили Париж?» – «Но ведь Лондон столица моего государства», – возразил Бальфур. «Иерусалим, – заявил Вейцман, – был столицей нашего государства, когда на месте Лондона было болото».

Вот и Эльзин муж педоумекает:

– Стоит ли из-за клочка земли на Храмовой горе тягаться с арабами.

– Мы начинались здесь. На Храмовой горе Авраам заключил завет со Всевышним на все времена.

– Но Исмаил ведь тоже сын Авраама, – замечает сосед.

– Да, но перед смертью наш общий праотец дал подарки детям Агари, Исмаилу в том числе, и отослал их за пределы Эрец-Исраэль. Главное знать, для чего мы здесь. Когда Шарон поднялся на Храмовую гору, заявив тем самым о наших исторических правах, я уже тогда знал – он станет премьер-министром. У каждого народа есть свое место на земле – и мы не былинка, летящая по ветру.

– Ради мира можно поступиться и историческими владениями, – пожимает плечами муж Эльзы.

– Поступиться нельзя, Иерусалим не только физическая данность, но и духовная. Да и кто это вам сказал, что будет мир? Сколько войн арабы затевали с сорок восьмого года, на второй день существования Израиля и по сегодняшний день? Это вам ни о чем не говорит? Они не успокоятся, пока мы здесь. Да и о каком мире может идти речь, если не будет того, что нас объединяет. Две тысячи лет евреи в рассеянии молились, обратившись в сторону Иерусалима, Храмовой горы.

Трудно предвидеть, на что откликнется душа человека. Здесь, недалеко, на соседней улице живет семья, тоже из Вильнюса. Чистокровные русские, приехали по зову сердца. Случайная и не случайная история. Матерый кагебешник, назвавший из любви к Ленину своего сына Володей, отдал мальчика в еврейскую школу. Других школ поблизости не было, к тому же тамошние учителя математики славились своими выпускниками. Можно представить, как относились дети, родители которых сидели по статье «политических», к сыну известного работника особого отдела. Но случилось непредвиденное: появился у Володи интерес к иудаизму и стал он самым убежденным иудеем в той школе. А когда получил аттестат зрелости, пошел не на математический факультет, а напрямик – в ешиву. Отец, спасая сына от еврейской заразы, посодействовал, чтобы его поскорей забрали в армию. Сколько издевательств претерпел правдолюбивый, думающий новобранец. Ну, никак он не мог вписаться в гласный и негласный армейский устав. Однажды его, лежащего с температурой сорок, старшина пытался поднять в строй пинками сапога. Взвилось в Володе человеческое достоинство, набросился он на своего мучителя. А дальше – или трибунал, или диагноз психбольного. Вмешался отец, положили в психушку и комиссовали. Все шло своим чередом. Нашел правдоискатель такую же, как сам, интуитивно ухватывающую суть, жену, сказал ей: «Иудаизм – истина». И они вместе прошли гиюр. Подали документы на выезд в Израиль. Им отказали – времена были невыездные. В отличие от прочих отказников, эта семья вызывала особую ярость начальства госбезопасности: ладно, евреи-космополиты, а тут свои поднялись против советской власти. В Израиле оказались уже с двумя

детьми. Сколько пришлось обходить опасностей, выворачиваться из капканов, когда уже зависал над ними топор специально выпущенного из тюрьмы уголовника.

Таких убежденных иудеев, как эта семья, среди приехавших из России немного, особенно в нашем пролетарском районе Неве-Яаков. Приехала тут одна мамаша и прямо с порога спрашивает: «Где тут церква?» Здесь в церкви кучкуются русские, а в Москве у Александра Меня – евреи. Сидели мы, «ихудим», в комнате-библиотеке отца Александра и слушали его проповеди. Хорошо говорил батюшка – завораживал, не то что непонятно о чем бормочущие старики в синагоге. Я несколько раз заходил в большую синагогу на улице Архипова, подолгу вслушивался, пытаюсь разобраться, что к чему, ничего не понимал и уходил. Слова отца Александра о том, что «Евангелие в качестве религии духа, в отличие от механического свода повелений и запретов иудаизма, обращено к свободной воле, сердцу человека», я мог бы сейчас опровергнуть. О каком механическом своде законов может идти речь, если евреи первыми познали Единого. Именно о господстве духа говорили ветхозаветные пророки: «На сердце должно быть учение Господа». Указать бы мне еще тогда батюшке на противоречивость его толкований. С одной стороны писал в своих книгах об иудаизме как о формальном законе, с другой – как о Библейском откровении. И вообще часто противоречил себе, иногда говорил, что Тора, или, как он ее называл, Ветхий Завет, мало внимания уделяет обрядовой стороне религии, ибо «чистота, правда и милосердие – лучшие дары Господу», а иногда, наоборот, именно христианству ставил в заслугу отмену формальных запретов и обращение к свободной воле. При этом вспоминал еврейского пророка Иезекиля, который возвестил свободу воли задолго до христианства.

С течением времени, внимательно прочитав и сравнив Ветхий и Новый завет, я сказал о. Александру: «И все-таки я иудей. Вместо Христа, посредника между Богом и человеком, я поместил бы Разум, Слово. Мир творился по Слово Предвечного». Какая-то особенная теплота появилась в черных с поволокой глазах батюшки. «Это долгий разговор, – сказал он, – поговорим через неделю, лучше дней через десять».

Через десять дней Александра Меня не стало. Его убили сзади, топором по голове, когда он рано утром шел на станцию по летнему лесу. На той самой тропинке, где его городские прихожане радовались солнцу, чистому деревенскому воздуху и пению птиц.

Наше долгое знакомство продолжается мысленным диалогом, у меня в столе лежат листы с записанными вопросами к несостоявшемуся разговору. Я вспоминаю батюшку, как он, не в силах усидеть на месте, ходит по комнате, в нетерпении потирая руки. Его еврейский темперамент всякий раз брал верх над христианской проповедью смирения и непротivления. Так, он учил своих прихожан не мириться со злом: «убить негодяя – это не убийство». ...Как сейчас вижу: двор маленькой деревянной церкви, приход батюшки забит народом, и чей-то голос: «Проходите, проходите быстрее, двигайтесь, дайте другим подойти к гробу». Не могу сдвинуться с места. Смотрю на белую, неподвижную руку, которую целуют прихожане. Я должен сделать то же самое, но не могу дотронуться до мертвого. Людей вокруг становится все больше, сейчас меня оттеснят от гроба, делаю над собой усилие, пагибаюсь, касаюсь губами руки и слышу свой крик – рука оказалась теплая... Любовь скорбящих вдохнула в нее жизнь. Мне помогли устоять на ногах, отвели к ограде, усадили на скамейку. Придя в себя, я увидел среди потерянных в горе людей рыскающие глаза кагебешников.

Потом мы пили чай, все вместе, но без него. Оказалось, вечером, накануне убийства, у многих из нас было чувство беспокойства, ужаса, предчувствия беды. Ната-

ша, безмолвная жена батюшки, как всегда, ставит на стол тарелки с пирогами, кренделями. Как он, со своим искрометным темпераментом, уживался с этой тихой рабой Божьей? Оказывается, отец Александр еще нашел в себе силы подняться, подойти к дому и постучать в окно террасы. У Наташи плохое зрение, она не узнала мужа и не открыла дверь. Из дому он уходил в белом костюме, она же увидела за стеклом какого-то качающегося бомжа в черном – он был залит кровью. И только когда упал, вышла.

Я пил горячий чай и видел перед собой о. Александра, каким он был в нашу первую встречу: быстрый, остроумный, с гипнотическим взглядом черных смеющихся глаз. В его присутствии, казалось, все возможно: возьмешь в руки скрипку – заиграешь, откроешь рот – запоешь. Говорят, еврей, если даже крестится, все равно остается евреем. Будучи в курсе всех наших дел, батюшка устраивал на работу, выдавал замуж одиноких женщин, сводил юные пары. Если молодые оказывались перадивыми по части ведения хозяйства, ездил к ним домой показать, как можно быстро приготовить обед и убрать квартиру. Мне пенял, что не ухаживаю за своим ослом, телом значит, на котором ездит дух. Я, и в самом деле, бегал тогда, как наперегонки – утром спешил на работу, с работы домой, где меня ждал сын с невыученными уроками, а ночью усаживался за книги. Со смертью Александра Меня наш братский союз быстро распался, никому ни до кого, оказалось, нет дела.

«Мяу-у», – отвлекла Давида Иосифовича от воспоминаний трехцветная рыже-бело-черная кошка под окном. Она прибилась к дому еще котенком, когда невозможно было различить, кошка это или кот. Маленькая, неуклюжая, она бегала за всеми по веранде, хватая за пятки. А то залезет в картонный ящик и выглядывает оттуда. Смотрит на тебя перепачканная сметаной мордочка – просит внимания. Потеряв надежду на чье-либо участие, котенок принимался занимать себя сам: перевернувшись на спину, засовывал заднюю лапу в рот, или норовил ухватить шевелящийся кончик своего хвоста.

Кошка вскарабкалась на решетку окна и требовательно замыкала, что означало: «Дай пожрать». Давид встал, упираясь в подлокотники кресла, утром он чувствовал себя лучше, но резкие движения боялся делать. Гостя в нетерпении заметалась, сейчас откроется холодильник, и ей что-нибудь перепадет. Увидев зависший над головой сыр, благодарное животное тычется головой в руку хозяина, что означает всяческую расположенность. Затем, прикусив зубами сыр, кошка спрыгнула с подоконника, и тут же послышалось ее довольное урчание. Раньше навевывалась целая стая – серые, черные, рыжие, бурые. Грязные настырные коты с наглыми квадратными мордами орали дикими голосами и тут же на веранде по очереди совокуплялись с одной кошкой. Тот, которому удавалось схватить брошенный кусок, угрожающе шипел и скалился на других. Интересно, как кошки общаются? Не могла же та, которой я первой дал колбасу, рассказать всем, что здесь кормят. Наверное, по запаху – от нее вкусно пахло.

В конце концов, соседи с верхнего этажа, не выдержав злобной кошачьей возни, прекратили это безобразие – запретили устраивать общественную столовую для помойных котов. Тогда Давид Иосифович приладил за окном кормушку для воробьев. Казалось бы, безобидные птички остервенело, до крови дрались. Самый агрессивный воробей после потасовки оказывался один посреди рассыпанных крошек. Остальные в отдалении ждали, пока он, насытившись, отлетит. Все как у людей, тот же воинствующий клик и право сильного. Сняв кормушку, Давид прекратил разбой, да и надоело убирать кучи помета. Воробьи еще долго прилетали, рассаживались по прутьям железной ограды, вопросительно глядя на бывшего кормильца то одним глазом, то другим.

Однажды старик задремал в своем кресле у окна, а очнувшись, увидел перед собой длинноволосого мальчика в кипе. «Ага, кудри не обрезаны, значит, трех лет

еще нет», – решил он и протянул конфетку. Малыш взял и начал ее тщательно обследовать. Только когда нашел на фантике знак «кошер», развернул и сунул в рот, еще и ладошкой прихлопнул: для верности, чтобы не выпала. На следующий день под окном стояли двое детей, потом трое, через неделю стали приходить гурьбой – тащили за собой маленьких братиков, сестричек. Стояли молча, протянув старику ладошку, и тот вкладывал в каждую по две конфетки. Случалось, кто-нибудь просил еще для оставшихся дома совсем уж маленьких детей, которые еще не ходят, и старик с радостью добавлял. Как-то было недосуг, и он не стал отсчитывать конфеты каждому, а протянул весь пакет. Дети ушли, но вскоре послышался визг, рев, тут же вернулись и отдали пакет: «На, ты раздели». Давид Иосифович понял: без суда не обойтись.

Детишки подросли и перестали приходить. Из всех бывших посетителей осталась одна рыже-бело-черная кошка. «Мя-я-у», – поднимает она глаза на старика. «Мя-я-у», – отвечает он ей в той же тональности и кладет на оконную решетку котлету. Кошка сбивает ее лапой и неторопливо ест. Самое большое страдание, когда кусок такой большой, что его невозможно одолеть сразу. Тогда кошка сидит над ним, мается, оглядывается по сторонам – не утащил бы кто. Рабинович, что называется, вырастил ее. Год назад неприглядная черно-коричневая кошка «Мегера» окотилась недалеко в кустах. Мрачная, с пронзительно-утробным криком, она все время требовала еды. Тогда по соседству, напротив, в той маленькой, неудобной квартире, что служит вновь прибывшим из России перевалочным пунктом, жила экстравагантная дама пенсионного возраста с ужимками барышни-гимназистки. «Мадлена», – представилась она и сделала книксен. Мадлена с удовольствием подкармливала Мегеру, что не было в ущерб ее любви к собственным котам Петечке и Рыжику, которых она привезла из Ленинграда. Петечка в первые же дни исчез, дама искала его. Показывая на автобусных остановках в округе фотографию своего любимца, спрашивала на французском языке, не видел ли кто такого. Когда, потеряв надежду, она оплакала утрату, Петечка явился в совершенно истерзанном виде: с кровоточащей раной на голове, вырванными клоками шерсти и опущенным хвостом. Должно быть, израильские коты показали ему, кто здесь хозяин. Мадлена прижимала к себе ставшего ко всему безучастным Петечку, купала его, расчесывала сквозящую белой кожей шерсть и отпаивала теплым бульоном. При этом приговаривала: «Мамочка моя, матрешечка».

Из четырех котят кошки Мегеры только один рыже-бело-черный котенок повадился прыгать через окно в кухню Мадлены, где она оставляла Петечке и Рыжику несколько мисок с разными блюдами. Наевшись от пуза, котенок тем же манером – через окно – возвращался на улицу, смачно облизываясь. Если хозяйка заставала его на месте преступления, слышались крики: «Дармоед! Иждивенец! На халяву пришел!»

К Давиду Мадлена относилась с нежной почтительностью, угощала русскими пирогами с капустой и грибами, забытый вкус которых будил ностальгические воспоминания. Тем более что соседка говорила при этом о

Петропаловской крепости, белых ночах, Невском проспекте. Она по-прежнему жила в Ленинграде, а он уже давно здесь – в Иерусалиме. В первые же дни купила телевизор и смотрела исключительно русские программы. Вырезала из газет заметки о московских новостях и клала на стол рядом с пирогами, бутылкой вина и двумя красными стеклянными рюмочками. «У меня только две таких», – смущаясь, говорила Мадлена про рюмочки. Давиду приятно была ее застенчивость, готовность угодить, но странной казалась безучастность к Израилю: ни древней, ни современной культурой страны она не интересовалась. Будучи полукровкой и воспитанная русской бабушкой, на мои страстные призывы увидеть в возвращении евреев на свою землю замысел Б-га, говорила, поджав губы: «Мне неинтересно об этом», – и спешила включить телевизор. Однажды ее осенило:

– Я знаю, почему Барак хотел отдать Восточный Иерусалим.

– Почему?

– Его русские купили, – видя недоумение соседа, продолжала, – за большие деньги. Да, да, не смотрите на меня так, я знаю.

Глупость вызывает отчаянье, ты словно зависишь в пространстве и не знаешь, как сориентироваться. Раздражение усугубилось брезгливостью. Для Петечки с Рыжиком не было запретных мест, особенно они почему-то предпочитали спать на столе; и всюду – даже в тарелке с супом, в стакане воды – попадалась кошачья шерсть. А когда Давид увидел, как соседка шмякает прямо на пол куски творога, мяса, совсем нехорошо стало:

– А в миску нельзя положить?

– Петечка не любит из миски. Рыжик ест, ему все равно, а Петечка не любит.

Чем больше Давид избегал приглашения на пироги, тем сильнее Мадлена поджимала узкие губы и выше вскидывала коротко стриженную голову. В конце копцов, заявила с гордым видом победителя, что переезжает на другую квартиру. Рабинович чувствовал себя виноватым – не разделил одиночества женщины в компании Петечки и Рыжика. Ему теперь видятся две рюмочки из красного стекла, Мадлена привезла их в надежде на более покладистого компаньона. Со временем, может, и появится таковой, может, появится и интерес к Израилю... А пока из ее открытого окна он слышал обращенный к ленинградским котам напевный ласкающий голос: «Сейчас будем кушанькать, покушаем. Мамочки мои, мамуленьки, матрешечки. Рыбка вкусненькая. Закусили, вот и хорошо. Теперь подождите, скоро обед будет».

Рыже-черно-белый котенок усвоил барские манеры домашних котов и с жалобным мяуканьем норовил заползти к Давиду в комнату и растянуться на диване. Он прогонял, и всякую попытку проникнуть в дом предупреждал словами: «Стоп! Дальше нельзя!» Теперь достаточно одного слова «Стоп!» как уличная кошка отступает, что не мешает ей бегать за хозяином как собачонка. Провожает до автобусной остановки и встречает у камня при дороге, где он обычно отдыхает, поставив сумки с овощами. В знак принадлежности к дому кошка делится добычей – подкладывает под дверь задушенных ящериц, жуков. Однажды даже притащила в зубах целую рыбку голову. Стояла в отдалении, смотрела, что хозяин будет с ней делать. Он отказался от такой жертвы.

Вместо Мадлены в квартиру напротив вселился воинствующий оптимист в расцвете лет. Во Владивостоке, судя по его рассказам, был крутой – ворочал миллионами, здесь же экономит на электрической лампочке, вывернул с веранды, чтобы ввинтить к себе в комнату.

– Ник, – представился он Рабиновичу и протянул руку.

– А проще можно?

– Коля я. Инженер-судоремонтник.

- Здравствуйте, Коля, рад позать вашу мужественную руку.
- А вы кто будете?
- А я пенсионер.
- Значит, дома сидите?
- Сижу.
- Значит, будете приглядывать за моей хатой.
- Непременно.
- Это хорошо.

Новый сосед по-хозяйски прошелся вдоль веранды и сходу внес рацпредложение:

– Непорядок у вас тут, субботу нужно перенести на воскресенье, а то у всех выходной в воскресенье, а у вас – в субботу.

– «У вас» – это у кого?

– Ну, у евреев.

– А вы кто?

– Я? У меня бабушка, мать отца, была еврейкой.

– Бабушка вам не рассказывала, почему у нас не так, как у всех?

– Да я ее и не видел ни разу, умерла, когда отцу три года было. Дед сибиряк женился на пей, вернее, не женился, так жили, – его родители были против. Расписались, когда уже пятерых пацанов настругали. Говорят, красивая была.

– Кто говорит?

– Братья отца, они старше его. Когда бабушка умерла, дед снова женился, а дети разбрелись, кто куда. Отца отдали в детдом, он несколько раз сбежал оттуда, ловили и снова возвращали. После детдома учился в ремеслухе, работал на заводе, шоферил, а про то, что рожден еврейкой, знать не знал. Вот только жена, моя мать, значит, почему-то кричала на него: «Ты ленивый, как жид». Отец малость неповоротливый. И вдруг, вправду, оказался жид.

– Как же узнали об этом?

– Когда после перестройки во Владивостоке началась разруха – зарплату не платят, жрать нечего – старшие братья отца, дядья мои, значит, сказали, что нас пустят в Израиль, только документы нужно достать. Ну, я, не будь дурак, сообразил, что к чему, и подался в сибирскую глухомань, где, по рассказам дядьев, жили их родители, ну, дед с бабкой, значит. Там нашел архив, в амбарной книге, значит, в книге записей гражданского состояния среди дат смертей, рождений, награждения за ударный труд парой галош на байковой подкладке или двумя метрами красной материи, отыскал строчку о рождении отца. Мать его, значит, – Иза Львовна Привес, ну а отец, как положено, – Прохор Захарович. Фамилия, понятное дело, как у меня, Зыкин, значит.

– Мать, наверное, из польских евреев, – в раздумье проговорил Давид, – из тех, кого в начале войны перебросили в Сибирь.

– Не знаю, про это ничего не слышал.

Коля, в отличие от «неповоротливого» отца, смекал быстро, сразу навел справки, где сколько платят. Подтверждать диплом судоремонтника не стал – дело хлопотное, устроился рабочим на завод. «В Израиле жить можно», – авторитетно заявил он, показывая свою фотографию на фоне Стены плача, где он стоял в темных очках, выкатив грудь и руки в боки.

Через полгода к нему из Владивостока приехала жена, рядом с которой трудно было устоять – очень уж был резким запах немывтого тела. Вскоре она осведомилась у Рабиновича, сколько здесь платят женщине за час и за ночь. Сориентировавшись в ценах без его помощи, решила не продешевить и ушла от Ники-Николая. Сосед затосковал, но не надолго, вскоре прибил к какой-то женщине с

квартирой и переселился к ней. Та выставила своего мужа по причине российского пристрастия к бутылке. От перемены мест слагаемых сумма не изменилась. А впрочем...

Интересно, почему у многих еврейских пророков не было жен, спрашивал себя Давид, ведь у нас нет отшельничества. Может, оттого, что пророк, будучи цельным человеком, не идет на компромисс. Предпочитает одиночество иллюзии семьи, видимости единения.

Что зависит от наших усилий, а что в воле провидения? Казалось бы, держишься из последних сил, стараешься выстроить ступеньки судьбы, только не по силам нам предвидеть будущее и оградить детей от неудач.

– Что мне делать? – спрашивал сын, получив аттестат зрелости. Он уловил мое невысказанное желание делать то, что мне самому не удалось. Желание на уровне мечты: понять и описать устремление человека к совершенству, к Б-гу. Тогда станет понятным опыт внутреннего «я», принцип отношения людей. Я в этом смысле не оригинален, люди всегда стремились к Высшему началу, Абсолюту. Не случайно за всю историю человечества не было безрелигиозного общества.

– Вообще-то, надо ставить перед собой высокие цели, а там – что получится. Колумб, когда евреев изгоняли из Испании, отправился в кругосветное путешествие – хотел отыскать рай, а нашел Америку. Тоже неплохо.

– Это вообще, – подхватил Леня, – а в частности, мои сочинения по литературе учительница читает всему классу. – Он смотрел умоляющими глазами, словно от моего ответа зависело его будущее.

– Но образцовых школьных сочинений недостаточно, чтобы стать писателем, – тормозил я сына. – Писатель – это характер, судьба. Невозможно выдумать того, что не испытал. Лев Толстой начал с мучительной раздвоенности души и тела, тело представлялось ему клеткой души. Иван Бунин начинал с отчаянья по поводу неразделенной любви. Из всех библейских пророков Бунин выбрал Осию, его несчастную любовь сделал сюжетом рассказа «Пророк Осия»: он целомудрен, задумчив, а она безмерная блудница.

– Ну и что мне делать? – спрашивал сын.

– Может, ихтиологом станешь, – уклончиво отвечал я, – в детстве ты часами наблюдал за рыбками в аквариуме. А писатель – не специальность.

– Не хочу ихтиологом. А может, инженером? Как ты думаешь?

– Будешь, как я, изобретать вечный двигатель? Потом поймешь: жизнь людей больше зависит от устремленности души, чем от КПД паровоза.

– Ладно, займусь душой. Куда, значит, мне податься?

– Да, но сконструировать конкретный механизм проще, чем понять неосознанное чувство, додумать до конца противоречивую мысль. Отсюда – вопрос: ловить ли ветер в поле или иметь в руках конкретное дело. Ихтиолог все-таки ближе к гуманитарным занятиям, чем инженер, можно проследить эволюцию...

– А если стану горным инженером, – перебил Леня, – исследую образование геологических пластов земли. Или химиком-алхимиком? Только не буду же я, как Фауст, с утра до ночи и с ночи до утра сидеть за пробирками.

– Все равно где-то надо учиться, мозги развивать.

– Ладно, подамся в физики. Ты сам говорил, что у меня образное мышление, вот и буду представлять закон Ома в натуре. Стану учителем, и все десятиклассницы будут в меня влюблены, как в нашего физика Николая Израилевича. Девчонки смотрят на него и балдеют.

На том и решили.

В педагогический институт Леня поступил с первого захода и с первого курса потерял интерес к своей будущей специальности. Однако учился, экзамены сда-

вал, стипендию получал. Иногда посылал в журнал «Юность» стихи, их не печатали. Тосковал. Славы хотел, любви. О славе еще ребенком мечтал. Помню, пошли мы в музыкальную школу слух проверять, сыну тогда пять лет было. По дороге спрашивает:

– А ты мне черный фрак и дирижерскую палочку купишь?

– Зачем?! – изумился я.

– Ну, как же! – удивился моему непониманию Леня. – Я же буду выступать в зале Чайковского.

Все больше проявлялось сходство сына с его матерью: тяжелая походка, медлительность, прежде, чем заговорить, наклонял голову – вроде как с мыслями собирался. Неужели даже такие мелочи передаются по наследству? Леня, не в пример мне, был рукастый, от матери же унаследовал любовь к портняжному делу. Будучи еще подростком, купил материал и без моего участия сам скроил и сшил себе затейливые брюки с карманчиками, застежками, пряжками. «Такие только на валюту продают», – говорил он, гордо оглядывая себя в зеркале. Все у него было разложено по ящичкам: нитки, пуговицы, крючки. Как у моей бывшей жены в шкафу все по стопочкам: майки, трусы, чулочки, носочки. Менделя не обманешь.

Умение работать руками определило выбор занятий: окончив институт, Леня уехал шабашить с бригадой маляров и плотников. Быстро выбился в мастера, брался за самую тонкую ответственную работу. Смена людей, впечатлений, полные карманы денег раскрепостили воображение, сын стал писать проникновенные стихи о северной природе, о бревенчатой церквушке, которую реставрировал, о летящей над куполом птице. Журнал «Юность» начал печатать одну подборку его стихов за другой. Вернулся Леня в Москву веселым бородатым мужиком. В тот же вечер кинулся в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) – теперь он был на коне. Менее удачливые собраты-поэты хлопали его по плечу: «Старик, ты гений! С тебя причитается!», – и всей гурьбой шли в ресторан пить водку.

К тому времени одна из трех безумных старух в нашей квартире умерла. Леня занял ее десятиметровую комнату. Стены и потолок обил мореным деревом, поставил стеллажи с томиками известных и не очень известных поэтов, повесил на крюк купленную в антикварном магазине старинную шпагу тонкой чеканки, завел бар с разными винами и коллекцию пластинок симфонической музыки. Стали приходиться девочки. Одна из них запомнилась больше всех. Пришла эдакая кралячка – недотрога, а тут тебе бордовые розы, французский коньяк и тихая музыка. Девочка примостилась на краешек стула, а он, стервец, ее в кресло усаживает: «Расслабьтесь, пожалуйста, не бойтесь, я не кусаюсь». Программа отработана: в первый вечер читает свои лучшие стихи. Во второй гипнотизирует проникновенным, долгим взглядом. В третий, смотря по ответной реакции гостьи, или изображает рыцарскую страсть – срывает со стены шпагу и бросается перед прекрасной дамой на одно колено, – или прикидывается одиноким и задумчивым. Может, пожалеет, а может, влюбится, если она тоже одинокая и задумчивая. Ее смущение вдохновляет сына, и, как из рога изобилия, сыпятся рифмованные шутки, четверостишья.

– Вы такой! Вы такой! – восторгается девочка.

– Какой?

– Как вы умеете играть словами, знаете, что из чего получается: так смешно, интересно.

Удачная острота, экспромтом выданные афоризмы возбуждали Леню, давали ему ощущение могущества, он восклицал, радуясь как ребенок: «Гениально! Записывай за мной! Будешь потом писать мою биографию».

– Или роман, где вы – главный персонаж, – с обожанием говорила гостья.

– В персонажи я не гожусь, только в герои, – серьезно возражал сын.

Через месяц-другой стихи были прочитаны, каламбуры сказаны. Ощущение праздничной новизны проходило, а на будни Леня не тянул. Мрачный он лежал на диване, пил водку и молчал.

– Я мешаю? – Скорбно спрашивала девочка.

– Все в порядке, сиди.

Сидит и чего-то ждет. Наверное, вспоминает недавние разговоры, любовь, старается найти хоть какой-нибудь героический факт в биографии своего поблекшего кумира. Ничего не выпало в твердый осадок, если что и было – так это несколько хороших стихов в первый вечер. Этим и нужно было ограничиться. Но ведь она тоже обманула его ожидания: не записывала за ним рифмованные строчки, остроты. Так ведь записывать было нечего – одна шелуха. За шутками, прибаутками, всплескиванием руками ничего не осталось.

– В магазин за кефиром сходи, оттягивает, – приоткрыв один глаз, говорит Леня. Идет.

Спустя несколько месяцев в комнате у сына снова музыка и красные розы – новый роман.

– До каких же пор!? – взывал я к его совести.

– До тех пор, пока не встречу жар-птицу.

И ведь встретил. Высокая, породистая, с ярко синими большими глазами и удивительной статью. Не ходит – ступает. Леня сразу проглотил крючок.

– Подожди! Кто же это женится с первого взгляда!? – призывал я его к благоразумию. – Мы же ее совсем не знаем, с кем живет, из какой семьи.

– Живет с бабушкой, еврейкой, кстати. Бабушка – из бывших, отец ее был купцом первой гильдии, таких пускали за черту оседлости – и в Москву, и в Петербург. У них старинная бронзовая люстра и зеркало в роскошной антикварной раме – Людовик четырнадцатый.

– Чем хоть она занимается?

– Кто, бабушка?

– Дедушка, – передразнил я. – Жар-птица твоя?

– Роза чем занимается? Не знаю. Ей еще только девятнадцать лет.

– Хоть аттестат зрелости у нее есть?

– Она в вечерней школе учится, в девятом классе.

– А где работает?

– Ну, ты даешь! – захохотал Леня. – Разве такие красивые женщины работают!

За несколько дней до свадьбы сын повел меня знакомиться с будущей родней. Увидев Розу, я забыл обо всем на свете. Я смотрел на нее, не в силах отвести глаз, при этом понимал: мое внимание становится неприличным. О чем-то спрашивала рядом стоящая бабушка. На улице я к такой жар-птице не решился бы подойти, но прояви она интерес, клюнул бы на голый крючок. Хуже безмозглой рыбы, та хоть на наживку идет. Роза знала реакцию на нее мужчин, и молодых, и старых.

– Дед, – вернул меня на землю сын (он меня так никогда раньше не называл), – распаковывай свой сундук.

Я стал доставать из портфеля бутылки, промасленные свертки с семгой, бужениной.

– Коньячок! – обрадовалась усатая бабушка и чуть ли не запрыгала на месте. – У вас хороший вкус. Армянский коньяк лучше французского. Невежи этого не понимают. Один аромат чего стоит. Какой букет! – Маленькие черные глазки заискрились, и бабушка кокетливо представилась: – Слушательница высших женских курсов, дочь известного купца – Берта Моисеевна Дейтш.

– Необычная фамилия, – проговорил я.

– Мой дед из Вены, – пояснила Берта Моисеевна. – Когда Розочка сказала, что фамилия вашего сына Рабинович, так я, представляете, всю ночь от радости не спала. Я тоже, как вы понимаете, не Пепердюкова-Сметанкина. Сметанкиным был мой муж из Вологодского края. Он, конечно, не нашего круга человек, но что вы хотите, после революции, когда у отца не стало его мануфактурного магазина и часовой мастерской, и такой жених на улице не валялся. Между прочим, у него на боку висел револьвер, и это мне нравилось. Почему нет? Если мужчина может постоять за себя, какой женщине это не понравится? Хочу вам сказать, у меня до него был молодой человек...

– Про своих женихов потом расскажешь, – перебила Роза, – давай на стол накрывать.

– Конечно, конечно, – засуетилась бабушка.

Молодые паскорю поели и ушли.

– Вы не думайте, Розочка не бесприданница, – просительно заглядывала мне в глаза Берта Моисеевна, – я ей подарю свои золотые часики. Золотую брошку с эмалью тоже ей отдам. У нас и серебро есть. Ничего не пожалею, только бы вместе были.

Мне показалось, что бабушка опасается, не отговорю ли сына жениться. Когда, распрощавшись, я спускался по лестнице, навстречу поднималась благообразная седая дама.

– Сваатаетесь, что ли? – неожиданно спросила она.

– Да не я. Сын. Я уже старый.

– А тут всякие были, и молодые, и старые. Сын ваш сам в петлю лезет. Вы, я вижу, человек приличный, надо его отговорить. Пойдемте, посидим в сквере, я вам такое расскажу. Нет, она не проститутка, денег не берет. Хороша, конечно, ничего не скажешь. Стоит ей выйти на улицу, сразу кто-нибудь увяжется. Рано начала, в пятнадцать лет уже очередь стояла. Сначала мальчики, теперь все больше седые бобыры. Недавно армянин был, на улице слышали, как кричала: «Самвел, еще! Хочу еще! Еще, Самвел, еще!» Бешенство матки у нее, что ли. Работает без простоев. Никто, конечно, на такой не женится. Жильцы из нашей квартиры, что напротив их двери, недавно милицию вызывали. Так она придвинулась к участковому и прямо внаглую спрашивает: «Хочешь?» Тот, дурак, рот разинул: «Сейчас», – говорит. Бабушка с ней не может сладить. Нигде она, красавица, не учится и не работает. А замуж выйдет, так ее, замужнюю, за тунеядство не упекут.

Вечером я спросил сына: не строишь ли ты свой дом на песке?

– А ты сам на гранитном фундаменте построил? – вскипел Леня. – Молчишь. Где моя мать? Показал бы ее могилу, знал бы – умерла. Дети повторяют ошибки родителей. Теперь ты благоразумный. И я поумнею, только потом, не сейчас.

Ничего я не мог изменить, разве что спрятать паспорт сына, и тогда бы не состоялась брачная церемония в ЗАГСе. Я этого не сделал. И спустя две недели, зимним вечером мы стояли во дворце бракосочетаний – ждали невесту. Леня несколько раз без пальто выходил на мороз и вглядывался в темноту – не появится ли царская карета с его принцессой. У сына – окаменевшее лицо. Я же, обессиленный сознанием невозможности как-либо повлиять на события, ко всему безучастен. «Едут!» – радостно сообщил выступающий в роли свидетеля Ленин приятель – немолодой бездомный поэт в давно не стиранном, рваном на локтях свитере.

Двери дворца бракосочетаний широко распахнулись, и ослепительная в своем великолепии Роза, окруженная подругами и кузинами, вплыла в зал. Служительница по записям гражданского состояния засуетилась, стала выдавать свидетелям бракосочетания реквизит – широкие красные ленты через плечо, что, очевидно, соответствовало русской традиции – сваты завязывали через плечо расшитые петухами полотенца.

«Жених и невеста, подойдите ко мне, – официальным голосом объявила соединяющая пары дама в темном строгом костюме. – Свидетели, два шага назад. Свидетели жениха, станьте справа». Зажглись все люстры, заиграл марш Мендельсона. Жених и невеста стояли рядом. Она – высокая, величественная, в золотом, вышитом стеклярусом муаровом платье, с обнаженными плечами. Он – на голову ниже ее, в черном смокинге с бабочкой. В черном смокинге с бабочкой мой сын, будучи мальчиком, мечтал дирижировать оркестром в зале Чайковского. И я мечтал: сын вырастет и будет счастлив. Ради будущего счастья водил его в музыкальную школу, на концерты симфонической музыки. Да и не в этом дело, не важно, в конце концов, чем жив человек, не обязательно становиться музыкантом или поэтом, можно найти себя и в семейной жизни. Только не получится семьи из этой пары. Совсем затосковал, когда представил себе венчание Пушкина и Натали, она тоже была на голову выше его.

Молодые уехали жить к Розе, там отдельная квартира, а я, вернувшись в свою комнату, подумал: «Не завести ли котенка, все же живое существо будет рядом». Будучи подростком, Леня спросил однажды: «Чем один человек отличается от другого, ну, вот ты, например, и я?». «Ты хочешь сразу видеть результат своего труда, тебе кажется: взял живописец кисть и нарисовал пейзаж. А я – взрослый и знаю, сколько труда вложено в его мастерство. Всякое настоящее дело требует терпения, отстраненности от мгноменного результата». Сын слушал и понимал. Знает он, что из чего происходит, но теперь ему слава пужна сегодня, сейчас. Безвестный поэт Розе ни к чему. Не надо быть провидцем, чтобы предвидеть крах их семейной жизни. Если бы только семейной! Леня терял самого себя. На деньги, которые долго копились на кооперативную квартиру, тут же купил машину – светло – серую серебристую «Волгу». Не могла же Розочка, будучи замужней дамой, ездить в переполненном автобусе. Вот и распределял сын свое время, согласно планам жены. «Красавиц развлекать пужно, выводить в свет», – говорил он мне. «Но нельзя же посвящать свою жизнь прихотям женщины», – возражал я.

Часто звонила Розочкина бабушка, жаловалась:

– Ваш сын лентяй! Вместо того, чтобы быстро писать стихи, он ходит по комнате из угла в угол. А то устает в одну точку и сидит как ненормальный. Вдохновения, видите ли, у него нет. А ведь за одну строчку два рубля платят. Сколько бы мог заработать за целый день! Так я вам скажу, ваш сын просто бездельник.

– Вдохновение – дело тонкое, – защищаю я Леню, – тут особые условия пужны.

– Какие такие условия?! О чем вы говорите? Все для него делается. Розочка уходит из дому, чтобы освободить ему свою комнату, только бы работал. И я не знаю чем угодить, вчера картошечку свежую сварила с маслом, укропчиком посыпала. Так он поел, слава Богу, на аппетит не жалуется. Поел и снова стал ходить из угла в угол.

– Берта Моисеевна, откуда вы взяли свежую картошечку в феврале месяце? – перевожу я разговор на кулинарную тему.

– А что? Вы хотите сказать, в феврале она уже не свежая?

Бабушка обычно звонила домой, а тут вдруг звонок на работу, начала с того, что я плохой отец и не знаю, что Леня поехал в роддом забирать Розочку с нашим маленьким. Я помчался тут же. По дороге купил бабушке ее любимый армянский коньяк, коробки с пеленками, распашонками и кучу всяких сладостей. Рождение сына и внука – самые радостные дни в моей жизни. Счастливые, мы с бабушкой обнялись и расцеловались. Пока она разворачивала свертки, я отнес белье в прачечную, вытер пыль, вымыл пол в комнате, где уже стояла кровать для малыша. Тут Берта Моисеевна объявила: «Все есть, все хорошо, вот только не хватает сметаны для борща». «Сметаны так сметаны», – покладисто согласился я и отправился в

гастроном. Потом мы вместе с бабушкой стояли у окна – ждали детей. Впивались глазами в каждую выкруливающую из соседнего переулка серую «Волгу». Наконец увидели нашу. Леня вышел из машины первым в распахнутом на морозе пальто, без шапки. Роза подала ему завернутого в пухлое одеяльце ребеночка. Смеющиеся, довольные, они помахали нам в окно и вошли в подъезд. Мы с бабушкой тут же бросились к двери.

Маленького нужно было перепеленать, его положили на стол, развернули одеяло, пеленки. Худенький, с тоненькими ручками и ножками, он чувствовал себя вполне комфортно и смотрел на стоящих вокруг родных. Скользнул взглядом по бабушке, задержался на матери, взгляделся в отца, а когда дошел до меня – остановился, словно узнал родную душу. Сколько потом ни звали, ни цокали языком мама, папа, прабабушка, стараясь привлечь внимание младенца, он не сводил с меня глаз. Мальчик ко мне пришел в этот мир, потому что я его ждал и хотел больше всех. Внук левым глазом косил, также как и сын, когда его привезли из роддома. Потом глаз выправился. Мама рассказывала, я тоже родился с косящим глазом.

Ребенка перепеленали, Роза взяла его на руки, встала перед висящим на стене овальным зеркалом в золоченой антикварной раме, гордо вскинула голову и спросила:

- Мне идет?
- Что идет? – не понял я.
- Ребенок идет? Как я смотрюсь?
- Прекрасно! – восхитился Леня. – Прямо мадонна с младенцем.

Вот уж на такое сходство моя сноха не тянула: нежный взгляд мадонны обращен к младенцу, а Роза любовалась собой. Опять же нижняя челюсть у нее тяжеловатая, что предполагает властный характер.

– Так и буду ходить с ним по улице Горького, – заявила Роза, оглядывая себя в зеркале.

«И всем, кто на тебе не женился, нос утрешь», – хотел было добавить я, но смолчал.

Отца Берты Моисеевны и отца моей мамы звали Элияху. Вот мы и решили с бабушкой, по-родственному доверительно глядя друг на друга, дать мальчику имя Эли – Илья. Молодые упирались, им нравилось имя Сергей, но наша взяла – внука назвали Илюшей.

Казалось бы, все хорошо, семейная жизнь у молодых наладилась, но могучий темперамент моей невестки гнал ее из дому. Однажды я был свидетелем такой сцены: Роза пришла домой поздно вечером вся расцарапанная, с синяком на скуле.

- Что случилось?! – всполошился сын.
- Представляешь, эта сука набросилась на меня как сумасшедшая.
- Кто?
- Ей, видите ли, не понравилось, что я пришла к нему в мастерскую картины смотреть. Эта стерва явилась...
- О ком ты говоришь? – перебил в нетерпении Леня.
- Ну, художник он, и я ходила смотреть его живопись.
- И что?
- А эта потаскуха избилла меня. Не видишь что ли! В суд подам. Будешь свидетелем.
- Каким свидетелем? – недоумевает Леня.
- Она избилла меня ни за что! – раздражаясь его непониманием кричит Роза. – Ночью, говорит, картины не смотрят. Какая разница, ночью или днем. Пусть докажет! Между нами ничего не было.

– Но... но так поздно действительно...

– Как! Ты мне не веришь?! – задыхнулась в гневе Роза. – Да кто ты такой? Он художник! А ты что можешь? Его картины иностранцы на валюту покупают!

Леня растерянно молчал, а я, чтобы не усугублять его унижение своим присутствием, поспешил уйти.

Вскоре сын вернулся ко мне, я так и не успел завести котенка. Внук стал жить на два дома, первую половину недели – у мамы, вторую – у нас. Какая радость смотреть в глаза ребенка и представлять его неограниченные возможности. Он начнет образование не с нуля, как я, а с вопроса «что есть истина». Постигание истины начинается с умения отличить добро от зла, что отгородит его от страданий.

«Я есмь истина», – говорил Христос римскому наместнику. При этом Иисус не придумал ничего нового – не изменил лежащий во зле мир. Сколько раз я мысленно проговаривал с о. Александром наш несостоявшийся диалог. Ведь сценарий деяний Христа заимствован из еврейских Писаний, доказывал я. В Евангелии от Марка Иисус въезжает в Иерусалим на необъезженном ослике, которого попросил привести ему, ибо так сказано в Писании. А когда за Иисусом пришли воины, он мог уйти, спрятаться, но, согласно пророчеству, должен был пострадать и потому выходит к стражникам и говорит: «Это я». Более того, провоцирует на предательство своего самого попятливого ученика: «Один из вас предаст меня». На вопрос: «Кто же?» – отвечает: «Кому я, обмакнув хлеб, подам». Подал Иуде и тут же торопит его: «Что делаешь, делай скорей». И уж, конечно, не ради тридцати сребреников, а ради подобия пророчеству указал Иуда на своего любимого учителя. Только очень уж чудовищным оказалось средство даже ради такой высокой цели. Иуда не выдержал – покончил собой.

Что же касается текстов Исаяи, продолжал я мысленный диалог с о. Александром, так Исаяя пророчествовал о справедливом царе, отвергающем зло, выбирающем добро, и как следствие – непобедимость Иудеи. Все пророки утверждали: Мессия, избавитель Израиля, соберет народ свой, но случилось обратное, и не настал столь долгожданный век добра и справедливости. Христос не начертал ни одного закона, главным образом утверждал необходимость смирения. Но стремление победить зло, изменить мир требует больше мужества и усилий ума, чем смирение.

С последним утверждением о. Александр согласился бы, его еврейский темперамент часто брал верх над христианским непротивлением. Помню, он говорил своей пастве в радостном возбуждении: «Нельзя ограничиваться в своих жизненных устремлениях, в работе, в творчестве чем-то средним, посильным. Надо ставить перед собой самые высокие задачи, брать неприступные вершины».

Эти слова я несколько раз пересказал сыну, напомнил, и, когда он вернулся от Розы домой, я убеждал его заняться чем-нибудь серьезно:

– Если сейчас не пишутся стихи, можно попытаться стать журналистом.

– Нет у меня сил все начинать сначала, – горестно отмахивался он от моих наставлений. – Зря ты меня не заставил заниматься музыкой, нужно было, как Моцарта в детстве, привязать ремнями к стулу. В музыке больше чувств, чем в слове. Я, когда слушаю Бетховена, Шопена, освобождаюсь от земных желаний и, как выпущенная стрела, устремляюсь вверх. Самому же играть, упражняться часами – не получилось, не мог преодолеть скуку однообразных повторений. Иногда, после долгой игры, вдруг мерещилось что-то вроде прозрения тайны соединения звуков. Казалось, еще мгновение и постигну то, что ремесленника делает гением. И именно в тот момент, когда вспышка молнии вот-вот пробьет два разнонаэлектризованных облака – соединит две, казалось бы, противоположных мысли – мне чего-то нестерпимо захочется. Жареного мяса, например. И чем больше старался

заставить себя усидеть на месте, тем сильнее одолевало плотское желание. Словно дьявол искушал. Тут же бросал на сковородку вытащенные из холодильника мороженые куски, и, не дожидаясь пока они прожарятся, разрывал зубами горячее с кровью мясо. А после еды трудно сосредоточиться, голова теряет ясность, хочется отдохнуть.

– Музыка проехали, давай думать о журналистике. Тоже литература, только другой жанр. У тебя острый глаз, подмечаешь характерные детали. Хандра твоя пройдет. Подумаешь, жена изменила, ушла. С кем не бывало.

– Знаю, знаю, теперь ты скажешь: нужно работать и не стремиться к сиюминутному успеху; и случалось, после смерти неизвестного летописца находили его бесценные рукописи. Все это уже слышал, но я не монах, я жить хочу сегодня, сейчас.

– Понимаю. Одиночество обесценивает твои усилия. А ты все-таки сосредоточься ради завтрашнего дня, сделай все, что от тебя зависит. Крыша над головой у тебя есть, хлеб тоже.

– Я, когда от Розы уходил с чемоданом, – тяжело вздохнул сын, – казалось, все сжалось, скукожилось, мир утратил краски, запахи, звуки – шел по серой мертвой улице, боялся упасть, потерять сознание. Дома превратились в пустые бетонные коробки, они напоздали, громоздились друг на друге. Бред, галлюцинация. Знаю, не вернется она ко мне, и все-таки жду. Не могу я писать в таком раздрызганном состоянии.

– А успокоишься, может случиться – не о чем станет писать. Увы, в мире больше страданий, чем радости. Человек в принципе одинок, но одиночество – не только отчаянье, но и независимость. Нужно преодолеть состояние сегодняшнего дня, когда, кажется, все утратило смысл. Такое бывает не только от неудач, недостатка, но и от избытка, пресыщения. Мудрый царь Соломон, имея тысячу жен, испытав все радости мира, убедился, что не удовольствия выстраивают жизнь, не они дают ей содержание. «Суета сует, все суета», – сказал он в конце дней своих.

– Но если мудрый из мудрых ничего умнее, как предаваться сладострастию, не придумал, значит, большего удовольствия не существует, – возразил Ленья.

– Он хотел упрочить мир с соседними племенами, вот и брал в жены дочерей тамошних царей.

– Да, но не тысяча же народов окружали его владения. К тому же такой метод подействовал с точностью до наоборот: израильское государство пришло в упадок. Мудрец фразернулся.

– А ты сам можешь представить идеальный, справедливый мир? Попробуй, сделай его таким, каким он должен быть. Напиши рассказ о желаемых отношениях с Розой.

– Не могу, – грустно усмехнулся Ленья. – Самое ужасное, любви-то и не было. Отношения мужа и жены – это не секс под барабанный бой, это тишина, когда слышен шорох падающего листа. Легкого движения, полуулыбки достаточно для ответного порыва. Я сам во всем виноват, это расплата за девочек, из любви которых делал спектакль. Их привязанность, казалось, обременит, представлялись дали необъятные, дороги нехоженные. Надеялся встретить ту, которая поднимет меня в заоблачные выси, как музыка. Вот и встретил...

– Нас спасает инстинкт жизни, – заметил я.

– Инстинкт жизни – любовь, страсть. Но тебе этого не понять. Ты не герой-любовник, ты мать, тебе бы детей растить.

– Я это и делаю.

– Мне сегодня сон приснился, – в раздумье заговорил сын, – избушка в лесу белая с одним окошком, без дверей. Никак не могу прорваться сквозь заросли, чтобы дотянуться и заглянуть в окно. Почему-то не могу преодолеть расстояние

всего лишь в несколько метров: делаю шаг и застреваю. Запутался в зарослях, вокруг темно. Делаю усилие, рывок, еще рывок – и проснулся.

– Это ты к себе продираешься. Добиваясь Розы, ты потерял себя.

– Хватит, на сегодня воспитательный час окончен, – поднялся Леня, – схожу в редакцию, может, командировку дадут куда-нибудь, и чем дальше, тем лучше. Нет, пожалуй, никуда не пойду. Зачем суетиться, если от тебя ничего не зависит.

– У тебя есть сын, даже ради него нужно стараться. Что-то ведь и в нашей власти.

– У меня есть сын, у тебя есть сын, я повторяю твою жизнь, сын повторит мою. Какой смысл в этих бесконечных повторениях. Разнятся подробности, а суть все та же. По-твоему, человек должен съест дерьма на полную катушку и только потом свалить.

– Должен.

– Зачем?

– Чтобы, уходя из этого мира, знать: все, что мог, я сделал.

– А что вообще человек может?

– Ты, в частности, можешь перестать ходить смотреть на Розины окна. Садись, наконец, за работу, силой воли человек освобождается от зависимости. Это, как ты понимаешь, прописная истина.

Случалось, депрессия сына сменялась чрезмерной активностью, он делал ненужные покупки, зачем-то затеял ремонт, перенес книжные полки с одной стены на другую. Так, наверное, заглушал чувство тревоги. А то вдруг начинал бегать по магазинам в поисках какой-то особенной материи на брюки. Тут же раскладывал на столе выкройку и принимался шить. «Что останется после меня? – спрашивал Леня и сам отвечал. – Полный шкаф модных тряпок». Приступ деятельности сменялся апатией, отрешенностью. Те же перепады настроений и в отношениях с новыми женщинами – за восторгом первых встреч, когда от волнения не мог есть, следовали скука, безразличие.

Однажды сын сказал:

– Я, когда был маленьким, хотел стать таким же, как твой друг Мотя Каплан, я хотел стать Мотей. Сколько его помню, стоит за прилавком одного и того же магазина «Рыба» на улице Горького. Мы к нему ходили отовариваться, еще когда в Черкизово жили. У Моти постоянная клиентура: одинокие старые дамы в шляпках приходят к нему купить одну рыбку. Делят рыбку пополам, одну половинку на сегодня, другую – на завтра. Он оставляет своим «барышням» самых лучших окуней: окуня поджарить можно, и уха из него наваристая. В своем рабочем закутке большой добродушный Мотя угощает бывших графинь чашечкой хорошего кофе. Теперь эти «бывшие» ютятся в одной комнате когда-то принадлежавших им просторных с высокими потолками квартир. Прощаясь, твой друг благодарит за компанию и в изящном поклоне целует ручку.

– Он добрый, – подхватил я, – всегда таким был. Мы с ним с первого класса дружим. Тоже в Черкизово с матерью жил. Женится на женщине с тремя детьми, еще своих двух родил и всех любит одинаково. У Моти талант доброты. Живет спокойно, обстоятельно, просто.

Леня неожиданно расхохотался:

– Так ведь просто не получается. Как там твой батюшка говорил: «Избрал не мудрое мира, дабы посрамить мудрых».

– Александр Мень говорил, что без разумного познания не отличишь добро от зла, он, подобно еврейским мудрецам, утверждал преобладание здравого смысла над мистикой. В христианстве – благодать, а в иудаизме более значимо интеллектуальное постижение. Одна из главных обязанностей еврея – учиться. Откровение нисходит к ищущему. Еврейская паства о. Александра рвалась совершить подвиг во имя разума, творческого начала в человеке.

– Все, что ты скажешь, я уже слышал. Это слова, есть еще и действительность. Я жалкий, никому не пужный человек, ни одна из девочек, которые ходили ко мне; не осталась делить будни...

– Твои пьяные будни, – перебил я. – Если ты владеешь словом, можешь материализовать чувства, фиксировать время, мгновение, длящееся в вечности. Что представляло бы собой человечество без книг?

– Что с книгами, что без, – с досадой заметил Леня.

– В некотором смысле так. Сократ, посвятивший жизнь поиску истины, говорил: «Я знаю, что ничего не знаю», также и Кант пришел к выводу: «Мы познаем явления, но нам недоступна сущность». Не потому ли рядом с разумом он ставил веру? Истина где-то посредине.

– У каждого своя истина, да и та всего лишь на уровне интуиции.

– Интуиция, неосознанные чувства – в ведомстве музыки, а литература это еще и осмысление конкретных жизненных перипетий, повторяющиеся ситуации, отношения людей. Книги, которые я читал, были мне чем-то вроде опорных пунктов. Легче жить, когда узнаешь, что кто-то и до тебя шел той же дорогой поисков и надежд. Он, этот кто-то, словно протягивает тебе руку.

Раздраженный неустройством души сын все больше пил, ходил мрачный, потерянный и надрывал душу разговорами о бессмысленности жизни. Случались прозрения, и он бросался к письменному столу. Потом опять застопоривалось, и снова пил. Кончилась моя отцовская власть. Я, наверное, слишком много его проблем взял на себя, своим старанием, энергией обесточил сына. Чтобы ему определиться, мы должны разделиться, разъехаться. Как однажды сказали об одном старом холостяке: «Он не женился, так как его мама умерла слишком поздно».

Целый год Леня выкарабкивался из своего злополучного брака. Сноха моя, наоборот, словно и не была замужем. Я ее однажды встретил в темно-синем облегающем коротком платье с большим декольте: она плыла по улице Горького и все, кто шел навстречу, останавливались и смотрели вслед. Высокая обнаженная шея, холодные глаза и удивительные ноги... Я не видел таких красивых ног, даже не представлял, что такие бывают. Меня она не заметила.

Вот так, дефилируя по улице Горького, познакомилась Роза с американцем, адвокатом. Я его видел, когда привез ей на выходной день нашего мальчика. Вскоре Роза вышла замуж за этого американца и увезла моего внука в Бостон. Чувство пустоты стало нестерпимым. Я все пытался понять, за что провидение наказывает меня одиночеством. Однажды привиделось то ли во сне, то ли наяву: меня судят. Слышу приказ: «Встать! Суд идет!». Я в чем-то виноват и мучительно пытаюсь осознать – в чем же.

Все девять лет, пока мы не виделись с Илюшей, я жил надеждой, что снова будем вместе. Мы ведь раньше не разлучались, будучи у Розиной бабушки, ребенок на второй день просился ко мне. Он жил у меня, я его забирал из яслей, потом из детского сада, из школы; учил читать, делал с ним уроки. Мы даже думали одинаково, во всяком случае, наши мнения по поводу разных людей всегда совпадали.

Иногда здравый смысл брал верх, я трезво прикидывал, сколько еще весен и зим осталось до пенсии, и приглядывал в пригороде небольшой домик с печкой. Думал, свезу туда свои книги и перестану, наконец, рассчитывать время по часам. Какая-нибудь поседевшая в одиночестве сельская учительница обрадуется моему появлению. Представляя нежные чувства к этой учительнице, понимал: никакая другая привязанность не может победить моей неразрывности с внуком.

Жизнь богаче нашего воображения. Внук подрос и уехал из Америки в Израиль. Я бросился следом в уверенности, что еще стою своему мальчику. Теперь, когда хожу по улицам Иерусалима в блаженном чувстве слитности с городом, мне

кажется, что я всю жизнь шел сюда. Должно быть, и вправду сохранилась память своей земли. Чего бы ради внук из Америки, где ему ни в чем не было отказа, приехал в воюющую страну? Получается – зов души сильнее, материальней конкретных благ. Одна жизнь у евреев: история, прошлое стало настоящим, настоящее придало смысл прошлому.

У большинства вернувшихся из России нет здесь собственной квартиры, обжитого дома, но есть ощущение своего единственного места на земле. Самые лучшие мои годы – в Израиле. Нигде не чувствовал себя так хорошо под открытым небом: отдохновение и свобода.

Если подниматься по улице Мелех Джорж, справа на тротуаре, рядом с банком сидит баянист и играет «Подмосковные вечера». Судя по вдохновению, с каким он растягивает меха, его больше радуют не те редкие шекели, которые падают в пустой футляр от баяна, а останавливающиеся послушать прохожие. Эта песня уже переведена на иврит. Я вижу, как по другой стороне улицы медленно, опираясь на палку, идет женщина, похожая на мою маму: раздуваемые ветром легкие волосы и такая же трикотажная кофта обвисает на ее худых согнутых плечах... Мальчишко-разносчик пытается поднять на ступеньку тяжело груженную продуктами тележку, я помогаю ему и чувствую себя силачем – как-никак в молодые годы подрабатывал грузчиком. Только что разговаривал с внуком по пелефону, никаких изменений в их взводе сегодня не предвидится, – до вечера можно спокойно жить. Я прошу у Всевышнего чуда: чтобы мой мальчик вернулся домой и чтобы у него была хорошая семья. Жизнь, нормальная жизнь – это и есть чудо.

Когда придет мир на эту землю? «Если вы хотите мира, – говорят наши арабы, – вернитесь в Россию, Америку, Францию, туда, откуда приехали». Их дети растут под девизом «убей еврея»; для них не суть важно, будет ли существовать палестинское государство, главное – чтобы нас здесь не было. Увы, только силой можно отстоять право на место, где создавалась наша история, без которой еврей перестает быть евреем. Нам бы разделить: мы – здесь, они – там, у каждого свой дом. Но тогда мы не сможем заходить на их территорию и уничтожать склады с оружием, не сможем отслеживать размещенную под боком пороховую бочку. А если жить без четко фиксированных границ, они задавят нас количеством – размножатся, как кролики. Вот и попробуй отыщи здесь Соломоново решение. Все должно быть по справедливости.

Чего-чего, а чувства справедливости евреям не занимать, рождаются с этим чувством. Вот и внук всякий раз оглядывается: что можно, чего нельзя. Маленький, он безутешно плакал, когда я ему читал сказку про петушка, которого съела лиса. Пришлось придумывать другой конец, дескать, убежал доверчивый петушок от коварной лисы. В детском сознании мир устроен для добра. Но и теперь, взрослый, мой мальчик чувствует себя за все в ответе.

Сегодня шаббат, Илюша дома. В Израиле его зовут Эли, в паспорте написано Элияху. Элияху – имя пророка, вера которого увлекала колеблющихся, укрепляла слабых, пробуждала равнодушных. Уже за полночь, а Эли со своим другом Элиэзером все не наговорятся. Они вместе учились в ешиве Шило, сейчас служат в одном взводе. Шило – первый город, где евреи, ступив на землю Израиля, разместили Ковчег со скрижалями Завета. Когда это было? Примерно, в пятнадцатом веке до христианского летосчисления. Сейчас в Шило учатся мальчики в вязаных кипах – цвет Израиля: знатоки Торы, солдаты, будущие студенты университета. Проходишь мимо ешивы и слышишь гул: это ешиботники спорят, доказывают друг другу. Иудаизм – не только вера, но и самостоятельное познание истины. Вопросы, сомнения – не ересь, более того, предполагают личностную, творческую связь с Б-

гом. Не может быть знания без свободы мысли. Для Маймонида истина Б-жественного откровения не противоречит истинам, открытым умом человека. Он был убежден, что великие пророки владели умением философского осмысления мира, нет противоречия между религией и философией. Это не я придумал – Маймонид.

Ешиботники не только учатся, но и танцуют; смотришь как они бегут по кругу, положив руки друг другу на плечи, и думаешь – мы победим все напасти. А когда в пятницу, после зажигания свечей, поют – в синагоге поднимается крыша.

– Что самое трудное в армии? – спрашиваю я у ребят.

– Самое трудное – когда гибнет друг, – говорит Илья. – В отчаянии трудно удержаться от мести. Некоторые срываются. Невозможно смириться со смертью того, кто только что был рядом.

«Господи! – пугается Давид Иосифович. – Если у человека всего лишь одна овечка, не забирай ее!» – мысленно молится он о спасении мальчиков. Элиэзер тоже один сын у своих родителей. В семьях евреев из России мало детей. У арабов по несколько жен и детей без счета, вот и подставляют их под пули, чтобы кричать на весь мир о злодействе израильтян.

– Пока левые, с их готовностью на мир любой ценой, уповали на дружбу, арабы готовились к войне, – вскипает Элиэзер. – Я тут одному миролюбцу из старожилов три года назад говорил: «Автоматы, которые мы даем палестинской полиции, повернутся против нас». А он, козел, злился: «Вы, молодой человек, только приехали, не понимаете наших проблем, мы устали воевать». – «Устал, иди на пенсию и не подставляй других». Тогда он запел: «Можно ли отстаивать силой оружия гробницу Рахели и право на владение пещерой Махпела в Хевроне, если при этом нарушается основной принцип иудаизма: каждый спасающий хоть одну человеческую душу спасает мир». Его послушать, так получается, не арабы шли на нас войной, а мы на них, и будто не они учат своих детей с младенческого возраста: «убей еврея».

– Конечно, хочется видеть в наших сводных братьях обычных людей и относиться к ним по-человечески, – отзывается мой миролюбивый внук, – но все время помнишь: как бы не воткнули тебе нож в спину. Эту опасность в армии сознают все одинаково, потому вмиг исчезают различия между светскими и религиозными, ашкеназами и сефардами. Случись что – каждый может рассчитывать на помощь рядом идущего. Будь такое братство не только в армии, все равнины призвали бы свою паству быть верной Талмуду, где сказано: война за землю Израиля – заповедь, и ее исполнение обязательно для всего еврейского народа.

– Некоторые из раввинов ссылаются на недостаточную «кошерность» израильтян, – смеется Элиэзер, – но других евреев не будет. Какие есть. Показали бы ревнители святости пример героизма и терпимости, все постепенно стали бы жить по Торе. А то отговариваются тем, что левиты-священнослужители не воевали. Это неправда. Да и на каком основании он причисляет свою паству к левитам?

– Все повторяется, – как бы отвечая своим мыслям, в раздумье говорит Илья. – Когда евреи только ступили на эту землю, главной заботой было сохранить душу, преодолеть соблазн. Иеошуа потерпел поражение в сражении с малочисленным противником, когда люди его взяли трофеи из закланного имущества побежденного города Иерихо. И наоборот, когда народ бережет свою душу, один прогоняет тысячу, как в битве Гидеона с мидианитянами.

– Человек изначально несовершенен, – разводит руками Элиэзер, – потому Творец не только судит, но и милует. Удаляет и возвращает. Нам еще нужно отвоевать безопасность на своей земле, призыв пророка Иоэяля сегодня так же актуален, как и в древние времена: «Перекуйте орала ваши на мечи, а садовые ножницы ваши – на копья, да скажет слабый: «Силен я».

Слушает Давид бен Йосеф разговоры детей и думает: «Неправда, что у разных поколений разные ценности, истина всегда одна. Мальчики словно дополняют друг друга: вдумчивый, медлительный, с классическим профилем Эли и курносый, быстрый, смешливый Элизер. Вместе они сильнее – на каждого четыре руки и четыре ноги. Насмотреться бы на ребят, чтобы хватило до следующего увольнения: никогда не знаешь, сколько придется ждать».

Утром, чуть свет, старик будит солдат, подсовывает им в вещмешки заготовленные с вечера бутерброды, запасные носки. Провожает, смотрит вслед и медленно возвращается в опустевший дом. Слоняется по квартире, не зная, за что взяться. Надо убрать, вымыть посуду, вынести мусор, но он не хочет уничтожать следы присутствия детей. Стоит в растерянности посреди комнаты. В начале нового дня Давид ощущает себя как в начале жизни, когда нужно было уяснить что-то самое главное и наметить план действий. Будто от его умения и старания зависит благополучие всех и его собственный покой. Да ведь и хождение к Александру Меню, непрерывное чтение книг – ничто иное, как стремление постичь организующую наше сознание истину. Все взаимосвязано, человеческая мысль в высших ее проявлениях едина. Слова Сократа о том, что добродетель – это знание, созвучны этике иудаизма – Галахе. Во многом сходны с иудаизмом философские положения Аристотеля. На этот счет существует предание: Александр Македонский, ученик Аристотеля, будучи в Иудее, послал своему учителю рукопись царя Соломона. Есть еще и такое предание: когда Александр Македонский подходил к Иерусалиму, его встретил первосвященник в священническом облачении. При виде благообразного старца завоеватель сошел с колесницы и поклонился. На вопрос удивленной свиты, чем этот иудей заслужил такую честь, ответил, что образ этого человека носился у него перед глазами во всех сражениях. Реальность соприкасается с мистикой. В благодарность за лояльность к религиозным законам побежденной страны евреи всем мальчикам, родившимся в том году, дали имя Александр. Имя это стало национальным и распространилось из Иудеи по всему свету, на английский манер оно звучит как Сендер.

Большие мудрецы, как правило, не только знатоки Торы, но и ученые. Верующий, согласно Маймониду, непрестанно ищет истину, подвластную судьбе и смерти, он стоит перед неизвестностью в растерянности и страхе. Наверное, и его – религиозного философа – также не покидало ощущение беспокойства; и каждый говорит о том, что его мучит.

Рабинович посмотрел на часы, – уже восемь. Прошел целый час, как ушли мальчики, через пятнадцать-двадцать минут они будут на базе. Пока солнце не очень припекает, нужно убрать веранду, – решил он. Выходя из квартиры с метлой и совком, увидел новую соседку: та поспешно закрывала на ключ свою дверь.

- Доброе утро, – улыбнулась она Давиду.
- Здравствуйте. Вы так рано уходите. Работаете где-нибудь?
- Да, нянчу своих внуков. Но сегодня вернусь рано и приглашаю вас на чай с пирогом. Испекла под настроение, а есть некому. Выбрасывать жалко.
- Спасибо, зайду. Кстати, давайте, наконец, познакомимся. Как вас звать?
- Рухама, в Одессе звали Эмма. Как вам больше нравится, так и зовите.
- Рухама это значит – «помилованная». У пророка Осии встречается это имя. «Когда родилась у Осии дочь, сказал ему Господь: нареки ей имя «ло Рухама» – не помилованная. А вы без «ло», без «нет» то есть. Значит, помилованная.
- Именно так, помилованная, – согласилась соседка. – Выжила в гетто под Одессой. Извините, спешу, дочка уходит на работу, а дети маленькие, их нельзя одних оставлять. Всего доброго, до вечера.

В тот день у Давида не болело сердце. Без усилий нагибался, выгребая из углов веранды нанесенный ветром мусор, ездил на рынок. Поднимая по лестнице тяже-

лые сумки с апельсинами и картошкой, забыл, что двигаться нужно медленно, осторожно. Удивительно, но не только сердце – и спина не болела. И дышалось в тот день необычно легко, свободно. Вспоминалась грустная улыбка Рухамы. Не в улыбке ли таилось обаяние этой давно немолодой женщины.

Когда солнце, огненный блин, уже спустилось за горы и стало смеркаться, Рабинович стоял на веранде, рассеянно глядя в безоблачное небо. В эти предвечерние часы не нужно противостоять ни зною дня, ни тревоге ночи. Ослаблялось и постоянное напряжение мысли. Думай – не думай, все равно не хватает ума уяснить такое переустройство мира, в котором люди перестали бы убивать друг друга. От тебя никто и не ждет решения этой вечной проблемы, от тебя ничего не зависит. Ты как кустик травы, который пробился сквозь щель между каменными плитками на полу веранды. Или расщепившийся надвое железным прутком ограды ствол дерева, за оградой ствол снова сросся и стал одним целым. Так же и человек идет, обходя преграды, преодолевает жизнь.

Давид не заметил, как подошла Рухама.

– Пожалуйста, если у вас есть несколько минут, зайдемте ко мне, а то пирог пропадает, третий день лежит.

– Да, да, – обрадовался Давид ее появлению, – у меня тоже целая коробка сладостей. Покупаю для ребят, а они не едят и с собой не хотят брать. Всегда переоцениваю их аппетит. Столько еды в доме!

– Вот и прекрасно, – улыбнулась соседка, – объединим наши усилия по уничтожению запасов. Я видела ваших мальчиков, душа радуется, глядя на них. Тот, который задумчивый, – внук, сразу поняла, как только увидела его. Похож на грузина. Не помните, кто из евреев Палестины основал в Грузии царскую династию? Не то Багратиони, не то Багратиды.

– Багратиды, кажется, в Армении, но прародитель у тех и других один и тот же.

– А второй мальчик, светловолосый, улыбчивый, приятель вашего внука, совсем другой тип, – говорила Рухама, расставляя чашки.

– Все верно, вы наблюдательны, он с Украины, там много таких голубоглазых евреев.

– Как их в армии кормят? Не жалуются?

– Да нет. Вот только, говорят, гарнира не хватает. Картошку любят жаренную, вот я и таскаю ее сумками. Вы о себе расскажите. Как вам удалось выжить в гетто?

Рухама молчит, на ее тонком подвижном лице застывшие на мгновение в полуулыбке уголки губ опустились; лицо стало скорбным, отрешенным.

– Дело в том, – медленно заговорила она, – что наша семья никогда не спешила занять место под солнцем. Когда немцы расклеили по городу объявления: всем евреям идти в гетто, и кто быстрее придет, – получит лучшие места, – мы не торопились. Оказались в последней партии. Всех в первых – расстреляли, а про нас решили: все равно сдохнут, так пусть сначала поработают.

– Вы помните, как в город вошли немцы? – в нетерпении перебил Давид.

– Да, мне было восемь лет, я стояла на улице. Они шли строем, четко печата шаг. Украинцы встречали их хлебом-солью. Страх почувствовала потом, когда меня перестали выпускать из дому. Но еще до прихода немцев город бомбили. В дом, где мы прятались в бомбоубежище, попала бомба, нас засыпало. Едва откопали. – Рухама сторбилась, вобрав голову в плечи.

Перед Давидом сидела уставшая, с глубокими морщинами, седая женщина.

– Почему вы не эвакуировались? – спросил он.

– Бабушка лежала больная, не могла встать. И мы не знали, что будут уничтожать евреев. Мамин дядя говорил: «Немцы вернут мне все мои дома и заводы». Его убили. Все погибли. Из нашего огромного дома, где люди жили одной семьей,

помогали друг другу, я даже думала – все родственники, только мы одни вернулись. Машины братья погибли на фронте, один из них был пехотинцем, два других – моряки.

Всех евреев, до того как отправили в гетто, посадили в тюрьму. В Одессе тюрьма называлась «допр» – «дом предварительного заключения». Оттуда партиями выгоняли, якобы, на работу, больше те люди не возвращались.

– Вам тяжело говорить. Может быть, не надо вспоминать? – участливо спросил Давид.

– Нет, нет, я расскажу, раз вам интересно. Здесь, в Израиле люди привыкают жить с чувством опасности. В автобусе, когда по радио передают последние известия, все затихают: слушают, не случился ли где опять теракт. Замираем при вое сирены «скорой помощи». Каждый представляет себя оказавшимся на месте взрыва. Я ведь все это прошла, и поэтому мне не страшно. Из гетто на Слободке зимой сорок второго года нас погнали в Даманевку, это под Одессой. Я шла с бабушкой. Все знали – ведут на расстрел. Помню, женщины бросали по дороге завернутых в ватное одеяльце младенцев, надеялись, кто-нибудь подберет. Немцы поднимали эти ватные свертки на штыки, расстреливали. Я потом долго не могла, не хотела иметь детей. Как сейчас, вижу направленные на нас винтовки. Люди падали, я тоже упала – потеряла сознание. Когда очнулась, оказалась в яме под горой трупов. Выползла и лежала тут же, рядом. Украинская женщина увидела, что шевелюсь, подняла меня, отвела к себе, накормила. Выйдя от нее, встретила маму с папой. Это было чудо. Чудо и то, что папа остался жив, его отправили работать в мастерскую, он назвался столяром, хоть и не был таковым. Весной мы с мамой и те, кто уцелел, работали в поле. Самые сытные дни пришлось на время уборки овощей, когда надзиратели отворачивались, мы потихоньку, пригнувшись к самой земле, ели морковку, свеклу. В день на человека давали сто пятьдесят граммов проса. Когда не было работы, нас запирали в сарае, бывшем свинарнике.

– Сколько вас там было?

– Сто человек примерно. Спали на кучах навоза. Каждый день умирали люди. Мы к этому привыкли, считали, кто умер – тому лучше, он уже отмучился. Даже там, в свинарнике, папа ночью надевал тфилин и молился. ...Летом было легче, а зимой разгребали снег и, если находили мороженный буряк, выковыривали его из земли голыми руками. Мама заболела тифом.

– Кто-нибудь лечил?

– Бог лечил. Когда мама лежала на куче навоза, зашел в барак украинский полицай, раскормленный, в папaxe. Направил на маму пистолет и говорит: «Жида, я ваш бог!» «Не трогайте мою маму!» – закричала я. Он пнул меня сапогом, я отлетела, ударилась головой о столб. Едва поднялась. Удивляюсь, как он нас не застрелил тогда. Украинские полицаи относились к евреям хуже румын. От румынов можно было откупиться, один из них даже дал мне однажды пол-лепешки. Румыны больше боялись немцев, чем старающиеся угодить эсэсовцам своим зверством полицаи.

Последнее наше пристанище – большое село Карловка. Уже приближались советские войска. Нас – немногих оставшихся в живых – собирались уничтожить. Никто не надеялся на спасение, сидели в запертом сарае и ждали, когда за нами придут. Бежать нельзя, да и некуда, кругом немцы, полицаи. В сарае была узкая щель, мы с мальчиком, моим ровесником, пролезали в нее – очень уж были тощими, – и отправлялись искать чего-нибудь поесть. Однажды увидели пыльных, грязных, усталых солдат на лошадях. Мы сразу поняли – это наши. Бросились к ним, стали целовать копыта лошадей, сапоги.

– Кто вы такие? – спросили солдаты. – Цыгане?

– Мы евреи.

– Не может быть, мы прошли весь Запад, нигде не встретили евреев, цыган встречали, их тоже убивали, но не так жестоко, как вас.

Я тогда с тем мальчиком отвела наших солдат к запертому сараю. Вот радости было! Все плакали и никак не могли поверить освобождению. А когда вернулись в Одессу, целовали камни мостовой. Детям я это не рассказывала, – помолчав, сказала Рухама, – зачем их нагружать моим прошлым.

– А мужу рассказывали? – с замиранием сердца спросил Давид, надеясь, что мужа у соседки нет, в противном случае, почему она одна здесь.

– Муж все знает. Он с сыном через полгода приедет, а я с семьей дочки – внуков нянчу. Вот и езжу к ним каждый день. – Рухама улыбнулась, не поднимая глаз.

Удивительно, – подумал Давид, – уставшая, старая женщина с измочаленными работой руками, и так мила. Рядом с ней уютно, хорошо. Все наполняется смыслом, становится значимым муравей под банкой с медом, вкус зеленого чая, луна в окне. Время остановилось, миг как вечность. Вспомнились слова Торы: «И сказал человек: эта на сей раз! Кость от моих костей и плоть от плоти моей». Стоит эта женщина на пороге дома – провожает и встречает детей, мужа. И Рабиновичу показалось неправомерным, если с ней за столом будет сидеть не он, а другой. То была первая женщина, с которой можно не притворяться, не изображать из себя покорителя вершин. Судя по застывшей грусти в глазах, и она не очень счастлива.

– Знаете, – говорит Рухама, – я, когда была маленькой, хотела стать мальчиком, думала, мужчинам легче жить. Теперь, глядя на вас, знаю – все одно и то же. Мы с вами одинаково чувствуем.

– Вы, когда танцуете вечером, – простите, подглядывал, – все движения видны при электрическом свете через тюлевую занавеску, вспоминаю свою детскую мечту – встретить девочку-балерину с радужными крыльями.

– Ужасно люблю танцевать. Сейчас танцую, когда никто не видит, толстая стала. – Рухама как-то уж очень доверительно посмотрела на гостя.

– Знаете, – радостно отозвался Давид, он вдруг увидел в седой, с оплывшим лицом женщине юную девушку, – вы моя первая соседка, которой не нужно доказывать наше право на эту землю. У каждого народа есть свое место, есть оно и у евреев, давших миру закон справедливости.

– Да, я всегда мечтала жить в Израиле. Мы бы давно приехали, но муж – военный, его откомандировали на Сахалин. Все ехали на Ближний Восток, а мы очутились на Дальнем. Многие из наших одесских знакомых собирались в Америку, Германию, а я хотела только в Израиль. Однако поздно, мы засиделись, завтра рано вставать. Спокойной ночи. Спасибо вам.

– За что спасибо?

– За то, что с вами хорошо, – проговорила соседка и в смущении отвела глаза.

Давид поймал себя на желании опуститься перед этой женщиной – застенчивой девочкой – на одно колено, как это, бывало, делал его сын, но, во-первых, он был не уверен, удастся ли ему подняться, а во-вторых, боялся показаться смешным. Впрочем, «во-первых» и «во-вторых» – одно и то же.

В следующий вечер, когда соседка возвращалась домой, Давида словно ветром вынесло на веранду. Рухама тоже обрадовалась ему: «Будем пить чай!»

– Конечно. Ужин готов. Сегодня устроим пир у меня. Вы вчера рассказывали про гетто, и мне казалось, будто я прошел ту же дорогу мучений. Совпало наше военное время. Вы, конечно, и Сталина помните.

– Еще как! Плакала ужасно, у меня истерика была, когда он умер. Боялись, евреям станет еще хуже. Освобождение в гетто ставили в заслугу Сталину, думали, он

узнал о нас – горстке оставшихся в живых – и послал на выручку солдат. Вы мне про себя расскажите, а то я не закрываю рта, а вы молчите.

– Мне кажется, вы про меня все знаете.

Рухама опустила глаза.

Нежность и жалость, как горячая волна, затопила Давида. Едва удержался, чтобы не привлечь ее к себе. На танцующую в окне соседку он любовался отстранено, как телевизор смотрел, а тут сидела живая, по-девичьи смущенная женщина.

– Включите радио, – попросила Рухама, – сейчас последние известия. Нет, не надо, давайте хоть ненадолго забудем об этих ужасах. Включаешь и боишься, не случился ли опять теракт где-нибудь. Арабы убивают и при этом озабочены, как бы не потерять статус жертвы. Расстреливают поселенцев в машинах и вопят, что те провоцируют беспорядки. Снова, как в гетто, носим паспорта с собой – опознавательные знаки. Уходя из дому, понимаем, что можем не вернуться. Каждый еврей, переживший войну, будто вышел из гетто. Я тут встречаю одну очень милую даму, четыре раза водили ее в газовую камеру и возвращали обратно: то что-то сломалось в этой адской печи, то оказывалось, план на тот день уже выполнен – немцы народ педантичный. У нее, у этой в прошлом рыжеволосой дамы, сейчас шестеро рыженьких внуков. Слава Б-гу!

– Мы с внуком недавно ездили в Шило, он там в ешиве учился, – заговорил Давид. – Машины мчатся на предельной скорости, чтобы не стать мишенью. Долго не могли на том шоссе снайпера отловить, пристрелялся он в тех местах: вокруг горы, и эхо искажало звук. Знаете, у меня такое ощущение, будто нахожусь в сумасшедшем доме. Мы с сыном в Москве жили в коммунальной квартире с шизофреничками. Меня обвинили в покушении на одну из них и затаскали по судам. И ведь не мог оправдаться, а те неподсудны, потому как психбольные. Ни тебе справедливости, ни здравого смысла. Также и с арабами, они неподсудны: убивают в кафе, в автобусах, на улицах и кричат на весь мир об агрессивности Израиля. Святотатством считается не то, что боевики ворвались в храм Рождества в Вифлееме и стреляли оттуда, как из укрепленной крепости, а то, что израильские войска окружили этот храм, при этом ни разу не выстрелив в сторону христианской святыни. Вот и у нас в коммунальной квартире – информационную войну выиграли шизофренички. Весь дом смотрел на меня, как на бандита. Мировое сообщество обвиняет нас, а не арабов. Абсурд.

– Какой смысл об этом говорить, у каждой страны есть на то свои причины. Во Франции и Англии семнадцать процентов избирателей – мусульмане, другие заинтересованы в иракской нефти, Россия продает им оружие. И Америка держит нас за руки.

– Мы сами связали себе руки. Палестинцы тяжело ранили камнем ребенка поселенцев, а когда те хотели отомстить, приехала полиция и утихомирила их. Закон – есть закон, только на наших арабов он не распространяется. И нет никаких оснований думать, что они изменят свои первоначальные планы уничтожить нас. Нет смысла в переговорах, ведутся ли они под огнем или без огня. Переговоры, временное перемирие дадут возможность террористам накопить оружие и напасть на нас. Их Мухаммад тоже заключал временные перемирия с соседями, собирался с силами и нападал на своих врагов. О чем договариваться? Мы же не самоубийцы, не разделим Иерусалим и не отдадим территории.

– Так ведь Барак предлагал. Не взяли. Все хотят, – Рухама зябко поежилась.

– Вам прохладно? Я плед принесу.

– Нет, нет, не надо, все в порядке. Я, знаете, когда слышу про теракт, представляю убитых и раненых, как наяву вижу. Вот заметил вчера полицейский подозри-

тельную машину, приказал остановиться, не будешь же сходу стрелять. Подошел. И взрыв. Совсем молодым был, двадцать один год. Или у человека, пережившего катастрофу, узника Майданека, расстреляли в машине сыновей, ранили внуков. Хоть бы с внуками все обошлось благополучно.

– Да, – отзывается Давид в тон Рухаме, – я тоже представляю тех людей. При взрыве автобуса погиб юноша из Грузии, его старший брат отсидел недельный траур и в первый же выезд в город был убит – опять теракт на том же маршруте восемнадцатого автобуса и примерно на том же месте. Я, когда слышу по радио, столько-то убитых, столько-то раненых, и многие из них – тяжело, чувствую себя бесполезным свидетелем. Что я могу? Мирный обыватель. Слушаю про все эти ужасы и при этом завариваю себе кофе. Воевать должны старые, молодым нужно жить.

– Мне иногда кажется, – вопросительно глядя на собеседника, медленно, после молчанья продолжила Рухама, – грядет что-то вроде мирового потопа, войны Гога и Магога, схватки добра и зла. Добро победит, и потому Израиль должен быть страшной праведников. И еще я верю в чудо, только чудом можно объяснить нашу победу в войне Судного дня. Тысячи танков, сотни ракетных установок Египта, Сирии, Ирака. Мало кто надеялся, что уцелеем. Девочки религиозных школ носили с собой яд, знали о зверствах арабов. И вдруг – победа небольшой, не ожидавшей нападения Армии обороны Израиля.

– Я не мистик, – подхватывает Давид мысль собеседницы, – но тоже верю в целесообразность истории, во вмешательство Провидения. Каждая война для нас – вопрос: «Быть или не быть?» Б-г решает: «Быть!»

– Опять мы засиделись! – спохватилась гостья, поспешно вставая.

– Вы же ничего не ели, – попытался удержать ее хозяин.

Рухама ушла, а Давиду казалось, будто она здесь – рядом – и все так же продолжает сидеть против воображаемого камина, дрова в котором никогда не прогорят, и мягкое обволакивающее тепло не сменится холодом. Ничего не произошло, однако не покидало ощущение нераздельности с гостьей. Вспоминались взгляды, движения, жесты, подтверждающие ее доверие к нему. Она тоже удивлялась тому, что им хорошо вместе. «Так не бывает, – смеялась Рухама, – чтобы сразу, как родственники». «Сообщающиеся сосуды, – улыбается про себя Рабинович, – переполняющая меня нежность переливается ей». Тут же спохватился, вспоминал, что она замужем: «Нужно сбросить наваждение, прекратить вечерние посиделки, ничего хорошего из этого не выйдет».

Решил и, казалось бы, успокоился.

Однако на следующий вечер Рабинович то и дело смотрел, не зажегся ли свет в ее окне. «Десять часов, а ее все нет. Наверное, муж приехал... Сейчас они у дочки, все вместе празднуют встречу. Значит, останется там ночевать», – метался по комнате Давид, не в силах остановить разбушевавшееся воображение. Куда девалось его благоразумие? «Утром будет легче, – уговаривал он себя, – утром всегда легче. Но ведь скоро ночь, автобусы перестанут ходить. Неужели не приедет? Что же делать?» Квартира представилась узкой, маленькой – замкнутое пространство. Вышел на улицу, долго смотрел на звездное небо, глубоко вздохнул и рассмеялся – как, оказывается, просто преодолеть перед бесконечностью мироздания свою вечную боль, выйти из угнетающего чувства зависимости.

Шагая по тротуару вдоль автобусной трассы, где с одной стороны ряд домов, с другой – отвесный обрыв и невдалеке горы, Рабинович думал о сыне. Вспомнилось, как он каждый вечер ходил смотреть на окна бросившей его жены. «Совсем маленьким Леня меня любил больше, чем свою мать. Когда, в какой момент исчезла его привязанность ко мне? Я не научил сына работать, не научил терпению.

Сначала он бросил музыкальное училище, но и литература требовала тяжелой будничной работы. Не потянул. Предпочел застолья с друзьями, мимолетные влюбленности – удовольствия одного дня. И, как часто бывает, в самом близком – во мне – увидел причину своих бед. Сейчас Леня живет с женщиной старше его на пятнадцать лет, пианисткой. Я, конечно, не рад этому, хотел, чтобы у него были еще дети, но сын отмахивается: «Для меня, – говорит, – главное, чтобы она хорошо играла». Кто знает, может быть, он прав, пианистка компенсирует его нереализованную любовь к музыке.

Рухама приехала вечером следующего дня и сразу же постучалась к Давиду:

– Вчера дочка поздно вернулась с работы, и мне пришлось ночевать у нее. Такое случается, не часто, но бывает. Кстати, сегодня ваша очередь идти ко мне в гости.

– С удовольствием, – обрадовался Давид и бросился к холодильнику.

– Да не несите вы ничего, у меня много разной еды. Пойдемте, пока я буду переодеваться и принимать душ, вы посмотрите наш семейный альбом с фотографиями. Вот только нужно открыть нараспашку дверь. Хоть мы с вами и вышли из возраста любовников, дверь должна быть открыта. В религиозном квартале так положено, чтобы никто ничего не подумал.

– Не подумают, – буркнул Давид.

Уютно устроившись на диване, он смотрел старые фотографии, словно читал летопись еврейского народа.

– Эту, – Рухама указала на милостивую девчужку, – бабушкину сестру, изнасиловали во время погрома, она вскоре умерла, не смогла с этим жить, покончила собой. А эти – мамы сестры, гимназистки – все шесть ушли в революцию. Так и не вышли замуж, хотели «сеять разумное, доброе, вечное». Тут мамы братья со своими семьями, братья погибли на фронте, а их семьи – в газовой камере... Дальше – послевоенные фотографии. Это я, тощая ужасно. Мы, когда из гетто вернулись, все никак не могли наесться, до сих пор для меня нет ничего вкуснее хлеба. Здесь мой муж, моряк. Кем же в Одессе быть, если не моряком.

Давид впился глазами в бравого юнгу, на бескозырке которого было написано «Черноморский флот». На следующей фотографии они вместе – юные, красивые. «Это мы в день свадьбы», – пояснила Рухама. Потом фотографии детей, внуков. И опять вдвоем, только оба уже седые, с неестественными натянутыми улыбками... «А это юбилей, пятьдесят лет вместе, золотая свадьба».

– Удивительно, но у вас с годами не менялись глаза, в них все та же застывшая грусть. Приходит ли человек с такими глазами в этот мир, или...

– Я все никак не могу забыть войну, до сих пор снятся сны с направленными на меня винтовками. Бабушка так и осталась в той общей могиле, из которой я выползла... Долго потом не проходил ужас пережитого, в школе сторикилась всех. Молодость взяла свое, появились мечты, и я все время куда-то спешила, чего-то ждала. Любви, конечно. У меня уже было двое детей, гуляла с ними на сквере и мечтала: вот сейчас появится он.

– Он – это инопланетянин?

– Кто бы ни был, все равно ведь не ушла бы от мужа. Только мечтала о необыкновенной любви, нежности. Не знаю, как вам это объяснить. У нас все хорошо, муж преданный, волнуется за меня, вот и сейчас часто звонит. Только любовь – это как одно дыхание. Я думала – нельзя ждать от человека того, чего у него нет, но однажды, будучи на кухне, слышу, как он нежно, с дрожью в голосе, ласковые слова говорит. Удивилась ужасно, я от него таких слов никогда не слышала. Захожу в комнату, а он кошку гладит. Смешно?

– Да нет, грустно.

– У меня, кроме мужа, никого не было. Все хорошо, только вот...

– Развестись не хотели?

– Ну что вы; у нас в роду никто не разводился. Преданность семье передается по наследству. Даже когда он запил, я его не бросила, без меня совсем бы спился.

– Вот и моя мама также, – грустно улыбнулся Давид. – Не было у нее слова «хочу», было слово «надо». Я, когда вас первый раз увидел, строго, с замкнутым лицом, подумал: «Какая скучная дама». А на самом деле вы не очень зажаты. И танцуете, когда вас никто не видит.

– Боюсь самую себя. Вот и сейчас... А вообще-то, я ужасно примитивная и все принимаю всерьез. Смотрю какой-нибудь фильм о любви и трясусь от страха, как бы с героями ничего не случилось плохого. Будто взаправду все происходит. Романтика только в кино, а в жизни... Но мы с мужем столько лет прожили вместе.

– Разве близость людей определяется годами, которые они прожили вместе? Когда мы расстались с женой, у меня было чувство освобождения. Правда, не я – она от меня ушла. Так легче, совесть чиста. Любовница или, как здесь говорят, «хавера», умерла, но и с ней по прошествии нескольких лет не пропало ощущение случайности наших отношений, каждый оставался сам по себе. Могла бы быть и другая на ее месте. Это все равно, что идешь по мелководью, идешь час, другой, а вода все по щиколотку. А вот с вами я погружаюсь в глубокие прозрачные воды: тону, выплываю и снова тону... Умом понимаю – вы замужем, но меня не покидает представление нашей нераздельности. Может быть, оттого, что вы похожи на мою маму: рядом с ней всегда было чувство защищенности, то есть чувство дома. У вас горят субботние свечи, и я представляю вас: стоите в проеме двери и ждете своих домочадцев.

– Мы с вами, в самом деле, похожи. Как обихаживаете внука, все готовы взять на себя. И мой дом тоже всегда был на мне. Вы, так же как и я, – несущая конструкция, что-то вроде опорной балки. Ну вот, опять мы засиделись за полночь.

– И опять виноват я, нужно было давно уйти, – вздохнул Рабинович, но продолжал сидеть. Он смотрел на свежерезанные искристые кружочки лимона в блюде, и в памяти всплыло детское представление: все, что мы едим – живое, и потому нельзя ничего выбрасывать. Будучи ребенком, он спрашивал у мамы: «Мы когда откусываем яблоко, ему больно?». А если мыл крупу, подбирал каждую крупинку, боялся обидеть ту, которую выбросят с отходами.

– Завтра нужно лимон доест, а то засохнет, – поднялся, наконец, Давид.

– Завтра не получится, – ночью у дочери. – Не уходите еще чуть-чуть. Посидим в счет завтрашнего вечера. Мне с вами удивительно легко, как в шестнадцать лет, когда я была влюблена в мальчика из соседнего подъезда, его фамилия тоже была Рабинович.

– Хорошо бы совпали не только наши с ним фамилии, но и ваши чувства.

– Чувства, – усмехнулась Рухама, – а знаете, сначала муж меня любил, потом привык, как привыкают к домашней утвари, – всегда рядом, всегда под боком. Ну да это не имеет значения. Спокойной ночи.

Утром, когда уходила Рухама, Давид услышал щелчок дверного замка. И тут же представил ее поспешный летящий шаг, длинную, касающуюся ступеней, юбку. Безмятежно потянулся и закрыл глаза. В следующее мгновение блаженная улыбка сменилась решимостью, он быстро встал, преисполненный желанием свернуть горы. Увидев из окна своей комнаты выплывающий из-за горизонта сияющий диск солнца, остановился. Солнце поднималось быстро, отгоняя утреннюю прохладу. Та отступала за дом, цепляясь за крону огромной сосны. Рабинович почувствовал жизнь этого могучего дерева, услышал нарастающий щебет птиц, ликование напитанных росой трав.

«Мы с Рухамой разделим остаток наших дней, умрем рука в руке, в один день, на одном дыхании – смерти не существует». Ему захотелось, как в детстве, куда-то бежать, петь и всех одарить счастьем. «Вот и Рухама говорила, когда была маленькой, она все время куда-то спешила. Сегодня необыкновенный день, и Илюша в учебном лагере – место безопасное, можно не бояться».

Рабинович ходит по квартире, высматривает, что нужно починить, усовершенствовать; полку на кухне он уже повесил, сетки от комаров на окна прибил. «Побелю стены!» – осенило его, и чуть ли не вприпрыжку, забыв о своем всегдашнем утреннем кофе, отправился в магазин купить краску для побелки. «Потолки – чистые, не нужно трогать, – соображал он. – До прихода Рухамы еще два дня. Приедет только завтра вечером. Успею».

На улице Давид встретил знакомого старичка, тот выгуливал огромного бульдога – из Москвы привез.

– Давид Иосифович! – удивился старичок. – Что с вами происходит? Вы катастрофически помолодели. На двадцать лет! Совсем другой человек. Поделитесь секретом.

– В другой раз, – засмеялся Рабинович, – сейчас спешу!

Он кинулся наперерез отходящему от остановки автобусу. Водитель притормозил. Вскочив на ступеньку, Давид ликовав: «Я еще молодой! Пока бегая за автобусом – молодой».

– Ты в порядке? – спросил водитель.

«А что, собственно, со мной могло случиться? – молча недоумевает пассажир. – Спросил так, будто я уже на последнем издыхании». Давид старается увидеть себя глазами водителя и не получается – ведь со стороны он действительно старый. Через секунду на повороте его занесло, если бы не поддержала рядом стоящая молодая женщина, грохнулся бы со всего маху. Теперь ему казалось: все в автобусе смотрят на него и думают: «Эх ты, старикан, сидел бы дома. А то, ишь, разбежался». Рабинович почувствовал усталость, тяжесть своего тела – он сник, сгорбился.

Поздно вечером, когда он, перепачканный побелкой, двигал мебель в гостиной, постучала Рухама:

– Извините, я не во время?

– Ну что вы!

– Собиралась остаться у дочки и не заметила, как оказалась в автобусе.

– Спасибо!

– За что?

– Что приехали. Такой подарок!

– Вот уж нашли подарок, – усмехнулась соседка.

Снова они сидели рядом, не в силах преодолеть смущение. Разговор получался обрывочный. Рухама начинала говорить и неожиданно замолкала. Давид сидел неестественно прямой, сцепив под столом руки: нельзя дотрагиваться до замужней женщины. Молчали. «Ушла бы поскорей, – думал он, – невозможно длить эту муку». Наконец она встала. Поднялся и Давид. Замерев, они стояли друг против друга. «Что ты остановилась? Иди», – мысленно подгонял хозяин, не глядя на гостью. Вдруг легкое прикосновение ее руки к плечу, шее, щеке и шепот: «Потуши свет».

Все случилось впопыхах. Она была с ним, но она ему не принадлежала. Вот она рядом, и ее нет – лицо неподвижное, замкнутое. Между ними – ее муж. Рухама резко поднялась, прихватила свою одежду и ушла в ванную. В следующий вечер их снова бросило друг к другу, но сознание неизбежности расставания сковывало его ласки. Утром, отчужденно глядя в потолок, она заговорила:

– Я знаю, ты не в силах прекратить наши отношения, я сама это сделаю. Нет у меня причин уходить от мужа. Мы не ссорились, у нас взрослые дети. Столько лет прожили вместе.

Давид молчал. «Дышать нужно не глубоко, но часто, забирая поменьше воздуха. Так легче. Что сказала Ноа – девушка внука, когда уходила от него? У Илюши тогда тоже, наверное, окаменело сердце. Пусть никогда больше не услышит мой мальчик слов расставания».

Собираясь уходить, Рухама двигалась тихо, будто хотела сказать: нет меня здесь, я тебе не мешаю. Так бесшумно ступают в доме, где есть покойник – безвременно погибшая любовь. Ушла, осторожно прикрыв за собой дверь.

«Пусть так, так легче, хоть какая-то определенность. Я же знал – ничего не может быть. Не бывает чудес. Но как одним махом остановить разогнавшийся поезд? Свернуть надутые ветром паруса? А они не сворачиваются, брезент вырывается из рук, бьет по лицу, валит с ног. Обычно отношения длятся во времени: начинаются, развиваются и постепенно изживают себя. Короткий кровавый роман – в один миг, сразу нужно сжать себе горло до предсмертного хрипа, сказать: «Стоп! Дальше нельзя!» Я сам виноват, знал же, чем кончится. Придумал себе любовь. Все прозрачно в этом мире. Уйти бы куда-нибудь, чтобы больше не видеть, не слышать ее. Ничего не было, не было чувства родственности, неотвратимости близости. Желанное выдал за действительное».

Давид вышел на улицу – под небом легче, чем под потолком. Если идти к конечной остановке автобуса, впереди видны каменистые голые горы. Горы – свидетельство вечности. Когда вглядываешься в даль, становится легче, ослабевает стеснение души и, как мелькнувшая тень в бесконечности, редет печаль. Ничего не изменится, все останется по-прежнему: горы, утреннее сияние неба, неизведанная даль. Что человек, с мигом его существования и ничтожностью страданий.

Возвращаясь домой, Давид увидел на веранде Рухаму – она развешивала белье. И тут же по смущенной, растерянной улыбке соседки понял размытые берега ее «нет». Разве есть четкая граница между «нет» и «да» – постепенно день сменяется ночью, и не сразу светает. Они разминулись молча, сторонясь друг друга. «Хорошо бы она уехала поскорей», – думает Давид и тут же пугается этой мысли. «Я ведь и раньше говорил себе: «Стоп! Дальше нельзя», – но стоило ей появиться на веранде, как я тут же оказывался рядом. Вот и сейчас – спешу предложить свои услуги: починить что-нибудь, поднять тяжести». «Спасибо, я не избалована, сама справлюсь», – отвечает Рухама. И эти слова дают мне повод надеяться: привыкнет к моей заботе, а дальше – мало ли, как еще сложится.

Рассказывала же она про хупу с мужем после пятидесяти лет совместной жизни. Убедила их в этом жена раввина Одесской синагоги. Тогда же Рухама спросила у ребенка: «Если мы сделаем хупу, наши отношения станут лучше?» Та в сомнении покачала головой. Обмолвилась Рухама и о том, что в старости за ней некому будет ухаживать. То говорит – все у них с мужем хорошо, а то удивляется, что так быстро привыкла ко мне.

Мы узнали друг друга, мы когда-то были вместе. Представляю бедную, разгороженную тряпичей комнату. В одной половине я, меламед, учу детей, в другой жена с младенцем. Это было давно, в начале второго века, после поражения восстания Бар-Кохбы против засилия римлян. В Эрец-Исраэль голод, разруха, а евреи собирают последние копейки и несут их меламеду. Этих денег нам с женой едва хватало на хлеб. ...Серые глаза Рухамы совсем близко. Я вспоминаю? Или мечтаю? Быть может, мне снится сон наяву: девочка из бедной семьи, приданное которой – две подушки и глиняные подсвечники. Мы поженились в конце декабря – на улице ветер, шум дождя. Мы вместе, двое, как один.

Сейчас же надо уйти. Зачем искать ответа на вопрос «почему?». Это данность. Сколько раз говорил себе: «Нет, никакого продолжения быть не может», но это пустой звук, накатывает волна и накрывает с головой – я тону. Ничего не помогает,

никакие слова, доводы разума. Конец любви – как захлопнувшиеся ворота в жизнь. Ты на краю черной пропасти, какой соблазн соскользнуть туда. Болит сердце, трудно дышать. Как рыба хватаю открытым ртом воздух. Продохнуть бы эту боль. Пью валокордин – не помогает. Боль не подвластна сознанию, она сама по себе. Засохло русло реки, вода протекла, огонь прогорел. Вот же только что пылало пламя, и вода прозрачным ручьем огибала валуны. Были, и нет их. Когда сидели друг против друга, казалось – все выдержу, смогу. Я начинаю понимать быстрый танец отчаянья. Все меньше остается надежды, все быстрее становится танец, так изживается нестерпимая боль, тоска. Моя любовь – подарок или наказание? Наказание, потому что чувства сильнее разума. Но и подарок – благодаря встрече с Рухамой я вспомнил, узнал себя, мне нужно было стать меламедом – учителем, помогать в самом трудном возрасте, когда дети уже не дети и еще не взрослые.

Чтобы наполнить себя чужой жизнью, человеческими голосами, Давид включил радио. Тотчас узнал голос известного религиозного деятеля, он же психотерапевт. Вещает о том, как выйти на контакт с Творцом: «...Первое упражнение – сядьте в кресло, расслабьтесь. Второе упражнение – сфокусируйтесь на мысли, что Творец здесь, рядом и вы можете почувствовать Его присутствие так же, как присутствие любого человека. Б-г любит вас, и вы получаете духовную энергию. Закройте глаза, вдох, выдох, расслабьте мышцы плеч, спины. Чувствуете расслабление во всем теле. Дыхание становится ровным, спокойным. Сидите в состоянии расслабленности и чувствуете гармонию». «А я не чувствую», – возражает Давид. Ему смешно, или, как сказали бы в Одессе: «Смеялся я с вас». Нужно ли быть ортодоксальным религиозным человеком, чтобы так примитивно шаманить, используя известный прием: «Вы чайка, вы чайка... Глубокий вдох, выдох, расслабьтесь, летите, летите...» По мне, так, наоборот, к Б-гу приближаются не расслаблением, а усилием ума и души. Дорога к Создателю – высшая сосредоточенность, страх, желание познать, вера и сомнение. Этот же психотерапевт после взрыва в Тель-Авивской дискотеке объяснял по радио, почему погибают дети: дескать, они не выросли бы праведниками, гибнут, чтобы не грешить потом. Такое объяснение безнравственно, пусть бы он, человек благополучный, возвысился над своим страданием, а не над чужим.

Устал я, только и хочу в этой жизни, чтобы у моего мальчика все сложилось благополучно и чтобы от сына не ушла женщина, с которой ему хорошо. Недавно спросил его по телефону: «Она красивая?». «Нет», – говорит. Опять же намного старше его, значит серьезно. Может быть, он, слушая ее игру, освобождается от мучившей его в последнее время депрессии и, как в юности, устремляется к некоему воображаемому блаженству. Может, это и есть счастье.

– Давид! Давид! – стучит в дверь Рухама. – Опять теракт в Иерусалиме.

– Где!?

– На улице Бен-Иехуда. Много убитых, раненых и все молодые... гуляли вечером. До каких же пор?! Готеню! Готеню! (Боже мой! Боже мой!)

На моей любимой, самой красивой улице Бен-Иехуда, где всегда появлялось праздничное настроение... Захлопываю воображение, невозможно представить картину окровавленных, изуродованных молодых тел. По всему Иерусалиму, по всей нашей земле знаки терактов – сложенные камни, железные венки, свечи и имена погибших. Господи! До каких же пор?

– Неужели после всего, что было, кто-то еще всерьез надеется на мир с арабами!
– кричит Рухама.

– Да, надежда на добрососедские отношения нас не спасет, – в раздумье заговорил Давид. – Когда арабы громили еврейскую общину в Хевроне, постра-

дали от ножей соседей те, кто не спрятался, понадеявшись на принцип «добро за добро».

– И ко времени погрома Хмельницкого украинцы чуть ли не породнились с евреями, – откликается Рухама. – А в Польше, когда пришли немцы, всех евреев одного из местечек согнали в синагогу и подожгли. Имущество разграбили. Потом, после войны, свалили на немцев, на том месте поставили мемориальную доску. Но кто-то остался жив, все раскрылось, пришлось менять текст на мемориальной доске. Евреи Украины, жившие в стороне от главной магистрали, по которой шли немцы, могли спастись, но их уничтожило местное население.

– Были и те, кто спасал. Я вам рассказывала, когда вылезла из под трупов, меня подобрала украинка. Но таких было мало. Самая близкая мамина подруга, хохлушка, донесла, что мы евреи. Пришел полицией. Маме удалось откупиться от него своими драгоценностями, потом мама видела свои серьги на этой бывшей подруге.

«Чужая женщина, а я почему-то радуюсь ее близости, – думает Давид. – Отчего возникает ощущение родственности, когда хочется всем поделиться, заново пережить жизнь?» И тут же спохватывается:

– Вы голодны? Я приготовлю ужин.

– Не надо, спасибо. Я хотела сказать... Я хотела сказать: завтра приезжает муж, он придет сюда за вещами.

– Меня не будет дома, – после долгого молчания прохрипел Рабинович. Ему показалось: жизнь мало чем отличается от смерти. Что-то оборвалось внутри и дрожит, будто сердце в груди не находит себе места, висит на одном кровеносном сосуде.

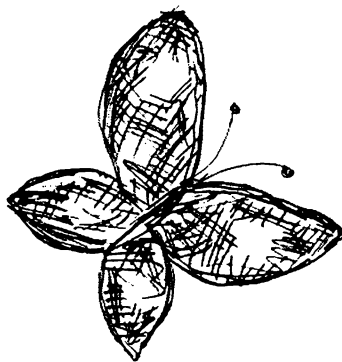
Давид спешит на улицу, на теперь уже привычный маршрут – по тротуару вдоль автобусной трассы. «Нельзя брать чужую жену, пусть все будет по справедливости, – твердит он про себя. – Я только об одном прошу: Господи, помоги справиться с этой мукой. Сам не могу. Мне казалось, я строю дом, заложил фундамент... Дождь будет поливать ненужные теперь балки, кирпичи, ветер развеет песок. Я спокоен, сердце болит независимо от меня, оно само по себе. И крик вырывается помимо моей воли».

Над серым асфальтом тротуара мечется желтая бабочка, судорожные броски вперед-назад не уведут ее с одного и того же места. Прорвавшись на проезжую часть, где под колесами машин бабочка может превратиться в пыль, она тут же возвращается обратно. И снова, не в силах оторваться от земли, мечется над асфальтом в поисках выхода. Рабинович с трудом передвигает ноги, чтобы не упасть, держится за железный поручень легкой ограды, отгораживающей тротуар от обрыва. Еще шаг, еще один шаг. Осилить бы эту бесконечную дорожку...

Вдруг – то ли услышал, то ли померещилось: «Подними глаза». Вдали – подсвеченные заходящим солнцем горы, дальше – клубящиеся облака, они далеко, они же и близко – я здесь, и я там. И увидел Рабинович оттуда с облаков себя – маленького шатающегося человечка, – увидел пустой дом, в котором уже нет Рухамы. И попросил он молнию с неба, чтобы уничтожила его вместе с непереносимой болью. Но в следующее мгновение закричала душа его: «Господи! Прости меня! Прости, что просил об избавлении от муки не свершившейся любви. Такой пустяк. Что мои страдания, когда гибнут солдаты. Я сам справлюсь, не надо отвлекаться на меня. Только бы наши мальчики вернулись домой, и не проливалась бы больше кровь на этой, раздираемой войнами, земле. Господи, Ты разделил небо и землю, а в человеке все смешано – плоть и душа, и потому завис он между небом и землей. Не пришлось бы моему мальчику задавать вопросы, на которые не услы-

шит ответа. Спрашивать можно только до предела нашего понимания, а дальше нельзя. Послужить бы для него ступенькой на лестнице познания замысла Твоего. Что жизнь наша, как ни бесконечное усилие; еврей всегда живет в настоящем, давно минувшем и в будущем. Только и остается – идти, падать, подниматься и снова идти...»

Откуда-то издали слышится звук скрипки, молитва-плач: «Открой ворота справедливости Твоей... Душа моя – свеча на ветру в Твоих руках...»

Рисунки Ю. Дозорец

На пределе разгневанных сил...

МОЛИТВА

Певце Жене Файерман

Снова взрывы гремят
На священной полоске планеты,
Эту землю, мой Бог,
Ты когда-то для нас сотворил.
Мы сегодня живем
В атмосфере беды перегретой,
Мы сегодня живем
На пределе разгневанных сил.

Разве Ты позабыл,
Как годами нас вел по пустыне?
Мы свободны теперь,
Но, как прежде, опасен наш кров.
Кровь невиных детей
Никогда, никогда не остынет,
Продолжая стекать
В наши души со стенок веков.

К сожаленью, мой Бог,
Нас, Ты знаешь, осталось немного,
Половину уже
Никаким небесам не спасти.
Сколько били врагов,
Чтоб забыли навек к нам дорогу,
Сколько били врагов –
Сколько битв предстоит нам пройти?!

В светлый праздничный день
Нашу радость разделим с Тобою,
Будут песни звучать
И цвести молодые сады.
С незапамятных лет
Не выходим из вечного боя;
Я сегодня молюсь,
Чтоб не знали мы больше беды!

УБЕЙ ТЕРРОРИСТА

Он верит в Аллаха, он в полном порядке,
Он снизу до верха обвешан взрывчаткой,
Мечтая о том, чтоб смешаться с толпою,
Чтоб солнце и небо испачкались кровью;
Он в рай проскользнет незаметною тенью,
Бесстрастны глаза, никаких нет сомнений...
Грянь за мгновение до взрыва, мой выстрел –
Убей террориста!

Явись нам, учитель из сектора Газы,
Ты больше виновен, чем все камикадзы,
Ты учишь мальчишек взрывать и калечить,

Взамен обещая рай сладкий и вечный;
 Не просто работать, стараясь не в меру,
 Кровавой дорогою делать карьеру;
 Нынче – учитель, а завтра – министр?! –
 Убить террориста!

За что волкодавные телесюжеты
 Израиль превратить жаждут в новое гетто?!
 Ответьте, за что через тысячелетья
 Хотят нас лишить права жить на планете?!
 Готовят убийц там невиданной пробы,
 Которых шарахаются небоскребы;
 Жалеть их?! – И новый кошмар повторится!
 Убить террористов!! Убить террористов!!!

ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

У евреек со времен сверхдавних
 Очень часто серьги – как слеза,
 Все тысячелетние страданья
 У еврейской женщины в глазах.
 А в глазах печальных, словно в сердце,
 Миллион молящих небо рук,
 И руины храма, и Освенцим,
 И горящей Торы пепел букв.

Песни петь, пока я жив, вам буду,
 Где бы мой ни затерялся след;
 Женщины еврейские – вы чудо,
 Радостное чудо на земле.
 Если б вашей не было улыбки,
 Если б вашей не было любви –
 Вряд ли бы евреи из Египта
 Вышли, став свободными людьми.

Это, может быть, за все страданья,
 Что народ еврейский превозмог,
 Именно евреек не случайно
 Сотворил прекрасными сам Бог.
 Если новый смерч, карая строго,
 Распахнет небесные врата –
 Мир спасет дарованная Богом
 Женщины еврейской красота!

БАРМИЦВА

Грише Лупиану

Распахнув библейские скрижали,
В светлый праздник синагог войдя,
Мальчики еврейские мужают,
По векам истории плывя.
Как у них сияют счастьем лица
В час, когда с собою взяв Талмуд,
Мальчики в тринадцать на Бармицву
По ступенькам праздничным идут!

Чтобы никогда не смог забыться
Этот славный день календаря,
Улицу заполнила Бармицва,
Небо в звездах мальчику даря.
Все для них – и песни на иврите,
Наставленья матерей, отцов...
Мальчики еврейские, храните
Доброту еврейских очагов.

Быстро все меняется на свете,
Видно, Богом нам дано одним:
Более пяти тысячелетий
Мы свои традиции храним.
Чтобы никогда не смог забыться
Этот славный день календаря,
Улицу заполнила Бармицва,
Небо в звездах мальчику даря.

Марк МОРДУХОВИЧ о себе:

*Родился, женился и провел остальные годы сознательной жизни в Ленинграде.
С 1992 года живу в Детройте. Я член международного ПЕН-клуба, член Союза писателей Москвы. Международное общество пушкинистов объявило меня «Поэтом 2000 года».*

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Александр ЛЮБИНСКИЙ

Л. Кацис. «Осип Мандельштам: мускус иудейства»

«Он еврей, – сказал реб Толба. – Он прислонился к стене, глядя на плывущие облака».

«Еврею не нужны облака, – ответил реб Яле. – Он считает шаги между собой и своей жизнью».

Эдмон Жабе. «Книга вопросов»

Книга Леонида Кациса «Осип Мандельштам: мускус иудейства» – подарок для всех, кто любит Мандельштама и его творчество. Это совсем не значит, что она не имеет недостатков – напротив, их вполне хватает. Но книга эта дает огромный материал для размышлений; благодаря своей парадоксальности, а, подчас, и неожиданности, подталкивает к поискам новых путей, подтверждает или опровергает идеи и догадки читателя. Она требует к себе творческого подхода, нацелена на диалог и спор, и только если читатель оправдывает эти ожидания, книга становится примечательным явлением мандельштамоведения последних лет.

В предисловии автор так очерчивает предмет своего исследования: «Мы не ставим перед собой задачу изучения еврейской темы у Мандельштама в рамках истории русской литературы. Мы предлагаем принципиально иной подход, в котором центром изучения становится само еврейство Осипа Мандельштама... Нас интересуют те подтексты и прямые цитаты в его художественных текстах, которые могут быть однозначно охарактеризованы как иудейские».

На самом же деле проблематика книги неизмеримо более широка: речь идет о судьбе Мандельштама на фоне судеб европейского еврейства примерно за восемьдесят-сто лет – со второй половины Девятнадцатого века до тридцатых годов века Двадцатого.

Как мне представляется, идея книги складывалась постепенно, по мере ее написания, и именно поэтому скромный замах предисловия никак не соответствует тому, что, в конце концов, получилось. И именно поэтому первая часть книги, занимающая, (к счастью), всего лишь ее пятую часть – самая неудачная из всех. Она называется «Иудейская и еврейская образность в поэзии Мандельштама», и в ней-то исследователь и пытается обнаружить еврейско-иудейские «подтексты и прямые цитаты» – более того, пытается оторвать их от русских и общеевропейских «цитат» и замкнуть их в единый внутренне гармоничный мир.

Но сама структура стихов Мандельштама такова, что противится такому насилию. В стихах Мандельштама, может быть, больше, чем у любого другого поэта, все связано со всем: всякое слово, всякий смысл звучит как длящееся эхо, и с ним перекликается эхо других слов: Мандельштам играет на органе «мировой культуры».

Вот, например, каким образом Л. Кацис добивается нужной ему «еврейскости» при анализе стихотворения «Из омута злого и вязкого / Я вырос, тростинкой дыша». Для всякого внимательного и любящего творчество поэта читателя «тростинка» моментально ассоциируется со знаменитым «мыслящим тростником» Паскаля, а «омут» – с досознательной жизнью мертвой материи. Только и всего. Но для Кациса «омут» почему-то становится еврейством, из которого «вырос» Мандельштам. И вот – на пустом месте возникает проблема: как понимать этот еврейский омут? В отрицательном смысле или положительном? Конечно же, в положительном! А как это доказать? И вот взрослый мальчик, вечный вундеркинд Леня Кацис начинает усиленно пытаться ухватить за спиной левой рукой правое ухо. Оказывается, в Тенишевском училище, в котором учился Мандельштам, какие-то третьеразрядные поэты выпустили какой-то третьеразрядный сборник стихов, который «мог» читать Мандельштам; в этом сборнике есть стихи, где «омут» трактуется как галут. Далее исследователь демонстрирует блестящие знания древнееврейских текстов, находя сходные смыслы и в них. Затем снова возвращается к злосчастному омуту и постулирует, что мандельштамовский смысл, оказывается, таков: отмут – это галутная жизнь, «злая и вязкая», которой противопоставляет себя Мандельштам! Еще немного, и раздастся последний звонок, и наш поэт отправится в Палестину, «Пушкинскому дому прощально помахав рукой»...

Тем не менее, и в этой главе есть вещи замечательные. Прежде всего, это касается отношения Мандельштама к русскому языку, как к «словарю». Более того, протягивается мостик между творчеством Мандельштама разных периодов. На примере глубокого анализа одного из самых трудных текстов поэта «Стихов о неизвестном солдате» Кацис доказывает, как много слов Мандельштам буквально взял из словаря Даля. Но о значении этого же словаря писал еще молодой Мандельштам, заявляя, что каждое его слово – «орешек Акрополя... оснащенный эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории».

В самом этом отношении к языку ярко проявляется еврейство Мандельштама, поскольку еврейство не есть «подтексты и цитаты», но целостное мировосприятие, особое отношение к миру.

В отношении к языку, как и ко всему остальному бытию, окружающему его, Мандельштам встает в пограничную ситуацию: он как бы смотрит на русский язык одновременно изнутри – и извне. Более того, как мастер, которому досталось не совсем то орудие, которое ему нужно, Мандельштам старается усовершенствовать орудие, внося в него потребные ему изменения. А с помощью этого «средства производства» можно уже попробовать возвести иное здание культуры, если предположить (и поверить), что для такой работы имеется нужный строительный материал в виде «слова-Акрополя», противостоящего ненавистной Мандельштаму

бесформенной стихии русской жизни. Словно не одна и та же стихия создала не только эту жизнь, но и этот специфический язык!

Вспомним Эдмона Жабе: еврей «считает шаги между собой и своей жизнью». То есть, он все время должен предельно сознательно относиться к своей жизни, ибо никогда он не может полностью, интуитивно и без остатка слиться со своим окружением. Он всегда «считает шаги», опосредующие моменты, и как никто другой слышит «шум времени», угадывая в нем множество обертонов и мотивов, не различимых уху человека, живущего в изначальном единстве с этой конкретной землей, этим языком, этой историей и культурой.

Не знаю, входила ли осознанно эта задача в круг задач автора книги, по остальная часть исследования (более 400 страниц!) как раз и показывает наглядно на примере анализа прозы Мандельштама и фактов его биографии, как он старался всей душой слиться с окружающей жизнью – и не мог. Словно пробку, его выталакивало вон – из «стихии народной жизни»!

Вот один из наглядных примеров, демонстрирующих удачные стороны метода Л. Кациса, расшифровавшего туманное указание на странный поступок молодого Мандельштама, «ни с того, ни с сего» рванувшего в декабре 1914 года санитаром на Западный фронт... Кацис рисует впечатляющую картину тех трагических для польского еврейства лет, когда евреев, разумеется, обвинили в неблагонадежности, и – потянулись бесконечные товарняки с отчаявшимися людьми. Евреев перебрасывали, как вязанку дров, с одного места на другое, они возвращались – и снова попадали под карающую руку военных властей. В ответ российское еврейство организовало верноподданические мероприятия с целью уверить власти в своей благонадежности, предпринимались меры и к спасению польских собратьев. Одной из таких мер стало создание укомплектованных евреями санитарных поездов и посылка их на Западный фронт. Вот Мандельштам и захотел стать санитаром одного из таких поездов. По-просту говоря, он попытался «слиться», доказать – себе и другим – свою «благонадежность».

В результате кропотливого анализа Кацисом «Шума времени», «Египетской марки», «Четвертой прозы», взаимоотношений Мандельштама с крупнейшими писателями того времени, на фоне исследования специфики еврейского вопроса в конце девятнадцатого – первой трети двадцатого века, судьба и творчество Мандельштама словно обрели стереоскопичность. Леонид Кацис убедительно анализирует тот многоголосый «шум времени», в котором существовал Мандельштам, и в котором еврейская проблематика, не сводимая к проблематике только русских евреев, была столь остра, что немецкий фашизм выглядит, скорее, неизбежностью, нежели «случайным вывихом европейской истории». И в каждый период своей жизни Мандельштам, внимательно вслушиваясь в этот шум, от которого зависела его судьба, выбирал в многоголосье свой путь, тщательно «просчитывал шаги между собой и своей жизнью». Разумеется, это совсем не спасало его от стихии истории, но позволяло жить сознательно, с открытыми глазами глядя в лицо своей судьбе.

Интересно, что именно эту «сознательность», «рассудочность» ставила Мандельштаму в вину Цветаева по прочтении его «Шума времени». Цветаева – один из самых неприятных персонажей этой книги, и недаром: Кацис однозначно доказывает, что в цветаевской любви-ненависти к евреям явно перевешивал последний компонент. Характерны дневниковые записи Цветаевой: «Аля: Марина, Вы «еврей» переправляете на «жид», как другие «жид» на «еврей». Как показывает Кацис, рассудочность ставили евреям в вину и другие выдающиеся представители европейской культуры тех лет, вовлеченные в ту же неоднозначную игру любви-ненависти.

Но не всегда критику в адрес еврейства следует считать проявлением антисемитизма. Еврейская проблематика той эпохи наглядно свидетельствует о том, что ев-

реи стали носителями общеевропейского, обобщающего духа, противостоящего конкретике каждой европейской культуры. Евреи соединяли и опосредовали, но, соединяя, уничтожали многообразие. Именно здесь исток излюбленной Мандельштамом темы «тоски по мировой культуре» – той самой «мировой культуре», которую только и можно найти в отвлеченно-рассудочном мозгу европейского еврея. И поэтому не даром критики такой рассудочности призывали евреев отправиться в Палестину и там создать свою, оригинальную культуру! Таким образом, позиция этих «антисемитов» совпадала с позицией нарождавшегося в те же годы сионистского движения.

С моей точки зрения, Леонид Кацис убедительно доказывает, что Мандельштам был европейским писателем огромного масштаба с русской трагической судьбой. И стал он европейским писателем именно потому, что был евреем. Лишь Мандельштам (да еще, может быть, Пауль Целан) силой своего гения смог превратить «подсчет шагов между собой и своей жизнью» в великую трагическую поэзию, аккомпанирующую голосу самой жизни – в поэзию, чья «вполголосная органная игра сопровождает голос женский».

Н. Улановская и М. Улановская «История одной семьи»

«История одной семьи» Надежды Марковны (1903–1986) и Майи Александровны Улановских вышла третьим изданием (Санкт-Петербург, ИНАПРЕСС, 2003), пополнившись большим блоком лагерной переписки между членами семьи, включая интереснейшие эпистолярные отцы семейства – Александра Петровича Улановского (1891–1971). Эта книга, с одной стороны, входит в ряд таких записок и воспоминаний бывших узников ГУЛАГа, как: солженицынский «Архипелаг», «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Хранить вечно» Льва Копелева и др.; один из разделов – «Рассказ дочери» – соседствует еще и с «Черными камнями» Анатолия Жигулина, а также с книгами диссидентов – от Андрея Амальрика до Михаила Хейфеца. С другой стороны, есть в «Истории...» своя ошеломительная специфика: члены семьи Улановских – все, исключая малолетнюю младшую девочку, – были репрессированы в конце 40-х – начале 50-х годов, притом у каждого нашлось свое «дело».

Но главное в этой книге – не судьба семьи, имевшая счастливое продолжение (никто из узников не погиб, все вернулись домой, причем старшие еще прожили отведенные им немалые сроки). Главное – личности этой троицы, их жизненное поведение и нравственные устои.

Что структурировало этих людей, обусловило их нестигаемость в тяжких жизненных испытаниях, помогло сохранить разум и душу в условиях тотального подавления этих атрибутов homo sapiens? В порожнее, как известно, и Соломон не волеет. То есть было в них некое ядро¹, происхождение которого, будь оно генетическое или мистическое, нельзя поставить им в заслугу. Однако и самая лучшая изначально почва не родит жизнеспособные плоды, если не ухаживать за нею надлежащим образом. Все мы от рождения обладаем богатым потенциалом, но далеко не все хотят, умеют и могут этот потенциал реализовать. Улановские – смогли, да еще как!

Прежде всего, их отличала мгновенная реакция на несправедливость или опасность для своих (не только кровных, разумеется). А.Улановский четко и лапидарно обозначил свое кредо (на самом деле особый талант): «Подвиги совершаются потому, что человек не успевает подумать, имеет ли смысл действовать». А ведь это – один из фундаментальных постулатов экзистенциализма, выводящий наиболее благородные человеческие поступки из внутренней изготочки реагировать на любое попрание справедливости: она заложена в нас наряду с инстинктом самосохранения

¹ В аналитической книге Майи Улановской «Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кестлера» (Иерусалим, 1996) есть такое суждение: «По Кестлеру, существует неразрушаемое психологическими травмами ядро личности; именно оттуда исходят побуждения, не позволяющие человеку мириться со злом».

и действует – по крайней мере, у некоторых из нас – непреложней и раньше, чем срабатывает вышеозначенный инстинкт. Повинуясь столь мощному стимулу, Улановские в разных, часто весьма нетривиальных жизненных обстоятельствах неизменно проявляли несгибаемость, бесстрашие и гордое достоинство людей, превыше всего ставящих личную независимость и пезамарапность.

Н. Улановская в своем «Рассказе матери» тихо свидетельствует о следовании простому принципу: страх извращает природу человека, а потому всего бояться – себе дороже, – «И я действительно не боялась». Рассказывает дочь, но из ее рассказа мы узнаем нечто важное не только о ней самой, но и о матери:

«Помню разговор со следователем на одном из первых допросов. Услышав от меня, что арест родителей сыграл решающую роль в формировании моих «антисоветских убеждений», он возмутился: «Ваша мать ненавидела советскую власть» (должно быть, Надежда Марковна не захотела или не смогла скрыть свои подлинные чувства. – М.К.). – «Если это правда, то так и надо советской власти».

Что касается отца, то он, комментируя поведение Майи на суде, рассуждал в унисон с женой и дочерью: «Читая о твоём «выдвижении» на экзаменах, я вспомнил сцену прощания князя Андрея с отцом в «Воине и мире». Старый князь говорит Андрею, отправляющемуся на войну: «Береги себя, мне будет жаль, если тебя убьют». И добавляет сердито: «Ну, а если будешь слишком беречь себя – мне будет стыдно». Конечно, «метать бисер перед свиньями» не стоило бы, но бывают моменты и положения, когда вступает в силу «особая бухгалтерия». Здесь следует кое-что расшифровать (несмотря на явные признаки наступающей «оттепели», переписка из лагеря в лагерь – там, где дело касалось политики, – велась на эзоповом языке). Итак: «экзамены» – суд над М. Улановской в 1951 году, приговоривший ее к двадцати пяти годам лишения свободы (спасибо, что не к «вышке», как троих парней – руководителей организации); «выдвижение на экзаменах» – смелое поведение подсудимой на этом шемьякинском суде; «свиньи» – судьи; «особая бухгалтерия» – чрезвычайно важное понятие, введенное отцом юной революционерки и призванное оправдать «безумство храбрых» в обстоятельствах, когда честь дороже самой жизни, и именно эту мысль хотел внушить сыну, отправлявшемуся на войну, старый князь Болконский...

В другом письме дочери А. Улановский цитирует – и называет замечательно глубоким – ее собственное высказывание того же порядка: «В натуре человека жертвовать собой, для этого не надо быть Христом». Чего греха таить, мысль о самопожертвовании кажется высокой и соприродной человеку и не одной Майе Улановской, да только не всякий готов ее воплотить в жизнь, как она. Попробуйте-ка «высидеть» эту мысль в сибирском лагере! Место в данном случае – «гарантия качества», качества не самой мысли, а способности двадцатитрехлетнего мыслителя руководствоваться ею в своем поведении.

Но, так понимая себя и свое жизненное назначение, нельзя в то же время быть безразличным к другим людям, тем более глядеть на них свысока. Улановские демонстрируют подлинно гуманистические понятия и правила поведения в обществе себе подобных (не по личным качествам, а по судьбе). Они не просто сочувствуют чужим несчастьям, а принимают их близко к сердцу, и, по мере возможности, помогают их преодолеть. Чего стоит участие Майи и Александра Петровича в судьбе женщины – солагерницы Майи (Лауры), – от которой как от врага народа отказалась ее дочь (Адриана). А.П. добровольно взял на себя труд из своего инвалидного дома (лагерного типа) путем переписки с Адрианой убедить ее в необходимости примирения с матерью.²

² Хочу заметить, что если Адриану воспитание в специальных детдомах сделало невменяемым монстром, то Лауру никакие страдания не заставили отказаться от присущей ей потребности дарить.

Надежда Марковна, со своей стороны, проявляла хорошее отношение к... «людям-лошадям» (китайским рикшам). Хотя ей и объяснили, что на рикшах необходимо ездить, чтобы дать им заработать, все равно она страдала, ибо не должно совестливому человеку способствовать превращению ближнего в ездовое животное. И она же страстно сочувствовала сокамернице фрау Дитмор, замордованной гэбистами за мужа-немца (не солдата, не карателя, а всего лишь менеджера гостиницы; сама фрау Дитмор была балериной), также, разумеется, загубленного. «Мы с ней провели почти целую ночь, и ее отправили в Ишту. Я очень жалела, что мы не попали вместе».

Александр Петрович, в свою очередь, обладал (по ее же словам) «редкой способностью видеть вещи с точки зрения другого человека». Это действительно редкая способность, психологи называют ее эмпатией; ее наличие делает человека весьма уязвимым, но зато и позволяет ему подняться над собственным «эго» и лучше понять самого себя.

Интерес к людям, умение, как выражался А. Эйнштейн, «забраться под кожу других человеческих существ, радоваться их радостями, страдать их страданиями» демонстрируется авторами «Истории...» (они же, естественно, и главные герои) на каждом шагу. В книге – огромное количество историй о хороших людях (о дурных, конечно, тоже), чьи судьбы несхожи в деталях, но, увы, одинаковы в главном несчастье их и вообще подданных тоталитарного государства.

Тут и случай «Пенелопы в штанах», рассказанный Надежде Марковне сокамерницей Гертой, дочерью финского коммуниста, погибшего в 37-м. Так назвала сестра Герты ее мужа, советского офицера, прошедшего Отечественную войну, которого гэбистские палачи пытались заставить отказаться от арестованной (ни за что) жены. Он предпочел лишиться всего, но остался верным своей Герте. Позже он признался, что, если бы ей пришлось досидеть весь срок, он бы сейчас (1961) «стоял у вахты лагеря и ждал свою старушку».

Тут и рассказанный Надеждой Марковной эпизод с зэчкой, поначалу ко всему на свете безразличной, стремившейся «только бы выжить как-нибудь», а затем подружившейся с религиозными женщинами в лагере и от этого распрямившейся. И какую радость за обретение человеком своего лучшего «я» испытывает рассказчица! Она стала совсем другой – человеком, у которого появилась цель в жизни, братья, сестры. Как это было хорошо!

А вот свидетельство – невольное! – М. Улановской, которая, приведя свое единственное сохранившееся письмо из лагеря бабушке (матери Н.М.), где щедро расточает, очевидно, заслуженные той похвалы, дополняет его следующим, гораздо более поздним комментарием: «Бабушка дожила до встречи с нами, а я доказала ей свою любовь и благодарность: когда в 1961 году умерла в результате несчастного случая ее любимица, моя сестра, это удалось от нее скрыть. Мы тогда жили в разных городах, и я писала ей письма от имени и почерком сестры несколько лет, до самой смерти бабушки». Я не знаю аналогий ни подобному поведению, ни тем более мотивам, которые его обусловили.

* * *

В 1998 году в Иерусалиме вышла книга, авторы которой – Дора Штурман и Сергей Тиктин – проанализировали мемуары ряда своих современников (книга так и называется – «Современники»), преимущественно правозащитников, поставив перед собой цель выявить динамику прозревания этих людей, высвобождения их из шор коммунистической идеологии, в преданности которой все они были воспитаны. Авторы книги пришли к грустному заключению, что многие из их героев, несмотря на неоспоримые заслуги в борьбе с режимом, интеллектуально (а порой и нравственно) так и не преодолели былые иллюзии. «История одной семьи»

не попала в поле зрения Д. Штурман и С. Тиктина, хотя ко времени их работы над «Современниками» книга Н. и М. Улановских выходила уже двумя изданиями (второе – в 1994 году в Москве, в серии «История инакомыслия»). Если бы попала, этих мемуаристок и их ближайшее окружение авторы «Современников» могли бы смело включить в список рано, притом глубоко и бесповоротно, прозревших.

Первым был А. Улановский. По более позднему свидетельству, приводимому в «Рассказе матери», он еще в конце 30-х «с прямой римлянина» заявил своей жене, дезориентированной посадками 37-го, следующее: «Что ты так волнуешься? Когда я рассказывал, как расстреливали белых офицеров в Крыму, не волновалась? Когда буржуазию, кулаков уничтожали, ты оправдывала? А как дошло дело до нас – «как, почему?» А это с самого начала так было».

Н.М., хотя и с опозданием, тоже быстро прошла путь избавления от идеологической «катаракты». Если в начале 30-х, находясь с очередным тайным заданием в США, она еще «торжествовала» (это ее слово), прочитав в «Нью-Йорк таймсе», будто слухи о голоде в СССР преувеличены, то уже спустя десятилетие она, вслед за мужем и сообщая с ним, настойчиво искала в прошлом, «когда же началось? До какого момента все шло как нужно?» И разматывали нашу жизнь все дальше и дальше, и дошли до Октябрьской революции. Вот когда было совершено преступление.

<...> «Это было страшно принять, но мы приняли». Честно говоря, я не думаю, что начало всего – именно октябрьский переворот 1917 года. Вслед за Солженицыным (и не им одним) я полагаю, что даже и Февраль (того же года) был хотя и важным, но лишь звеном в длинной цепи российской катастрофы XX века. Но и тот вывод, к какому по размышлению зрелом пришли супруги Улановские на двадцатом году существования коммунистической тирании, конечно, дорогого стоит. А к концу жизни Н.М. уже назвала ком-партию «проклятой»!

Что касается М.А., она с самого начала знала, на что и ради чего она идет, вступая в «Союз борьбы за дело революции» (сокращенно СДР; аналог воронежской КПМ – «Коммунистической партии молодежи», из-за которой «погорел» и о которой в «Черных камнях» рассказал Анатолий Жигулин). Кстати, в отличие от своих родителей, чья вина была дутой, М.А., как она свидетельствует в своем рассказе, не считала дело СДР сфабрикованным, «и это избавляло от дополнительных переживаний». (Ср. со сходным утверждением А. Жигулина в стихотворении «Вина»: «Вина!.. Я тоже был виновен. Я арестован был не зря».)

Необыкновенно привлекательной выглядит в авторах и героях «Истории...» готовность признать и осудить собственную наивность и неспособность услышать тех, кто раньше понял, что такое советская власть. Один пример. Н.М. вспоминает некоего Фолю Кургана, члена партии, участника событий в Крыму в 1920 году, автора одной из первых книг о гражданской войне, (изданной в 85-м), тогда же бежавшего из России в Китай и примкнувшего там к белым. Несмотря на однозначную оценку Фоли как человека абсолютно аморального, нечистоплотного в житейских делах, Н.М. признает: «Фоля понял суть советской действительности еще в 1934 году. Считаю меня честным и неглупым человеком, он говорил: «Как ты можешь в это верить?!» Он пытался приводить доказательства своей правоты, но дискуссии у нас не получалось, потому что я его не хотела слушать. А через несколько лет, после тридцать седьмого года, точно так же нас не хотели слушать наши друзья».

Мы найдем в книге немало примеров неизлечимой идеологической зашоренности, особенно свойственной иностранцам – как обласканным и прикормленным властью, так и (даже!) репрессированным. Особенно слепыми – сознательно слепыми! – были иностранные коммунисты, которые руководствовались в своем поведении сугубо шкурными интересами. Этим Н.М. припечатывает хлестким словечком «сволочи».

Среди сволочей оказался Джеймс Олдридж, в 50–60-е годы популярный в Советском Союзе английский прозаик, автор пухлого романа «Дипломат» и неплохого рассказа «Последний дюйм» (экранизирован тоже в СССР). О нем узнаем пикантные подробности: оказывается, он считался (впрямую) у сыскарей шпионом, а находясь в Москве во время Отечественной войны, он был знаком с Н. Улановской, и между ними велись довольно рискованные споры о финской кампании. Олдридж ее оправдывал – в противоположность своей собеседнице. Резюме рассказчицы: «Ничего им не поможет: они, коммунисты, точно глухие (или слепые. – М.К.). <...> Услышав о моем аресте, он мог бы подумать: правильно ее посадили».

«Хороши» были и некоторые свои, например Галина Серебрякова, будущий автор беллетризованной биографии Маркса, разумеется, восторженной³. Судя по свидетельству Н.М., Серебрякова была редкостной мерзавкой. То, что ради спокойной и сытой жизни в лагере «она жила и с одним начальником, и с другим, и даже с опером», еще полбеды. В конце концов, каждый там устраивался, как умел, – лишь бы выжить. Но Серебрякова делала гадости сокамерницам: в частности, отказалась лечить (она была врачом в «полустационаре», куда устроилась благодаря старым связям) однокладку и подругу младшей Улановской – Сусанну Печуро – только за дружбу с Улановской-старшей, поскольку та, по словам этой гадины, «не советский человек».

М.А. встретила на Тайшетской пересылке с тещей Бухарина (матерью его второй жены – А. М. Лариной), а позже с его же первой женой – Эсфирью Исаевной Гурвич, сестрами Зиновьева и Пятакова. Тут она столкнулась с образчиками сервильности, характерной для этой «прослойки бывших партийных дам». Например, такими: когда с 1954 года в лагере началась известная либерализация, они принимали самое активное участие в «общественной жизни» <...> и назойливо приставали, чтобы все подписывались на заем». И та же Эсфирь Исаевна в годы оттепели, когда ходили слухи о готовящейся реабилитации ее покойного (и бывшего) мужа, «очень убежденно <...> доказывала мне, что такая реабилитация несвоевременна теперь, когда в разгаре война во Вьетнаме, когда западный образ жизни оказывает вредное влияние на нашу молодежь и т.д.». Вот уж воистину, у страха глаза велики – от Москвы до самых до окраин...

Конечно, рассказывая об этих изломанных, сплюснутых, искалеченных судьбах, и Н.М., и ее дочь проявляют понимание того, как это все могло состроиться. Серебрякова, когда с нею познакомилась Н.М., была уже повторницей, свои первые восемь лет отсидевшей за первого мужа, а теперь сидящей за второго. А еще одна раздавленная, причем не репрессиями, которых она избежала, а страхом под них попасть, известная советская поэтесса Вера Инбер, «по совместительству» племянница Троцкого, делала все, чего от нее требовали, доходя в своем услужении до прямых гнусностей. Но и ее не столько осуждает, сколько жалеет рассказчица: «Конечно, она всю жизнь жила под страхом расправы. <...> Какой же ценой – как

А. Якобсон с сыном Сашей.

³ А вот Анатолий Якобсон в беседе с Улановской, также вошедшей в книгу, обозвал Маркса шулером.

говорила мне ее двоюродная сестра в лагере – она купила себе жизнь и свободу, если пересажали всех родственников Троицкого?» В этой оценке – беспощадный приговор не столько несчастной оппортунистке, сколько советской власти, в данном случае растоптавшей человека одним «Госстрахом» (В. Гроссман).

* * *

Мы сегодня столько знаем о злодеяниях коммунистического режима в СССР и сопредельных странах («пародной демократии»), что, кажется, чем-нибудь новеньким нас не «порадуешь». И тем не менее. В «Истории...» есть факты, поражающие своей нелепой, ничем не объяснимой бесчеловечностью. Чего стоит такой эпизод из воспоминаний Н. Улановской: «Помню, что, когда кончилось следствие, я просила дать мне свидание с мужем. Следователь удивился: «Зачем это?» Как ему было это объяснить?» Сама же рассказчица адекватным образом обобщает этот случай: «Люди для них не существовали». Разумеется. Их же так учили. Как немцев учили, что евреи – не люди...

А вот из «Рассказа дочери»: попав на первую в своей лагерной «карьере» пересылку, она впервые увидела номера на спинах лагерников. Впоследствии, уже будучи опытной зэчкой, М. Улановская констатировала: «Если тебя увидят без номера – обеспечен карцер, а когда номера в 1954 году отменили, то стали наказывать тех, кто не успел или не захотел их вовремя отпороть». Есть такой юридический термин: преступная халатность. В данном случае мы имеем дело с феноменом, так сказать, полярно противоположным. Может быть, назвать его так: ретивость со взломом по-советски?

На этом фоне почти героем выглядит конвоир, который, несмотря на строжайший запрет, дал возможность матери (Эсфири Гурвич) и дочери, приехавшей к ней на свидание (а его не дали), повидаться – издали! – в течение нескольких секунд; при этом дочь стояла за воротами зоны, а мать... на крыше бани, куда специально залезла, чтобы увидеть дочь. «Несчастлива страна, которая нуждается в героях!», как говорил Галилей в пьесе Брехта. Тем более в героях наподобие конвоира, описанного М. Улановской.

И вот два замечательных по своей колоритности результата коммунистического насилия над людьми. Некая арестантка с 25-летним сроком, до ареста была вполне лояльной советской обывательницей – «о репрессиях 37-го года, например, даже не задумывалась. Но, когда ее взяли, она, увидев, что творится, впала в такое неистовство, что стала открыто провозглашать все, что думает о нашей славной действительности. И, когда ее уже в лагере арестовали и стали предъявлять доносы стукачей, она сказала: «Не надо всего этого. Дайте карандаш и бумагу, и я вам напишу больше, чем на меня донесли. И написала: «Я – русская женщина, люблю свой народ, но я молю Бога, чтобы пришли какие-нибудь американцы, завоевали эту страну и освободили нас».

Второй казус связан с амнистией после смерти Сталина, распространявшейся на уголовников, бывших немецких прислужников, а также на «политических», у которых срок не превышал пяти лет. (Таких было ничтожно мало: у А.П. Улановского, из письма которого жене мы узнаем об этом казусе, был 10-летний срок, а у Н.М. – 15-летний.) Так вот, пишет А.П., «у нас (в инвалидном доме. – М.К.) некоторые волосы на себе рвут, что не служили полициями, не расстреливали и проч. Теперь бы они были полностью восстановлены».

В связи с темой советского образа жизни стоит упомянуть и о беспощадной достоверности, с которой авторы «Истории...» живописуют тюремно-лагерные условия и свое к ним отношение, иногда возвышающееся над обстоятельствами, а порой и прямо из них вытекающее. Что касается последнего, то М.А. подробно пишет о таком тягостном явлении, характерном для женских лагерей, как лесбийс-

кая любовь (у мужчин сходно – мужеложство). Но с другой стороны, когда (в 1954 г.) лагерникам «разрешили неограниченную переписку, сначала с волей, а потом и между лагерями», для таких, как Майя, «началась новая жизнь»: «Мои родители и я стали получать замечательные посылки. Нам присылали книги. Я получила Пушкина, Блока <...>. И от матери из Потьмы пришла посылка. Там была связанная ею голубая кофточка и ночная рубашка – довольно странный в лагере предмет, но мать понимала, как это приятно – владеть такой роскошной вещью. Лежать на нарах в ночной рубашке и читать Блока – это жизнь!» С ума сойти! Вместо блоковского «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» – нары, ночная рубашка, томик Блока, – мог ли поэт представить себе что-нибудь подобное?

Еще одной «симпатичной» чертой советского образа жизни в последние годы жизни Сталина (да и долго потом, в сущности, до самого начала перестройки) был государственный антисемитизм, с одиозными проявлениями которого, пусть и с некоторым опозданием, пришлось столкнуться членам семьи Улановских. Семья была целиком ассимилированной (как многие еврейские семьи, моя, в том числе). Процесс ассимиляции зашел так далеко, что, как пишет М.А., «нам не нравились еврейские имена, они были неблагозвучны для нашего русского уха». Катастрофа европейского еврейства воспринималась в этой среде не в плане национальной солидарности, а как любое злодейство, на кого бы оно ни было направлено. Кто же способствовал возрождению национального самосознания советских евреев? Сама власть. Например, в М. Улановской угасшее национальное чувство усердно подогревал ее... следовательно. После общения с ним ей больше не хотелось, чтобы ее принимали за русскую! – «И это, наверно, было первым толчком к развитию процесса, который продолжается поныне». (Спустя два десятилетия что-то в этом же роде произошло с Михаилом Хейфецем, как он свидетельствует в книге «Место и время».) А кончилось все это (и многое другое) отъездом семьи в Израиль. И вот конечный вывод мудрости земной по национальному вопросу, сформулированный в «Рассказе дочери»: «Я оказалась в Израиле потому, что так сложились мои обстоятельства, и потому, что для многих, слишком многих в России такие, как я, ассимилированные евреи никогда не будут до конца своими». Подписываюсь под этим обеими руками.

Но приведу еще точку зрения на русский антисемитизм, высказанную отцом М.А. в письме к ней: «Антисемитизм не имеет никаких исторических корней ни в русском народе, ни в его интеллигенции. Это просто выражение морального, да и физического бессилия. Он все объясняет и все оправдывает – и прежде всего свое собственное ничтожество. Словом, это религия побежденных и признавших свое поражение». Что ж, и в такой – крайней, на мой взгляд, – позиции есть своя правда. Другая часть правды содержится в следующих стихах моего русского друга, замечательного поэта и юдофила Бориса Чичибабина, обращенных к жене-еврейке:

*Мне стыд и боль раскраивают рот,
когда я вспомню все, чем мой народ обидел твой.
Не менее чем девять веков легло меж нами.
И мало – заглядить их – все лучшее мое.
И как мне быть? И что ты можешь сделать?*

**М. Улановская с сыном Сашей.
1971 г.**

Ассимилированная еврейская семья Улановских – еще раз повторю это – нашла исчерпывающий (для нее) ответ на этот вопрос, отделившись от «Иванов, не помнящих родства».

В «Истории одной семьи» затронуто еще много тем и прочерчено немало «сюжетных линий». Всего не обнимешь и не прокомментируешь. Хочу еще напоследок сказать несколько слов о знаменательных совпадениях, невольных, разумеется, мыслей авторов с суждениями и описаниями современников – корифеев.

Одна из солагерниц Н. Улановской, прощаясь с нею перед ее отправкой на этап, сказала: «Ну вот, я предупреждала, что с вами расправятся. Вам это нравится?» В ответ прозвучало: «Не очень нравится. Но это не смертельно (как когда. – М.К.). И есть в этом какая-то свобода – жить, не теряя уважения к себе. Думаю, за это стоит пострадать». Очень похоже прощаются – тоже перед этапом – с остающимися в шарашке товарищами Нержин и Хоробров у Солженицына. И авторский рекевием по пустившимся в тяжкий путь зэкам, в свою очередь, напоминает слова Н.М.: «Да, их ожидала тайга и тундра, полюс холода Оймякон и медные копи Джекказгана. Их ожидала кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть. Их ожидало только худшее. Но в душе их был мир с самими собой. Ими владело бесстрашие, достающееся трудно, но прочно» («В круге первом»).

А.П. Улановский, в одном из писем дочери, негативно высказывается насчет «сверхчеловеков», презирающих «толпу». По мнению автора письма,

презрение к людям совершенно бесплодно, плоско и скучно. Вспомним деда Дмитриева в трифоновском «Обмене», который (дед), как и А.П., побывал в местах отдаленных. И вот что он говорит о презрении: «Презрение – это глупость, не нужно никого презирать».

И последнее – особенно поразительное – совпадение, с Виктором Суворовым. Н. Улановская: «Коммунисты (германские. – М.К.), при содействии Советского Союза, и подготовили победу Гитлера». И еще: «Уже в 23-м году мы знали, что армия и военно-воздушные силы Германии восстанавливаются с помощью Советского Союза, что самолеты строятся у нас, если не ошибаюсь, в Липецке». Все совпадает. Хотя «Ледокол» при жизни Н.М. не был издан.

Трудно расставаться с этой превосходной книгой. Хочется надеяться, что эти мои неравнодушные заметки пробудят интерес к ней хотя бы у части читателей.

Сентябрь, 2003

Книги издательства «ДААТ/ЗНАНИЕ» Иерусалим - Москва

- Горские евреи: история, этнография, культура
- Литература Агады
- Дж. ГРИН. Холокост (роман)
- М. ХЕЙФЕЦ. Суд над Иисусом. Еврейские версии и гипотезы
- Дж. ШРЕДЕР. Шесть дней Творения и Большой Взрыв. Поиски гармонии между современной наукой и Библией
- Пиркей Авот (Поучения отцов). Современный комментарий
Р. Булки
- С. РЕЗНИК. Раствление ненавистью. Кровавый навет в России. Историко-документальные очерки о прошлом и настоящем
- Е. ЦЕЙТЛИН. Долгие беседы в ожидании счастливой смерти
- Г. АДЕЛЬШИН. Космос: всеобщая подчиненность и свобода
- А. ЮДИНА. Второе дыхание (литературно-поэтическое издание)
- А. ЮДИНА. Как тонки и прочны наши узы... (литературно-поэтическое издание)

.....

Адрес: 127322, Москва, ул. Яблочкова, д. 23, кв. 41.
Телефоны: +7 (095) 210-4019 (Россия);
+972 (02) 563-6492; +972 (05) 422-1382 (Израиль).
E-mail: alyud@ru.ru; beyos@inter.net.il

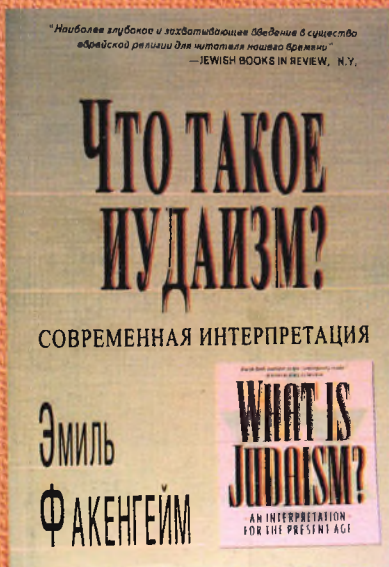
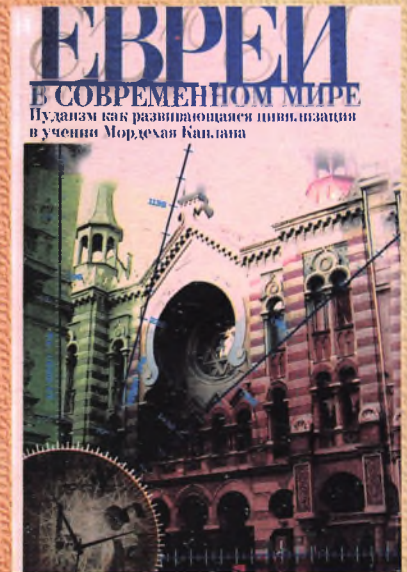

Новые издания

М. Хейфец. Ханна Арендт судит XX век
В юности ученица великих философов, потом полунищая беженка-еврейка из Германии, Ханна Арендт стала одним из корифеев мировой науки. В книге известного израильского литератора и журналиста Михаила Хейфеца изложены основные идеи фундаментального труда Ханны Арендт "Истоки тоталитаризма". Философ посвятила его оригинальному решению проблем антисемитизма, империализма и тоталитарных систем XX века в Германии и СССР.

М. Каплан. Евреи в современном мире
Каковы основные факторы, определяющие уникальный феномен выживания еврейского народа? Выдающийся американский еврейский ученый XX века Мордехай Каплан считает, что современное еврейство представляет собой развивающуюся цивилизацию, в основе которой лежат непреходящие ценности иудаизма, который не носил закосневшего характера, но эволюционировал в постоянно меняющемся мире.

Э. Факенгейм. Что такое иудаизм?

Книга Эмиля Факенгейма "Что такое иудаизм?" представляет собой содержательное и стимулирующее к размышлению изложение смысла современного иудаизма в эпоху Холокоста и создания государства Израиль. В ней рассматриваются не только такие фундаментальные понятия, как еврейский народ, сионизм, Б-г, Библия, внимание уделяется также проблемам антисемитизма, ассимиляции и отношений между иудаизмом и другими религиями.

NOVIY VEK *New Century*

Russian - Jewish Journal

*"Иуда Маккавей изгоняет врагов
и очищает Храм".*